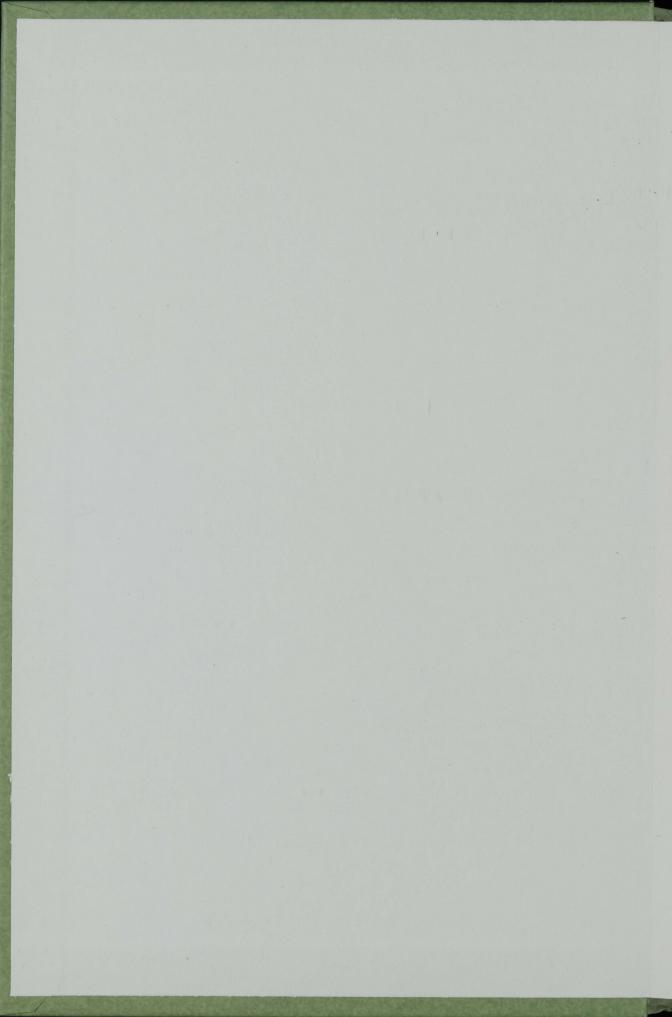
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В. В. ВИНОГРАДОВА

АИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ КОДИФИКАЦИИ РУССКОЙ ОРФОГРАФИИ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В. В. ВИНОГРАДОВА

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ КОДИФИКАЦИИ РУССКОЙ ОРФОГРАФИИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Москва 2009 УДК 81.35.161.003:[24+25] ББК 81.2Pyc.-2 Л59

Авторы: Е. В. Бешенкова, С. Н. Борунова, Н. А. Еськова, О. Е. Иванова, В. В. Лопатин, И. В. Нечаева, Л. К. Чельцова

Ответственный редактор В. В. Лопатин

Утверждено к печати ученым советом Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Рецензенты: доктор филол. наук, проф. Ю. А. Бельчиков кандидат филол. наук В. Н. Белоусов

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда проект № 08-04-16217д

Лингвистические основы кодификации русской орфографии: теория и практика / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова / Под ред. В. В. Лопатина. — М., Издательский центр «Азбуковник», 2009. — 279 с.

ISBN 978-5-91172-020-9

Книга посвящена актуальным проблемам современного русского письма, рассматриваемым в двух аспектах — теоретическом и прикладном. Обсуждаются такие фундаментальные для русской орфографии вопросы, как вариативность письменного облика слов и связанные с этим трудности кодификации; проблема двух способов орфографического описания — с помощью правил и с помощью словаря, их взаимодействие, взаимодополнение; соотношение кодифицированных норм и современной практики письма.

Монография адресована специалистам-филологам, занимающимся проблемами письменной нормы, учащимся филологических вузов, а также специалистам-практикам — преподавателям, учителям, редакторам, испытывающим потребность в осмыслении закономерностей современного русского письма.

УДК 81.35.161.003:[24+25] ББК 81.2Рус.-2

ISBN 978-5-91172-020-9

- © Е. В. Бешенкова, С. Н. Борунова, Н. А. Еськова, О. Е. Иванова, В. В. Лопатин, И. В. Нечаева, Л. К. Чельцова, 2009
- © Издательский центр «Азбуковник», 2009

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие О «Правилах русской орфографии и пунктуации» (В. В. Лопатин)	4 7
Проблемы употребления букв	
Буква <i>ё</i> и знак ударения (<i>H. А. Еськова</i>)	17 26 27 35 44 46
Орфография и проблема целостности слова	
Слитные/дефисные написания существительных и цельнооформленность слова (<i>H. А. Еськова</i>)	59 69
О написании сложных прилагательных в русском языке. Из истории кодификации (С. Н. Борунова)	73
(О. Е. Иванова)	99
кодификация, узус) (Е. В. Бешенкова)	143 198
Проблемы орфографии новых слов	
Проблемы орфографической кодификации иноязычных заимствований (<i>И. В. Нечаева</i>)	239
Орфография и буквенный регистр	
О правилах употребления прописной буквы (Л. К. Чельцова) К правописанию аббревиатур (В. В. Лопатин)	247
О правилах переноса (Н. А. Еськова)	274

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данная книга посвящена актуальным проблемам современного русского письма, рассматриваемым в двух аспектах – теоретическом и прикладном.

Книга состоит из нескольких частей, группирующих разделы в соответствии со следующими проблемами: употребление букв и небуквенных знаков, связь орфографических феноменов с цельнооформленностью слова, употребление прописных букв, орфографическое освоение новейших заимствований и ряд других.

В книге обсуждаются такие фундаментальные для русской орфографии теоретические вопросы, как: 1) соотношение кодифицируемого и не поддающегося кодификации языкового материала и возможности отражения последнего в нормативном своде правил, а также вытекающая отсюда 2) проблема двух способов орфографического описания — в формате правил и в формате словаря, их взаимодействие, взаимодополнение; 3) вариативность письменного облика некоторых слов и порождаемые этим явлением трудности кодификации; 4) проблемы правописания в связи с проблемой цельнооформленности слова, с соотношениями «слово — морфема», «слово — словосочетание», актуальность которых очевидна для отделов орфографии, описывающих слитное — дефисное — раздельное написание языковых единиц.

Обращаясь к конкретным разделам данной книги, отметим, что одна из актуальных проблем, связанных с употреблением букв и небуквенных знаков, освещается в разделе «Буква ё и знак ударения», где оба эти объекта рассматриваются в тесной связи. Закономерности употребления букв о и ё после шипящих, как показано в соответствующем разделе данной книги, также вполне соответствуют морфофонематическим основам русского письма. Важная проблема, связанная как с графикой, так и с реализацией слогового принципа письма, рассматривается в разделе «Буква ъ в современной русской орфографии». На основании того, что разделительную функцию выполняют две буквы — ъ и ь, часто говорят о ненужности буквы ъ. В данном разделе показано, что раздели-

тельный *ъ* имеет дополнительную функцию – морфофонематическую, выступая в определенных морфемных позициях, а в подсистеме заимствований указывает на твердость предшествующего согласного.

Действие фонографического (морфофонематического) принципа русского письма прослеживается и в других разделах данной монографии. Так, в разделе «Беглость гласных как орфографическая проблема» обосновывается целесообразность новой, общей формулировки правила о написании беглых гласных. Здесь показано, что в основе нескольких разрозненных правил лежит одно общее явление, а именно: чередование гласного с нулем звука, причем эта чередующаяся с нулем буква реализуется на письме как о, е или и (в строгом соответствии с древними фонетическими процессами). В разделе «К проблеме удвоенных согласных на стыке морфем» рассматривается упрощение или неупрощение групп согласных в суффиксальных образованиях. Так, наблюдается упрощение групп согласных в некоторых типах слов перед суффиксом к- (Алка, финка, колонка) и написание одиночных согласных на месте удвоенных согласных в этимоне (шоп – шопинг или шоппинг?), предложение сохранять здесь удвоенные согласные отвергается как не соответствующее русским орфографическим закономерностям.

Специальный раздел посвящается рассмотрению действующего правила написания *н* и *нн* в суффиксе страдательных причастий и соотносительных с ними прилагательных и обоснованию целесообразности возможных изменений этого правила.

Значительное место в книге занимают проблемы слитных, дефисных и раздельных написаний. Так, в разделе о правописании сложных имен существительных проблема эта непосредственно согласована с проблемой цельнооформленности слова. Особое внимание уделяется проблеме препозитивных приложений, в том числе предшествующих имени собственному.

В разделе о правописании сложных имен прилагательных делается акцент на исторические особенности кодификации этого разряда слов, на сопоставление разных принципов их правописания, предлагавшихся за последние десятилетия, и на их соотношение с реальной практикой письма и словарными данными.

Раздел «О современном правописании наречий и наречных сочетаний» освещает современное состояние орфографического описания отсубстантивных наречий и наречных сочетаний. В разделе рассматриваются лингвистические основания, по которым языковая единица в силу своих парадигматических и синтагматических связей может быть при-

знана наречием (что предполагает слитное написание) или отнесена в разряд существительных (предложно-падежных сочетаний); привлекается внимание к проблеме интерпретации знаков «пробел» и «контакт» в связи с возможным осмыслением неоднословных наречных сочетаний как эквивалентов слова.

В разделе «Слитное / раздельное написание сочетаний с не (система, норма, кодификация, узус)» проводится сравнение различных формулировок правил, определяется соответствие правил и реальных написаний. Сложности применения правил связаны здесь, прежде всего, с позициями, в которых системное противопоставление нейтрализуется и норма допускает как слитное, так и раздельное написание. Предлагается формулировка правила, учитывающая реальные возможности вариативного написания.

В разделе «О корректирующих правилах» обосновывается необходимость особого раздела правил орфографии, где рассматриваются изменения в определенных условиях тех написаний, которые следуют из основных правил слитного и дефисного написания слов (замена слитных написаний на дефисные или раздельные, дефисных — на раздельные или написания со знаком тире).

Определенное место в данной книге занимает проблема орфографической вариативности, которая затрагивается не только в специальном разделе «Правописание и вариативность», но и в разделах, посвященных написаниям с отрицанием не, правописанию наречий и орфографической кодификации иноязычных заимствований. Упорядочение написания колеблющихся в практике письма слов — прежде всего слов новых (но не только заимствованных) — очень важно с точки зрения общих задач единообразного письменного оформления слов и является определяющим при составлении нормативных (орфографических и иных) словарей.

В разделе «Проблемы орфографической кодификации иноязычных заимствований» правописание заимствований рассматривается как самостоятельная орфографическая проблема, поскольку графический облик иноязычного слова определяется, с одной стороны, этимоном языка-источника, а с другой — системой русского письма, характерными для него принципами и тенденциями. Это усложняет процессы письменного освоения слов, определяет их своеобразие. Установлению орфографических норм должно предшествовать изучение противоречивых факторов, влияющих на написание слова. В разделе делается попытка выявить и описать некоторые из них. На конкретных примерах

анализируются причины письменной нестабильности иноязычных слов на этапе их освоения, описываются различные возможные способы орфографической кодификации заимствований.

В разделе «О правилах употребления прописной буквы» рассматриваются лингвистические основы различения прописной и строчной букв, причины трудностей, с которыми сталкивается пишущий, и пути их разрешения. Лежащий в основе правил дифференцирующий принцип опирается на противопоставление имени собственного и нарицательного. Однако граница между собственными и нарицательными именами в языке представляет собой полосу незаметных переходов от одного качества к другому, что связано со сложностью выбора на письме прописной или строчной буквы. Нарицательные имена могут переходить в разряд имен собственных и наоборот и при этом, естественно, меняют свое написание. Здесь же анализируется зависимость употребления прописной буквы от различных лингвистических и экстралингвистических факторов, оцениваются рекомендации (нередко противоречивые) орфографических пособий и справочников. В разделе о правописании аббревиатур впервые обосновываются правила написания отаббревиатурных производных слов.

О «ПРАВИЛАХ РУССКОЙ ОРФОГРАФИИ И ПУНКТУАЦИИ»

В. В. Лопатин

Вопросы, обсуждаемые в данной монографии, ориентированы на изданный недавно полный академический справочник «Правила русской орфографии и пунктуации» (М., 2006; одобрен Орфографической комиссией РАН) и «Русский орфографический словарь» (2-е изд., 2005), которые были подготовлены тем же коллективом авторов. В различных отделах монографии на разнообразном языковом материале рассматриваются лингвистические основания тех способов описания и группировки орфографически значимых явлений, а также конкретных формулировок, которые приняты в академическом справочнике, и тех решений, которые зафиксированы нормативным академическим словарем.

Новый полный академический справочник призван заменить в перспективе действующие до сих пор, опубликованные и официально утвержденные в 1956 г., «Правила русской орфографии и пунктуации». В

свое время выход в свет правил 1956 г. имел исключительно важное значение. Это был первый законодательно закрепленный, общеобязательный свод правил, ликвидировавший разнобой в правописании. Однако прошло более полувека после их публикации, и нельзя не признать, что текст правил во многом устарел: многие формулировки не соответствуют современному научному пониманию тех или иных языковых явлений, устарел иллюстративный материал, а в целом ряде случаев правила не соответствуют и практике письма — в особенности это относится к разделам «Написания слитные и через дефис» и «Прописные буквы».

Специалистами неоднократно отмечалась неполнота действующих правил, неохваченность ими некоторых языковых явлений, что обуславливает их расхождение с орфографической практикой. Так, в правилах разрешается писать э после согласных только в трех словах: мэр, пэр и сэр, тогда как в практике орфографии закреплено написание с буквой э и таких слов, как мэтр (в значении «мастер, учитель»), пленэр, рэкет, как новое рэп и некоторых других, и такое написание отражено в орфографических словарях.

Неполнота правил в большой степени объясняется и изменениями, происшедшими в языке. Например, активизировались препозитивные единицы, стоящие на грани между словом и частью слова, составляющие открытые и постоянно пополняющиеся ряды образований и не охваченные правилами или «спрятанные» в правилах под формулировкой «и др.». Это такие единицы, как макро-, мини-, видео-, аудио- и многие другие.

Задачей новой редакции правил было привести правила правописания в соответствие с современным уровнем лингвистической науки и с современным состоянием русского языка. Заметим, что задача подготовки нового свода правил ставилась еще перед Орфографической комиссией 1963 г., когда предполагалось усовершенствовать русскую орфографию. Однако неудачный опыт реализации подготовленного в 1964 г. проекта усовершенствования орфографии, связанный главным образом с тактическими ошибками, снял тогда с повестки дня вопрос о подготовке нового свода правил, и перед Орфографической комиссией 1972–1973 гг. ставилась уже иная задача — подготовки предложений по частичным изменениям в существующем своде правил. Впрочем, проект, разработанный этой комиссией, также не был реализован.

При работе над новой редакцией правил задача пересмотра правил с точки зрения общих принципов их построения не ставилась, как и задача внесения изменений в сами написания, а тем более реформиро-

вания орфографии или ее упрощения. Поэтому, хотя весь текст правил был написан заново, мы говорим не о новых правилах, а о новой редакции правил правописания.

И все-таки, хотя в цели авторов не входило изменение правописания, непоследовательность некоторых правил, а главное — несоответствие их рекомендаций современной орфографической практике в отдельных случаях вызывали необходимость изменения самих написаний. Так, изменения коснулись некоторых случаев употребления дефиса, употребления прописной буквы в составных названиях, в названиях, связанных с религией, и некоторых других.

Переходим к характеристике новой редакции свода правил. Хотя композиция правил в целом совпадает с прежней (имеются две большие части — орфография и пунктуация), в свод введены новые разделы, которых не было в правилах 1956 г. Так, правила предваряет краткий очерк русского письма в его отношении к звуковой системе языка. Очерк содержит характеристику важнейших черт русской фонетики, существенных с точки зрения отражения их в фонографическом письме, а также общих черт русского письма, его структуры, основных его принципов. Научные сведения даются здесь лишь в той мере, в какой это необходимо для понимания общих принципов русского письма и сознательного пользования правилами. Так, понятие сильной и слабой позиций позволяет дать наиболее точное и адекватное представление о соотношении русской фонетики и письма, и потому в очерке используется это понятие [см. также: Кузьмина, 1995].

Первый раздел правил орфографии посвящен употреблению букв независимо от того, в каких словах эти буквы встречаются, то есть тому, что иногда называют правилами графики (речь идет об употреблении буквенных пар a-s, $y-\omega$, $o-\ddot{e}$, s-e, $u-\omega$, а также букв b, b, \breve{u}). При этом, если в своде 1956 г. давались лишь те правила, которые авторы считали трудными и допускающими ошибки (например, отсутствовало правило употребления буквы \breve{u}), то в новой редакции звуко-буквенные соответствия отражаются в правилах данного раздела полностью. Ограничения на употребление отдельных букв и буквосочетаний, связанные с теми или иными лексическими, словообразовательными, грамматическими разрядами слов и форм, присутствуют в некоторых правилах этого раздела лишь постольку, поскольку они «накладываются» на общие, безотносительные к таким разрядам, закономерности. Таковы, например, противопоставление букв o и \ddot{e} в позиции после шипящих под ударением в именных, с одной стороны, и глагольных, с другой, флек-

сиях и основах (ср. плечом, крючок, парчовый, мелочовка, но печём, перекочёвывать, раскорчёванный, ночёвка); употребление разделительного в после приставок и первых частей сложных слов типа двухьярусный; употребление буквы ы (вместо и) после приставок только русского (не заимствованного) характера; возможность употребления буквы о после шипящих в безударной позиции только в заимствованных словах (жокей, шоссе и т.п.); возможность некоторых буквосочетаний только в аббревиатурах, заимствованных словах или на стыках определенных морфем (таковы, например, сочетания жэ, шэ в таких случаях, как ЖЭК, Шэньян, межэтнический).

Во втором разделе правил орфографии содержатся правила буквенной передачи морфем. В этой части все правила соотносятся с основным принципом русской орфографии, сформулированным во вводном очерке, — с принципом необозначения на письме звуковых изменений, обусловленных влиянием фонетической позиции.

Для каждого вида морфем – корней, приставок, суффиксов, окончаний – приводятся как примеры морфем, написание которых определяется в соответствии с основным принципом, так и перечни морфем, написание которых основному принципу не подчиняется. При этом выделяются две группы морфем. К первой группе относятся морфемы, в составе которых те или иные буквы обозначают звуки, не проверяемые сильной фонетической позицией. Служебные морфемы, относящиеся к этой группе, перечисляются в соответствующих параграфах правил полными списками. Так, например, список наиболее употребительных суффиксов, имеющих в своем составе «непроверяемые» гласные, содержит более 40 единиц. Установка на полноту подобных перечней принципиально важна. Хотя написание таких суффиксов следует, разумеется, в процессе овладения русской орфографией запоминать, однако это совсем не то, что запоминание орфографии отдельных слов: в каждом конкретном случае речь идет по сути об особом орфографическом правиле, охватывающем целый ряд слов, нередко очень большой и постоянно пополняемый (ср. особенно слова с суффиксами - тель, -ние, -ация, -ыва(ть), -изирова(ть) и др.; к ним близки суффиксы, где безударная гласная оказывается в ударной позиции лишь в редких или исключительных случаях, например, суффикс -ость, ударный в единственном слове злость). Другую группу составляют морфемы, написание которых противоречит основному принципу русской орфографии: в них либо в безударной позиции пишется не та буква, что в ударной (ср., например, гречанка, но француженка), либо в безударной позиции могут писаться разные буквы (ср. чити́нский и я́лтинский, но пе́нзенский; чти́во и то́пливо, но ку́рево) [подробнее см. Лопатин, 1995]. Ср. также приставку раз- (pac-)/pos-(poc-) с буквой a в безударной позиции и буквой o- в ударной (разда́ть - ро́зданный, расписа́ть и расписной - ро́спись, разыска́ть и разыскной - ро́зыск и т.п.). Таким морфемам также посвящаются специальные параграфы правил.

Вопрос о правописании гласных в безударных глагольных окончаниях рассмотрен в новом своде правил в одном блоке с проблемой написания безударных конечных гласных инфинитивной основы (соответствующий подраздел правил озаглавлен: «Безударные гласные в глагольных формах»). При этом использовано понятие усекаемости и неусекаемости глагольной основы, разработанное применительно к проблеме определения типа спряжения глагола А. А. Зализняком [см. Зализняк, 1964], а само правописание безударных гласных в глагольных окончаниях сводится к своеобразному алгоритму: если флексии настоящего времени безударны, следует обратиться к форме инфинитива, конечная гласная которой определяет тип спряжения (за известными исключениями), если же эта гласная безударна, то ее следует установить на основании критерия усекаемости. Соответствующее правило в своде 1956 г. отсутствовало.

Изменения самих правил орфографии, предложенные в новом академическом орфографическом справочнике, очень немногочисленны. К ним относятся написание окончания -е вместо -и в формах существительных на -ий и -ия с односложной основой (о змие, о кие, к Ие, Лие и т.п., см. ниже с. 44–45); написание через дефис сочетаний с препозитивным приложением типа красавица-дочка, старуха-мать (см. с. 72). Ряд изменений, соответствующих современной практике письма, касаются употребления прописных букв (в названиях, связанных с религией, в названиях органов власти, учреждений, организаций и др., см. с. 247–270). Несколько свободнее становятся правила переноса: допускаются переносы типа *по-дбить*, *прис-лать* (см. с. 274).

Кроме анализа и обоснования изданного текста нового академического справочника, в предлагаемой нами книге обосновывается также целесообразность некоторых орфографических изменений, которые в новом справочнике отсутствуют, но однако, по убеждению авторов, должны быть со временем приняты. Таковы, в частности, употребление разделительного ъ в сложносокращенных словах типа инъяз, детьясли, Минъюст (см. ниже с. 27); значительное упрощение одного из самых сложных, и к тому же не имеющего достаточно строгих лингвистических оснований, правила о написании и и ин в страдательных причастиях и соотносительных с ними прилагательных (см. с. 48 и след.); переход к единообразному дефисному написанию всех образований с первой частью пол- (пол-бутылки, пол-метра, пол-двенадцатого и т.п.; см. с. 66). В разделе о слитных/дефисных написаниях существительных рассматривается также ряд других возможных орфографических изменений в написании сложных и составных существительных (см. с. 59–68).

В целом предлагаемые в новой редакции свода формулировки правил, как нам представляется, требуют от пишущего несколько более глубокой собственно языковой подготовки, чем прежние. Так, правила употребления букв и применения основного принципа орфографии в большей степени связываются с фонетической системой русского языка; правило написания одного или двух н в суффиксах страдательных причастий и соответствующих прилагательных требует различения глаголов сов. и несов. вида; правила написания суффиксов и других морфем, а также сложных слов требуют достаточно основательных навыков выделения значимых частей слова (так называемого анализа слов по составу). Однако все эти языковые явления и единицы в принципе специально изучаются в школе, а привитие навыков их различения и выделения предусмотрено общеобразовательной школьной программой. Поэтому вряд ли следует опасаться, что новые формулировки орфографических правил окажутся сложнее старых; однако для их практического применения потребуется, по-видимому, некоторая корректировка методических разработок в сторону сближения орфографических навыков с собственно языковыми (прежде всего фонетическими и грамматическими) знаниями носителей русского языка, углубления этих знаний в процессе обучения, что само по себе должно способствовать повышению качества школьного преподавания русского языка и общего уровня грамотности.

В заключение вновь напомним о связи орфографических правил и орфографического словаря. Как бы ни был полон текст правил, он, естественно, не может охватить всех сложных случаев написания конкретных слов. Поэтому проблема лингвистической кодификации орфографии имеет и другую сторону – лексикографическую. Написание слов в том или ином их объеме отражено в нормативных орфографических словарях. Наиболее полным из них в настоящее время является уже упомянутый выше академический «Русский орфографический словарь», содержащий 180 тысяч слов. Написание многих слов усваивается только в словарном порядке, а освещаемая в данной книге проблематика находит в орфографических словарях конкретное воплощение.

ЛИТЕРАТУРА

Зализняк А. А. К вопросу о правописании безударных гласных в глагольных окончаниях. // О современной русской орфографии. М., 1964.

Кузьмина С. М. О новой редакции «Правил русской орфографии и пунктуации». // Русская словесность. 1995, № 2.

Лопатин В. В. Русские суффиксы: фонематический состав и орфография. // Филологический сборник. К 100-летию со дня рождения академика В. В. Виноградова. М., 1995.

БУКВА *Ё* И ЗНАК УДАРЕНИЯ*

Н. А. Еськова

Русское практическое письмо имеет разновидности, определяемые характером издания и его адресатами. В «оптимальном» варианте последовательно употребляются буква ё и надбуквенный знак ', обычно называемый знаком ударения. Этот вариант используется в лингвистических словарях для написания заголовочного слова со всеми приводимыми формами, в большинстве энциклопедических словарей — для заголовочных слов; этим вариантом пользуются при издании текстов, предназначенных изучающим русский язык как неродной.

Существует вариант письма, в котором последовательно употребляется только буква *ё*. Так издаются обычно книги для детей младших возрастов.

В основном варианте русского письма буква \ddot{e} употребляется выборочно. Параграф 10 действующего орфографического свода, посвященный этой букве, содержит рекомендации ее употребления, которые неправомерно объединены с указанием на употребление \ddot{e} в специальных текстах (о котором только что сказано). Что касается самих рекомендаций «выборочного» употребления \ddot{e} , то они явно недостаточно разработаны.

Употребление знака ударения в своде не фигурирует. Между тем его использование в обычном письме вполне может быть сопоставлено с тем, что квалифицируется как употребление буквы \ddot{e} «в необходимых случаях». И, конечно, орфографический свод должен содержать указания о выборочном использовании надбуквенного знака '.

Правомерно ли, однако, квалифицировать употребляемое в обычном письме начертание, состоящее из буквы е с двумя точками над ней, как «букву ё»? А. А. Реформатский в свое время писал: «Есть ли в русском алфавите буква ё? Нет. Существует лишь диакритический значок «умлаут» или «трема» (две точки над буквой), который употребляется для избежания возможных недоразумений...». [Реформатский 1937: 65] Действительно, об употреблении буквы ё правомерно говорить лишь по

^{*} При сокращении цитат применяется знак .. (две точки, набранные полужирным); многоточие (...) передает авторский знак.

отношению к тем текстам, где она последовательно передает в определенных позициях и положениях в слове соответствующую фонему. При этом даже в тех словарях, где \ddot{e} используется таким образом, это начертание не имеет полноценного «статуса» буквы, поскольку \ddot{e} не влияет на алфавитное расположение слова¹.

Не настаивая на «терминологической стороне» (т. е. на непременном «переименовании» привычного обозначения «буква ё» в «употребление диакритического знака над буквой е»), можно тем не менее сформулировать общую систему правил для этих двух знаков — буквы ё и надбуквенного знака ' в обычном тексте, где тот и другой знак употребляются выборочно. Основное назначение этих выборочных указаний — облегчение правильного опознания слова при чтении.

В правиле для \ddot{e} действующего свода не оговорено, что функция этой буквы в разных случаях ее употребления различна. Не выходя за пределы приведенных примеров, надо уточнить: в случаях \ddot{e} , \ddot{e} , \ddot{e} , \ddot{e} совершённый буква \ddot{e} нужна, чтобы под ударением было произнесено [o] (a не [э]), в случаях \ddot{e} , \ddot{e} \ddot{e}

Неоднократно ставился вопрос о необходимости введения последовательного употребления \ddot{e} (т. е. буквы \ddot{e} в точном значении) в обычное русское письмо. Была и практическая попытка это осуществить во второй половине 1940-х — начале 1950-х гг.². В своде 1956 г. от этого отказались. Для такого решения есть серьезные основания³. В настоящее время не идет речь о введении буквы \ddot{e} (т. е. последовательного употребления начертания \ddot{e} во всех текстах). Однако правила выборочного употребления \ddot{e} нуждаются в специальной разработке. И есть определенный смысл в том, чтобы установить параллелизм в употреблении \ddot{e} и знака ударения.

Употребление знака ударения в русском практическом письме почти не рассматривалось в лингвистической литературе. Данная работа, к сожалению, не основывается на значительном материале, целенаправленно собиравшемся из определенного круга источников. В распоряжении автора лишь некоторое количество примеров, отмечавшихся «попутно» при чтении разнообразных текстов. При всей скудости и случайности этого материала, он дает все же основания для некоторых наблюдений, выводов и рекомендаций.

Случаи употребления буквы \ddot{e} в обычном письме находятся «в русле» тех рекомендаций, которые содержатся в упомянутом параграфе действующего свода. Чаще всего фигурируют случаи, когда \ddot{e} облегчает правильное опознание слова (а в некоторых случаях устраняет двусмысленность текста). К числу самых частотных случаев (кроме фигурирующего

в правиле $вc\ddot{e}$) относятся написания разных форм слова $n\ddot{e}m$ (для предупреждения смешения с формами слова nemo). Вот несколько примеров.

«Что-что, а это с *пёта* усвоили..» («Новый мир, 1971, № 2, стр. 51). «Ах, туда бы *пётом* Полетели оба!..» (Песни и романсы русских поэтов. М.–Л., 1965, стр. 428). «..и вот он *пётом*, будто сам, летел наискось по течению..» (Ю. Давыдов, Две связки писем. М., 1983, стр. 204). «В багровом *пёте* флага на ветру..» («Юность», 1967, № 5, стр. 3).

Переходя к знаку ударения, приведем материал, характеризующий употребление этого знака в обычном практическом письме; несмотря на оговоренный случайный характер, он позволяет выделить некоторое количество типичных случаев. Вот пречень слов (словоформ), относительно часто встречающихся в печатных текстах со знаком ударения.

формы глаголов -бегать — -бегать: обегала, пробегал — обегали, разбегался, сбегал;

безобразный – чтобы отличить от безобразный;

видение - чтобы отличить от видение;

совпадающие морфологически формы существительных *ворон* и *ворона* (главным образом мн. ч., кроме род. мн.: *вороны* – *вороны*, *воронам* – *воронам* и т. д.);

дороги (форма прилаг.) в отличие от формы сущ. дороги;

дорогой (форма сущ.) в отличие от прилаг. дорогой;

знаком (форма сущ.) – чтобы отличить от знаком (прилаг.);

формы глаголов -зна́ю(cb), -зна́ет(cs) и др.: призна́юcb, созна́емся, узна́ю, узна́ешь, узна́ют;

формы глаголов -знаю́(сь), -знаёт(ся) и др. (с использованием в функции знака ударения ё): признаёмся, узнаю́, узнаёшь, узнаёт, узнаю́т;

формы глаголов -nлачу - -nлачу: заnлачу, nлачу, nлачу, nлачу; nоmом (форма сущ.) — чтобы отличить от наречия nоmом;

формы глаголов на -реза́ть(ся): вреза́л, вреза́лся, вреза́лась, нареза́ла, отреза́ло, прореза́л, прореза́ли, разреза́л, разреза́ли, среза́л (формы на -ре́зать(ся) реже встречаются со знаком ударения);

формы местоименного слова cam: camoró, camomý, b camóm, camóm — чтобы отличить от форм слова camыmu;

сведение – чтобы отличить от сведение;

сто́ит, сто́ите, сто́ят, сто́ящий – чтобы отличить от форм глагола *сто́ять*;

формы глаголов на -сыпать(ся): высыпал, засыпал, осыпал, осыпали, осыпался, осыпалась, пересыпал, посыпали, рассыпалось, ссыпали;

уже (сравн. степень) – чтобы отличить от наречия уже;

формы прилагательных чудный - чудной и наречий чýдно - чудно; так, со знаком ударения, печатается название очерка Короленко «Чуд-ная».

В приведенном перечне фигурируют случаи, когда знак ударения разграничивает омографы и тем самым облегчает правильное опознание слова при чтении. Но бывает и так, что опознание слова может быть обеспечено только постановкой знака ударения. Рассмотрим один частный случай, хорошо показывающий, что имеется в виду, и одновременно обнаруживающий, насколько неблагополучно обстоит дело с поставновкой знака ударения при издании литературных текстов.

Речь идет о словах мама́ и naná (принятых в дворянских семьях) в текстах русских классиков. От привычных слов ма́ма и nána они отличаются местом ударения и неизменяемостью. В тексте изменяемость/ неизменяемость не всегда обнаруживается, и в этих случаях ма́ма и мама́, nána и naná на письме неразличимы. Между тем при издании классиков слова мама́ и naná далеко не всегда снабжают знаком ударения. В некоторых изданиях знак ударения на этих словах отсутствует как раз там, где он настоятельно необходим. Вот несколько примеров из «Записок сумасшедшего» в т. 3 академического полного собрания сочинений Гоголя (М., 1938).

«Она поклонилась и сказала: " Π ала́ здесь не было?"» (стр. 196); «..целою головой выше n ала́ моей Софи..» (стр. 203); «..у n ала́ в кабинете..» (стр. 204).

Ср. случаи, где ударение не поставлено. «..которую *nana* называет Софи..» (стр. 202); «..которого Софи называет *nana*..» (там же); «Посмотрим, что *nana*..» (там же) и др.

Как видим, ударение поставлено лишь в тех случаях, когда очевидна неизменяемость слова, т. е. там, где читатель и без знака ударения способен сообразить, что это $nan\acute{a}$, а не $n\acute{a}na$. В тех же случаях, где синтаксически возможно и то, и другое слово, знак ударения не стоит! (Неужели редакторы тома считали, что в тексте Гоголя слово $nan\acute{a}$ "чередуется" со словом $n\acute{a}na$?)

Разграничение омографов с целью обеспечить правильное понимание текста — основное назначение употребляемого выборочно знака ударения.

Но этот знак может использоваться и с другими целями. Он может указывать нормативное ударение или то ударение, на котором настаивает автор (или редактор) текста.

В первую очередь это касается собственных имен. Так, на обороте титула сборника стихотворений Бальмонта во втором издании большой серии «Библиотеки поэта» (Л., 1969) стоит: «К. Д. Бальмонти (1867—1942) — талантливый поэт-лирик..».

Другие примеры. «Лишь около дома, принадлежащего состоятельному арендатору Федерико *Гарси́а*, необычное оживление..» (Л. Осповат, Гарсиа Лорка. М., 1965, стр. 7). «Он [Волошин] сравнивал Цветаеву с тогдашними поэтессами – Любовью *Сто́лицей*, Аделаидой Герцык, Маргаритой Сабашниковой..» (А. Павловский, Куст рябины. Л., 1989, стр. 48). «Был чудный сентябрьский день. *Софи́чка*, девятнадцатилетняя чегемская девушка, сидела на взгорье у выхода из каштановой рощи..» (Ф. Искандер, Софичка. «Знамя», 1995, № 11, стр. 3; приведено самое начало повести; в дальнейшем имя героини фигурирует без знака ударения).

Знаком ударения могут снабжаться малознакомые заимствованные и диалектные слова.

«Са́кура, то есть вишня..» (В. Овчинников, Ветка сакуры. «Новый мир», 1970, № 2, стр. 180). «Ведь мне после этого только и осталось, что о́сел себе на шею надеть, злодей, обманщик, погубитель ты мой..» (Тургенев, Постоялый двор. Собр. соч., т. 5, М., 1954, стр. 322)⁴.

Знак ударения оказывается совершенно необходимым компонентом письменной передачи художественного текста, если автор намеренно включает в речь персонажа ненормативный вариант ударения.

«Таков был преимущественный состав жильцов сурового капитана, строго наблюдавшего за благочинием своего, как он выражался, "óme-ns"» (Гаршин, Избранное. М., 1984, стр. 257). «— Как говорится, наше дело $npe\partial nóжить$, а ваше npúнsmь..» (Трифонов, Долгое прощание. М., 1973, стр. 188). «— Стал призывать Захара Васильевича к порядку. Стыдить стал. В общем, как положено, сперва действовал cpedcmsámu убеждения. — Cpedcmsamu убеждения, — вежливо поправил следователь» (С. Антонов, Знойный июль. «Наш современник», 1965, Nome 7, стр. 5)5.

Но изредка встречается употребление знака ' не для указания места ударения. Так он может употребляться только над буквой e. Вот два примера.

«..Бере́т и мантия — и вот Невежда доктором слывет!» (С. Брант, Корабль дураков. М., 1965, стр. 205). «Орел, любимец гордый грома, Свой к небу правит быстр *поле́т*; Он, кажется, достигнет дома, Отколь исходит солнца свет» (Я. Б. Княжнин. Избранное. М., 1991, стр. 326).

Обозначение места ударения в этих примерах не нужно для правильного понимания текста. В первом случае знак ' нужен для того, чтобы

читатель легче понял, что не следует читать 6e[pьo]m, т. е., что это не форма глагола $6ep\ddot{e}m$, во втором — чтобы «подтвердить» следующее из рифмы произношение no[ne]m. В том и в другом случае это своего рода знак «не- \ddot{e} ».

Знак ' не для обозначения ударения много раз использовала Марина Цветаева. Кроме последовательного написания *всé*, представлены еще другие случаи (далее указаны страницы по изданию: «Избранные произведения». М., 1965).

«А восприе́мников за душой — Целый, поди, монастырь мужской!» (стр. 84). «Со всех — до горних зве́зд — Меня снимающая мест!» (стр. 297). «Кто — чтец? Старик? Атлет? Солдат? — Ни че́рт, ни лиц, Ни лет» (стр. 316). «Выстрела треск. Треснул — весь лес! Лес: рукопле́ск! Весь — рукопле́ск!» (стр. 330). «[Минос] Дщерь, вручи золотую чашу Гостю. Досыта насласти, Ибо — сле́зная» (стр. 652).

Особенно интересны следующие примеры.

«Рокот моря — что $p\acute{e}b$ львиный!» с примечанием: «Слово **рев** прошу читать через простое «**e**» (стр. 627). И — ложа скалистого Одр — $mb\acute{e}pжe$ нам взбит» с примечанием: «Слово **тв\acuteерже** прошу читать через простое «**e**» (стр. 671).

Интересно также привести следующую пометку Бунина в авторском экземпляре «Темных аллей» к рассказу «Баллада»: «Непременно надо "попрешь" — иначе выйдет "попрешь"»; она процитирована в примечаниях к рассказу в т. 7 собрания сочинений (М., 1966, стр. 383). Но текст рассказа напечатан без учета этого указания автора: «На аспида и василиска наступишь, попрешь льва и дракона..» (стр. 18).

Если узаконить знак ' в функции «не- \ddot{e} », у пишущих будет возможность предупредить неверное опознание слова во всех случаях, где возникает такая необходимость. Одной буквы \ddot{e} для этого недостаточно. Б. В. Томашевский писал: «..мы можем заставить читателя прочесть «всё», когда контекст подсказывает «все», но никак не удастся заставить прочесть «все», если по контексту вероятнее оказывается чтение "всё"» [Томашевский 1959: 213]

«Проблема» разграничения все и всё возникла, как известно, с исключением из алфавита буквы «ять» (вот он, аргумент для возвращения к дореволюционной орфографии, у которой сейчас появилось много «поклонников»!). Писалось вс и все, а теперь эти два написания перестали различаться. «Пострадали» некоторые классические цитаты. В известной книге Н. С. и М. Г. Ашукиных «Крылатые слова» содержится предостережение относительно неверного прочтения крылатого выра-

жения «всё врут календари»: «Во многих изданиях комедии ошибочно напечатано не "всё", а "все"; часто так же произносят и на сцене».

А вот в каком виде фигурирует в романе Окуджавы известная лермонтовская строка: «А годы проходят, всё лучшие годы...». Это наглядная иллюстрация к сказанному Томашевским: написание все (соответствующее дореволюционному $вс \not e$) не в состоянии «убедить» читателя, что это «все», поскольку контекст делает очень вероятным прочтение «всё».

Но чтобы избежать этих трудностей нет необходимости возвращать букву «ять», а надо поступать, как Марина Цветаева: писать $\varepsilon \dot{e}$.

Узаконение в правилах, адресованных работникам печати, знака $^\prime$ не только в функции знака ударения, но и в роли «не- \ddot{e} », окончательно сняло бы «проблему буквы \ddot{e} », последовательное употребление которой в обычном русском практическом письме все еще находит очень много сторонников (к числу которых принадлежал, в частности, А. И. Солженицын, печатавший свои тексты всегда с буквой \ddot{e}). Двойная функция знака $^\prime$ над буквой e находит параллель в двойной функции буквы \ddot{e} , о чем должно быть ясно сказано в правилах. Впрочем, скорее следует говорить не о правилах в собственном значении этого слова, а о рекомендациях. Далее следует примерная формулировка этих правил-рекомендаций.

Рекомендации для употребления в обычном русском письме буквы *ё* и надбуквенного знака '

Буква \ddot{e} и надбуквенный знак ' употребляются в практическом русском письме выборочно, если в этом возникает необходимость.

- 1. Буква ё может употребляться в следующих двух случаях:
- а) если необходимо обеспечить прочтение слова с сочетанием [jo] или звуком [o] после мягкого согласного: *ёрничать*, *нёбо*;
- б) если необходимо обозначить ударение в слове, содержащем в ударном слоге [jo] или [o] после мягкого согласного: узнаём, вёдро.
 - 2. Надбуквенный знак ' может употребляться в следующих двух случаях:
- а) если необходимо обозначить ударение на любой гласной слова, кроме [о] после [j] или мягкой согласной: за́мок, поздне́е, ви́дение, во́роны, у́же, рассы́пать, э́му, ю́кола, разъя́снило.

Примечание. В соответствии со сказанным в п. 1, ударение на [о] после [ј] или мягкой согласной обозначается с помощью буквы ё; неправильны написания узнаем, веоро.

б) если необходимо обеспечить прочтение буквы e как сочетания [jэ] или звук [э]: $npe\acute{e}$ мник, $sc\acute{e}$.

Следует четко определить отличие этих правил-рекомендаций от всех остальных правил свода. Они касаются оформления печатного текста

и, следовательно, адресованы работникам печати, тогда как правила свода адресованы всем пишущим. Употребление или неупотребление \ddot{e} и знака ' не определяют грамотность пишущего, хотя ему не возбраняется их употреблять, если он считает, что этим будет облегчено восприятие его текста. Методистам и учителям предоставляется решить, какое место должно занять в школьном преподавании обучение умению использовать букву \ddot{e} и надбуквенный знак '. (Безусловной нелепостью было — в период введения «обязательного» \ddot{e} в школьную практику — приравнивание непостановки точек над e к орфографической ошибке, о чем с ужасом вспоминают кончавшие школу в конце 40-х годов.)

Рекомендации для употребления \ddot{e} и знака ', адресованные работникам печати, должны включать указания, когда их следует использовать. Очевидно, к основному их назначению – обеспечению правильного опознания слова при чтении – должны быть добавлены и рекомендации употребления этих знаков с другими целями (о чем уже частично говорилось выше).

Важный вопрос – указание ударения в собственных именах, в особенности в таких, сведения о которых нельзя найти в энциклопедических изданиях. Таковы персонажи литературных произведений. Было бы разумно, если бы вошло в практику обозначать «неочевидное» ударение в именах и фамилиях пресонажей при первом упоминании их во вновь публикуемых произведениях (см. выше пример из повести Ф. Искандера). Не всегда твердо установлено и правильное ударение в именах и фамилиях персонажей русских классиков (например, Полику́шка или Поли́кушка?; какое ударение в фамилии Кармазинов?; фамилию героя «Записок сумасшедшего» обычно произносят Попри́щин, но Ю. М. Лотман говорил По́прищин).

Разработка рекомендаций, адресованных работникам печати, в которых сообщалось бы, как следует употреблять «уточняющие» чтение знаки, — особая задача. Здесь пришлось ограничиться лишь отдельными соображениями.

ПРИМЕЧАНИЯ

 1 Встречаются, впрочем, исключения. Полноправный «статус» буквы присвоен \ddot{e} в последних изданиях «Толкового словаря русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой. Высказывание в пользу такого решения содержится в работе [Колесников 1967: 96].

 2 Обязательное употребление буквы \ddot{e} было введено в школьную практику приказом народного комиссара просвещения РСФСР от 24 декабря 1942 г. Не-

сколькими днями раньше так уже стали печатать центральные газеты. Вот любопытное свидетельство: «Да, читал я сегодня «Правду» и «Известия» и сделал курьёзное открытие: — все слова, где буква e приизносится io, украшены двумя точечками: ещё, актёр, миномёт, шахтёр, пулемёт, молодёжь — и так во всех словах с e - io. Прямо диво! (Георгий Эфрон. Письмо к Ариадне Эфрон от 20.12.42). Молва связывает это мало соответствующее историческому моменту нововведение с неожиданной причудой «великого вождя»...

Последовательное использование буквы \ddot{e} держалось в некоторых периодических изданиях до середины 50-х годов.

³ Возражения против введения последовательного употребления \ddot{e} приведены в «Обзоре предложений...» 1965. Объяснение того, почему хорошо овладевший чтением человек не нуждается в последовательном употреблении \ddot{e} , см. в работе [Еськова 1967: 76]. Здесь, в частности, приведен любопытный пример, показывающий, что в определенном буквенном окружении буква e читается так, как если бы было написано \ddot{e} .

«Вошли две девушки, одна покрупней, другая мелкая...

– Алеша здесь? – спросила которая покрупней, переврав, конечно, фамилию. – Алеша здесь?» (Ю. Олеша. Ни дня без строчки).

Для того чтобы показать, как пришедшая исказила его фамилию, писатель не воспользовался написанием *Олёша*, а придумал более остроумный способ: буквенный комплекс *Алеша* однозначно читается как *Алёша*; одновременно показана причина ошибки: смешение диковинной фамилии с привычным именем.

⁴ Вот любопытный случай, заставляющий задуматься: нужен ли здесь знак ударения? В 1987 г. в «Новом мире» была напечатана повесть Сергея Каледина «Смиренное кладбище». У начитанного читателя не могло не всплыть в памяти:

.. Да за смиренное кладбище, Где нынче крест и тень ветвей Над бедной нянею моей...

И название повести он читал (и «про себя» и вслух) как «Смиренное кладбище», хотя ударение в напечатанном заглавии не было поставлено.

Это отсутствие знака ударения в заголовке-цитате можно расценить как особую тонкость, как проявление доверия к культурному читателю. Но не следует ли пожертвовать этой «тонкостью», поставив знак ударения: «Смиренное кладбище»?

- ⁵ В журнальной публикации романа «Мастер и Маргарита» есть такое место:
- Что у тебя в портфеле, паразит? пронзительно прокричал похожий на кота, телеграммы? <...>
- А ты все-таки побежал? Дай сюда портфель, гад! <..> («Москва». 1966,
 № 11, стр. 72).

В последующих отдельных изданиях и в томе собрания сочинений Булгакова знака ударения нет, что уменьшает выразительность этих реплик. И в этом

случае хочется больше доверять журнальной публикации (хотя она безобразно «кастрирована», а все позднейшие издания дают полный текст романа).

ЛИТЕРАТУРА

Eськова H. A. О недостаточности действующего правила употребления так называемой буквы \ddot{e} // Вопросы культуры речи. VIII. М., 1967.

Еськова Н. А. Еще раз о «точках над е» // Газета "Русский язык". 1996, № 31.

Колесников Н. П. О различительной роли знака ударения // Русский язык в школе. 1966, № 4.

Колесников Н. П. О смыслоразличительной роли буквы *ё* // Русский язык в школе. 1967, № 4.

Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии. М., 1965, стр. 117—130.

Правила русской орфографии и пунктуации.М., 1956.

Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник. М., 2006.

Реформатский А. А. Упорядочение русского правописания // Русский язык в школе. 1937, № 1.

Реформатский А. А. Буква ё // О современной русской орфографии. М., 1964. Томашевский Б. В. Писатель и книга. М., 1959 [Вопросы орфографии классического текста, стр. 212–216].

Употребление буквы *ё*. Справочник. Составили К. И. Былинский, С. Е. Крючков, М. В. Светлаев под редакцией Н. Н. Никольского. М., 1965.

БУКВЫ *О* И *Ё* ПОСЛЕ ШИПЯЩИХ

В. В. Лопатин

Употребление букв о и ё под ударением после шипящих — одна из сложных проблем русской орфографии. В этой системе более или менее частных правил значительную роль играет зависимость написания от части речи и морфемной структуры слова. Так, в составе глагольных окончаний, суффиксов глаголов и отглагольных слов обычно употребление после шипящих буквы ё: бережём, толчёт, размежёвывать, выкорчёвывать, ночёвка (от ночевать), ретушёвка и ретушёр (от ретушировать), ухажёр (от ухаживать); причастия и отглагольные прилагательные типа напряжённый, отрешённый, упрощённый, гружёный, печёный, тушёный и т.п. С другой стороны, в именных окончаниях, неглагольных (именных и наречных) суффиксах и в суффиксах отыменных слов обычна буква о: плечо, чужой, шалашом, свечой, общо (наре-

чие), прыжок, крючок, борщок, грошовый, холщовый, мышонок, ужоныш, книжонка, брючонки, чащоба, ножовка и т.п.; новые отыменные существительные мелочовка, речовка, плащовка.

Так же — по частям речи — противопоставлены буквы о и ё на месте беглых гласных: ср., например, с одной стороны, пошёл, учёл, зажёг, поджёгший, а с другой — шов, обжора, поджог (сущ.), княжон (род.п. мн.ч. от княжна), кишок, смешон, новые слова очочки (от очки) и очочко (от очко).

Правило же употребления букв o и \ddot{e} в корне основано на написании буквы \ddot{e} в тех корнях, где ударному звуку o после шипящих соответствует в других однокоренных словах или формах гласный (ударный или безударный), передаваемый буквой e: \ddot{m} еный (ср. \ddot{m} еньй (\ddot{m} ень), \ddot{m} еньй (\ddot{m} ень), \ddot{m} еньй (\ddot{m} еньо), \ddot{m} етка (\ddot{m} етина) и т.п. Если же такого соотношения нет (а оно охватывает, ни много ни мало, 44 корня, перечисленные в новом академическом справочнике 2006 г., см. с. 31-32), то после шипящих в корне пишется буква o.

Правило это вполне согласуется с общей закономерностью соотношения букв \ddot{e} и e — полным соответствием буквы \ddot{e} в ударной позиции букве e в безударной (ср. $m\ddot{e}\partial$, $n\ddot{e}\partial$, но $medosы\ddot{u}$, $nedsho\ddot{u}$; $n\ddot{e}c$, но necna и т.п.) и связано исторически с происхождением звука, передаваемого буквой \ddot{e} , от ударного звука e. Логика этого правила очевидна и потому снимает вопрос о чрезмерной сложности системы правил выбора букв o и \ddot{e} после шипящих под ударением, о возможном их упрощении.

БУКВА Ъ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ОРФОГРАФИИ

В. В. Лопатин

После того как орфографической реформой 1917—1918 годов буква **в** была отменена на конце слов, разделительному твердому знаку было очень трудно удержаться в нашей орфографии. Чуть ли не сразу после реформы его стали заменять апострофом: *с'ъезд, об'ём, из'ятие* и т.п., и так продолжалось примерно три десятилетия. Постепенно от апострофа отказались, и буква **в** как разделительный знак была узаконена орфографическим сводом 1956 г. Таким образом, во второй половине XX в. употребление апострофа вместо разделительного **в** уже не отвечает нормам правописания.

Однако очень скоро после узаконения разделительного ъ, в проекте орфографической реформы, предложенном и обнародованном Орфографической комиссией в 1964 г., была вновь предпринята попытка (на наш взгляд, неудачная) вовсе отказаться от этой буквы, оставив один разделительный знак ь - писать подьезд, обьём, волеизьявление, адьютант, дизьюнкция и т.п. При этом в качестве основного аргумента выдвигалось то обстоятельство, что в произношении согласные перед ъ (фонетически – перед йотом) могут произноситься и твердо и мягко, а в некоторых словах (например, адъютант) мягкое произношение даже преобладает. С отказом от буквы ъ авторам того проекта пришлось вообще отказаться от разделительного знака после тех компонентов слов, где последний согласный произносится со стабильной твердостью (после сверх-, меж-, двух-, трёх-, четырёх-, пан-, транс-, контр-), и, таким образом, предложить написания сверхественный, межярусный, трёхярусный, трансевропейский, паневропейский. Тем самым в проекте 1964 г. значительно увеличивалось количество странных, чуждых русской орфографии написаний, подобных существовавшим и прежде написаниям сложносокращенных слов типа детясли, комячейка (о них подробнее см. ниже).

Между тем разделительный **ъ** заслуживает того, чтобы рассматривать его как букву, безусловно, без всяких оговорок, **нужную**, о чем говорит и практика письма, постепенное расширение сфер применения этой буквы. В современной русской орфографии употребление разделительного **ъ** — одно из тех правил, действие которых определяется в основном не фонетической (фонологической) позицией, а морфологической. Буква **ъ** пишется (после согласных перед йотированными гласными) в определенных морфологических позициях — после определенных элементов структуры слова, и этим она противопоставлена разделительному *ь*, характеризующемуся совсем другими позициями.

1. Для разделительного ъ характерна прежде всего позиция после приставок, например: безъядерный, въявь, взъесться, изъезженный, межъязыковой, объехать, отьезд, предъюбилейный, съёжиться. Заметим, что эта позиция носит, в отличие, например, от позиции для буквы ы вместо и в начале корня после приставок на согласный, абсолютный характер, поскольку данное правило распространяется не только на исконно русские первообразные (простые по структуре) приставки, но и на приставку сверх- (сверхъестественный, сверхъёмкий, сверхъяркий) и на любые приставки иноязычного происхождения, ср.: контръярус, субъединица, суперъяхта, трансъевропейский и т.п. Правда, нельзя не

заметить и того, что в § 70, п. 3 действующего свода правил, принятого в 1956 г., не упомянуты среди других приставок иноязычного происхождения активизировавшиеся за последние десятилетия приставки пост, гипер- и супер-, что нередко приводит в практике письма к явным недоразумениям — например, в печати встречаются такие ошибочные написания, как постядерный, как нелепое написание нового слова постельцинский, например: «Размышления о судьбе либеральных реформ в постельцинскую эпоху» (Известия, 1 июня 1996), «постельцинская власть» (Лит. газета, 2001, № 34), как неоднократно отмеченное словарем-справочником «Новые слова и значения. По материалам прессы и литературы 80-х годов» (СПб., 1997) написание суперястребы (о противниках разрядки международной напряженности), как суперёлка (7 дней, 2002, № 1). Следует, разумеется, писать: постьельцинский, суперьястреб, суперьёлка¹.

В отношении позиции ${\it b}$ после приставок должны быть оговорены два обстоятельства. Во-первых, в некоторых исконно русских словах приставка выделяется лишь исторически, как, например, в словах отъявленный, объём, либо ее выделение в современном языке не столь очевидно: так, требует определенных усилий выделение корня (и, соответственно, приставки) в таких словах со связанным корнем, как объятие, разъём, отъём, съёмка, съёмный (ср. обнять, разнимать, отнимать, снимать и т.д.). Во-вторых, что касается иноязычных приставок, то среди них должны быть четко разграничены, с одной стороны, приставки, усвоенные русским языком, - такие, как контр-, пост-, суб-, супер-, гипер-, транс-, а с другой, начальные элементы заимствованных слов, которые являются приставками только в языке-источнике, а в русском языке в качестве приставок не выделяются (в упомянутом правиле свода 1956 г. это разграничение не проведено). Слова с иноязычными элементами второй группы могут быть перечислены особым списком, что и сделано в новом академическом справочнике. Это слова с элементами аб-, ад-, диз-, ин-, интер-, кон-, а также (частично) об- и суб-: абъюрация, адъективный, адъективация, адъюнкт, адъюстаж, адъютант, дизъюнкция, инъекция, инъецированный, интеръекция, коадъютор, конъектура, конъюгаты, конъюгация, конъюнктив, конъюнктива, конъюнктивит, конъюнктура, конъюнкция, объект, объективный, субъект, субъективный. Обычно написание таких слов усваивается в словарном порядке. Отнесение их к разряду приставочных имеет чисто диахронический, этимологический смысл, на почве же русского языка их начальные элементы могут быть объединены с приставками только внешне, по некоторому формальному подобию и месту в слове. Правда, некоторая степень выделимости начальных элементов на почве русского языка характеризует пары соотносительных слов конъюнкция – дизъюнкция и объект – субъект. Особое место занимает слово изъян, которое и этимологически не является приставочным, и на почве русского языка приставку не выделяет, однако обладает кое-какими ассоциативными связями (основанными на сходстве звучания) с глаголом изъять.

2. Другая характерная для разделительного ъ позиция в слове – после первых компонентов сложного слова, не имеющего соединительных гласных (o, e). Реализуется она в целом значительно реже. Согласно действующему правилу (§ 70, пп. 2 и 3), сюда относятся слова с первыми компонентами двух-, трёх- и четырёх-: двухъякорный, двухъёмкостный, трёхъядерный, трёхъярусный, четырёхъярусный и т.п., а также слова с иноязычным компонентом пан- (синонимичным русскому все-): панъевропейский. С буквой ъ традиционно пишется также заимствованное слово фельдъегерь, являющееся сложным в языке-источнике, а в русском обладающее слабой вычленимостью элемента ϕ ель ∂ - (ср. фельдпочта, фельдсвязь). Предлагается писать таким же образом физический термин гиперъядро, в котором гипер- – усеченная основа слова гиперон (названия тяжелой элементарной частицы), и, таким образом, на почве русского языка это слово является скорее сложным, чем приставочным (хотя первая основа слова и совпала формально и семантически с приставкой гипер-). До сих пор в специальной литературе и в энциклопедиях оно пишется иначе: либо гиперядро, либо гипер-ядро, где вставка дефиса, очевидно, обусловлена желанием привести внешний облик слова в соответствие с его звучанием.

В принципе данный пункт правил может быть сформулирован в более общем виде — написания с ъ могут быть распространены на любые сложные слова без соединительных гласных. Нас не должна смущать редкость или единичность подобных образований: ведь речь идет о принципе письма. Если, например, мы перейдем к слитному написанию слова камер-юнкер и прилагательного камер-юнкерский, то должны будем писать их с ъ в середине.

3. Особое и, можно сказать, уникальное место в современной русской орфографии занимают сложносокращенные слова со второй частью, начинающейся на йотированный гласный. Согласно формулировке § 110, п. a действующего свода правил 1956 года, «на границе составных частей (сложносокращенных слов.— B. \mathcal{J} .) разделительные знаки \mathbf{v} и \mathbf{v} никогда не пишутся, например: \mathbf{u}

слов: детясли, военюрист, иняз, Инюрколлегия, Минюст, облюст, комячейка, партячейка, цехячейка, хозединица, госязык, метявления (и гидрометявления), продярмарка; так же, очевидно, должны писаться и слова с первой частью спец-, например спецёмкость, спецеда. Нельзя не заметить, что все такие написания по меньшей мере некорректны, поскольку противоречат одному из важнейших, основных принципов русского письма, обычно называемому слоговым. В соответствии со слоговым принципом буквы е, ё, ю, я в позиции после согласных букв (в пределах слитно пишущегося слова) не обозначают йотированных гласных и при этом буквы *ё, ю, я* и отчасти (по крайней мере во всех русских, не заимствованных, словах) е служат для обозначения мягкости предшествующего согласного. Таким образом, принятые сейчас написания сложносокращенных слов со второй частью, начинающейся на йотированный гласный, неточно передают звуковой состав слов: в них не хватает «сигнала» прочтения е, ё, ю, я как сочетаний йота с гласными. При сохранении подобных написаний опирающиеся на слоговой принцип навыки чтения слов могут приводить к затруднениям в узнавании слова по его внешнему облику. Тем более это относится к новым и окказиональным словам, например: «некая благотворительная некоммерческая организация под названием «Мосюрфинфонд»» (Новые известия, 10.06.1998); «У Росевробанка новый председатель правления» (Известия, 4.12.2003); «ревнители демединства» (Общая газета, 1997, № 45), «черепно-мозговая травма (на профязыке ЧМТ)» (Лит. газета, 2001, № 29), «Комябеды» (Мир новостей, 27.04.2002, заголовок); «ФСБ использует спецяды» (Новая газета, 18.12.2006, заголовок); «манера оперировать жизнями как статединицами» (Лит. газета, 2006, № 29).

При нынешней практике письма, опирающейся на свод правил 1956 г., появление буквы **ъ** в сложносокращенных словах перед йотированными гласными считается ошибкой, и все же оно иногда пробивается в печать. Так, словарями новых слов фиксируется написание *инъяз* (подробнее об этом см. ниже, с. 33). Можно еще отметить, что в первой публикации повести А. Платонова «Ювенильное море» (Знамя, 1986, № 6) в том месте, где герой узнает, что его попутчица «работает секретарем гуртовой партъячейки», последнее слово напечатано именно так, с **ъ**, и это, вполне возможно, отражает авторскую орфографию (в последующих изданиях повести буква **ъ** здесь снята корректорами). Встречается в печати (см., например, «Огонек», 1990, № 41) и написание *Инъюрколлегия*. А окказиональное слово *спецяйцо* напечатано в «Лит. газете» (2001, № 8) – видимо, после долгих сомнений и колебаний – раздельно: *спец яйцо*.

4. Небезынтересно сравнить два орфографически трудных случая, которые наблюдаются в одних и тех же морфологических позициях на стыках значимых частей слова, а именно: употребление разделительного в перед йотированными гласными и употребление буквы в вместо и после твердых согласных. Буква в вместо и, по действующим правилам, применяется только в позиции после первообразных (простых) русских приставок: безыдейный, обыграть, сымпровизировать, предыстория и т.п.; однако в других позициях после твердых согласных на стыках морфем сохраняется буква и: после русской непервообразной приставки сверх- (сверхизысканный, сверхиндустриальный, сверхинтуиция), после иноязычных приставок (контригра, постиндустриальный, суперинфекция, трансиранский), после первых компонентов сложных слов без соединительных гласных (двухигольный, двухизнаночный, трёхимённый, панисламизм) и сложносокращенных слов (пединститут, госинспекция, партимущество, военинженер, продимпорт).

В то же время разделительный **ъ** закрепляется в практике письма значительно легче, и это представляется не случайным: несоответствие написания без **ъ** перед гласными *е*, *ё*, *ю*, *я* реальной фонетической структуре слова, связанное с отступлением от слогового принципа,— более серьезное нарушение основ русской орфографии. Именно поэтому, захватывая постепенно различные позиции в слове, разделительный **ъ**, согласно уже действующим правилам, употребляется не только после первообразных русских приставок, но и, как мы уже видели, после приставки *сверх*-, после иноязычных приставок и после первых компонентов некоторых сложных слов без соединительных гласных. На очереди стоит распространение разделительного **ъ** на сложносокращенные слова. Такое орфографическое изменение² и было предложено в проекте новой редакции правил русской орфографии (см.: Свод правил русского правописания: Проект. М., 2000. С. 56, 378), причем оно не вызвало серьезных возражений со стороны специалистов, а многими было поддержано³.

Что же касается критических замечаний по поводу предложенного нового правила, то основным контраргументом был тот факт, что так наз. слоговые аббревиатуры, или сложносокращенные слова, якобы являются со структурной точки зрения совершенно особым типом слов, состоящих из «обломков» или «обрывков» слов, который потому и не должен подчиняться общим правилам. На это нельзя не возразить: сложносокращенные слова, в отличие от инициальных аббревиатур (действительно особых по структуре, ср. хотя бы проблему их морфемного

статуса, так наз. «абброкорней»), не представляют собой чего-то особого и с точки зрения критериев цельнооформленности вполне могут быть поставлены в один ряд со сложными словами без соединительных гласных или со словами, содержащими непервообразные приставки. В качестве только одного из признаков сближения сложных и сложносокращенных слов можно привести нередкие случаи структурной вариативности в сложениях с первыми сокращенными компонентами, содержащих соединительную гласную и не содержащих ее: ср., например, инвалюта, иньяз и инофирма, иномарка; Центрархив, центрфорвард и Центробанк, центроплан, центросфера, варианты травмпункт и тавмопункт и т.п. Хорошо известна характерная для современного этапа развития русской аббревиации повторяемость первых компонентов сложносокращенных слов (таких, как гос-, парт-, хоз-, спец- и многие другие) в больших, открытых рядах образований, позволяющая трактовать их, по одной распространенной теории, как разновидность префиксоидов, а по другой, - как особые «аналитические прилагательные», и это тоже сближает их с первыми компонентами сложений и с непервообразными приставками.

Такова собственно лингвистическая сторона вопроса. Практическая же, орфографическая, общественно-оценочная сторона, не менее важная в вопросах правописания, состоит в том, что многие, в том числе вполне грамотные люди, испытывают явные неудобства, дискомфорт при написании таких слов, как иняз (именно такое написание диктуется правилами 1956 г.). Не случайно в «Словаре новых слов русского языка (середина 1950-х – середина 1980-х годов)» (1995), изданном Институтом лингвистических исследований РАН и основанном на большой картотеке словоупотреблений в современной печати, слово иняз дано в трех вариантах написания: инъяз (заглавное слово словарной статьи), иняз и ин-яз. А наши коллеги из Омского университета сообщили, что в городе существует некая коммерческая фирма под названием «Академия Ин.яз Омск», причем точка после первой части слова повторяется в рекламных объявлениях и плакатах. Во всем этом видны разные попытки отразить на письме структуру слова иняз, показать тем или иным способом разделения слова йотированность гласного в начале второй части.

В этих условиях авторы полного академического «Русского орфографического словаря» сочли целесообразным в новом, исправленном и дополненном издании словаря (2003 г.) сопроводить традиционное написание всех подобных сложносокращенных слов без разделительного в элементом транскрипции, указывающим на произношение этих слов

с йотированным гласным, например: *иняз* [нъя], *облюст* [лъю], *партячейка* [тъя], *спецеда* [цъе] и т.п.

Во всяком случае, предложенное изменение написания подобных сложносокращенных слов стоит в числе первоочередных задач нормализаторской работы в области русского правописания.

5. Возвращаясь к более общему вопросу о нужности буквы ъ русской орфографии, обратим внимание на то, что разделительный в нужен не только в позициях, связанных с определенными морфемными стыками, о которых шла речь до сих пор. Разделительный ъ широко используется в такой специфической сфере, как передача (транслитерация) иноязычных собственных имен – и в этой группе слов он безусловно незаменим. Вот примеры: Кизильюрт (город в Дагестане), Торъял (поселок в республике Марий Эл), Го Хэнъюй (китайское личное имя), Хэньян (город в Китае), Тазабагьябская культура (археологическая), Ювясьярви (озеро в Финляндии), Коликъеган, Лунгъеган (реки в Ханты-Мансийском национальном округе), Манъёсю (антология древнеяпонской поэзии), Шернъельм (шведский поэт и ученый), Дзюнъитиро Танидзаки (японский писатель), Канъити Курода (японский политолог). Как видим, особенность этой группы слов состоит в том, что разделительный \boldsymbol{b} здесь пишется не только перед \boldsymbol{e} , \boldsymbol{e} , \boldsymbol{o} , \boldsymbol{s} , как в других группах слов с этой буквой, но и перед буквой u (для передачи йотированного и). Разделительный в используется в этой функции, хотя и редко, также в нарицательных заимствованных словах-экзотизмах – таких, как линъюй (понятие древнекитайской мифологии), синъицюань (разновидность восточных единоборств, воинское искусство). Без буквы ъ правильно прочитать все подобные слова, по большей части малоизвестные, невозможно.

За последние десятилетия расширению применения буквы \mathbf{b} в собственных именах способствовал осуществленный специалистами переход от дефисного написания некоторых типов собственных имен к слитному — например, от «трехчленного» написания китайских личных имен к преобладающему сейчас «двучленному» (вместо Γ о Xэн-юй — Γ о Xэньюй и т.п.) или к слитному написанию названий населенных пунктов со второй частью -юрт (вместо Kизил-юрт — Kизильюрт, аналогично Vирьюрт и т.п.).

Нельзя не отметить, наконец, что во всех группах сложных и сложносокращенных слов, о которых здесь шла речь, как и в иноязычных собственных именах и экзотизмах, разделительный *ъ* указывает не только на йотированность последующего гласного, но и на твердость пред-

шествующего согласного, оправдывая тем самым свое название. Ср., между прочим, такие написания топонимов, как *Хэнъян* и *Шэньян*, где различие разделительных знаков значимо фонетически. Таким образом, для употребления буквы **ъ** в этих группах слов есть и серьезные фонетические основания.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Приставки *пост* и *супер* уже введены в список приставок, после которых пишется разделительный **ъ**, в кн.: Розенталь Д.Э., Джанджакова Е.В., Кабанова Н.П. Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. М., 1994, с. 30.
- ² Кстати, оно существенно облегчило бы и правила переноса: было бы безусловно запрещено отделение переносом от предшествующей согласной букв *е, ё, ю, я;* переносы, учитывающие морфемную и словообразовательную структуру слов, сохранились бы только для стыков согласных с буквами *а, и, о, у, э,* а переносы типа *инъ-яз, детъ-ясли* попали бы в этой системе правил в один ряд с такими, как *отъ-езд, коль-цо, перь-ями*.
- ³ В частности, оно было поддержано М.Л.Ремнёвой (в отзыве кафедры русского языка филологического факультета МГУ) и Л.А.Рахмановой (в ее статье «О реформе орфографии» в журнале «Отечественные записки», 2002, № 1, с. 185).

БЕГЛОСТЬ ГЛАСНЫХ КАК ОРФОГРАФИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

В. В. Лопатин

В новом полном академическом справочнике «Правила русской орфографии и пунктуации» вводится особый раздел, посвященный написанию безударных беглых гласных в корнях и суффиксах существительных и прилагательных. Раздел этот отсутствует в действующем до сих пор своде 1956 г., где можно обнаружить лишь отдельные разрозненные замечания, касающиеся явления беглости гласных в некоторых частных группах слов – в словах с суффиксами -ек, -ец, в производных от слов на -ка, -ко, -ня — словах на -ечка, -ечко, -енка (§ 17–20), в краткой форме прилагательных на -йный (§ 28), в род. п. мн.ч. слов на -ья, -ье (§ 41, где, однако, беглость безударного гласного даже не упоминается, а только приводятся соответствующие формы¹). А между тем, закономерности письменного представления безударных беглых гласных имеют гораздо более общий характер — место их в структуре тех или иных

слов и форм, а также целых типов (групп) слов определяет и их написание, т.е. имеет самостоятельную орфографическую значимость.

Правила написания безударных беглых гласных носят «надморфемный» характер, касаясь основ слов независимо от того, в какой морфеме – корне или суффиксе – проявляется беглость гласного. Правила такого рода присутствуют в разных частях обновленного свода. Таково, например, правило о написании буквы u на месте безударного гласного в конце основ перед ј, т.е. о правописании слов на -ий, -ия, -ие (§ 44): в таких словах последний гласный основы передается буквой и независимо от того, является ли этот гласный частью корня (кальций, молния, лезвие), суффикса (слова на -арий, -ние, -ация и др.), а также от того, проверяется ли он в ударной позиции (калий – калийный, студия – ст дийный, понятие – понятийный; дипломатия, ср. хирургия, и т.п.), или не проверяется (планетарий, пенсия, безветрие), или же на его месте под ударением стоит вовсе не тот гласный, который следует писать, так что подобными проверками не следует пользоваться (*а́рмия – арме́йский*, Библия – библе́йский, ору́жие – оруже́йный, поли́ция – полице́йский и др.). Таково же и правило о написании непроверяемой согласной c перед согласными κ и m и (соответственно) з перед согласными ϵ и δ в позиции не на стыках морфем (§ 81): скрип, тоска, риск, городской, стена, хвост, глазастый, футболист, царство, постсоветский, но визг, мелюзга, здание, дрозд и т.п. (исключение: сдоба). Кстати, все подобные правила общего характера в действующем своде 1956 г. отсутствуют.

Но вернемся к беглым гласным и сначала остановимся на определении самого рассматриваемого объекта: под беглостью гласных нами понимается наличие гласных в отдельных формах и словах при отсутствии их в других формах и словах в пределах одной и той же морфемы (того же корня, суффикса), независимо от происхождения этих гласных.

В этой связи возникает ряд взаимосвязанных вопросов, по поводу которых существуют различные мнения. Основной из них: следует ли ограничивать понятие беглых гласных только теми словами, в формах которых беглость гласных так или иначе объясняется результатами древнерусского фонетического явления падения редуцированных (гласные о и е на месте древнерусских ъ и ь в сильной позиции и их отсутствие в слабой позиции)? В таком случае мы должны ограничить это явление только такими фактами, как, например, сон – сна, день – дня, весь – вся, сто – сот, клетка – клеток, кусок – куска, отец – отца, а кроме того, некоторыми древнейшими случаями аналогии в словах, ис-

конно не имевших редуцированных гласных ($n\ddot{e}\partial - nb\partial a$, pob - pba, а также — с устранением групп согласных, возникших тоже вследствие падения редуцированных, — ozohb - ozha, $cecmpa - cecm\ddot{e}p$, semna - semenb), и, наконец, многими более поздними образованиями, содержащими суффиксы $-o\kappa$, $-\kappa(a)$, $-e\mu$, $-\mu(s)$, $-\mu(b)$ и некоторые другие и возникшими уже в ту эпоху, когда данное явление морфологизовалось и стало характеризовать лишь основы с определенными словообразовательными суффиксами. Такая трактовка беглых гласных, во-первых, ограничивает их количество двумя — o и e, и во-вторых, не выводит это явление за пределы форм одного слова в парадигме склонения. Именно так трактуется беглость гласных, например, в энциклопедии «Русский язык»: «Беглые гласные — гласные o и e, чередующиеся с нулем звука при формообразовании в современном русском языке» — и далее необходимый исторический комментарий (см. [Русский язык 1997: 45]; автор статьи — В. В. Иванов).

Однако такой узкий подход к проблеме беглых гласных не учитывает нескольких факторов. Во-первых, даже если рассматривать это явление только в пределах «формообразования» (мы предпочли бы здесь термин «словоизменение»), в современном языке обнаруживается третья беглая гласная – и (ср. третий – третья, лисий – лисья или гостья – гостий, келья – келий, копьё – копий), исторически объясняемая судьбой так называемого редуцированного и в позиции перед ј и его дальнейшей морфологизацией. Во-вторых же, беглые гласные в пределах одной и той же морфемы широко проявляются не только в словоизменении, но и в словообразовании - как в словах, производных от слов с беглой гласной и повторяющих эту гласную производящего слова (ср., например, утка уток и уточка, горький – горек и горечь), так и только в производных словах либо только в производящих (ср. коптить – копоть, ясли – ясельный, директор – директриса, жребий – жеребьёвка и др., полные списки см. ниже); сама беглость гласного обнаруживается в этих случаях лишь при сопоставлении разных однокоренных слов. Причины этого явления различны: так, нельзя не отметить появления беглых гласных в заимствованиях нового времени с целью устранения групп согласных (фактора, действовавшего, как мы видели, и в древнерусском языке): ср. министр – министерский и министерство, а также (в безударной позиции) шеренга – шереножный, калибр – разнокалиберный, дирижабль – дирижабельный и т.п. (см. ниже). Но каковы бы ни были эти причины, нельзя не констатировать того факта, что принципы распределения беглых гласных (в том числе – для безударных гласных – и орфографические) во всех подобных образованиях ничуть не отличаются от принципов, исторически сформировавшихся (первоначально – только в пределах словоизменения) на почве древнейших фонетических процессов.

Именно такой, широкий взгляд на явление беглости гласных был реализован в свое время в академической «Русской грамматике» (см. [Русская грамматика 1980], раздел «Морфонологические явления в словообразовании»), и именно этот подход положен в основу соответствующего самостоятельного раздела в новом полном академическом справочнике, поскольку он позволяет сформулировать единое орфографическое правило написания безударных беглых гласных в именных основах, независимо от того, где они реализуются — в словоизменении, в словообразовании или и в том и в другом.

В первой части этого раздела впервые формулируется общее правило выбора гласной буквы — o, e или u — на месте безударного беглого гласного звука в именной основе в составе суффикса или корня (заметим сразу же, что в позиции под ударением написание беглых гласных подчиняется общим правилам употребления букв²). Написание той или иной буквы на месте безударного беглого гласного зависит здесь от соседних согласных — предшествующих беглому гласному и следующих за ним. Выбор гласной буквы определяется следующим образом: буквой e — после мягких парных согласных; буквой e — после мягких парных согласных, шипящих, e, e0 и притом перед всеми согласными, кроме e1; буквой e3 — после мягких парных согласных и шипящих перед e3. Это правило действует в следующих трех группах именных форм и производных имен.

1. В именных парадигмах беглый гласный, появляющийся между двумя конечными согласными основы, выступает в формах с нулевым окончанием, а именно: у существительных муж.р. типа мешок, отец — в форме им.п. ед.ч.; у существительных жен. и муж.р. типа сестра, кишка, дядька, сред.р. типа кольцо, а также у pluralia tantum типа сутки — в форме род.п. мн.ч.; у качественных прилагательных типа сильный, умный — в краткой форме ед.ч. муж.р.; у притяжательных прилагательных с суффиксами -ий и -ачий (-ячий) типа лисий, кошачий — в форме им.п. ед.ч. муж.р. Во всех остальных формах склонения слов перечисленных групп, где есть ненулевое окончание, беглый гласный отсутствует.

Примеры с буквой о на месте безударного беглого гласного: лапоть (лаптя), котёнок (котёнка); банок (банка), пушинок (пушинка), дочурок (дочурка), кухонь (кухня), окон (окно), суток (сутки), носилок (носилки); громок (громкий), близок (близкий).

Примеры с буквой е: мизинец (мизинца), дятел (дятла), ветер (ветра), парень (парня), Павел (Павла), комочек (комочка), катышек (катышка); свадеб (свадьба), банек (банька), песен (песня), башен (башня), боен (бойня), леек (лейка), крышек (крышка), лампочек (лампочка), клёцек (клёцка), пятен (пятно), полотенец (полотенце), пёрышек (пёрышко), денег (деньги); горек (горький), вкусен (вкусный), светел (светлый), спокоен (спокойный), прямолинеен (прямолинейный), важен (важный).

Примеры с буквой и: келий (келья), оладий (оладья), гостий (гостья), певуний (певунья), ущелий (ущелье), копий (копьё), взгорий (взгорье), подножий (подножье), варений (варенье); волчий (волчья), верблюжий (верблюжья), кошачий (кошачья), третий (третья).

Исключения: буква \mathbf{n} (вместо ожидаемой \mathbf{e}) пишется \mathbf{e} слове заяц (зайца); буква \mathbf{u} (вместо ожидаемой \mathbf{e}) — в форме достоин (достойный); буква \mathbf{e} (вместо ожидаемой \mathbf{u}) — в формах улей (улья), чирей (чирья), ружей (ружьё) и судей (судья; наряду с вариантом судей) (см. также [Зализняк 1963; Русская грамматика 1980: 508-511, 561-562]).

- 2. В словах, производных от имен, имеющих в одной из форм беглый гласный, этот гласный нередко появляется в последнем слоге производящей основы перед суффиксом³ и передается той же буквой, что и в производящем слове. Примеры: галочий (галка, галок), уточка (утка, уток), постановочный (постановка, постановок), фресочный (фреска, фресок), горечь (горький, горек), строчечный (строчка, строчек), неженка (нежный, нежен), маечка (майка, маек), равенство (равный, равен), узелок (узел, узла), оладийка (оладья, оладий), а также достоинство (достойный, достоин), заячий (заяц, зайца)⁴. Отметим в этой связи, что в некоторых формах суффиксальных существительных наблюдаются подряд два беглых гласных: таковы формы род.п. мн.ч. слов неженка, песенка, уточка, нянечка, окошечко и т.п.
- 3. Таким же образом передаются на письме безударные беглые гласные, характерные не для отдельных форм слова, а для слова в целом, во всех его формах в противоположность другим однокоренным словам, в которых беглого гласного нет. Перечень таких слов:
- а) с буквой о на месте беглого гласного: бестолочь (бестолковый), ветошь (ветхий), копоть (коптить), ропот (роптать), шёпот (шептать); буковка (буква), искорка (искра), тыковка (тыква); лёгочный (лёгкие), бланочный (бланк), насморочный (насморк), пасочный и пасочница (пасха, кушанье), широкоспекторный и узкоспекторный (спектр), фейерверочный (фейерверк), шереножный (шеренга); директор (директриса), император (императрица);

- б) с буквой е: горенка (горница), гусельки и гусельцы (гусли), кудерьки (кудри), лесенка (лестница), циферка и циферблат (цифра), дирижабельный (дирижабль), жаберный (жабры), крупнокалиберный, мелкокалиберный и разнокалиберный (калибр), кегельный и кегельбан (кегли), солнечный (солнце), ясельный и ясельки (ясли); бургомистерский (бургомистр), магистерский (магистр; наряду с вариантом магистерский); мебель (меблировать, меблированный), шабер (шабрить и шабровать);
- в) с буквой **и** (перед **j**): Василий (Васильевич и Васильевна), Григорий (Григорьевич), Виталий (Витальевна) и т.п.; жребий (жеребьёвка), мания (маньяк), Италия (итальянский). Исключение (**u** не перед **j**): кролик (крольчиха, крольчонок, крольчатник).

Характерно, что, в отличие от букв *о* и *е*, выступающих на месте как ударных, так и безударных беглых гласных, буква *и* чаще всего выступает на месте безударного беглого гласного. В то же время в позиции, характерной для буквы *и*, передающей безударный беглый гласный, — перед **j** — ударный беглый гласный обычно произносится как *e* и соответственно пишется буква *e*, например: *ручей* (*ручья*), соловей (соловья); семей и семейка (семья), статей и статейка (статья), друзей (друзья, мн.ч.); литейный и литейцик (литьё), келейный и келейник (келья); третейский (ср. третий и третья), чей (чья), ничейный (ничья, сущ.). Беглый же *и*, выступая (хотя и редко) в именных основах под ударением, не связан с позицией перед **j**: один (одна), яиц (яйцо), цифирь и цифирьки (цифра).

Безударные беглые гласные выступают также в ряде глагольных корней; эти гласные могут передаваться (в позиции после мягких согласных и шипящих) на письме буквами u и e^5 . Этому явлению в новом академическом справочнике также посвящен особый параграф (§ 36).

Заметим, что в действующих правилах 1956 г. проблема безударных u и e в глагольных корнях как проблема беглых гласных вообще не ставится, упоминаются лишь глагольные корни с чередованием u-e (§ 14); естественно, что в приведенный в этом параграфе список (кстати, неполный) не попали корни, где нет ступени чередования e, а есть только чередование u с нулем гласного (см. второй список из приведенных ниже). Зато в него попали некоторые из глагольных корней, где чередуются только буквы u и e и нет беглости гласного. Таких корней в русском языке всего четыре: $блес(\kappa, m) - блисm$, вис - вес, nun - nen и cud - ce(d). Ср., напр.: fnucmamb - fnecmemb; fnucmamb - fnecmemb, fnucedamb - fnecemenb. Эта небольшая группа из четырех глагольных корней с чередованием fnucedamb - fnucedamb от многочисленненно, должна присутствовать в правилах отдельно от многочислен-

ных корней, в которых написание гласной u связано с проблемой беглости гласного (в новом академическом справочнике они выделены в отдельную группу в составе § 35, посвященного корням с чередующимися гласными буквами, преимущественно буквами a - o).

Написание буквы и в позиции после мягких согласных и шипящих подчиняется строгому правилу: безударный беглый гласный передается буквой u, если в глаголе сразу после корня стоит под ударением гласный а (являющийся, как правило, суффиксом, выражающим значение несовершенного вида). Всего таких корней в русском языке 27. В части этих глагольных корней в других формах и однокоренных словах выступает безударный беглый гласный, передающийся на письме другой буквой -e. Этот беглый гласный появляется в разных формах, объединенных общим признаком – отсутствием ударного а после корня, и этим они противопоставлены формам, где пишется на месте безударного гласного корня буква и. Такое противопоставление наблюдается в 11 глагольных корнях из упомянутых 27.

Эти корни перечисляются ниже двумя списками примеров: в первом – корни с беглыми гласными, передаваемыми на письме буквами \boldsymbol{u} и e, т.е. с чередованием гласных «u - e – нуль», во втором – корни, лишенные ступени чередования e, т.е. с чередованием «u – нуль». Оба списка составлены по алфавиту корней.

Первый список:

```
выбирать, набирать – беру, наберу – брать, набрать;
задирать, дирать (многокр.) – деру, задеру – драть, задрать;
выжигать – выжег (прош. вр.) – жгу, выжгу;
взирать, озираться - созерцать - зреть «смотреть, видеть», про-
```

зрю, узрю, зрение;

```
замирать, умирать – замереть, замер, умереть – мрут, замру, умрёт;
запирать, упираться – запереть, упереться – запру, упрётся;
npocmupamь(cs) - npocmepemь(cs) - npocmpy (устар.);
застилать, расстилать – стелить, расстелить – стлать, застлать;
натирать – тереть, натереть – тру, натру, трение;
```

вычитать, считать «вести счет» (и отсюда – производные сов. вида: пересчитать, просчитать и др.) - вычет, вычел - вычту, сочту «сосчитаю», перечту «пересчитаю»;

почитать «относиться с почтением», предпочитать – почесть – чтить, чту, почту, почтение, предпочтение.

```
Второй список:
взимать — возьму;
перевирать, завираться — врать, переврать, завраться;
ожидать, пережидать — ждать, переждать;
зажимать, прижимать — жму, прижму;
нажинать, пожинать — жну, пожну;
пожирать, обжираться — жрать, пожрать;
запинаться — запнуться;
подминать, разминать — мну, разомну;
пинать — пнуть;
попирать — попрать, попрут;
препираться — прения, распря;
распинать — распнут;
созидать — создать;
начинать, зачинать — начну, зачну;
```

читать (и отсюда – производные сов. вида: прочитать, перечитать и др.) – прочту, перечту, чтение.

Особое место занимает глагольный корень nomuh - nomnh - nomhh: в нем, при беглости гласного, передаваемого буквой u в тех же условиях, что и в вышеперечисленных глагольных корнях, выступает особый беглый гласный, передаваемый буквой u, ср.: nomuhamb, u вспоминать, u вспоминать, u поминать, u поминать, u поминать, u поминать, u поминать, u вспомнить, u

Так же, с буквой и в корне, пишутся отглагольные производные слова, в которых сохраняется после корня с беглым гласным ударный гласный а, например: перебирание, избиратель, выжигальщик, зажигалка, зажигательный, умирание, растирание, вычитание, почитатель, завиральный, ожидание, пожиратель, надзиратель, начинание, зачинатель. При отсутствии посткорневого ударного а беглый гласный корня передается буквой и в производных глаголах сов. вида с ударной приставкой вы-: вычитать и высчитать, а также в следующих производных от глаголов на -ать с усечением глагольной основы за счет конечного гласного а: обжиг, отжиг, розжиг, выжимка, выдирка, вычитка (во всех этих случаях ударение тоже на приставке), в словах побирушка и затируха. Однако в слове неразбериха (ср. не разберёшь) пишется е.

В части перечисленных глагольных корней беглый гласный, передаваемый буквой u, проверяется в других однокоренных словах в позиции под ударением, например: $3a\partial upa$, $npu\partial upka$, 3axum, npuxumuc-

тый, обжинки, запинка, разминка, настил, подстилка, расстилка, натирка, растирка, зачин, почин, просчитывать, перечитывать, читка, считка, считчик и т.п. слова с теми же корнями. Но в большей части этих корней гласный, передаваемый буквой \boldsymbol{u} , ударной позицией не проверяется.

Что же касается беглого гласного, передаваемого буквой е, то он проверяется под ударением более регулярно — во всех корнях, кроме корней глаголов брать и взирать, — формами и словами с ударным е или о (после шипящих передаваемым буквами о и ё), например: гвоздодёр, живодёрня, дать дёру; жечь, прожечь, обжечь, жёг, прожёг, ожог (сущ.); умерший, мёрли; упёрлась, упёршийся; простёр(ся); стелет, застелет, постелет, стелька, постель; натёр, растёрший, тёрка; счесть, перечесть (пересчитать), начесть, счёт, счётчик, начёт, просчёт, наперечёт, чётки, счёл, перечёл (пересчитал), начёл; честь (сущ.), предпочесть, почёт, почёл (за честь), предпочёл. Кроме того, имеются слова с е, ё, о под ударением в гнездах глаголов читать и жрать (хотя в них отсутствуют слова с буквой е в безударной позиции): прочесть, перечесть (перечитать), прочёл, перечёл (перечитал), начётчик; обжора, прожорливый, плодожорка. В корне помин — помян под ударением встречаются оба беглых гласных: ср. поминки и помянет, упомянутый.

Таким образом, применение основного для русской орфографии принципа проверки безударного гласного ударной позицией к правильному написанию букв на месте беглых гласных (как в именных, так и в глагольных основах) чаще всего оказывается неэффективным: для многих основ такой проверки вовсе нет, для других же она не дает однозначного ответа, поскольку под ударением выступают разные гласные. Наиболее надежным при выработке орфографических навыков оказывается применение к основам с беглостью гласного особых правил. Для именных основ правила выбора буквы o, e или u при передаче безударного беглого гласного сводятся, как мы видели, к учету качества соседних согласных — предшествующего беглому гласному и следующего после него. Для глагольных корней учитывается морфологическая позиция: при наличии после корня ударного гласного a следует писать на месте безударного беглого гласного в корне букву u, при отсутствии же ударного a — букву e либо (только в одном корне) букву a.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ К тому же этот беглый гласный – в формах *шалуний*, *ущелий*, *ружей*, *ска-ме́й* – здесь ошибочно рассматривается как входящий в состав окончания (§ 41

«Правил...» 1956 г. включен в состав раздела «Гласные в некоторых неударяемых падежных окончаниях»).

- ² Единственная собственно орфографическая проблема здесь возникает в связи с написанием o или \ddot{e} после шипящих (см. выше, с. 26–27).
- ³ Более подробно условия появления беглых гласных (не только безударного) в производных словах изложены в [Русская грамматика 1980: 434–435].
- ⁴ Единственное исключение из этой закономерности, замеченное в современных словарях: ке́лейка (хотя келья, келий). Однако это исключение должно быть оспорено, поскольку достоверных литературных примеров, свидетельствующих о таком именно ударении в слове келейка, нет. Известная цитата из Пушкина «Как из чудного царства воскового, Из душистой келейки медовой Вылетела первая пчелка» не решает вопроса, поскольку «неклассический» стихотворный размер этого отрывка, написанного тоническим (акцентным) стихом, не дает однозначного ответа на вопрос об ударении слова в данном контексте. Зато в словаре Даля приведены варианты ке́лийка и келе́йка, т.е. беглый гласный е, по Далю, появляется в этом слове только под ударением (ср. другие производные от келья: келе́йный, келе́йник), безударный же беглый гласный должен передаваться и здесь по общему правилу буквой и (ср. род. п. мн. ч. ке́лий). Именно так предлагается писать варианты келе́йка и ке́лийка в новом «Русском орфографическом словаре» (М., 1999).
- ⁵ О некоторых функциональных различиях чередования «гласный нуль» в именных и глагольных основах см. [Панов 1999: 36–38], со ссылкой на мнение Н. С. Трубецкого.
- ⁶ В глаголах этой группы корневая гласная u уже не обязательно связана (как в корнях с беглой u) с наличием после корня ударного a. По крайней мере корень cud ced этой закономерности не подчиняется.

ЛИТЕРАТУРА

3ализняк A. A. Беглые гласные в русском словоизменении // Русский язык в национальной школе. 1963, № 5.

Панов М. В. Позиционная морфология русского языка. М., 1999.

Русская грамматика. М., 1980. Т. І.

Русский язык. Энциклопедия, 2-е изд. М., 1997.

К ПРАВОПИСАНИЮ ОКОНЧАНИЙ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

В. В. Лопатин

Написание окончания -u вместо -e в формах дательного и предложного падежей существительных жен.р. на -u, предложного падежа существительных муж.р. на -u и сред.р. на -u, сформулированное еще

Я. К. Гротом, основано на длительной, многовековой книжной исторической традиции и охватывает очень значительный массив русской лексики, большей частью суффиксальной. Правилу этому, однако, издавна «сопротивлялись» и продолжают «сопротивляться» слова с односложной основой на -ий и -ия. Слов этих немного, они составляют закрытый список из 12 слов: змий, кий, чий (растение), Вий (и «Вий» — название повести Гоголя), Пий (имя римских пап), Кий (имя легендарного основателя Киева); хрия (термин риторики), Бия (река), Ия, Лия, Вия (женские имена), Гия (мужское грузинское имя). Все эти слова можно часто встретить в современных письменных текстах с окончанием в указанных падежных формах -е. Приведем лишь несколько примеров.

В новом академическом собрании сочинений Гоголя, в комментарии к повести «Вий» (т.2, М., 1994), неоднократно читаем: в «Вие». У М. Гершензона в книге «Мудрость Пушкина»: «По хрие полагалось наполнить первую половину поэмы отступлениями». Название иконографического сюжета «Чудо святого Георгия о змие» принято писать с конечной буквой е. В газетной публикации недавнего времени читаем: «Гие Канчели зал аплодировал стоя». Из статьи «Вия Артмане о любви, театре и себе» («Аргументы и факты», 2004, № 26): «Нежелание делиться переживаниями осталось в Вие до сих пор». А Валентин Гафт в своем новом сборнике «Стихотворения. Воспоминания. Эпиграммы» (2006) помещает стихотворные посвящения «Лие Ахеджаковой» и «Ие Саввиной».

Особого внимания среди рассматриваемых слов заслуживает слово $\kappa u \ddot{u}$: оно имеет вариантные формы косвенных падежей с ударными окончаниями, в том числе форму предложного падежа o $\kappa u \acute{e}$. А.Б.Шапиро справедливо писал об этом слове: «Ясно, что в предложном падеже при безударном окончании должна писаться, как и под ударением, буква e» 1 .

Нельзя не сделать вывод, что в современном правописании перечисленная небольшая группа коротких слов на -ий, -ия тяготеет в рассматриваемых формах к окончанию -е. В новом полном академическом справочнике (2006) предлагается отделить эту небольшую группу слов с односложной основой от всех остальных слов на -ий, -ия и утвердить в указанных формах этих слов окончание -е. Ранее мнение о целесообразности такого написания высказывалось неоднократно². И вряд ли можно трактовать это новое частное правило как «исключение среди исключений»³: слишком велик в русском языке класс существительных на -ий, -ия, -ие, имеющих в указанных формах окончание -и, чтобы трактовать это написание в них как исключение, а не как особое многоохватное правило.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Шапиро А.Б. Русское правописание. М., 1951, с. 140.
- ² См.: Шапиро А.Б. Указ. соч.; Былинский К.И. «Правила русской орфографии и пунктуации» в действии. Русский язык в школе, 1954, № 5; Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии, М., 1965, с. 264.
 - ³ См.: Обзор предложений..., там же.

К ПРОБЛЕМЕ УДВОЕННЫХ СОГЛАСНЫХ НА СТЫКЕ МОРФЕМ

В. В. Лопатин

Обратим внимание на актуальные орфографические проблемы, связанные с употреблением (или неупотреблением) удвоенных согласных в основах слов перед суффиксами (на стыке корня и суффикса либо двух суффиксов).

- 1. В правилах 1956 г. отсутствует правило написания прилагательных типа дамасский. В новом справочнике оно формулируется следующим образом: «Прилагательные с суффиксом -ск-, образованные от основ на гласную + ск, оканчиваются на -сский, например: дамасский (от Дамаск), этрусский (этруски), баусский (Бауска), сан-францисский (Сан-Франциско); но: баскский (от баски), оскский (от оски древняя племенная группа)». Как видим, сформулированное правило распространяется только на образования с неодносложным корнем; при односложном корне наблюдается написание удвоенного сочетания ск.
- 2. Правило написания суффиксальных образований типа ∂ обытик, кабатик, реснитиатый (с суффиксами, начинающимися буквой u) в «Правилах...» 1956 г. имеется (см. § 51), однако изложено оно неточно. В нем говорится, что буквой m перед суффиксом (-u, -u) или -u или -u или -u. Речь, конечно, должна идти не о простой замене букв, а о чередовании согласных u или u или u и о передаче на письме долгого согласного звука u.

Таким образом, на стыке корня и суффикса (а также двух суффиксов) не допускается удвоенная согласная \mathbf{u} , заменяемая буквосочетанием $m\mathbf{u}$, например: $nepedam\mathbf{u}$, $pasdam\mathbf{u}$, $doбыm\mathbf{u}$ (от $nepeda\mathbf{u}$, $pasdam\mathbf{u}$, $doбыm\mathbf{u}$); $kafam\mathbf{u}$, $kapmomem\mathbf{u}$, $kapmomem\mathbf{u}$, kapmomek, kapm

nuya, pechuya, hemeykuŭ, Донеукая область) с чередованием согласных y-y (см. § 87 нового орфографического справочника).

3. Как известно, удвоенные согласные в корнях слов, преимущественно иноязычных заимствований, — проблема исключительно словарная. Однако и здесь есть свои частные закономерности, связанные с написанием производных суффиксальных слов и определяемые современной практикой письма.

Так, правило о сохранении двойных согласных корня перед суффиксами (группка, программный, классный и т.п.), сформулированное в общем виде в § 69 правил 1956 г., требует существенного дополнения, которое отражает давно уже существующую закономерность письменного оформления некоторых групп суффиксальных производных слов, данному правилу не подчиняющихся. Сюда относятся: 1) уменьшительные и фамильярные формы личных имен с суффиксом -к(а), например: Алла – Алка, Жанна – Жанка, Инна – Инка, Римма – Римка, Мирра – Мирка, Савва – Савка, Кирилл – Кирилка, Филипп – Филипка, а также Филипок (род.п. Филипка) и Филипчик¹; 2) любые образования с суффиксом -к(а) от основ с двойной и, например: финка (от финн), пятитонка, трёхтонка (от тонна), колонка (от колонна), антенка (от антенна); 3) слова кристальный (от кристалл), финский (от финн) и оперетка (от оперетта)².

Слова этих групп должны рассматриваться не как исключения из общего правила, а как дополнительное правило, охватывающее (что касается пп. 1 и 2) открытые ряды образований (см. в новом справочнике § 109).

4. В новейшей орфографической практике проблема написания удвоенных согласных на конце корня осложнилась особенностями написания некоторых новых заимствований-англицизмов в языке-источнике, для которого характерно, напротив, удвоение корневой согласной перед суффиксом. Поскольку явление это русскому письму чуждо, следует писать, например, шопинг, но не шоппинг (ср. производящее шоп, также заимствованное из английского), блогер и блогинг (ср. блог), свопинг (ср. своп), сканер (ср. сканировать), спамер (ср. спам), рэпер (ср. рэп), хотя в английских этимонах этих производных слов перед суффиксами -ег и -ing согласная удвоена. Устоявшиеся написания давно заимствованных слов стоппер (спорт.) и контроллер (тех.), к тому же произносимые устойчиво с долгим согласным, не должны препятствовать кодификации написаний новых подобных заимствований с одиночной согласной перед суффиксом³. Явление это в новом орфографическом справочнике еще не отмечено; актуальность его выявилась в самое последнее время.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Но ср. ласкательные образования с суффиксами -очк(а), -ушк(а), где двойные согласные сохраняются: Аллочка, Жанночка, Кириллушка и т.п.
- ² См. также: Розенталь Д.Э., Джанджакова Е.В., Кабанова Н.П. Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. М., 1994, с. 11.
- ³ Это, разумеется, не относится к заимствованиям-англицизмам типа баннер, плоттер, скруббер, джоббер, джоггинг, у которых в русском языке нет однокоренных соответствий с одиночной согласной.

НАПИСАНИЕ *нн-н* В ПОЛНЫХ ФОРМАХ СТРАДАТЕЛЬ-НЫХ ПРИЧАСТИЙ И СООТНОСИТЕЛЬНЫХ С НИМИ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ*

Н. А. Еськова

«Правилами русской орфографии и пунктуации» 1956 г. было узаконено сложившееся в правописной практике различение с помощью написаний *нн—н* определенной части форм страдательных причастий прошедшего времени и соотносительных прилагательных (жаренная на масле картошка — жареная картошка).

Главные недостатки правила 1956 г., давно признанного неудачным, заключаются в том, что оно: а) неадекватно обобщает сложившуюся практику, б) не дает пишущему указаний, как отличить причастие от прилагательного.

По этому правилу не разграничиваются на письме причастия и прилагательные 1) на -ованный, -еванный, 2) содержащие приставку. В его формулировке осталось невыявленным одинаковое написание с нн в разных случаях таких не содержащих приставку форм, как брошенный (брошенный хулиганом камень и брошенный ребенок), конченный (только что конченная писателем повесть и конченное дело), купленный (удачно купленный товар и купленный судья). Это формы глаголов совершенного вида, и для них (образующих в современном языке небольшую закрытую группу) утвердилось написание только с нн.

Это значит, что правило, предписывающее разграничение/неразграничение на письме причастий и соотносительных с ними прилагательных, должно ориентировать пишущего не на наличие/отсутствие пристав-

^{*} См. сноску на стр. 17.

ки, а на вид глагола. Причастия глаголов совершенного вида, а также большинства двувидовых, не противопоставлены орфографически соотносительным прилагательным. Непротивопоставленность написаний причастий-прилагательных на -ованный, -еванный тоже связана с видом: среди глаголов на -овать, -евать большой процент составляют двувидовые, и в практике письма с ними орфографически объединились образования от менее многочисленных глаголов несовершенного вида.

Что касается того, каким образом отличить причастие от прилагательного, о чем правило 1956 г. хранит молчание, то это является самым уязвимым моментом правила, предписывающего их орфографическое разграничение. Для применения правила в школьной практике и в практике печати оставалось только ориентироваться на наличие/отсутствие при форме, правильное написание которой надо определить, зависимых слов: наличие таковых означает, что перед нами причастие (груженные дровами повозки, крашенная красной краской крыша, стриженные по моде волосы, вязанная из козьей шерсти кофта), отсутствие же пояснительных слов понимается как признак прилагательного, которое следует писать с и (груженая баржа, крашеный пол, стриженая головка, вязаные изделия).

Неоднократно писалось о том, что ориентация на этот признак лингвистически ненадежна, что не всякие зависимые слова с уверенностью "диагностируют" причастие (это относится ко всем только что приведенным примерам), что конструкции с "несомненными" причастиями (повозки, гружённые рабочими; крыша, крашенная малярами; волосы, стриженные парикмахером; кофта, вязанная бабушкой) искусственны и встречаются редко.

В то же время правило, которое приходится применять, ориентируясь на некий механический признак, что делает его лингвистически малосодержательным, достаточно трудно, требует навыков, в других случаях не находящих применения. Неоднократно ставился вопрос о желательности его упрощения. Это может быть достигнуто только одним способом — отказом от представляющего собой исключение на фоне всех других орфографических правил письменного разграничения с помощью ин и и форм причастий и соотносительных прилагательных.

Работа над усовершенствованием орфографического свода, начавшаяся в 1990-х годах, не могла не коснуться этого правила. Рассматривались альтернативные решения: 1) не внося изменений в утвердившиеся в практике написания, усовершенствовать правило, устранив, насколько это возможно, те его недостатки, о которых только что сказано; 2) отказаться от разграничения на письме причастий и соотносительных прилагательных, для чего надо решиться на довольно значительные изменения принятых написаний.

Текст правила, приводимый дальше, реализует второе решение. Он был выработан в результате многократных обсуждений в Орфографической комиссии и получил много положительных оценок. Отвергнут он был в связи с принятой на последнем этапе работы комиссии установкой не вносить изменений в утвердившиеся в практике написания.

Двойное *н* и одно *н* в полных формах страдательных причастий прошедшего времени и соотносительных с ними прилагательных

§ 1. Пишутся с **нн** формы, образованные от глаголов на -овать, -евать (т. е. формы на -ованный, -ёванный, -еванный), напр.: балованный, корчёванный, линованный, малёванный, организованный; выкорчеванный, избалованный, намалёванный, разлинованный, реорганизованный.

О написании форм от глаголов жевать, клевать, ковать см. § 2, п. 2.

- § 2. Формы, образованные от глаголов не на -овать, -евать, пишутся с $\mathbf{h}\mathbf{h}$ или \mathbf{h} в зависимости от вида глагола.
- 1. Формы, образованные от глаголов совершенного вида (подавляющее большинство которых приставочные) пишутся с *нн*: выбеленный, выстиранный, довязанный, изжаренный, исписанный, окрашенный, очищенный, обруганный, покрашенный, подсчитанный, распутанный, сделанный (примеры форм приставочных глаголов); брошенный, данный, конченный, купленный, лишённый, пленённый, прощённый, пущенный, решённый, хваченный, явленный (полный перечень форм исконно бесприставочных глаголов).

<u>Исключения.</u> Пишутся с одним *н* соотносительные с причастными формами прилагательные в составе следующих устойчивых сочетаний: названый брат, названая сестра, посажёный отец, посажёная мать, Прощёное воскресенье.

2. Формы, образованные от глаголов несовершенного вида (все они бесприставочные), пишутся с одним **н**, напр.: белёный, вязаный, вяленый, гружёный, деланый, драный, жареный, жжёный, званый, кипячёный, крашеный, латаный, ломаный, метёный, мощёный, ношеный, писаный, плетёный, путаный, рваный, резаный, руганый, стираный, стриженый, считаный, чищеный. Так же пишутся жёваный, клёваный, кованый.

Такие формы пишутся одинаково при употреблении их с зависимыми словами и без зависимых слов, напр.: *гружёные дровами повозки* и

гружёная баржа; жареная на масле картошка и жареная картошка; писаная маслом картина и писаная красавица; стриженые парикмахером волосы, коротко стриженые волосы и стриженые волосы; давно не чищеная обувь и чищеная крупа; недавно кованый конь и кованый сундук.

3. Формы, образованные от двувидовых глаголов, т. е. глаголов, которые могут иметь значение и совершенного и несовершенного вида, пишутся с **нн**: венчанный, казнённый, контуженный, обещанный, рождённый.

<u>Исключения:</u> крещёный и раненый, пишущиеся с одним н.

- § 3. В словах с приставкой *не*-, в сложных словах и в некоторых соединениях-повторах формы причастий и прилагательных пишутся так же, как в отдельном употреблении, т. е. по правилам §§ 1 и 2. Примеры.
 - 1. Слова с приставкой не-:

пишутся с **нн**: необразованный, нелинованный, непроверенный, незаконченный, некупленный, непрощённый:

пишутся с **н**: небелёный, неглаженый, незваный, некованый, некормленый, некрашеный, немереный, немощёный, непаханый, непрошеный, несчитаный.

2. Сложные слова:

пишутся с **нн**: высококвалифицированный, цельноштампованный, благоприобретённый, свежеокрашенный, целенаправленный, слепорождённый, умалишённый;

пишутся с н: гладкокрашеный, доморощеный, домотканый, мелкодроблёный, самозваный, тяжелораненый, цельнокроеный.

3. Соединения-повторы с приставкой *пере*- во второй части, имеющие усилительное значение. В них обе части пишутся одинаково (с *нн* или n):

пишутся с **нн**: заложенный-перезаложенный, решённый-перерешённый;

пишутся с н: латаный-перелатаный, стираный-перестираный, читаный-перечитаный, штопаный-перештопаный.

<u>Исключения к § 2, п. 2 и § 3, пп. 1 и 2.</u> Пишутся с *нн* вместо *н*: причастия виденный, слышанный, прилагательные невиданный, негаданный, желанный, нежеланный, жеданный, нежеданный, долгожданный, надёванный, ненадёванный, неожиданный, неслыханный, нечаянный и (в составе устойчивых сочетаний) недрема́нное око, разливанное море, виданное ли дело?, слыханное ли дело?, в составе собственного имени Андрей Первозванный.

Далее приводится материал, фигурировавший при обсуждении этого правила в Орфографической комисии. В нем анализируются его преимущества по сравнению с действующим правилом, а также приводятся факты, которые касаются некоторых "сомнительных" моментов предлагаемого нового правила и позволяют оценить степень их значимости по сравнению с его достоинствами.

Этот материал должен помочь решить следующие вопросы.

- 1. В чем основное преимущество этого правила написания *нн-н* в соотносительных формах причастий-прилагательных по сравнению с действующим правилом?
- 2. Насколько значительны недостатки этого правила (на которые указывали некоторые его критики)?

Правило 1956 г. требует, чтобы пишущий:

- а) усвоил, когда соотносительные причастия-прилагательные пишутся одинаково и когда по-разному;
- б) умел на основании анализа текста выбирать нужные написания (для тех случаев, когда причастия и прилагательные орфографически различаются).

Основная трудность действующего правила связана со второй задачей. Формулировка правила требует различать причастия и прилагательные. Фактически пишущие ориентируются на внешний показатель - пояснительные слова (тот же, который определяет слитное – раздельное написание не с причастиями). Этот показатель одновременно труден практически и недостаточно надежен лингвистически. Причастия могут быть и одиночными; пояснительные слова же не всегда являются показателями причастных форм. Принято считать, что в случаях типа жаренный в масле, стриженный ежиком, груженный солью, мощенный булыжником употреблены формы причастий. Не является ли такая квалификация этих форм данью некоторой схоластической схеме? Впрочем, чтобы установить их написание, вовсе не нужно решать, прилагательные это или причастия: они пишутся с нн, потому что при них есть пояснительные слова (в отличие от жареный, стриженый и пр. без пояснительных слов). Интересно, что иногда пишут нн при наличии таких пояснительных слов, которые возможны при любом прилагательном; например: "усики " явно крашенные ("Огонек", 1958); ср.: явно седые, явно мокрые, явно искусственные и пр.

Таким образом, действующее правило, достаточно трудное для практического применения, не способствует отражению на письме существенных языковых различий, а сводится к чисто внешнему противопоставлению форм с пояснительными словами и без них. Совершенно

очевидно, что создать доступное для пишущих правило, которое позволяло бы действительно различать на письме формы причастий и отпричастных прилагательных, невозможно. (Кроме того, вызывает сомнение сама необходимость различать на письме эти категории.)

Предлагаемое правило отменяет самую трудную часть действующего: по новому правилу для выбора написания *нн* или *н* не нужен а нализтекста; каждое причастие-прилагательное приобретает стабильный письменный облик: слово пишется с *нн* или *н* независимо от контекста. Поэтому при применении этого правила начал бы действовать новый фактор: запоминание графических обликов слов. Каждое усвоенное написание воспроизводилось бы по памяти, без обращения к правилу, в то время как сейчас обращение к правилу нужно постоянно, при каждом конкретном случае употребления формы причастия или прилагательного.

Предлагаемое правило не избавляет пишущего от необходимости проводить границу между *нн* и *н* в пределах рассматриваемых категорий. Важно подчеркнуть, однако, что критерием является такой признак, который не оставляет никаких "промежуточных" случаев: в современном русском языке нет глаголов, находящихся вне видовой принадлежности (а двувидовые глаголы приравниваются по этому правилу к глаголам совершенного вида).

По свидетельству учителей, категория вида занимает очень важное место в изучении глагола в школе; определение видовой принадлежности глаголов практически необходимо для усвоения многих разделов школьной программы по русскому языку (в частности – раздела об образовании причастий).

Предлагаемое правило вносит сравнительно мало изменений в принятые сейчас написания. Существенно, что не подлежат изменению частотные случаи. В парах типа жаренный – жареный, вязанный – вязаный, стриженный – стриженый и пр. вторые члены несравненно употребительнее первых (см. ниже некоторые данные, подтверждающие это); их написания остаются без изменения. Важно и то, что в этих случаях вообще не появляется новых графических обликов слов.

Предложенное правило не меняет сложившихся соотношений между письменным обликом слов и их произношением в подавляющем большинстве "явных" случаев — т.е. там, где долгое и недолгое и отчетливо противопоставлены; ср. не затрагиваемые правилом написания: определённый, принесённый, оживлённый, уличённый, спасённый и мочёный, варёный, солёный, кручёный.

Трудности в применении этого правила возникают в следующих случаях.

- 1. При отсутствии адъективированных форм в современной практике не представлено написаний с *н*. Поэтому предлагаемые написания для этих случаев не опираются на уже существующие. К ним относятся, напримр: ведёный, везёный, говорёный, несёный, пасёный (эти новые написания, видимо, вступают в конфликт с произношением). Следует, однако, учесть, что такие причастия не принадлежат к числу широкоупотребительных.
- 2. Существуют соотносительные формы причастий-прилагательных, которые, по данным словарей, различаются ударением; это случаи типа ва́ренный варёный, кру́ченный кручёный, мо́ченный мочёный, су́шенный сушёный, со́ленный солёный (в орфографическом словаре отмечено более 20 таких пар). Написания нн—н в таких случаях служат сигналом места ударения: варенный читается как ва́ренный, вареный как варёный. Эта своеобразная письменная сигнализация уничтожается предлагаемым правилом.

Чтобы решить, насколько большой "потерей" является устранение этой письменной сигнализации, надо установить, в какой мере противопоставлены в языке пары типа $в \acute{a} p e H h b \ddot{u} - b a p \ddot{e} h b \ddot{u}$.

По данным картотеки Словарного отдела Института лингвистических исследований РАН в Петербурге, формы причастий такого типа редки. Был запрошен материал для форм: варен(н)ый, кручен(н)ый, мочен(н)ый, сушен(н)ый, тушен(н)ый. Вот что он показывает:

вареный (прилаг.) — 60 примеров; вареный (с n!) с пояснительными словами — 2 прим.: вареный в воде, вареный на меду;

крученый (прилаг.) — 43 прим.; крученный (прич.) — прим.: крученными в крупные кольца волосами;

моченый (прилаг.) — 25 прим.; мочен(н)ый (прич.) — не зафиксировано;

сушеный (прилаг.) представлено рядом примеров; сушен(н)ый (прич.) – не зафиксировано;

тушеный (прилаг.) — 13 прим.; тушенный (прич.) — 1 прим.: из капусты, мало тушенной.

Материал картотеки по современному русскому ударению Института русского языка РАН не подтверждает устанавливаемого словарями акцентного противопоставления типа ва́ренный — варёный, кру́ченный — кручёный. Вот некоторые примеры:

ва́ренный – варёный

варён(н)ый – причастие: ..Кусок, варённый восемь раз (А. Безыменский); ..из черепахи варёным бульоном (С. Маршак).

Ни одного примера на варен(н)ый не зафиксировано;

даренный – дарёный

В функции прилагательного: дарен(н)ый – 5; дарёный – 4,

дарён(н)ый — причастие: "Кандалы, дарённые законом (В. Савельев); "Дарёный жителями сыр (К. Симонов).

да́рен(н)ый – причастие – не зафиксировано;

дубленный – дублёный

дублёный (прил.) – 6 прим.;

дублён(н)ый — причастие: ..В тяжелой одежде, дублённой мазутом и маслом.. (М. Матусовский); ..когда в лица, дублённые временем, глянет (перевод П. Грушко); ..Как будто дублёной за годы работ (А. Краснов); крученный — кручёный.

В функции прилагательного: кручёный -5, крученый -1.

В функции причастия: Над нами крученная в зное Тень от парящего орла (Б. Озерный); ..в четыре закрутки кручённые (М. Исаковский);

мо́ченный — мочёный

мочёный – при наличии зависимого слова: Белый ест ананас спелый, черный – гнилью мочёный (В. Маяковский).

мочен(н)ый не зафиксировано;

пиленный – пилёный.

Зафиксировано несколько случаев пи́лен(н)ый в функции прилагательного: пи́леных дров (С. Сергеев-Ценский); пи́леный сахар (В. Рождественский); пи́ленными досками (А. Поперечный); пи́леного леса (В. Шошин) и др.;

у́ченный – учёный

учёный с пояснительными словами: ..в жизни многому учёный.. (Б. Ручьев); О вы, невзгодами не раз учёные (В. Сикорский);

учен(н)ый не зафиксировано.

Можно сделать следующий вывод. В языке нет акцентного противопоставления типа ва́ренный — варёный. Есть отчетливое противопоставление ряда адъективированных форм с ударением на суффиксе соответствующим приставочным формам причастий с ударением на корне: варёный — сва́ренный, прова́ренный, зава́ренный; гашёный — пога́шенный, зага́шенный; сушёный — просу́шенный, засу́шенный и т.п. Формы же типа варенный, сушенный, моченный и пр. чисто теоретически создаются составителями словарей "по образу и подобию" приставочных форм. В языке этих форм практически нет. В тех сравнительно редких случаях, когда бесприставочные формы выступают в синтаксическом окружении, позволяющем "заподозрить" в них причастия, они имеют тенденцию сохранять ударение адъективированных форм (см. выше случаи типа варённый восемь раз, дарённые законом и пр.). Значит, письменная сигнализация, о которой говорилось выше, — это сигнализация не о реальном языковом различии, а о различии мнимом, искусственно созданном составителями словарей.

В заключение необходимо дать пояснения к отдельным написаниям (в связи со сделанными замечаниями).

Слова с ударным \acute{e} нн: $\emph{свящ\'e}$ нный, $\emph{явл\'e}$ нный, $\emph{благослов\'e}$ нный и др. — не регулируются рассматриваемым правилом и не должны фигурировать в числе исключений, так как в них нет причастного суффикса \ddot{e} нн.

Написание *медленный* также не должно рассматриваться в данной связи (*медлить* – непереходный глагол).

Слова винокуренный, мыловаренный образованы от винокурня, мыловарня, а не от куренный, варенный.

Написание *желанный* должно остаться исключением, так как есть форма *желанен*.

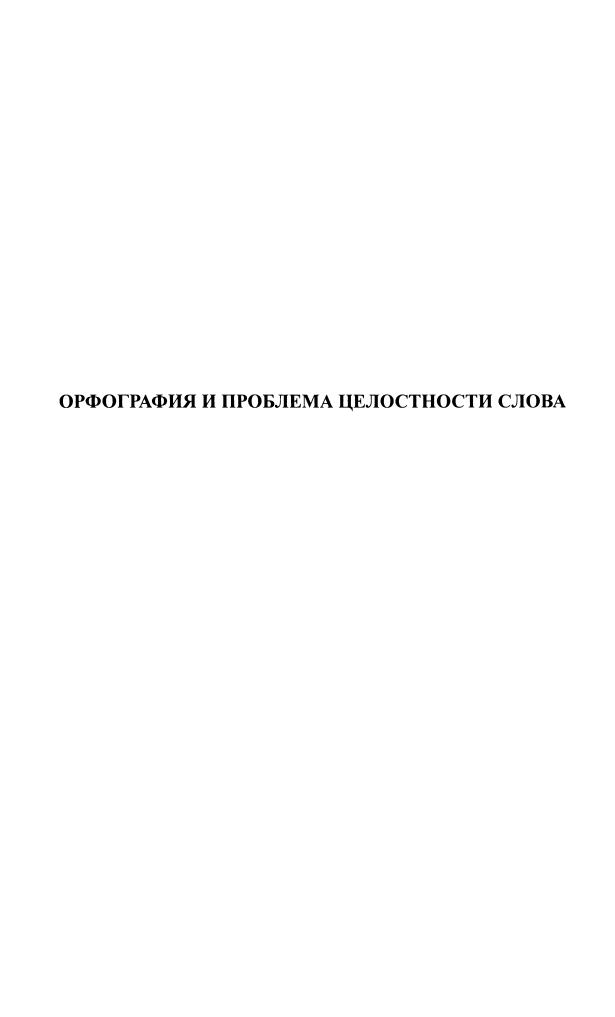
Принятию написаний *нежданый*, *долгожданый* мешает главным образом возможность формы *долгожданен*. Эти исключения тоже следует оставить.

Определение того, что упрощённый, возбуждённый, рождённый образуются от упростить, возбудить, родить, а не от упрощать и пр., связано с элементарным умением различать глаголы совершенного и несовершенного вида, чему должны учить в школе.

Различение *хваченный* – *хватаный* (от *хватить* и *хватать*) также доступно пониманию школьника. Но эти редкие случаи совершенно не обязательно должны фигурировать при изучении правила в школе.

ЛИТЕРАТУРА

Еськова Н.А. О написании *нн-н* в полных формах страдательных причастий и соотносительных прилагательных. // Вопросы культуры речи. VII. М., 1966. Правила русской орфографии и пунктуации. М., 1956.

СЛИТНЫЕ / ДЕФИСНЫЕ НАПИСАНИЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ И ЦЕЛЬНООФОРМЛЕННОСТЬ СЛОВА

Н. А. Еськова

Основная задача нового полного академического справочника "Правила русской орфографии и пунктуации" (2006), призванного заменить правила 1956 г., - не изменение принятых написаний, а совершенствование самих правил, приведение их в большее соответствие с орфографической теорией и практикой, учет нового языкового материала, заполнение пробелов, т.е. создание правил для написаний, до сих пор правилами не охваченных. Однако есть такие орфографические участки, где усовершенствование правил неминуемо должно привести к необходимости изменить какое-то количество написаний, следующих из действующих правил или преобладающих в современной орфографической практике. Именно таким "участком" является вся совокупность правил слитного, дефисного и раздельного написания. Едва ли не самая неблагополучная их часть – правила для существительных. В то же время как раз для этой части речи может быть предложена система правил, основанная на едином принципе. Таким принципом является ориентация на цельнооформленность слова.

Здесь предлагается система правил, основанная на этом принципе. Эти правила составлялись не для включения в обновленный орфографический свод, установкой которого был полный отказ от изменения принятых написаний. Автору представлялась не лишенной интереса попытка реализовать принцип орфографического противопоставления цельнооформленных и нецельнооформленных существительных в подробно разработанной системе правил.

Цельнооформленность сложного существительного выражается морфологически в едином склонении, т.е. в отсутствии отдельного склонения первой части: жар-птица — жар-птицы, джаз-оркестр — джаз-оркестра, альфа-частица — альфа-частицы, горе-охотник — горе-охотника и т.д. Признак нецельнооформленности — склонение обеих

частей: баба-яга — бабы-яги, мать-героиня — матери-героини, кресло-кровать — кресла-кровати, ковер-самолет — ковра-самолета и т.п. Исходная форма существительного может нести информацию о морфологической цельнооформленности, которая в этом случае оказывается формально выраженной. Именно таковы сложные существительные, образованные с помощью соединительной гласной (лесопарк, землепользование).

Прежде чем предложить систему правил, основанную на признаке цельнооформленности/нецельнооформленности, надо кратко остановиться на правилах для существительных — §§ 78—79 свода 1956 г. При этом опускается все относящееся к собственным именам и к графическим сокращениям (типа o-so, f-ka и пр.).

В указанных параграфах свода соседствуют правила, в основу которых положены разные признаки. Одни пункты основаны на формальных моментах, в других общим написанием объединены слова, принадлежащие к одной семантической группе без учета их строения. Из формального признака — типа словообразования — исходит пункт о слитном написании существительных с соединительными гласными. Но с ним вступает в противоречие рекомендация писать через дефис слова нескольких семантических групп: написания человеко-день, анархо-синдикалист, северо-восток и др. оказываются исключениями из этого правила.

В рассматриваемом разделе свода не разграничиваются в достаточной степени цельнооформленные и нецельнооформленные соединения. Последние почему-то попадают в разные пункты § 79. В п. 1 б) фигурируют изба-читальня, купля-продажа, паинька-мальчик, пила-рыба, а мать-старуха, Маша-резвушка оказываются в п. 14. В то же время п. 1 а) § 79 посвящен дефисным написаниям цельнооформленных соединений. Даже если оставить в неприкосновенности все действующие написания, переформулировка правил этого параграфа необходима. Дефисное написание разного типа нецельнооформленных соединений должно носить характер четкого правила.

К числу самых уязвимых для критики пунктов § 79 относится п. 13 о дефисном написании замкнутой группы слов (преимущественно обозначающих должности и звания) с первыми элементами вице-, контр-, лейб-, обер-, унтер-, штаб- (вице-президент, контр-адмирал, лейб-медик, обер-прокурор, унтер-офицер, штаб-лекарь), для которого нет иных оснований, кроме устойчивой традиции. Именно эта устойчивая традиция становится на пути всех попыток заменить эти дефисные написания

слитными. Неправомерно включен в эту группу приставочный элемент экс-, свободно соединяющийся не только с существительными, но и с прилагательными (экс-спикер, экс-советский). Решать вопрос о написании соединений с этим элементом надо отдельно от указанной группы.

Но самая неблагополучная часть правил свода та, которая касается написания сложных существительных с формально не выраженной цельнооформленностью, т.е. образованных без соединительных гласных. Им посвящен уже упоминавшийся п. 1 а) § 79. Формулировка п. 1, относящаяся и к а) и к б), гласит, что через дефис пишутся "сложные существительные, имеющие значение одного слова (? — Н.Е.) и состоящие из двух самостоятельно употребляющихся существительных, соединенных без помощи соединительных гласных о и е". В числе примеров, приведенных в п. 1 а), фигурируют: жар-птица, бой-баба, дизель-мотор, премьер-министр, генерал-майор. Остается гадать, как соотносится с этим пунктом правил малозаметная оговорка (даже не выделенная в качестве примечания), включенная почему-то в § 76 (раздел "Общие правила"): "Написание слитное или через дефис сложных иноязычных слов устанавливается в словарном порядке".

Далее приводятся для сравнения существительные с формально не выраженной цельнооформленностью одинакового устройства, закрепленные современной практикой одни в дефисных, другие в слитных написаниях.

1. Обе части известны в самостоятельном употреблении; первая часть совпадает с существительным, имеющим в исходной форме нулевую флексию.

Пишутся через дефис: адрес-календарь, бизань-мачта, бой-баба, гриль-бар, джаз-оркестр, жар-птица, кабель-кран, караван-сарай, коктейль-холл, лорд-канцлер, плац-парад, резус-фактор, тайм-аут, царь-девица, шеф-повар.

Пишутся слитно: бормашина, бромацетон, вымпелфал, костьутиль, люфтпауза, планкарта, фальцаппарат, четвертьфинал, штормтрап, ялбот.

2. Вторая часть известна в самостоятельном употреблении, а первая встречается только в составе одного или нескольких сложений.

Пишутся через дефис: айс-ревю, берг-коллегия, брейд-вымпел, далай-лама, крюйс-пеленг, мюзик-холл.

Пишутся слитно: арьерсцена, бельэтаж, брандмайор, вицмундир, гофмаршал, курзал, лендлорд, фельдмаршал, шмуцтитул.

3. Обе части самостоятельно не употребляются и отдельно ничего не значат.

Пишутся через дефис: альма-матер, беф-брезе, буги-вуги, джиу-джитсу, курбан-байрам, ленд-лиз, люля-кебаб, папье-маше, пинг-понг, уик-энд.

Пишутся слитно: арьергард, бельканто, бефстроганов, верлибр, женьшень, капельдинер, курфюрст, ландвер, нувориш, прейскурант, сенбернар, тамтам, фельдфебель, флинтглас, шаривари.

Можно заметить, что среди слов второго и особенно третьего типа больше пишущихся слитно, а у слов первого типа преобладают дефисные написания. В последние годы появляются новые сложения такого типа, пишущиеся преимущественно через дефис. К ним относятся, например, образования с первой частью бизнес-, рок-, секс- (бизнес-карта, бизнес-реклама, бизнес-центр, рок-ансамбль, рок-группа, рок-музыка, секс-клуб, секс-фильм, секс-шоу и др.). По этой модели образуют разнообразные названия (в том числе с собственными именами в первой части), например, названия телепередач и телерубрик ("Блеф-клуб", "Джентльмен-шоу", "Клип-антракт", "Лад-галерея", "Гиннес-шоу", "Штраус-букет"), музыкальных ансамблей ("Брукнер-оркестр", "Манфред-квартет", "Шуман-ансамбль", "Шуберт-трио") и др.

Однако подведение дефисного написания таких сложений под правило осложняется наличием значительного количества исключений, причем одна группа исключений представляет собой как бы "частное правило": названия химических соединений пишутся слитно.

Среди существительных, цельнооформленность которых формально не выражена, последовательно пишутся слитно образования лишь одного типа — сложносокращенные слова. Однако, как справедливо отмечено в Грамматике-80, аббревиатуры типа пионерлагерь, спортплощадка, стенгазета "не могут быть строго отграничены от сложных существительных с нулевым интерфиксом" (так квалифицируются в этой грамматике слова типа джаз-оркестр и яхт-клуб; см. §§ 589 и 588). Любопытно появление "новомодного" термина соц-арт — с тем же компонентом соц-, что и в слове соцреализм, но пишущегося через дефис.

Как уже говорилось, система правил слитного и дефисного написания существительных нуждается в более логичном построении и в более ясных и четких формулировках отдельных пунктов. Но чтобы сделать их более легкими, надо решиться на внесение изменений в принятые написания. "На поверхности" лежит предложение устранить все исключения из правила слитного написания существительных с соединительными гласными (при этом труднее всего "принимается" изменение написаний промежуточных стран света: северо-восток, северо-запад,

юго-восток, юго-запад). Если бы эти исключения были полностью устранены и если бы было подведено под единое правило дефисное написание различных соединений с самостоятельно склоняющейся первой частью, в общей системе правил четко противопоставлялись бы соединения, цельнооформленность которых выражена формально, и нецельнооформленные соединения.

Но остается самый трудный "участок" – написание существительных, цельнооформленность которых не выражена формально. Лингвистического обоснования для правила, которое определяло бы различное написание таких слов, не находится. А это значит, что их слитное или дефисное написание может определяться только в словарном порядке.

Покончить со "словарным порядком" можно, введя правило, устанавливающее противопоставление на письме цельнооформленных существительных нецельнооформленным, т.е. узаконивающее для всех цельнооформленных существительных, независимо от их строения, слитное написание.

Предлагаемая далее система правил нуждается в некоторых предварительных пояснениях. Для полноты картины в эти правила включены и те пункты, которые реализуют общие правила слитного и дефисного написания, независимо от принадлежности слова к той или иной части речи (в общем своде были бы лишь отсылки к соответствующим пунктам общих правил). Правила могут показаться слишком дробными, если учитывать, на каком обобщенном принципе они основаны. Это сделано для того, чтобы продемонстрировать весь относящийся сюда материал и облегчить сопоставление с ныне действующим сводом.

Правила слитного и дефисного написания существительных

- § 1. Слитно пишутся соединения элементов, образующие морфологически цельнооформленные существительные, признаком чего является склонение только второго элемента. Это следующие случаи.
- 1. Слова, слитное написание которых определяется общими правилами.
- а) Образования с приставками, к числу которых относятся анти-, архи-, гипер-, интер-, контр-, меж-, между-, после-, пост-, противо-, сверх-, суб-, супер-, транс-, ультра-, экс- экстра-; например: перепод-готовка, антивещество, архиплут, гиперинфляция, интерфаза, контрудар, межполосье, междуцарствие, послезвучание, постимпрессионизм,

противотела, сверхприбыль, субдоминанта, супертанкер, транслокация, ультразвук, экспрезидент, экстракласс.

Близки к приставочным образования с начальными элементами *квази-, лже-, пан-, полу-, псевдо-*; например: *квазизвезда, лжепророк, панисламизм, полупроводник, псевдонаука*.

б) Образования с начальными компонентами типа авиа-, авто-, аэро-, агро-, био-, вело-, гидро- и др.; например: авиаписьмо, автосервис, аэро-вокзал, агрогород, биокрем, велогонки, гидробиолог.

К этой группе образований должны быть отнесены соединения с относительно недавно появившимися элементами макси-, мини-, миди-, аудио-, видео-; например: максипальто, минитрактор, видеотехника, аудиозапись.

- в) Сложные существительные с числительными в качестве первого элемента; например: *двухлетие*, *техилен*, *четырехокись*, *пятилетка*, *шестидневка*, *стометровка*.
- г) Сложносокращенные слова, например: агитколлектив, военврач, госзаказ, загранпаспорт, компартия, машбюро, натуроплата, партбилет, политорганы, стройотряд, труддисциплина, утильцех, хозтовары.
- 2. Сложные существительные, образованные с помощью соединительных гласных о и е; например: водолечебница, землепользование, камнебетон, квартиробивак, пятновыводитель, солесодержание; анархосиндикализм, тоннокилометр, угрофинны, юговосток.
- 3. Сложные существительные с первой частью на -u, -й, -ь, совпадающей по форме с повелительным наклонением глагола. Перечень таких слов: болиголов, вертихвостка, вертишейка, вырвиглаз, горицвет, держидерево, держиморда, косисено, перекатиполе, скопидом, сорвиголова, шумиголова, воруйгородок, гуляйполе, неразлейвода, грабьармия.
- 4. Образования с начальными элементами вице-, лейб-, обер-, унтер-, штаб-; например: вицеадмирал, лейбгвардия, оберофицер, унтерофицер, штаблекарь.

Примечание. Эта группа образований выделена в отдельный пункт исключительно ради наглядности сопоставления с действующими правилами.

- 5. Сложные существительные, вторая часть которых встречается в виде самостоятельно употребляющегося существительного, а первая часть, кончающаяся на согласную, \ddot{u} или b, принадлежит к одной из следующих разновидностей.
- а) Первая часть сложения совпадает с самостоятельно употребляющимся существительным; например: ампервольтметр, бизнесреклама, бутилкаучук, ватермашина, гротмачта, дизельмотор, жокейклуб, кран-

балка, лотлинь, матчтурнир, нордост, планкарта, плащпалатка, премьерминистр, рокмузыка, хлорацетон.

- б) Первая часть сложения совпадает с основой самостоятельно употребляющегося существительного; например: вахтарад, каюткомпания, почтдиректор, прессатташе, секстаккорд, септаккорд, яхтклуб.
- в) Первая часть сложения может быть отождествлена с усеченной основой существительного или прилагательного; например: аудиенцзал, заурядврач, конференцзал, паймальчик, приватдоцент, социалдемократ, танцзал, фальшборт, юстицколлегия.
- г) Первая часть ничего отдельно не значит и встречается только в составе одного или нескольких сложений; например: авансцена, бильдаппарат, бундесканцпер, бургграф, вальтрап, гаучпресс, доппелькюммель, кольдкрем, кунсткамера, мюльмашина, плейбой, попмузыка, фаустпатрон, эрдельтерьер.
- 6. Существительные, состоящие из элементов (единичных или встречающихся в нескольких словах), которые отдельно в русском языке ничего не значат; например: берибери, бланманже, бонвиван, вундеркинд, камердинер, квипрокво, лонгшез, пепсикола, стипльчез, таусагыз, тетатет, файфоклок, фальшфейер, финьшампань, хулахуп, шезлонг.

Примечание (к пп. 5 и 6). Читателям представляется возможность проверить свою "грамотность", определив, какие слова даны в принятых сейчас написаниях и какие – в написаниях, измененных по предлагаемому правилу.

- § 2. Через дефис пишутся соединения элементов, не обладающие свойством цельнооформленности, соединения, цельнооформленность или нецельнооформленность которых не может быть установлена, а также одна разновидность цельнооформленных соединений; пишутся через дефис также такие соединения, к которым не может быть применен критерий цельнооформленности. Это следующие случаи.
- 1. Соединения существительных, не обладающие свойством цельнооформленности, признаком чего является самостоятельное склонение первой части. Это могут быть сочетания-повторы, устойчивые сочетания близких или соотносительных по значению слов, устойчивые или свободные сочетания с приложениями; например: горе-злосчастье, друг-приятель, имя-отчество, купля-продажа, ванька-встанька, город-герой, скатерть-самобранка, дом-новостройка, музыкант-ударник, страна-агрессор, красавица-девочка, старуха-мать, проказница-мартышка.

Примечание 1. Известно, что некоторые несвободные сочетания имеют тенденцию превращаться в цельнооформленные существительные, теряя склоняемость первого компонента; в результате этого возникает вариативность: вагона-ресторана и ва-

гон-ресторана, дивана-кровати и диван-кровати. С ними следует поступать как с нецельнооформленными сочетаниями, т.е. писать их через дефис.

Примечание 2. Здесь опускаются случаи, когда для сочетаний с приложениями принимаются раздельные написания.

2. Сочетания с приложениями, цельнооформленность или нецельнооформленность которых не может быть установлена, так как первое существительное несклоняемо; например: кафе-автомат, каноэ-одиночка, пальто-пелерина, ревю-оперетта.

Примечание. При несовпадении грамматического рода у членов таких соединений может быть косвенно обнаружена их нецельнооформленность. В сочетаниях с приложениями согласование происходит с первым существительным: к знакомой женщине-врачу, новых яслей-сада. Поэтому согласование новое кафе-автомат, в щегольском пальто-пелерине является косвенным свидетельством нецельнооформленности этих соединений, нейтрализуемой несклоняемостью первого существительного.

- 3. Цельнооформленные соединения, в первой части которых выступают существительные в именительном падеже с ненулевой флексией; например: ага-хан, альфа-лучи, бета-распад, гамма-глобулин, горе-охотник, дельта-импульс, луна-парк, чудо-богатырь, эхо-импульс.
- 4. Образования, выступающие в функции существительных, а внешне выглядящие как словосочетания: *иван-да-марья*, *любишь-не-любишь*, *мать-и-мачеха*, *не-тронь-меня*.
- 5. Соединения с пол- ("половина") форм родительного падежа единственного числа существительных и порядковых прилагательных: например: пол-аршина, пол-бутылки, пол-ведра, пол-года, пол-дюжины, пол-избы, пол-комнаты, пол-литра, пол-метра, пол-ночи, пол-оборота, пол-пути, пол-сотни, пол-узла, пол-фунта, пол-цены, пол-часа, пол-шага, пол-юрты, пол-яблока; пол-первого, пол-второго, пол-третьего, пол-четвертого, пол-пятого, пол-шестого, пол-седьмого, пол-восьмого, пол-девятого, пол-десятого, пол-одиннадиатого, пол-двенадиатого.

Прокомментируем пункт 5. Убедительно доказано, что соединения с *пол*- представляют собой фактически словосочетания, в которых *пол* близко к числительному; см.: [Зализняк 1967, с. 78 и 97; Мельчук 1978, с. 195–205]. Поэтому правильнее всего писать *пол* раздельно. Но это требует большой ломки; кроме того, вероятно, возникали бы недоразумения из-за наличия двух существительных-омонимов *пол*. Предлагаемое здесь решение – компромиссное. Правило вносит относительно много изменений в принятые написания (перед всеми согласными, кроме *п, пол*- сейчас пишется слитно), но оно заменяет едва ли не самое неудачное среди действующих правил.

Предлагаемые правила вносят значительные изменения в то, что принято сейчас. Но изменения эти больше затрагивают действующую практику, чем действующие правила. В правила вносятся следующие изменения: 1) устраняются исключения в написании существительных с соединительными гласными; 2) заменяются слитными дефисные написания для образований с пятью первыми элементами (см. § 1, п. 4) и приставкой экс-; 3) меняется правило для пол-. Для существительных, исходные формы которых не содержат формальных признаков цельнооформленности и которые пишутся сейчас (как было показано) не "по правилу", а в словарном порядке, принимается то написание (слитное), которое сейчас утвердилось для меньшей части таких существительных.

Предлагаемые общие формулировки правил не ориентируют на внешний облик исходной словоформы (который "информативен" только у части цельнооформленных существительных), а требуют обращения к тому, как данное соединение ведет себя при склонении. Это может представляться недостатком правила, тем более что, как уже говорилось, иногда наблюдается вариативность (вагона-ресторана и вагон-ресторана). Проблема вариативности решается приравниванием вариативных случаев к нецельнооформленным образованиям. При этом не исключается появление орфографических вариантов (тот, кто "признает" только вагон-ресторана, может написать это соединение слитно). Но эти варианты отражали бы происходящее в языке, и такая орфографическая вариативность не является "злом". Орфографические варианты недопустимы, когда они не имеют никакой опоры в языке. А именно такие варианты написания сложных существительных (лучше назвать это "разнобоем") в изобилии встречаются сейчас в печати. И этому не приходится удивляться, поскольку для значительной части случаев правила нет! Таким образом, оценивая предлагаемое правило, не надо забывать, что оно заменяет не другое правило, а отсутствие правила.

Отступления от принятых написаний в современной практике выражаются в замене как дефисных написаний слитными, так и слитных — дефисными. Преобладают скорее вторые. Нередки дефисные написания существительных с соединительными гласными, не принадлежащих к тем семантическим группам, для которых они узаконены. Так, в одной книге, изданной в 1984 г. издательством "Музыка", встречаются написания: звуко-пространство, звуко-гравюр, звуко-языка (но там же:

звукоязыка, звукокартин, звукообразов). Фактическое отсутствие правил для написания сложных существительных без соединительных гласных ведет к нарушению достаточно ясного правила (хотя и имеющего исключения).

Если проследить за изменениями, которые происходят в написании сложных существительных, они оказываются однонаправленными: дефисные написания заменяются слитными. Когда образования с компонентами типа авиа-, авто- и пр. были "новинками", они чаще писались через дефис. Замена слитными написаниями была сначала стихийной, теперь существует правило. Тот же путь должны пройти образования с мини- и макси-; к сожалению, пока орфографический словарь узаконил дефисные написания (для чего не существует убедительных оснований).

Замена дефисных написаний слитными прослеживается для заимствованных слов, членимых в языке-источнике, а на русской почве воспринимаемых как состоящие из "бессмысленных" компонентов. Можно еще вспомнить, что писалось блок-нот (ср. французское bloc-notes), там-там (фр. tam-tam), би-ба-бо (такое написание дается в Большом академическом словаре русского языка), жень-шень (так — в "шахматовском" словаре), шари-вари. Количество таких примеров можно было бы увеличить. Относительно недавнее заимствование дзюдо сначала появилось в дефисном обличье, но было включено в орфографический словарь в слитном написании, которое и закрепилось в практике.

Следует отметить в заключение "неуниверсальный" характер критерия цельнооформленности/нецельнооформленности, который, позволяя создать последовательное правило для существительных, не может быть распространен на прилагательные. Для этой части речи правила разграничения слитных и дефисных написаний основываются на других признаках.

ЛИТЕРАТУРА

Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. М., 1967.

Мельчук И. А. Числительное *пол* в современном русском языке. Wiener Slawistischer Almanach, Band 1, 1978.

Правила русской орфографии и пунктуации. М., 1956.

Русская грамматика. Том І. М., 1980.

О НАПИСАНИИ СОЧЕТАНИЙ С ПРИЛОЖЕНИЯМИ

I*

Н. А. Еськова

Сочетаниям с приложениями в "Правилах русской орфографии и пунктуации" 1956 г. посвящен п. 14 § 79, объединяющего рекомендации для дефисного написания существительных. В этом пункте идет речь о дефисном написании определяемого слова со следующим за ним однословным приложением. В трех примечаниях как исключения из правила перечислены случаи, когда рекомедуются раздельные написания.

Совокупность этих рекомендаций оставляет неясности и пробелы. Формулировка п. 14 касается приложений, стоящих за определяемым словом, т. е. постпозитивных. К препозитивным приложениям относится примечание 1, касающееся частного случая — однословного приложения, "которое может быть приравнено по значению к прилагательному". В примечании 3 в трех подпунктах а), б), в) перечислены случаи раздельного написания сочетаний с приложениями без уточнения, какие из членов этих сочетаний являются приложениями, а какие — определяемыми словами.

Из подпункта а) следует, что сочетания нарицательных существительных с именами собственными могут быть написаны только раздельно: город Москва, река Волга, резвушка Маша. Эти случаи неравноценны: в двух первых примерах собственные имена являются приложениями, в последнем же нарицательное резвушка — приложение к собственному имени Маша. Это раздельное написание могло бы быть мотивировано так же, как написание красавец сынишка, иллюстрирующее примечание 1, но такая мотивировка отсутствует: достаточным основанием для раздельного написания признается то, что это сочетание нарицательного существительного с собственным.

Рассмотренное правило орфографического свода оказывается в противоречии с современной практикой печати. Вот ряд примеров присоединения с помощью дефиса приложений, предшествующих собственным именам.

«Он сравнивал его [Санина] с монументом из мрамора или бронзы — со статуей командора в «Дон Жуане»! [..] Он даже встал с своего места и .. воочию представлял командора-Санина!» (Тургенев, Вешние воды. Собр. соч., т. 8. М., 1956, стр. 95). «Ростов .. узнал, что Долохов, этот буян, бретёр-Долохов, .. был самый нежный сын и брат..». (Л. Толстой,

^{*} См. сноску на стр. 17.

Война и мир. Собр. соч., т. 5. М., 1962, стр. 34). «И за ней, как за шмелем-Гвидоном в пушкинской сказке, гонятся цензоры» (А. Турков, Ваш суровый друг. М., 1988, стр. 112). «..вот что упорно отстаивают ташкентиы-Митрофаны, вот их единственный талант» (Там же, стр. 189). «Но чудак-Конашевич все это добро держит под спудом..» (К. Чуковский, Дневник 1930-1969. М., 1994, стр. 137). «О чем пела тишина-Офелия всю ночь?» («Звезда», 1995, № 1, стр. 81). «Как далеко продвинулся этот *черт-Канавин*..» (М. Кураев, Жребий № 241. М., 1996, стр. 43). «Это так же характерно и запоминается, как треуголка юноши-Пушкина «и растрепанный том Парни» (1911)» (Л. Озеров, Дверь в мастерскую. Париж-Москва-Нью-Йорк, 1996, стр. 152). «Петр Янчев и Алексей Ильюшенко скоро предстанут перед судом. Между тем «ОГ» стали известны факты, в свете которых фигура Петра Янчева выглядит абсолютно иначе, чем это пытаются представить следственные органы: не прицепом к паровозу-Ильюшенко, а отдельным ферзем на шахматной доске российской экономики» («Общая газета», 1997, № 14). «Он редко соглашался с другом-Пашей..» («Известия», 15.7.97). «Поскольку с годами моя сопротивляемость пустозвонству стала ослабевать, я поставил пленку, но оказалось, давнишнюю, на которой я когда-то записал зануду-Баха» («Литературная газета», 1.10.97). «Нам осмысливать, нам решать, нам выбирать, куда идти дальше: пройти ли равнодушно мимо горы-Солженицына либо подняться на ее вершину, дабы увидеть неведомое» («Литературная газета», 15.10.97). «Приезд в Грозный прагматика-Кириенко означает, что российский премьер тоже не прочь набрать политические очки на чеченской проблеме» («Известия», 29.7.98). «- Может ли настать момент, когда человек-Скуратов скажет юристу-Скуратову: хватит, надо сказать все, что я знаю?» («Общая газета», 1999, № 23). «..а хищница-Светличная рассчитывала на жирный куш» (Б. Раушенбах, Праздные мысли, М., 2003, стр. 97).

При обсуждении в Орфографической комиссии было весьма скептически встречено предположение, что пишущий способен определить, какой член однопадежной группы выступает в роли приложения. Но приведенные примеры показывают, что не следует недооценивать интуицию так называемых «рядовых» пишущих (или редакторов текста). Именно она «подсказала» дефисное присоединение препозитивных приложений, относящихся к собственным именам, вопреки действующим правилам. В самом деле, написания командор Санин, имель Гвидон наводили бы на мысль, что это «командор по фамилии Санин», «шмель, которого зовут Гвидон», тогда как смысловые отношения в этих случа-

ях совершенно иные (Санин, которого сравнили со статуей командора; Гвидон, обернувшийся шмелем). Странное впечатление производили бы написания *тишина Офелия*, *паровоз Ильюшенко*, *гора Солженицын*.

В предлагаемом далее по-новому сформулированном правиле изменяются написания, рекомендуемые примечанием 1 (о котором говорилось выше) свода 1956 г. (принимаются написания типа красавец-сынишка), и узакониваются опирающиеся на современную практику написания собственных имен с дефисно присоединяемыми препозитивными приложеними.

1. Сочетания двух существительных, из которых одно выступает как приложение к другому, пишутся через дефис, за исключением случаев, о которых говорится в п. 2.

Примеры сочетаний, в которых приложение следует после определяемого слова: дом-новостройка, музыкант-ударник, писатель-эмигрант, собака-ищейка, садовод-любитель, товарищ-одноклассник, девочка-красавица, мать-старушка; Маша-резвушка, Петя-озорник, Волга-матушка.

Примеры сочетаний, в которых приложение предшествует определяемому слову: *старуха-мать*, *старик-отец*, *красавец-брат*, *проказница-мартышка*; *резвушка-Катя*, *озорница-Маша*, *чудак-Ваня*, *матуш-ка-Русь*, *красавица-Волга*.

Примечание. Этому правилу не соответствуют некоторые закрепленные традицией написания, которые на подлежат изменению (например, *старик Державин*).

- 2. В сочетаниях, где второе слово выступает как приложение к первому, дефис не пишется, если первое слово выражает более широкое и общее понятие, а второе более узкое и конкретное. Сюда относятся следующие случаи.
- а) два нарицательных существительных, выражающих родовое и видовое понятия в классификации природных объектов; например: *птица иволга*, *рыба треска*, *бабочка капустница*, *дерево ольха*, *цветок роза*;
- б) нарицательное существительное, выражающее общее понятие, и следующее за ним в качестве приложения собственное имя; например: город Москва, река Волга, девочка Маша, композитор Глинка, художник Репин.
- в) нарицательное существительное, выступающее преимущественно как официальное обращение, и следующее за ним нарицательное или собственное имя; например: товарищ полковник, гражданин су-

дья, господин министр, господин Иванов, мистер Смит, фрау Марта, мадемуазель Жюли.

II

В. В. Лопатин

Нельзя не остановиться специально на упомянутом выше примечании 1 к правилу § 79, п. 14 в «Правилах» 1956 г. Примечание это наиболее спорно; вот его формулировка: «Между определяемым словом и стоящим перед ним однословным приложением, которое может быть приравнено по значению к прилагательному, дефис не пишется, например красавец сынишка». Установка эта хорошо известна современным редакторам и корректорам и часто ими выполняется. Вместе с тем нельзя не заметить известной неясности, двусмысленности, содержащейся в этой формулировке: «приложение, которое может быть приравнено по значению к прилагательному». Идет ли речь о наличии в языке прилагательного, однокоренного с препозитивным приложением (как например, красавец – красивый, старик – старый, умница – умный – случаи наиболее частотные в практике применения данной установки) или о любом препозитивном приложении с качественно-оценочным значением, независимо от того, имеется ли в языке однокоренное соотносительное прилагательное?

Так или иначе, а в практике современной печати нередки отступления от предложенной в 1956 г. установки: вместо раздельного написания после препозитивного качественно-оценочного приложения пишется дефис. Таковы, например, повторяемые при переизданиях классиков лермонтовская строка (из поэмы «Беглец») «Старуха-мать ждет сына с битвы», название пьесы Островского «Красавец-мужчина» или некрасовская строка «матушка-Русь» в поэме «Кому на Руси жить хорошо». А вот еще несколько примеров из современной прессы и недавно изданных книг: «...вспоминает человека, жившего с нежно любимой красавицей--женой скромно, почти бедно» («Известия», 25.06.2004); «Агафья, увидев красавец-буфет в первый раз, так и ахнула» (В. Распутин. В ту же землю. М., 2001); «Платов, естественно, торжествует, император смущен, подлецы-англичане посрамлены» [о «Левше» Лескова] (С. Рассадин. Русские, или Из дворян в интеллигенты. М., 2005); «Мается перестарок-невеста, хлопочет сваха, тянутся в дом женихи» [о «Женитьбе» Гоголя] (там же); «мучительные отношения с самодуром-отцом» (Б. Акунин. Нефритовые четки. М., 2007); «Растяпу-лакея уже уволили без выходного пособия» (там же); «А еще вернее, краснобаи-адвокаты обеспечат ему полное оправдание» (там же); аналогично герой-летчик,

трудяга-следователь, пройдоха-управляющий, профан-редактор, проказница-мартышка и т.п.

В новом полном академическом справочнике (2006) все подобные случаи подводятся под общее правило, т.е. предлагается писать сочетания с препозитивным приложением, как и сочетания с приложением постпозитивным, через дефис.

ЛИТЕРАТУРА

Правила русской орфографии и пунктуации. М., 1956.

О НАПИСАНИИ СЛОЖНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ. ИЗ ИСТОРИИ КОДИФИКАЦИИ

С.Н. Борунова

...наше правописание нуждается не только (а может быть, и не столько) в упрощении, сколько в разработке, в уточнении и обосновании отдельных орфографических фактов, в особенности тех, которые, представляя известную трудность, нельзя, как бы мы этого ни хотели, втиснуть в формулу "только так, а иначе не пойдет".

А.И. Кайдалова. К вопросу о правописании сложных прилагательных.

Начало изучению словообразования сложных прилагательных положил И.И. Срезневский своей работой 1873 г. «При всей беглости его "Замечаний", – пишет В.П. Григорьев [1956: 38, 39], – следует отметить их принципиальную важность как одной из первых попыток анализа сложных слов в тесной связи со словосочетаниями. Мысль о том, что сложное слово возникает из выражения, т.е. создается на базе синтаксической конструкции словосочетания, высказана им почти за тридцать лет до опубликования точки зрения Лося [1901], согласно которой сложное слово заменяет собой словосочетание (если не возникает "сразу", по образцу других сложных слов)».

Эти идеи легли в основу разработки одной из самых трудных проблем русской орфографии – проблемы написания сложных прилагатель-

ных. Систематическая работа над Сводом орфографических правил началась с 1930-х годов XX в.

Вопрос о написании сложных прилагательных ставился во время всех орфографических дискуссий и отражен в многочисленных проектах правил. "Правила русской орфографии и пунктуации" 1956 г. кодифицировали и эту проблему.

В "Обзоре предложений по усовершенствованию русской орфографии (XVIII—XX вв.)" 1965 г. рассматриваемой нами теме уделено достаточно большое внимание. Предложения о написании сложных прилагательных обсуждались лингвистами с разных позиций. Учитывалось, нарушается ли привычное написание слов, затемняется ли словообразовательная база прилагательного, увеличивается ли количество длинных, трудно читаемых и плохо воспринимаемых слов и др. Наиболее уязвимыми были предложения писать сложные прилагательные всегда слитно или всегда через дефис. Опираясь на конкретные примеры, участники дискуссий показывали несостоятельность этих предложений, относящихся ко всей категории сложных прилагательных. Так, А. А. Реформатский [1937; см. Обзор 1965: 322] отмечал, что это лишает пишущего «возможности выражать смысловые различия в соотношении основ сложного образования, ср. сине-зеленый (два цвета) и синезеленый (один цвет с оттенком)»¹.

Д. Э. Розенталь [1963; см. Обзор 1965: 323] обращал внимание на то, что трудность разграничения сложных прилагательных и словосочетаний, состоящих из наречия и прилагательного, как при всегда слитных, так и при всегда дефисных написаниях, остается непреодоленной.

Другие ученые указывали на то, что при всегда слитном написании разрушается существующее правило: от дефисно пишущегося существительного образуется дефисно пишущееся прилагательное: дизель-мотор — дизель-моторный, северо-восток — северо-восточный; если же принять предложение, получается разнобой в написании прилагательных и существительных, так как дефисное написание существительных остается, а написание прилагательных изменяется на слитное: северо-восток, социал-демократ, но северовосточный, социалдемократический. При всегда дефисном написании также существительное и образованное от него прилагательное пишутся по-разному: затемняется словообразовательная база прилагательных (ср. водо-проводный, но водопровод; паро-возный, но паровоз; благо-дарный, но благодарность). Разрушаются устойчивые орфографические навыки [Обзор 1965: 323].

При обсуждении основного – семантико-синтаксического – принципа написания сложных прилагательных в зависимости от смысловой равно-

правности/неравноправности их компонентов или от сочинительной/подчинительной связи между ними многие ученые, принимая этот принцип в целом, отмечали сложность определения смысловых отношений между компонентами. Это нашло отражение в дискуссиях 1934—1962 гг., Проектах свода орфографических правил 1936—1955 гг., Своде 1956 г. А. А. Реформатский [1937; см. Обзор 1965: 322] считал, что написание должно «определяться, исходя из изучения лексико-грамматической стороны языка. Более чем где-нибудь в этом вопросе господствует неверное убеждение, что выбор того или иного способа написания есть чистая условность, так как и все письмо в целом есть только внешний "костюм" языка. Орфографические правила должны отражать языковые отношения и быть удобным и гибким выразительным средством наряду с другими языковыми приемами... Орфография не произвольный "костюм" языка, а именно система норм письменной речи как особой формы языка».

- А. Б. Шапиро [1951; см. Обзор 1965: 325] отмечал, что «не все прилагательные, являющиеся сложными по своему составу, поддаются ясному истолкованию с точки зрения смысловых взаимоотношений между их составными элементами..., например серенько-счастливая жизнь (от серенькое счастье или счастливая, однако серенькая?)».
- В. А. Добромыслову [1954; см. Обзор 1965: 325, 326] сами понятия "сочинительная" или "подчинительная" связь, "равноправность" или "неравноправность" компонентов кажутся общими, абстрактными, а подчас и неточными. Они не дают ясного критерия пишущему. Дефисное написание в сложных словах типа бледно-розовый, золотисто—желтый, обозначающих оттенки цветов, «можно свести к сочетаниям равноправных понятий: бледный и розовый, золотистый и желтый». Следует заметить, что в правилах 1956 г. сложные прилагательные, обозначающие "цвет" или "оттенки цвета", рекомендуется писать одинаково через дефис.
- Я. И. Шубов [1959; см. Обзор 1965: 324] справедливо указывал, что «сочинение и подчинение не охватывает всех многообразных взаимоотношений компонентов, входящих в состав сложных прилагательных. В современном русском языке весьма продуктивен способ образования сложных прилагательных, не связанных между собой ни по способу подчинения, ни по способу сочинения; например, сложное прилагательное военно-полевой (суд) образовано от словосочетания полевой военный (суд), в котором прилагательное полевой непосредственно не связано с другим прилагательным военный, а определяет сочетание военный суд». На наш взгляд, этот пример можно комментировать и иначе. В

данном случае прилагательные в исходном словосочетании указывают на неоднородные признаки и одно прилагательное уточняет другое. Поэтому можно считать, что связь между ними есть и существительное определяется сложным прилагательным. Такие прилагательные Д. Э. Розенталь [1999: 47] рекомендует писать через дефис.

Д. Э. Розенталь [1964; см. Обзор 1965: 325] отмечает, что тип словообразования сложных прилагательных не всегда ясен. Разрешение вопроса о смысловом взаимоотношении между составными частями сложного прилагательного часто требует от пишущего сложного анализа, сопоставления сложного прилагательного с определенным словосочетанием; в ряде случаев возможны сопоставления и с сочетанием сочинительным, и с сочетанием подчинительным.

Во время Дискуссии 1962 г. была сделана попытка теоретически обосновать слитное и дефисное написание сложных прилагательных: «Строение каждой языковой единицы определяется отношениями синтагматическими и парадигматическими. Синтагматически единицы железнодорожный и черно-белый, конечно, тождественны, в обеих налицо сочетание первой части основы со второй с помощью соединительной гласной. Но парадигматически они различны: одна соотносится с сочетанием "прил. + сущ." (железная дорога), другая – с сочетанием "прил. + прил." (черный и белый). Эти отношения... даны в современном русском языке, они характеризуют строение данных единиц и имеют законное право на отражение в написании слова» [Обзор 1965: 325].

В. Н. Сидоров [1964; см. Обзор 1965: 325] считает, что «прилагательные типа железнодорожный и агитационно-пропагандистский в современном русском языке по своей структуре, как языковые единицы, тождественны, и проводить прямую аналогию между компонентами сложного прилагательного и соответствущими словосочетаниями невозможно, поскольку компоненты сложного слова не сохраняют грамматических значений членов исходных словосочетаний². Сочинение или подчинение в данном случае никак не выражены ни грамматически, ни акцентологически». С этим нельзя не согласиться, если анализировать только структуру языковой единицы: в данном разделе орфографических правил учитывается и семантический фактор.

* * *

Проанализируем правила 1956 г.

1. В соответствии с ними сложные прилагательные пишутся так же, как и сложные существительные, от которых они образованы. Поэтому

водопроводный, новосибирский пишутся слитно, как водопровод, Новосибирск, а бурят-монгольский, социал-демократический, юго-западный, алма-атинский, орехово-зуевский — через дефис, как соответствующие существительные бурят-монголы, социал-демократ, юго-запад, Алма-Ата, Орехово-Зуево³. Трудность этого правила заключается в том, что пишущий должен знать, есть ли сложное существительное, от которого суффиксальным способом образовано прилагательное, например, спиртобензол — спиртобензольный; силикатобетон — силикатобетонный, так как в случае его отсутствия соответствующее прилагательное должно писаться через дефис — по другому правилу, как пишется фосфорито-апатитовый, состоящее из двух равноправных основ. В связи с этим особенно много трудностей возникает при написании терминологической лексики.

2. Второй и главный принцип, по которому противопоставлены написания сложных прилагательных, - семантико-синтаксический (см. § 80, п. 2 и § 81, п. 2). Слитное или дефисное написание прилагательных, образованных не на базе сложного слова, а на основе словосочетания, определяется подчинительным или равноправным отношением слов в исходном словосочетании. При подчинительных отношениях (согласовании, управлении, примыкании) сложные прилагательные пишутся слитно, при сочинительных – дефисно. Таким образом, железнодорожный и нижнечелюстной пишутся слитно, потому что есть словосочетания железная дорога и нижняя челюсть, водоотталкивающий – отталкивающий воду, лесозащитный – защита лесом, общенародный (общий для народа)⁴; вечнозеленый – зеленый вечно, густонаселенный – населенный густо, дорогостоящий – стоящий дорого (с наречиями вечно, густо, дорого в качестве первого компонента сращений). Через дефис же пишутся сложные прилагательные, состоящие из двух или более основ, обозначающих равноправные понятия. Примеры дефисно пишущихся прилагательных в § 81, п. 2 даются без каких-либо пояснений: беспроцентно-выигрышный, выпукло-вогнутый, партийно-комсомольский, садово-огородный, мясомолочный, англо-японский и др. В правиле приведено несколько примеров сложных прилагательных, в которых соединяемые основы обозначают однородные признаки (выпуклый и вогнутый, садовый и огородный и др.), и только одно прилагательное беспроцентно-выигрышный (заём), части которого указывают на равноправные, но неоднородные признаки. Так же объясняется, например, написание слов весенне-полевые (работы), феодально-крепостнический (строй). Среди дефисно пишущихся прилагательных много и других сложных, спорных случаев, связанных с определением отношения составных частей, не приведенных в правилах даже в качестве примеров: добровольно-спортивное (общество) — (добровольное спортивное или спортивное, основанное на добровольности?); национально-освободительное (движение)—(национальное освободительное или движение за национальное освобождение?).

3. Кроме этого, в правиле есть одно положение, ставящее пользователя в тупик: § 80, п. 3 рекомендует слитное написание прилагательных, употребляемых "в качестве терминов", независимо от характера и от количества (две или три) основ, входящих в состав прилагательного. Однако в предшествующем п. 2 того же параграфа слитное написание объяснялось подчинительным отношением слов в исходном словосочетании, причем это касалось в одинаковой мере и терминов, и широкоупотребительной лексики: ср., с одной стороны, естественнонаучный, полезащитный, а с другой — железнодорожный, животрепещущий.

Можно было бы предположить, что § 80, п. 3 касается узкоспециальных терминов: грудобрюшная (преграда), индоевропейские (языки), древневерхненемецкий (язык), двууглекислый (газ); однако вслед за этими примерами отмечено, что так же пишется глухонемой – слово широкоупотребительное. Вообще критерий "терминологичности" тех или иных слов крайне шаток и нечеток – в силу достаточно широкого распространения и даже общеизвестности многих слов, обозначающих специальные понятия различных сфер знания. Обратим внимание и на то, что в других пунктах того же раздела правил некоторые сложные прилагательные приводятся в написаниях, игнорирующих рекомендацию § 80, п. 3. Ср., например, дизель-моторный (§ 81, п. 1) или подзолисто-болотный, удлинённо-ланцетовидный (примечание 1 в конце раздела) - эти слова предлагается писать через дефис исходя из других соображений, но разве это не термины? Фактически рекомендация § 80, п. 3 вносит противоречия и в практику письма, и в орфографические словари. Правило имеет много исключений, написание которых решается в словарном порядке.

К такому же выводу подводит и примечание 1 в конце всего раздела: «Прилагательные, образованные из двух или более основ, не подходящие под перечисленные правила, пишутся через дефис, например: литературно-художественный (альманах), словарно-технический (отдел), политико-массовая (работа), подзолисто-болотный». Как видим, правила 1956 г. не только не регламентируют многих вопросов слитного/дефисного написания сложных прилагательных, но даже их и не ставят. Они просто дают возможность писать дефис в неясных, затруднительных случаях.

- 1. В результате этой противоречивости правил в "Орфографическом словаре русского языка" однотипные образования (многие с первого издания) без видимой причины пишутся по-разному: торфоперегнойный, плечелоктевой, винтотурбинный, нефтегазовый, плодоовощной, газовоздушный, спиртоводочный, зернобобовый, тазобедренный, мочеполовой – слитно, а мясо-шёрстный, мясо-молочный, графито-водный – через дефис. Это дало возможность авторам словаря-справочника "Слитно или раздельно?" увеличить по сравнению с первым изданием Орфографического словаря количество слитных написаний сложных прилагательных с равноправным отношением основ, не имеющих суффикса в первой части. Например: буросбоечный, водовоздушный, газопаровой, газобензиновый, нефтегазовый, нефтебуровой и др. Были изменены и некоторые дефисные написания на слитные, в частности спиртоводочный. К сожалению, и в "Русском орфографическом словаре" (далее РОС) сохранилось слитное написание всех прилагательных с первым компонентом спирто-, имеющих равноправные основы: спиртоводный, спиртоглицериновый и пр., хотя в словах винно-водочный, ликёро-водочный дефисное написание остается.
- 2. В то же время в русской орфографии существует много традиционных дефисных написаний, не оправданных правилами, несмотря на то, что подчинительные соотношения основ (примем эту условность выражения) в них легко устанавливаются: лечебно-гимнастический (хотя лечебная гимнастика), жилищно-кооперативный (хотя жилищный кооператив), уголовно-процессуальный (хотя уголовный процесс), парашютно-десантный (хотя парашютный десант), субъективно-идеалистический (хотя субъективный идеализм), функционально-стилистический (хотя функциональная стилистика) и др.

Авторы справочника "Слитно или раздельно?" считают, что дефисное написание этих слов объясняется наличием суффикса в их первом компоненте, и в частности суффикса -н-. Но можно ли так считать, если во многих других случаях в написаниях с этим суффиксом наблюдается разнобой? Прилагательные с одинаковыми вторыми компонентами и одинаковыми отношениями между словами в исходных словосочетаниях пишутся по-разному: горноартилерийский, конноартилерийский — слитно, но зенитно-артилерийский — через дефис; водноэнергетический, но топливно-энергетический; конноспортивный, но военно-спортивный. Возникают неоправданные различия и в написании сложных прилагательных, имеющих общий первый компонент: горноклиматический и

горнолыжный даются в Орфографическом словаре в слитном написании, а горно-металлургический, горно-обогатительный — в дефисном в отличие от его 1-го издания. В опыте словаря-справочника "Слитно или раздельно?" [1987] все прилагательные с первым компонентом горно-, в том числе горно-лыжный и горно-рудный, рекомендуется писать дефисно. Б. 3. Букчина и Л. П. Калакуцкая [1987: 13], обосновывая свое правило, пишут, что, например, в первых компонентах сложных прилагательных горно- и водно-, имеющих суффикс -н-, "формально выражена грамматическая самостоятельность первой части". Это не очень аккуратное и малопонятное высказывание. Ну, а если бы первыми компонентами были горо- и водо- (горообразующий — образующий гору, водоотталкивающий — отталкивающий воду), можно ли было бы говорить, выражена или не выражена формально грамматическая самостоятельность первой части? Может ли вообще идти речь о грамматической самостоятельности первой части сложного слова, да еще с соединительной гласной о? Разве не флексия у изменяемых слов указывает на их самостоятельность?

- 3. Существует проблема выбора написания в случаях двойственной мотивации. При наличии исходных словосочетаний и с сочинительной и с подчинительной связью вопрос обычно практически решается в пользу дефисного написания, хотя в правилах 1956 г. такое указание отсутствует. Ср.: буржуазно-демократический (буржуазная демократия или буржуазное демократическое государство), конституционномонархический (конституционная монархия или конституционное монархическое).
- 4. Кроме непоследовательностей в написании сложных прилагательных, спровоцированных правилом 1956 г. и исключениями из него, существуют определенные сложности и в применении его основополагающего принципа.

Например, в узкоспециальной терминологии часто бывает трудно соотнести сложное слово с каким-либо определенным словосочетанием: продольно-строгальный, вертикально-сверлильный, зубчато-реечный, клещево-роликовый. Это порождает разнобой в написании одних и тех же слов. Нам встретилось, например, три орфографоморфологических варианта одного прилагательного: аргоно-дуговой, аргонно-дуговой — в учебнике «Технология самолетостроения» [1982: 316, 317] и аргонодуговой — в «Политехническом словаре» [1989: 32], где при слитном написании дается следующее его толкование: «Аргонодуговая сварка — дуговая сварка в среде защитного газа — аргона». Здесь наиболее очевидно, что компоненты сложного слова могут быть не связаны между собой ни

по способу подчинения, ни по способу сочинения, и этот пример наиболее убедителен для доказательства идеи Я. И. Шубова. Такой способ образования сложных прилагательных продуктивен в современном русском языке. Я. И. Шубов [1959: 52-54] считает, что "Правила" 1956 г. рекомендуют написания только для прилагательных, которые образуются из словосочетаний подчинительного или сочинительного типа. Но в современном русском языке, по его мнению, выделяются не два, а три способа образования сложных прилагательных из слов, входящих в состав словосочетаний различных типов. Третий способ – это образование сложных прилагательных из компонентов, не связанных между собой ни подчинительной, ни сочинительной связью. Выдвигая эту идею, он рассматривает ее на конкретном материале. Воспользуемся его примерами (анализ сложного прилагательного военно-полевой суд см. выше). «Аналогично [по мнению Я. И. Шубова. - С. Б.] образованы прилагательные народно-революционное (движение), национально-освободительная (борьба), весенне-полевые (работы), контрольно-измерительные (приборы). Прилагательное политико-массовая (работа) образовано из словосочетания политическая работа в массах, в котором слово политическая не связано с сочетанием в массах; прилагательное учебно-опытный (участок) – из словосочетания опытный участок для обучения, в котором слово опытный не связано со словом обучения. Следовательно, и в данном случае нельзя говорить ни о сочинительной, ни о подчинительной связи между словами, из которых образовано сложное прилагательное. Для такого рода сложных прилагательных принято дефисное написание» [там же].

По нашему мнению, такие дополнения могли бы облегчить пишущему пользование "Правилами". Вместе с тем хотелось бы это интересное предложение рассмотреть с другой стороны и попробовать объяснить иначе орфографию приведенных примеров. Как кажется, сложные прилагательные военно-полевой (суд), весенне-полевые (работы) пишутся через дефис, потому что их компоненты равноправны и указывают на неоднородные признаки (см. [Розенталь 1999: 47]). В исходных словосочетаниях военный полевой (суд), весенние полевые (работы) прилагательные связаны между собой, так как одно из них уточняет другое, и вместе они определяют существительное (суд, работы). В "Правилах" 1956 г. приводится подобный пример беспроцентно-выигрышный (беспроцентный выигрышный) с дефисным написанием, но, к сожалению, не объясняется. Заметим, что С. Н. Зайцева отмечает преимущественно дефисное написание прилагательных с компонентами морфологически однородного состава.

В прилагательных с двойственной мотивацией (или имеющих, как пишет Я. И. Шубов, "двоякий путь образования") [1959: 53–54] наблюдается дефисное написание: народно-революционное (народное революционное движение или народная революция), национально-освободительная (национальная освободительная борьба или борьба за национальное освобождение), контрольно-измерительные (контрольные измерительные приборы или приборы для контрольного измерения), политико-массовая (политическая массовая работа или политическая работа в массах), учебно-опытный (учебный опытный участок или опытный участок для обучения).

* * *

Многие проблемы правописания сложных прилагательных, например непоследовательность правил, наличие многочисленных исключений, трудность поиска словосочетаний, на базе которых образуются сложные прилагательные, тенденция терминологических новообразований к дефисному написанию — все это позволило Б. З. Букчиной и Л. П. Калакуцкой предложить свое правило, основанное на морфемном анализе первого компонента сложного прилагательного, отказавшись от семантико-синтаксического принципа правила 1956 г. Авторы считают, что их правила помогут изменить сложную орфографическую ситуацию, решить многие орфографические проблемы.

В пользу нового правила, по их мнению, свидетельствует и тот факт, что при интерпретации правил лингвисты уже прибегали к перечислению некоторых суффиксов или конечных элементов первой основы сложного прилагательного, после которых употребителен дефис как в соответствии с общим правилом, так и вопреки ему. К. И. Былинский и Н. Н. Никольский [1970, 49] отмечают дефисное написание для слов с первой частью на -ико-, А. Б. Шапиро [1961, 125], кроме -ико-, называет -ическо- и ственно⁵- (диалектико-материалистический, материалистическо-философский, государственно-правовой), Д. Э. Розенталь [1985, 45] добавляет суффиксы -ат-, -ист- и -ов- и даже перечисляет первые компоненты сложений, всегда с последующим компонентом пишущиеся слитно или дефисно. Однако из дополнительного, подсобного средства, как это было у других нормализаторов, в правиле Б. З. Букчиной и Л. П. Калакуцкой наличие суффикса прилагательного в первом компоненте (причем любого, в том числе -к-, -н-) становится основным критерием для выбора дефисного написания. В этом авторы видят путь к разрешению рассматриваемой орфографической проблемы. Поэтому необходимо проанализировать предложенное ими правило (оно представлено в словаре-справочнике «Слитно или раздельно?»).

- 1. По их правилу наличие суффикса прилагательного в первом компоненте сложного прилагательного определяет его дефисное написание, а отсутствие – слитное: сыпно-тифозный, но погрузоразгрузочный (в Орфографическом словаре эти примеры имеют противоположное написание). В соответствии с этим правилом в словаре-справочнике Б. З. Букчиной и Л. П. Калакуцкой последовательно приводятся пары типа вопросно-ответный и вопросоответный, магнитно-импульсный и магнитоимпульсный, ликёрно-водочный и ликёроводочный, противопоставленные, по мнению авторов, орфографически в зависимости от наличия/отсутствия суффикса прилагательного в первом компоненте. При проведении эксперимента, описываемого ниже, информантам предлагалось определить написание слов из подобных пар, но они не различают этих случаев и пишут их одинаково – через дефис – в соответствии с правилами 1956 г., у них нет интуитивного ощущении значимости суффикса для орфографии подобных прилагательных. В "Сводном словаре современной русской лексики" [1991] мы не обнаружили, например, слов: вопросно-ответный, магнитоимпульсный, ликёрно-водочный. Обилие искусственных пар в справочнике «Слитно или раздельно?» разрушает языковое чутье носителей литературного языка – его пользователей.
- 2. Авторы формально-грамматического правила выделяют пункт о слитном написании сложных прилагательных с первым компонентом наречного типа, поэтому они не предлагают менять орфографию большого количества слов, в том числе, например, следующих: низкотемпературный, близкородственный, длинноволокнистый, ложнорусский, сложноподчиненный, свободномолекулярный, бессрочноотпускной, гладкостеклянный, парноперистый, скрытозернистый, широкомасштабный, обратнозависимый, холоднодеформированный, светлохвойный, светлоклетчатый, редкоземельный, первичнополостной, пахотнопригодный и т.д. Что такое наречный тип, не объяснено. На наш взгляд, первые компоненты этих образований представляют собой суффиксальные основы прилагательных. (Следует отметить, что А. Н. Тихонов [1985] некоторые из этих основ считает непроизводными, например: низкий, близкий, гладкий, широкий, редкий, средний, в то время как в "Русской грамматике" [1980] в основах прилагательных *низкий*, *близкий*, *средний* суффикс выделяется). По существу эти образования превращаются в исключения (при наличии суффикса прилагательного в

первом компоненте они пишутся слитно), а применение правила 1956 г. (§ 80, п. 2), да и 2006 г., во всех этих случаях не вызывает затруднений.

- 3. В правиле Б. 3. Букчиной и Л. П. Калакуцкой выделяется и пункт о слитном написании сложных прилагательных с последней, не употребляющейся самостоятельно частью: бугорчатозубый, кривоногий. Дело в том, что такие прилагательные могут иметь суффикс прилагательного в первой части, что не устраивает авторов формально-грамматического принципа. Подобные случаи полностью поглощаются § 80, п. 2 действующего с 1956 г. правила о слитном написании сложных прилагательных с подчинительным отношением основ и не представляют трудностей для пишущего, а суть правила Б. З. Букчиной и Л. П. Калакуцкой все равно сводится к поиску исходного словосочетания и даже к выяснению способа образования прилагательного. Этот пункт их правил противоречит основному принципу, поскольку наличие суффикса прилагательного в первом компоненте в этих случаях не влияет на написание: чешуйчатоствольный. Если бы не формально-грамматический принцип Б. З. Букчиной и Л. П. Калакуцкой, это правило можно было бы и не вводить, как это сделано в правилах 1956 г.
- 4. Авторы сохраняют прежние рекомендации для семантической группы слов, обозначающих цвета и их оттенки: бело-розовый и сиреневорозовый пишутся одинаково с дефисом, несмотря на отсутствие суффикса в основе бело- (так что и здесь морфемный принцип не работает). Вместе с тем не учитывается группа прилагательных, обозначающих качество с дополнительным оттенком (раскатисто-громкий и т.д.). Это приводит к тому, что остаются не охваченными правилами многочисленные прилагательные, образованные по активной модели, в том числе и не имеющие суффикса в первом компоненте (сурово-аскетический), широко использующиеся в художественной литературе.

* * *

При пользовании правилом Б. З. Букчиной и Л. П. Калакуцкой возникают и другие трудности (см. справочник "Слитно или раздельно?").

1) Требуется отличать суффикс прилагательного от суффикса существительного, так как сложные прилагательные в этих случаях пишутся по-разному: фенольно-формальдегидный, но мочевиноформальдегидный (ср. мочевина), грудинореберный (ср. грудина) и т. д. В РОСе даны другие, дефисные, написания для слов мочевино-формальдегидный и грудино-реберный, так как этого требует семантико-синтаксический принцип правила 2006 г.

- 2) Предложенные правила не объясняют, как писать слово, если в первом компоненте основа субстантивированного прилагательного, надо ли менять, например, дефисное написание горюче-смазочный (ср. горючее) на слитное, следует ли писать по-разному сложные слова, выступающие в двух ролях: в роли существительного отряд парнокопытных и в роли прилагательного парно-копытные животные.
- 3) Элемент -ик(о)- не является суффиксом прилагательного (во многих случаях сомнительно, что это вообще суффикс), но дефисное написание прилагательных с первой основой на -ик(о)- сохраняется (физико-математический). Против этого никто не возражает, так как приведенное прилагательное состоит из равноправных компонентов и его дефисное написание соответствует правилу 1956 г. В других случаях это может быть и традиционное написание. Но Б. 3. Букчина и Л. П. Калакуцкая дефисное написание прилагательных подобного типа объясняют присутствием суффикса прилагательного в первой основе, поэтому они рассматривают первую часть в подобных образованиях как основу прилагательного на -ический (физический), представленную в сложении в форме на $-u\kappa(o)$ -. Но разве в этом прилагательном не суффикс -еск-, которому предшествует чередование κ/ν на конце основы существительного? Разве сложное прилагательное не образовано от сочетания физика и математика (если угодно, физический и математический)? В "Русской грамматике" [1980: 282 § 631] отмечается в этих случаях именно суффикс -еск-: логика - логический, арифметика арифметич<u>еск</u>ий (подобно купец – купеч<u>еск</u>ий). Суффикс -ическ- используется в других условиях, см. филологический, географический, геодезический, демократический, коммунистический и пр.
- 4) Элемент -лог- не является суффиксом прилагательного (в «Русской грамматике» 1980 г. он вообще рассматривается как связанный компонент сложного существительного), однако прилагательные геологоразведочный, патологоанатомический с этой морфемой в первом компоненте переходят по предложенному правилу в разряд дефисно пишущихся: геолого-разведочный, патолого-анатомический, хотя и образованы от подчинительных словосочетаний геологическая разведка, патологическая анатомия. К тому же их написание соответствует написанию существительных геологоразведка, патологоанатом. (К счастью, геологи не знакомы с опытом словаря-справочника «Слитно или раздельно?» и до сих пор пользуются слитным написанием прилагательного геологоразведочный (см. название их института). То же касается элемента -граф-. По мнению авторов этого правила, пишутся

дефисно "сложные прилагательные с элементами -лог-, -граф-, где -лог-, -граф- в первой части сложных прилагательных являются словообразовательными эквивалентами элементов -логическ-, -графическ-" [1987: 5,6]. Зачем такое странное объяснение, когда на самом деле -лог- и -граф- входят в основу существительных, а суффикс прилагательных здесь -ическ-?

5) Определение степени опрощения в первом компоненте сложного прилагательного – достаточно трудный вопрос. Наличием суффикса прилагательного в нем определяется его правописание. Посмотрим, как решают этот вопрос авторы словаря «Слитно или раздельно?» Ср.: частнособственнический, но очно-заочный, уголовно-процессуальный; кругловогнутый, но плоско-вогнутый, выпукло-вогнутый,; цельномолочный, но кисло-молочный, а горячекатаный и холоднокатаный рекомендуют писать одинаково – слитно. Следуя их правилу (исходя из написания), нужно было бы считать, что суффиксов нет в первых компонентах прилагательных частнособственнический, кругловогнутый, цельномолочный, горячекатаный и холоднокатаный, а имеющими суффикс очно-заочный, уголовно-процессуальный, плоско-вогнутый, выпукло-вогнутый, кисло-молочный. Это далеко не всегда совпадает с нашими представлениями о членимости приведенных слов в современном языке, а следовательно, и их орфография будет у нас различаться. Вряд ли можно руководствоваться для написания сложных прилагательных такими неясными и трудными правилами. Как видим, не наличие или отсутствие суффикса прилагательного в первом компоненте определяет написание приведенных сложных прилагательных.

Таким образом, анализ правила и материала словаря-справочника «Слитно или раздельно?» показывает, что в основе предложенного Б. З. Букчиной и Л. П. Калакуцкой правила не лежит единый принцип — наличие или отсутствие суффикса прилагательного в первом компоненте сложения, что последовательное проведение этого принципа нежелательно, так как разрушит устоявшиеся в соответствии с действующим правилом, не вызывающие затруднений написания. Правила 1956 г. давали определенную свободу для написания узкоспециальных терминов, новое же правило предоставляет решать сложный лингвистический вопрос о структуре слова нефилологам. О сложности ориентации на суффикс прилагательного свидетельствует тот факт, что лингвистысловообразователи иногда по-разному производят членение одних и тех же слов в зависимости от своей концепции. Об этом уже говорилось выше.

Рассматривать правило, предложенное Б. З. Букчиной и Л. П. Калакуцкой, и словарь-справочник «Слитно или раздельно?» как основу для переработки «Орфографического словаря русского языка» не представлялось целесообразным из-за непоследовательности, противоречивости, лингвистической необоснованности многих его решений. Частично это показано выше. Подтвердим это экспериментом.

* * *

Очевидно, что любой языковой процесс происходит под влиянием нескольких и нередко разнонаправленных факторов. Орфография, не представляя собой самостоятельного уровня языка, отражает в письменной условной форме те или иные закономерности различных языковых уровней: фонетики, морфологии, лексики, синтаксиса, поскольку правило чаще всего строится на осознании человеком определенных языковых фактов и их взаимосвязи. Можно предположить, что орфографическая практика написания сложных прилагательных складывается под влиянием следующих факторов:

- 1. Частотность слова, его принадлежность к широкоупотребительной или узкоспециальной лексике. Это определяет знакомство пишущего со словом, возможность запоминания его орфографического облика.
- 2. Характер соотношения основ в прилагательном. Поскольку действующее правило 1956 и 2006 гг. требует семантического анализа синтаксической подчинительной или сочинительной конструкции, представленной в сложном прилагательном в виде целостного или расчлененного понятия, то многое в написании зависит от легкости, очевидности или затрудненности понимания отношений между словами в исходных словосочетаниях; это в какой-то мере определяется грамматической принадлежностью мотивирующих компонентов.
- 3. Наличие или отсутствие суффикса прилагательного в первом компоненте.
- 4. Длина первого компонента, измеряемая количеством слогов, и длина всего сложного слова в целом.

По-видимому, при выработке нового правила необходимо представлять себе степень влияния на орфографическую практику указанных факторов, чтобы избежать ошибки в выборе направления кодификации. В связи с этим нам кажется уместным психолингвистический эксперимент, связанный с изучением орфографического опыта носителей литературного языка. Каковы, на наш взгляд, его преимущества перед сбо-

ром материала по письменным источникам? Во-первых, это возможность получить массовый материал по нужному слову от разных информантов. Во-вторых, эксперимент адекватно отражает сознание носителей языка без поправок на существующие словари и противоречия в них.

В эксперименте участвовали слушатели Высших курсов переводчиков при Институте иностранных языков им. М. Тореза и научные сотрудники Института русского языка АН СССР. Информантам предлагались анкеты, содержащие сложные прилагательные, написанные с пробелом между их компонентами, которые они должны были заполнить знаками — дефис, слитно, раздельно — в соответствии со своими представлениями о написании слова. При колебаниях можно было отмечать варианты или оставлять слово без ответа. На обдумывание давалось время, но анкетирование происходило без предварительной подготовки и анонимно. Эксперимент проводился в два этапа: мы сочли оптимальным вариантом для анкетирования и обработки материала объем в одну машинописную страницу слов на каждом этапе эксперимента. В одну анкету было включено 90 слов, получены ответы от 92-х информантов, в другую — 88 слов, ответили 68 информантов (несколько слов в анкетах повторялось).

При составлении анкет не исключались употребительные и традиционно пишущиеся слитно прилагательные с сочинительным отношением основ, не имеющие суффикса в первом компоненте (нефтегазовый, тазобедренный). В то же время включались употребительные прилагательные с традиционным дефисным написанием при подчинительном отношении основ и наличии суффикса (жилищно-строительный). Отбирались только ясные для морфемного анализа случаи и не исключались сложные для выявления соотношения основ. В эксперименте проверялось большее число прилагательных с подчинительным отношением основ при наличии суффикса, чем при отсутствии, и, наоборот, большее число прилагательных с сочинительным отношением основ при отсутствии суффикса, что должно было бы способствовать выявлению влияния фактора, связанного с морфемным анализом первого компонента сложения. Таким образом, подготавливалась почва для проявления принципа, связанного с наличием или отсутствием суффикса в первом компоненте.

Материал подвергался количественному анализу, при необходимости обрабатывался статистическим методом, выводы делались на основании "критерия хи-квадрат". Методику обработки см. [Головин 1966: 31]. За недостатком места ограничимся только выводами:

- 1. Общий анализ материала, полученного в результате эксперимента, показывает, что характер соотношения слов в словосочетании, на основе которого образуется сложное прилагательное, является существенным фактором при определении его написания.
- 2. Гипотеза о действии фактора, связанного с морфемным анализом первого компонента сложного слова (наличием/отсутствием в нем суффикса прилагательного), не подтверждается. Во всех рассматриваемых словах членение первой основы на морфемы однозначно, выделение суффикса не представляет трудностей, но полученные результаты прямо противоположны ожидаемым: при наличии суффикса существенно преобладает слитное написание, при отсутствии суффикса дефисное.
- 3. Гипотеза о влиянии длины первого компонента сложного прилагательного на его написание подтверждается: слитное написание существенно преобладает в образованиях с первым компонентом, имеющим односложную основу, по сравнению с прилагательными, имеющими двухсложные и трехсложные первые основы, между которыми различия несущественны (в анкету были включены только образования с соединительными гласными после согласных, поэтому первый компонент слова всегда на один слог больше, чем содержится в его основе).

Поскольку вопрос о выборе принципа для выработки нового правила о слитном и дефисном написании сложных прилагательных в начале 90-х годов XX в. стоял чрезвычайно остро и предлагалось ориентироваться на морфемный анализ первого компонента сложного прилагательного, необходимо было рассмотреть эту проблему более детально в соотношении с основным принципом действующего правила, построенного на анализе семантико-синтаксических отношений в исходных словосочетаниях.

Наиболее показательным для выяснения вопроса о влиянии наличия-отсутствия суффикса прилагательного в первом компоненте сложного слова на его написание может быть сопоставление прилагательных, различающихся только по этому признаку. С этой целью рассматривались написания в парах типа вопросно-ответный* и вопросоответный, сливно-наливной* и сливоналивной*, водно-воздушный и водовоздушный, товарно-пассажирский* и товаропассажирский, кислородно-зарядный* и кислородозарядный*, магнитно-тормозной* и магнитотормозной*, фанерно-строгальный* и фанерострогальный (здесь и далее при отсутствии слова в 29-м издании "Орфографического словаря" написание дается по справочнику "Слитно или раздельно?", при нем ставится знак*; обычно написание расходится с рекомендациями действующих правил 1956 г.).

Анализ этого материала позволяет уточнить выводы:

- 1. При сочинительном отношении основ в сложных прилагательных дефисное написание существенно преобладает над слитным, но при наличии суффикса слитное написание встречается реже, чем при его отсутствии.
- 2. При подчинительном отношении основ преобладает слитное написание; при этом наличие или отсутствие суффикса в первом компоненте не влияет на написание прилагательного.

Аналогичные выводы можно сделать на основании материала, сгруппированного в соответствии со следующими признаками: 1) сочинительные отношения основ при наличии суффикса прилагательного в первом компоненте (передне-средний, возвратно-поступательный); 2) сочинительные отношения основ при отсутствии суффикса (крахмало-паточный, спуско-подъемный); 3) подчинительные отношения основ при наличии суффикса (автогенно-сварочный, горнолыжный); 4) подчинительные отношения основ при отсутствии суффикса (геолого-разведочный*, фанерострогальный).

Таким образом, при столкновении двух рассматриваемых факторов более сильным оказывается влияние характера соотношения компонентов в исходном словосочетании.

Сопоставительный анализ написаний прилагательных, относящихся к узкоспециальной и широкоупотребительной лексике, также подтверждает этот вывод.

Заслуживает внимания и тот факт, что информанты оказались более последовательными в применении действующего правила, чем Орфографический словарь, и предпочли дефисное написание, например, для слов: асбестографитовый, газобензиновый, хромомолибденовый, водовоздушный.

Мы сделали выводы на основании анкетирования информантов с филологическим образованием, что, на наш взгляд, существенно: ведь это тот тонкий культурный слой, который сохраняет определенные орфографические навыки. Небольшой опрос представителей нефилологической интеллигенции — инженеров, врачей, преподавателей вузов и научных сотрудников нефилологического профиля — показывает, что они имеют весьма неопределенные представления о членимости слова и даже о понятии "суффикс". Поэтому мало надежды научить их новому правилу, а разрушать традицию, переучивать филологов было бы неразумно.

В связи с результатами эксперимента нам представляется, что при разработке правила о написании сложных прилагательных нельзя не

учитывать характера отношений основ. Именно он определяет многие сложившиеся и не подвергающиеся колебаниям написания. В отношении узкоспециальной лексики применение этого принципа оказывается трудным для неспециалиста, но правило 1956 г. позволяет в случае затруднения писать дефис. Очевидно, что ни семантико-синтаксический принцип, заложенный в основу правил 1956 г. и сохраненный в новой редакции 2006 г., ни принцип морфемного анализа, предлагавшийся в правиле Б. З. Букчиной и Л. П. Калакуцкой, не может быть проведен последовательно без издержек. Когда написание легко укладывается в русло действующего правила, не надо на это закрывать глаза и придумывать для него новых более сложных оснований и, тем более, изменять привычные написания, как это делалось авторами словаря-справочника «Слитно или раздельно?» в угоду формально-грамматическому принципу. Не следует также игнорировать относительную свободу действующего правила в выборе написания в терминах, предоставление широкой возможности дефисного написания. Ведь довольно странным для языкового чутья носителя языка было бы объяснение, например, что прилагательные структурно-смысловой, причинно-следственный, субъектно-предикатный надо писать через дефис из-за наличия суффикса прилагательного -н- в первом компоненте. В том же тексте и тоже в дефисном написании нам встретились и прилагательные рече-мыслительный, видо-временной, темо-рематический, не имеющие суффикса в первой основе. В принципе дефисное написание сложных прилагательных, особенно имеющих неодносложный первый компонент, удобно для читающего и пишущего, тем более если это узкоспециальные термины. Трудность выявления исходного словосочетания, двойственность мотивации и неоднородность признаков прилагательных, входящих в него, для нас тоже аргумент в пользу дефисного написания соответствующего прилагательного⁷.

По-видимому, вопрос о написании сложных прилагательных может быть решен в полной мере только в словарном порядке. Для широко-употребительной лексики удобнее, на наш взгляд, правило, основанное на обращении к семантико-синтаксическому анализу исходного слово-сочетания, а не к анализу словообразовательной структуры прилагательного. Для узкоспециальной терминологии предпочтительно дефисное написание и без анализа морфемной структуры лексемы, так как решить эти вопросы нелингвисту непросто (например, имеет ли прилагательное косвенно-сдельный суффикс в первом компоненте, а если имеет, то какой).

На наш взгляд, в ситуации, когда многие годы действующее правило, касающееся слитного/дефисного написания сложных прилагательных, во множестве случаев бездействовало, не последнюю роль в формировании орфографического облика сложных прилагательных играл такой психолингвистический фактор, как длина прилагательного в целом и его первой части.

* * *

В Проекте – 2000 была сделана попытка построить правило на формально-грамматическом принципе, однако замена принципа, на котором строится правило, на другой без учета всех лингвистических и экстралингвистических последствий привела бы к еще большему разнобою и вызвала бы трудности в написании или в объяснении устоявшихся написаний многих распространенных прилагательных. Проект не был принят общественностью.

В академическом справочнике 2006 г., представляющем собой новую редакцию действующих правил, раздел о написании сложных прилагательных перестроен и существенно дополнен. Он снабжен многочисленными примерами, что, безусловно, поможет пользователю справочника. Как и в Своде 1956 г., в нем помещено правило, о котором уже говорилось выше, - прилагательные, образованные от существительных, пишущихся слитно или через дефис, пишутся так же, как эти существительные: ультразвуковой, железобетонный, четвертьфинальный (от ультразвук, железобетон, четвертьфинал), но вице-президентский, дизель-моторный, северо-восточный, санкт-петербургский, нью-йоркский (от вице-президент, дизель-мотор, северо-восток, Санкт-Петербург, Нью-Йорк). В новой редакции сформулировано правило, которого в Своде 1956 г. не было, - о слитном написании прилагательных, вторая часть которых не употребляется в качестве самостоятельного слова (длинноногий, седобородый, скорострельный, разнотипный, многозначный, влаголюбивый) или в самостоятельном употреблении имеет другое, не связанное с данным сложным словом, значение (великодушный, стреловидный). Проблема выбора между слитным и дефисным написаниями на семантико-синтаксических основаниях касается лишь прилагательных, последняя часть которых может употребляться в качестве самостоятельного слова – прилагательного или причастия. При этом особой оговорки заслуживает следующая закономерность: пишутся слитно прилагательные, преимущественно употребляющиеся в функции имен существительных, - такие как военнопленный, военнообязанный, срочнослужащий, ссыльнокаторжный, ссыльнополитический, земноводные, парнокопытные, на что указывается в специальном примечании.

Отдельно поданы правила: а) о дефисном написании прилагательных, обозначающих оттенки качества (преимущественно цвета или вкуса): бледно-желтый, тёмно-русый, светло-зеленый, ярко-красный, нежно-розовый, кисло-сладкий, горько-соленый, кричаще-яркий, раскатисто-громкий, а также (с наречием в первой части) изжелта-красный, иссиня-черный и т. п.; б) о дефисном написании прилагательных, образованных от сочетаний имени и фамилии, имени и прозвища (вальтер-скоттовский, жюль-верновский, робин-гудовский, чайльд-гарольдовский, чарли-чаплинский), а также прилагательных типа дяди-Стёпин, тёти-Валин, бабы-Дусин (с дефисом, обусловленным прописной буквой во второй части). При этом делается существенная оговорка, что пишутся слитно прилагательные, образованные от китайских, корейских, вьетнамских личных имен: маоцзэдуновский, кимирсеновский, хошиминовский (от Мао Цзэдун, Ким Ир Сен, Хо Ши Мин), а также от личных имен, начинающихся служебными элементами (артиклями, частицами) ван, де, ле, фон и т. п., например: вангоговский, деголлевский, фоннеймановский (от Ван Гог, Де Голль, фон Нейман). Впервые сформулировано и введено правило о дефисном написании музыкальных терминов, содержащих в качестве составной части названия нот, напр.: до-мажорный, ре-минорный, ми-бемоль-мажорный, фа-диез-минорный (сочетания же названия нот со словами мажор и минор, обозначающими тональности, пишутся раздельно, напр.: до мажор, ре минор, мибемоль мажор, фа-диез минор).

Правило о раздельном написании сочетаний наречия с прилагательным или причастием (абсолютно необходимый, диаметрально противоположный, жизненно важный, чисто русский, химически чистый, социально ориентированный, постоянно действующий, свободно конвертируемый и т. п.) выделено в отдельный параграф, а не "запрятано" в одно из примечаний. Особо отмечены прилагательные типа вечнозелёный, сильнодействующий, легковоспламеняющийся (обычно являющиеся терминами), которые представляют собой слова-сращения, образовавшиеся из сочетаний наречия с последующим прилагательным или причастием; их следует отличать от свободных сочетаний наречия с причастием или прилагательным, пишущихся раздельно. Ср., например: быстродействующие средства и быстро действующий в экстремальных ситуациях человек.

В справочнике 2006 г. приведено большое количество исключений как со слитным, так и с дефисным написанием прилагательных, что, несомненно, поможет его пользователю. Авторы отмечают, что в ряде случаев дефисному написанию таких слов способствует наличие в первой основе суффикса относительных прилагательных -н-, -енн-, -ов-, -ск- при подчинительных связях основ. Однако с таким утверждением нельзя согласиться в отношении всех указанных суффиксов. Хотя вопреки основному правилу сложные прилагательные с суффиксом -н- и встречаются в дефисном написании (например: буржуазно-демократический, жилищно-кооперативный, парашютно-десантный, врачебно-консультативный, лечебно-физкультурный, партийно-номенклатурный, автогенно-сварочный), основная масса слов с подчинительным отношением основ пишется в соответствии с правилами слитно: водноспортивный, воднотранспортный, воднолыжный, водноэнергетический, сыпнотифозный, восточнославянский.

По нашим предварительным наблюдениям, написания сложных прилагательных с суффиксом относительного прилагательного -енн- в первой части обычно соответствуют правилам: буквенно-звуковой (равноправные основы – буквы и звуки), мертвенно-бледный, мертвенно-серый (оттенки цветов). В «Правилах» 1956 г. прилагательное естественнонаучный (естественные науки) рекомендовалось писать слитно (§ 80, п. 2). В 1-м изд. Орфографического словаря в таком же написании дано и слово естественноисторический (естественная история), однако в 29-м изд., а затем и в РОСе орфография этих прилагательных изменена – теперь они должны писаться с дефисом. Это решение нам не кажется удачным: прежнее привычное написание сохраняется до сих пор в авторитетных источниках, не только в тексте «Правил» 1956 г., но и в словарях (см. Зализняк 2004, Орфоэпический словарь 1989 под ред. Р. И. Аванесова), которыми еще долго будут пользоваться носители литературного языка. Как кажется, более других способствует дефисному написанию сложных прилагательных сочетание суффикса существительного -ств- с суффиксом прилагательного -енн-, то есть -ственн-, на что указывали Былинский и Никольский, ср.: государственно-монополистический, государственно-правовой и пр. В академический справочник 2006 г. можно было бы добавить и другие суффиксы (например, -ат-, -альн-...), которые упоминаются в книге "Русское правописание сегодня" [2007].

Несмотря на то, что правила академического справочника отличаются энциклопедической полнотой, все-таки можно отметить и некоторые упущения. Например, в нем отсутствует следующее правило 1956 г.,

которое играет роль корректирующего (см. Примечание 2 к § 81): "Имена прилагательные, образованные от имен собственных, пишущихся через дефис, и имеющие приставку, отсутствующую у существительных, пишутся слитно, например: приамударьинский, заиссыккульский" (например, от Амударья, Иссык-Куль – С.Б.). Такое же написание дается в РОСе, однако само правило исчезло. Может быть, "на слуху" не так много подобных слов, но от любого дефисно пишущегося собственного имени может быть образовано прилагательное, имеющее приставку, например: Иссык-куль, иссык-кульский, заиссыккульский, прииссыккульский (ср. в слитном написании существительное Прииссыккулье); Тянь-Шань, тянь-шаньский, притяньшаньский (ср. Притяньшанье); Алма-Ата, алма-атинский, заалмаатинский (ср. алмаатинец). Если обратить внимание на существительные, образованные на основе тех же собственных имен в дефисном написании, то можно заметить общую тенденцию к слитному написанию как существительных, так и прилагательных. При этом для орфографии прилагательных, как мы видели, существенно наличие приставки, а для существительных - суффикса (ср. заалмаатинский и ньюйоркец) или приставки и суффикса одновременно (Прииссыккулье). В справочник "Слитно или раздельно?" включено нарицательное существительное субпрессцентр в слитном написании, имеющее только приставку.

На наш взгляд, правило, касающееся прилагательных, в справочнике необходимо восстановить. По-видимому, оно должно касаться не только собственных имен (см. выше), но и нарицательных, как дается в пособии Д.Э. Розенталя с первого издания (см.: [2005: 89]): социал-демократ, социал-демократический — антисоциалдемократический, псевдосоциалдемократический⁹. Такое же написание находим в справочнике "Слитно или раздельно?". Наречие же по-социалдемократически с одним дефисом после приставки по- (так пишутся наречия на -ки, ср. по-детски) дано не только в двух указанных источниках, но и в нескольких изданиях Орфографического словаря, в РОСе и в «Правилах» 1956 г. [§ 84: 47]. Присутствие приставки меняет орфографию дефисно пишущихся прилагательных, от которых образованы наречия, и вторая часть наречия после приставки пишется слитно (по-социалдемократически). Однако в РОСе прилагательное анти-социал-демократический дано с двумя дефисами в соответствии с корректирующим правилом академического справочника [2006: 162], в котором указано, что слитное написание с приставкой недопустимо, если вторая часть слова содержит дефис. Так как же все-таки писать заиссыккульский, псевдосоциалдемократический, по-социалдемократически, Прииссыккулье? Неужели не считаться с традицией и писать за-иссык-кульский, псевдо-социал-демократический, по-социал-демократически, При-иссык-кулье? Ведь в общих правилах сказано, что приставки русские и иноязычного происхождения с последующим словом пишутся слитно. На наш взгляд, история с пропавшим правилом оставляет открытым не только вопрос о написании сложных прилагательных, но и об орфографии существительных.

* * *

Уже в предисловии к 13-му изд. "Орфографического словаря русского языка" указаны изменения по сравнению с 5-м в написании ряда сложных прилагательных. С выходом опыта словаря-справочника "Слитно или раздельно?" [1972] Б. З. Букчиной и Л. П. Калакуцкой, выдержавшего несколько изданий, русскую орфографию стало лихорадить, так как с каждым исправленным и дополненным его изданием количество изменившихся написаний возрастало: слитные написания заменялись дефисными и наоборот. Это коснулось и 29-го изд. Орфографического словаря, когда возобладала идея о смене семантико-синтаксического принципа написания сложных прилагательных на формально-грамматический (с опорой на наличие/отсутствие суффикса прилагательного в первой части сложного слова). Некоторое количество изменений попало и в этот словарь, но это прошло незамеченным. Проект-2000, использовавший идею Б.З.Букчиной и Л.П.Калакуцкой, не получил одобрения у общественности. Все это сыграло свою дестабилизирующую роль в орфографической ситуации. 1-е изд. "Русского орфографического словаря" [1999] авторы сопроводили списком слов с изменившимися написаниями, на что отрицательно отреагировала общественность, и во 2-м изд. РОСа пришлось отказаться от этих изменений и частично от принятых раньше решений. В новой редакции правил сохранился основной принцип написания сложных прилагательных - семантико-синтаксический, который использовался еще в правилах 1956 г.

ЛИТЕРАТУРА

Абибов А. Л., Бирюков Н. М., Бойцов В. В. и др. Технология самолетостроения. М., 1982.

Борунова С. Н. О написании сложных прилагательных в русском языке // Русская речь, 1994, № 4.

Борунова С. Н. Об одной дискуссионной проблеме русской орфографии (к вопросу о написании сложных прилагательных в русском языке) // Русистика сегодня, 1998, № 3–4.

Борунова С. Н. Об одном дискуссионном вопросе русской орфографии (к вопросу написания сложных прилагательных в русском языке // Альманах Говор. Материалы Всероссийской научной конференции "Русский язык: прошлое, настоящее, будущее". А. Актуальные проблемы русистики. А8. Преподавание русского языка. Саратов — Сыктывкар, 1996.

Букчина Б. З., Калакуцкая Л. П. Слитно или раздельно? М., 1983.

Букчина Б. З., Калакуцкая Л. П. Сложные слова. М., 1974.

Былинский К. И., Никольский Н. Н. Справочник по орфографии и пунктуации для работников печати. М., 1970.

Головин Б. Н. Из курса лекций по лингвистической статистике. Горький, 1966.

Григорьев В. П. К вопросу о грамматических отношениях между компонентами сложного существительного // Русский язык в школе, 1958, № 5.

Григорьев В. П. О границах между словосложением и аффиксацией // Вопросы языкознания, 1956, № 4.

Донова 3. П. Сложные прилагательные в современном русском языке // Автореф. ... канд. филол. наук. М., 1950.

Зайцева С. Н. Проблемы правописания сложных слов // Автореф. ... канд. филол. наук. М., 1998.

Кайдалова А. И. К вопросу о правописании сложных прилагательных // Русский язык в школе, 1963, № 1.

Кузьмина С. М. К проблеме кодификации слитных-дефисных написаний сложных прилагательных // Лики языка. К 45-летию научной деятельности Е. А. Земской. М., 1998.

Кузьмина С. М. Самое бездействующее из действующих правил русского правописания // Аванесовский сборник. М., 2002.

Кузьмина С. М. Заколдованное место русской орфографии (О трудностях кодификации слитно-дефисного написания сложных прилагательных // Отцы и дети Московской лингвистической школы: Памяти Владимира Николаевича Сидорова. – М., 2004.

Лось И. Сложные слова в польском языке // Записки ист.-филол. ф-та СПб ун-та, ч. 62, 1901.

Орфографический словарь русского языка. 1—4 изд. / под ред. С. И. Ожегова и А. Б. Шапиро. М., 1956—1959.

Орфографический словарь русского языка. 5-12 изд. / под ред. С. Г. Бархударова, С. И. Ожегова и А. Б. Шапиро.

Орфографический словарь русского языка. 29-е изд. / под ред. В. В. Лопатина. М., 1991.

Панов М. В. О дефисных написаниях. (Замечания к предложениям проф. А. А. Реформатского) // О современной русской орфографии. М., 1964.

Панов М. В. О слитных и раздельных написаниях. (Замечания к предложениям) // Вопросы русской орфографии. М., 1964.

Панов М. В. Об усовершенствовании русской орфографии // Вопросы языкознания, 1963, № 2.

Политехнический словарь. М., 1989.

Правила русской орфографии и пунктуации. М., 1956.

Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / Н. С. Валгина, Н. А. Еськова, О. Е. Иванова и др.; под ред. В. В. Лопатина. — М., 2006.

Правила русской орфографии и пунктуации. Проект. М., 2002.

Прокопович Н. Н. О разграничении словосочетаний и сложных прилагательных // Русский язык в школе, 1961, № 4.

Реформатский А. А. Дефис и его употребление // О современной русской орфографии. М., 1964.

Розенталь Д. Э. К вопросу о правописании сложных слов // Вопросы русской орфографии. М., 1964.

Розенталь Д. Э. Справочник по правописанию и литературной правке. М., 1985.

Русская грамматика. Т. 1., М., 1980.

Русское правописание сегодня: О "Правилах русской орфографии и пунктуации" / С. Н. Борунова, Н. С. Валгина, Н. А. Еськова и др.; под ред. В. В. Лопатина. – М., 2007.

Русский орфографический словарь, изд. 2-е. М., 2005.

Свод орфографических правил. Проект. М., 1936.

Свод правил русского правописания. Орфография. Пунктуация. Проект. М., 2000.

Срезневский И. Замечания об образовании слов из выражений // Сб. ОРЯС, т. X, 1873.

Современный русский язык. Морфология. М., 1952.

Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка. М., 1985.

Xомизури П. И. Смысловое значение знака <u>дефис</u> в геологической терминологии // О современной русской орфографии. М., 1964.

Шапиро А. Б. К вопросу о написании сложных прилагательных // Проблемы современной филологии. Сб. ст. к семидесятилетию ак. В. В. Виноградова. М., 1965.

Шапиро А. Б. Русское правописание. М., 1961.

Шубов Я. И. О правописании сложных прилагательных // Русский язык в школе, 1959, № 6.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сейчас в обоих случаях используется дефисное написание (см. «Правила...» 1956 и 2006 гг.).

² Это показано в ряде работ, например: Современный русский язык. Морфология [1952: 46, 47]; Н. Н. Прокопович. О разграничении словосочетаний и сложных прилагательных [1961: 6, 7]; З. П. Донова. Сложные прилагательные в современном русском языке. Автореферат канд. дисс. [1950: 4]. З. П. Донова одна из

первых отметила, что нельзя говорить о каких-либо синтаксических отношениях между компонентами сложного слова, так как оно «не распадается на отдельные части-слова». Но при этом она допускает наличие между ними "сочинения" и "подчинения" не в грамматическом, а в смысловом отношении". В. П. Григорьев в статье «К вопросу о "грамматических отношениях" между компонентами сложного существительного» [1958: 23–29] вопрос о наличии грамматических отношений между компонентами сложного слова также решает отрицательно.

- ³ Из примеров видно, что правило касается не только нарицательных слов, но и собственных.
- ⁴ Заметим, что в данном случае хоть и легко устанавливаются отношения между частями сложения, значение сложного прилагательного не вполне соотносительно со значением словосочетания. Ср. общенародный и общий для народа (см. [Прокопович 1961:7]).
- 5 -ственно- представляет собой сочетание суффикса существительного -ств- с суффиксом прилагательного -енн- и соединительной гласной -o-.
 - ⁶ Эксперимент проводился на занятиях Е. В. Джанджаковой.
- ⁷ С. Н. Зайцева проследила закономерности в области слитного/дефисного написания разнообразных по структуре прилагательных. Преимущественно через дефис пишутся прилагательные с компонентами морфологически однородного состава, независимо от того, есть ли суффикс в первой части, а также от того, сочинительными или подчинительными отношениями связаны слова в исходных словосочетаниях желто-зеленый, англо-французский, колюще-режущий, счетно-пишущий. В слитном написании, как правило, в орфографической практике представлены сложные прилагательные с неоднородными компонентами: звукоизолированный, хлебоуборочный, пятиэтажный, круглосуточный [1998: 12].
 - ⁸ Сейчас существительное Амударья (название реки) пишется слитно.
 - 9 -псевдо- представляет собой часть сложного слова приставочного типа.

О СОВРЕМЕННОМ ПРАВОПИСАНИИ НАРЕЧИЙ И НАРЕЧНЫХ СОЧЕТАНИЙ

О. Е. Иванова

І. Вводные замечания

Описание существующих письменных норм, а также предложения по их совершенствованию, которые могут быть высказаны и, главное, приняты обществом, очень различны для разных отделов русского письма. Эти вопросы обладают своей спецификой, например, в разделе орфографии новых слов, написание которых находится в стадии становления и поэтому подвержено значительным узуальным колебаниям; или в сфере употребления большой/малой букв в отдельных типах наиме-

нований, для которых иногда вообще трудно говорить о самой возможности сформулировать нормы письма; или в области употребления отрицания не, регулируемого одновременно нормами узуса, с одной стороны, и нормами кодифицированными, с другой; или, наконец, в таком сегменте функционирования письменных норм, как правописание сложных слов — существительных, прилагательных и наречий, отличающееся значительной долей традиционных орфограмм, притом что велика роль лексико-семантического фактора, определяющего выбор письменной формы.

Как показало обсуждение новой редакции правил орфографии, общественность, интересующаяся вопросами правописания, болезненно реагирует на какие-либо изменения в правилах (так было всегда при обсуждении вопросов правописания) и скорее отвергает их, а не приветствует. При этом другая часть общественности – прежде всего, в лице преподающих, пишущих или редактирующих специалистов – выражает неудовлетворенность сложностью и громоздкостью нормативных рекомендаций, и в первую очередь, конечно, в отделах правописания, связанных с различением слитного/раздельного/дефисного представления слов различных частей речи.

Современные правила правописания наречий и наречных сочетаний — в той части, где речь идет о выборе между слитным и раздельным написаниями — считаются трудными и для школьного преподавания, и для использования их уже грамотными людьми. Существует даже достаточно радикальное мнение, что в современной орфографии вообще «отсутствует как таковая система правил, регламентирующих слитное/раздельное написание наречий, а имеется лишь попытка обобщить требования узуса» [Друговейко 2003, с. 69]. Перечень претензий педагогов и учащихся, с одной стороны, и ученых, с другой, к установленным в этой области нормам достаточно обширен, а предложения по усовершенствованию этого раздела орфографии имеют весьма широкий диапазон — от частных изменений в написании ряда единиц до формулирования принципов различения наречий и сочетаний существительных с предлогами и построения на этой основе правил в целом.

Требования к орфографическому оформлению наречий и наречных сочетаний уже с 1956 г. закреплены правилами и академическим орфографическим словарем и с тех пор не менялись, не корректировались ни для одного слова. Письменные нормы их передачи — какими бы несовершенными и неудобными для пишущих они ни были — являются законодательно утвержденными для подавляющего большинства еди-

ниц (заметим, что новые наречия образуются все-таки относительно редко и обычно по существующим моделям). Иными словами, в этой части письменной практики свобода кодификаторской деятельности, связанной с введением новых написаний, с изменением действующих норм письма, достаточно жестко ограничена общественным договором.

Однако предложения по возможной трансформации установившихся норм написания наречий высказывались и высказываются до сих пор [см., например: Обзор...1965, с. 337-351]. Часть из них - это «системные» предложения по усовершенствованию правописания наречий, охватывающие всю грамматическую категорию адвербиалов. Они имеют целью сделать правила написания доступными для автоматического применения пишущими, для чего выстраиваются специальные алгоритмы принятия решения [см., например: Панов 1964, Харченко 2001, Друговейко 2003]. Основной чертой данных концепций, существенной для практики письма, является неизбежное значительное изменение написаний наречий, зафиксированных с 1956 г. Сам процесс реализации этих концепций предусматривает, во-первых, абстрагирование от установленных написаний как традиционных и неморфологичных и, во-вторых, создание непротиворечивых способов определения частеречной принадлежности каждой единицы, а уже на основе выявленного морфологического статуса предлагается слитная запись слова (наречия) или раздельная запись словоформы (предложно-падежного сочетания).

В большинстве же случаев обсуждение проблемы правописания наречий и предложения по изменению норм сводятся, как правило, к двум положениям: 1) заменить раздельные написания слитными в тех случаях, когда нет сомнений в том, что данная единица — наречие, и 2) «для всех сомнительных случаев узаконить вариантные написания» [см., например: Булатова 2004, с. 257; также: Кузьмина 2004]. И общие и частные предложения, направленные на изменение норм письма для наречий, не имеют, на наш взгляд, простых решений в сегодняшней языковой и общественной ситуации.

Смеем утверждать, что трудности усвоения правописания наречий при обучении грамоте во многом преувеличены. Существующая в школе практика преподавания направлена на постепенное словарное запоминание наречных единиц таким же образом, как, к примеру, на словарное запоминание слов с непроверяемыми гласными. Различие заключается лишь в том, что многие наречия не относятся к частотным словам языка, поэтому они или вовсе не изучаются в школе, или их усвоение происходит естественным путем при чтении, при обращении к словарю.

Ниже предлагается анализ и классификация существующих правил слитного и раздельного написания адвербиалов и предложно-падежных сочетаний с адвербиальным значением; рассматривается соотношение правил и словарных норм, а также обсуждается проблема вариантов написания наречий, иногда воспринимаемая как практический выход из трудной ситуации с установлением норм письма для наречий и сходных с ними предложно-падежных сочетаний. В заключение излагаются некоторые предложения по усовершенствованию раздела, посвященного правописанию наречий, в действующем нормативном своде. Таким образом, соображения, изложенные в данном разделе, отчасти направлены на решение прикладных задач в сфере правописания наречий и близких к ним единиц.

II. Языковые основания частной нормы

В действующих правилах правописания наречий не удовлетворяет, прежде всего, отсутствие логических основ в классификации материала, взгляд на него с позиций диахронии, опора не на частеречную сущность наречия, а на сугубо формальные (и порой достаточно частные) показатели, что влечет за собой противоречивость, перекрестность нормативных требований . Нередко при отсутствии какой-либо понятной пишущему мотивации структурно одинаковые единицы пишутся поразному и, соответственно, попадают в разные параграфы правил (ср. назло – на диво, назубок – на глазок, вволю – в голос, вразлад – в лад, всерьёз – в шутку, второпях – в нетях, начистоту – на редкость, напоказ – на подбор, сразу – с ходу), а одна и та же единица может быть подведена под разные пункты правил, так как имеющаяся в ней орфограмма допускает интерпретацию на основе различных критериев (так, раздельное написание некоторых наречных сочетаний с предлогамиприставками без и под типа без оглядки и под уклон мотивируется, вопервых, характером самой первой части – эти предлоги всегда пишутся в наречных сочетаниях раздельно, во-вторых, соотношением «предлог оканчивается на согласный + именная часть сочетания начинается с гласного»). Критика существующих нормативных требований в области правописания наречий касается, таким образом, и теоретических принципов, положенных в их основу, и практического применения правил,

¹ Все эти недостатки правил не раз обсуждались в лингвистической и методической литературе, см., например [Алгазина 1964; Шанский 1964], из публикаций последнего времени см. [Друговейко 2003].

современные формулировки которых зачастую не позволяют выработать какой-либо алгоритм их использования.

Неединичность, или, как чаще говорят, противоречивость критериев, используемых для установления написания конкретных наречий, не столь уж легко и безболезненно устраняемое препятствие на пути совершенствования нормы, как иногда может показаться. Рассмотрим коллизию применяемых критериев на одном наглядном примере. Наречия в открытую, в общем следовало бы писать слитно (в соответствии с § 83, п. 4 действующих «Правил...»), поскольку они образованы префиксальным способом от прилагательного в полной форме, ср. внаглую, вплотную, врукопашную, вгорячую, наудалую. Однако они являются исключениями из этого правила и пишутся раздельно как «составленные из предлога в и прилагательного, начинающегося с гласной» (§ 83, п. 4, примечание). В данном случае к этим двум единицам применен критерий, положенный в основу другого - чисто формального самостоятельного правила написания наречных сочетаний: «следует писать раздельно сочетания предлогов с существительными..., если предлог оканчивается на согласную, а существительное начинается с гласной буквы: в обмен, в обрез... nod уклон» (§ 83, п. 6 Аб)². Следует отметить, что правило раздельной передачи на письме «наречных образований, состоящих из предлога-приставки, оканчивающегося на согласную, и именной основы, начинающейся с гласной» (формулировка из [Обзор...1965, с. 347]), является настолько «сильным», т. е. легко заучиваемым и последовательно соблюдаемым, насколько непонятным с точки зрения его лингвистической природы. Справедливо отмечается, что данная норма, с одной стороны, как бы не имеет права на существование, ибо противопоставляет регулируемые ею написания типа в обнимку, в отместку, в открытую основному принципу письма, действующему в отношении всех других частей речи - принципу слитного написания приставок с корнем независимо от качества конечного (или единственного) звука префикса и начального звука корня (ср. подоконник, подосиновик, безухий, разудалый, сузить, подыграть); с другой стороны, уже внутри категории наречий единицы в открытую и в общем по способу написания (раздельное) противопоставлены другим наречиям отадъективного (и – шире – неотсубстантивного) происхождения, пишущимся с приставками слитно. Единственный «весомый» аргумент в пользу их

² М. В. Панов назвал это правило «совершенно бессмысленным» [Панов 1964, с. 113], и до сих пор задается вопрос: «...какое отношение имеет это правило к принципам слитных или раздельных написаний?» [Булатова 2004, с. 257].

раздельного написания — это то, что оно соответствует утвержденной правилами и словарем орфографической норме. Аргумент, с точки зрения лингвистов, не связанный с материей языка и потому, как кажется, легко устранимый при изменении нормы написания. Но чем же объясняется само установление такой нормы?

Данная норма не всегда существовала в нынешнем безальтернативном виде. Так, словарь В. И. Даля отражает колебания в письменной передаче наречий данного типа (хотя неустойчивость орфографии вообще характерна для правописания середины XIX в.), показывая значительное число слитных (вобжимъ, воднорядъ, восеняхъ, восняхъ, суладу, сустатку, сустали)3, полуслитных (въ-обредь, въ-особину, въ-однодержку, въ-однодумку), раздельных (безъ удержу, въ отместку, въ отместь, въ охотку, въ охоту, въ угоду, съ иголочки) и вариативных написаний (безумолку/безъ умолку, безустали/безъ устали, вобизорь/вь-обизорь, вобрезь /вь-обрезь/вь обрезь; вупор/вь упорь) (в общем и в открытую в словаре отсутствуют). В «Русском правописании» Я. К. Грота (12-е изд., 1895) предлагается способ раздельного написания сочетания въ одиночку (с. 91). Справочник «100000 слов сомнительных в правописании» 1911 г. (пожалуй, самый объемный по словнику для своего времени, составленный, как заявлено, по Я. К. Гроту) единицы данного строения приводит в раздельном написании (въ обменъ, въ обрезь, въ обтяжку, въ обхвать, въ одиночку, въ охапку, въ упоръ, въ уровень). В словаре под ред. Д. Н. Ушакова, в котором достаточно широко представлена орфографическая вариантность вообще и наречная вариантность в частности⁴, современное требование раздельного написания также в целом соблюдено и нарушается лишь для нескольких единиц: вохотку/в охотку (но ср. здесь же с тем же значением только раздельно: в охоту), безудержу/без удержу, безумолку/без умолку, безустали/без устали, при этом варианты со слитным написанием стоят на первом месте. Однако в словарных статьях слов охотка, умолк, удерж, усталь предложно-падежные сочетания без умолку, в охотку и др. помещены во фразеологическую зону и приводятся, конечно, в раздельном написании обычно с несколькими примерами; обсуждаемые в общем и в открытую помещены в зоне фразеологизмов статей общий,

³ Здесь и ниже наречия и наречные сочетания приводятся без указания их принадлежности к различным стилистическим сферам языка, такие указания даются лишь в редких случаях.

⁴ По подсчетам исследователей, вариантов в этом словаре не менее 600, из них наречий – 21 [Григорьева, Науменко 2004].

открытый и пишутся раздельно. В книге Е. М. Федорук-Галкиной «Наречие в современном русском языке», написанной в эпоху ушаковского словаря, все такие наречия, напротив, пишутся только слитно (М., 1939, с. 32—33). Таким образом, филологический узус в течение почти целого столетия явным образом отражает колебание письменной формы наречий данного типа. Но вот уже в проекте «Правил единой орфографии и пунктуации» 1939 г. введено отдельным примечанием раздельное написание наречий «образованных соединением предлога в с прилагательным женского рода, начинающимся с гласной... например: в открытую» [Правила единой орфографии... 1939, с. 42], а в проекте, изданном в следующем (!) 1940 г., помимо этого, сформулировано еще одно специальное примечание, касающееся написания наречий «из предлога в и существительного, начинающегося гласным в обтяжку, в обмен, в обрез, в отместку, в охапку в два слова [Правила единой орфографии... 1940, с. 45].

Таким образом, колебания в письменной практике и отсутствие кодификации предоставляли в свое время возможность применить правило слитного написания и для наречий данного типа. Эта возможность тем не менее не была реализована. Можно только предположить, что существовали веские причины, из-за которых кодификаторы не решились пойти на утверждение в русском лексиконе стольких новых полноценных — цельнооформленных — слов. Сомнения в бесспорной целесообразности их слитного представления были и остаются до сих пор. Обращает на себя внимание и тот факт, что среди отсубстантивных наречий русского языка нет ни одного архаического слова, в котором этимологическая приставка на согласный пишется слитно с корнем, начинающимся гласным (ср. такие слова, как впотьмах, второпях, врасплох, искони, набекрень, насмарку, невдомек, понаслышке, спозаранок и пр. под.).

В самом деле, наречные единицы в открытую и в общем, являясь орфографическими исключениями в своем словообразовательном классе отадъективных наречий, относятся к довольно значительной группе слов — не только наречий и наречных сочетаний, но также предикативов и служебных слов — орфографически выделяемой именно на основании этого условного и «ненаучного» критерия: предлог-приставка на согласный соединяется с последующим корнем не контактом, а пробелом, если корень начинается с гласного звука. Для большей наглядности приведем перечень этих слов, зафиксированных в новейших словарях [РОС 2005, Словарь наречий... 2005], т. е. обладающих признаком устойчивости и воспроизводимости в речи:

- а) с начальным компонентом без: без аппетита, без излишеств, без интереса, без обиняков, без оглядки, без околичностей, без опаски, без осложнений, без остановки, без остатка, без отказа, без очереди, без удержу, без ума, без умолку, без умысла, без упрека, без устали, без утайки, без учета (чего), без ущерба;
- б) с начальным компонентом в: в адрес (кого-чего), в авангарде, в ажуре, в аккурат, в аккурате, в ауте, в ёлку, в ёлочку, в избытке, в изголовье, в изножье, в изобилии, в интересах (кого-чего), в итоге, в оба, в обвод, в обгон, в обгонку, в обизор, в области (чего), в обло, в облом, в обмен, в обнимку, в обнимочку, в оборку, в оборот, в оборочку, в обрез, в обстановке (чего), в обтяжечку, в обтяжку, в обхват, в обхвате, в обход, в общем, в общем и целом, в объезд, в одиночку, в одночасье, в окружении, в особенности, в особинку, в особину, в особицу, в отвес, в ответ, в отдалении, в отдельности, в отключке, в открытую, в отмену, в отношении (кого-чего), в отпаде, в отрубе, в отрыв, в отрыве, в оттяжку, в охапку, в охотку, в охоту, в убыток, в угоду, в ударе, в ужасе, в укор, в унисон, в упор, в уровень, в условиях (чего);
- в) с начальным компонентом под: под апплике, под ёжик, под обжимку, под углом, под угрозу, под угрозой, под удар, под ударом, под уздуы, под уклон, под откос, под отчет, под утро, под эгидой;
- г) с начальным компонентом **c**: с иголочки, с излишком, с избытком, с изнанки, с испуга (с испугу), с оглядкой, с огоньком, с опаской, с отвычки, с оттяжской, с охотой, с удивлением, с удовольствием, с укором, с умом, с умыслом, с успехом, с устатка (с устатку), с утра, с учетом (чего).

Как видно, перечень неоднороден с точки зрения лексико-семантических характеристик входящих в него слов. Во-первых, в нем есть несколько единиц с уникальными для современного языка корнями, функционирование которых в речи ограничено рамками данного предложно-падежного сочетания (например, без умолку, в обизор, в одночасье, под уздуы, с устатку), которые поэтому должны были бы писаться слитно (об этой проблеме см. ниже), большинство же корней лексически свободные. Во-вторых, в перечень входят слова с «сильными» предлогами-приставками без и под, реализующими объектное значение. По мнению лингвистов, изучавших процессы образования наречий, значение предлога является одним из самых важных факторов, влияющих на неравномерность процесса онаречивания, их роль в этом процессе «чрезвычайно важна и многообразна» [Шапиро 1947, с. 34]. Так, предлоги над, про, при, у и отнаречные возле, мимо и др. вообще не участвуют в

словообразовании наречий. Отсубстантивные наречия с предлогом-приставкой под единичны (подряд, подчас, подвысь). Предлог без всегда сохраняет объектность ('отсутствие объекта'), что не способствует потере именем предметного значения [Шапиро 1947, с. 34; Демидова 1960, с. 14], причем даже в тех случаях, когда имя принадлежит к числу «редко употребляемых» (без устали, без умолку): по замечанию А. Б. Шапиро, «попытки закрепления слитного написания таких сочетаний не имели успеха» [Шапиро 1956, с. 25]. Наконец, список включает единицы с приставками в и с, которые в целом в наречных образованиях допускают и слитное и раздельное написание с корнем.

Многие единицы из приведенного списка вступают в дополнительные смысловые соотношения (синонимические, антонимические) как друг с другом, так и с единицами других наречных словообразовательных рядов: без оглядки – с оглядкой, без опаски – с опаской, без ума – с умом, без умысла – с умыслом, без учета – с учетом, без устали – с устатка, под утро — c утра, в оттяжку — c оттяжкой, в охотку, в охоту — c охотой; с испуга – от испуга, в обмен – на обмен, в обгон – на обгон (идти) и др. Известно, что вхождение именной части наречного сочетания в других падежных формах в соотносительные конструкции с разными предлогами и при сохранении общей семантической доминанты является фактором, поддерживающим субстантивный компонент семантики наречного сочетания, в том числе для имен с неполной парадигмой (ср. в сторону, в стороне, на сторону, на стороне; за пазуху, за пазухой; на корточки, на корточках, с корточек). Этот фактор, в свою очередь, положен в основу другой самостоятельной нормы, согласно которой такие наречия и наречные сочетания пишутся раздельно (§ 83, п. 6 А в)⁵. Можно сказать, что критикуемая перекрестность критериев выделения разных норм правописания наречий и наречных сочетаний выступает как дополнительная мотивация раздельного (в данном случае) написания для части подводимых под рассматриваемую норму случаев.

Помимо отмеченных связей, некоторые единицы рассматриваемого типа обнаруживают и другие содержательные моменты, обусловленные наличием конкурирующих наречий близкой семантики, но иной словообразовательной структуры⁶ — отадъективных, пишущихся слитно с префиксом или не имеющих такового, а также синонимичных деепричастий, например: без оглядки (разг.) — безоглядно, без остановки — безостановочно, без

⁵ О содержании этой нормы см. ниже в разделе III. 3.

⁶ Наличие адвербиалов-конкурентов свойственно и другим видам отсубстантивных наречий.

опаски (разг.) — безопасно, без отказа — безотказно, без удержу (разг.) — безудержно, без ума — безумно, без умолку (разг.) — безумолчно, не умолкая, без упрека — безупречно, в обнимку, в обнимочку (разг.) — обнявшись, обняв, в открытую — открыто, в отвес — отвесно, в ответ — ответно, в охотку (разг.), в охоту (разг.) — охотно, с успехом — успешно. Сочетаемостные возможности наречий на -о шире, чем у соответствующих предложно-падежных конструкций, в паре «наречное сочетание/наречие на -о» они занимают положение стилистически нейтрального члена. Существование продуктивного типа параллельных наречий — «сильных» конкурентов с более широкой семантикой и сочетаемостью — в системно-языковом плане не способствует онаречиванию предложно-падежных конструкций, оказывает влияние на сохранение предметности значения существительного, точнее, мы бы сказали, актуализирует субстантивные семы именной части (ср. рассуждения А. Б. Шапиро о наречных конструкциях с предлогами без и с [Шапиро 1947, с. 34, 36]).

Таким образом, попытка подвести в открытую, в общем под правило слитного написания, опирающееся на грамматические критерии, противопоставляет их другому подмножеству, в состав которого они также входят, выделяемому на основании формального условного признака. Причем для этого подмножества не важен лексико-грамматический статус его составляющих: является ли входящая в него единица наречием, предлогом, вводным словом, предикативом или устойчивым сочетанием. Получается, что обладание определенным формальным признаком, характеризующим стык морфем, выступает иерархически более значимым критерием для определения способа написания наречий в открытую, в общем, чем критерий морфологический (принадлежность к отадъективным наречиям) и критерий словообразовательный (возможность осмысления компонента в в качестве приставки семантически цельного слова).

Как было отмечено, до сих пор остаются не проясненными собственно лингвистические причины, на основании которых обсуждаемая норма исторически сформировалась и удерживается в настоящем. В работе С. Е. Крючкова «О спорных вопросах современной русской орфографии» 1954 г., где подробно показаны варианты колеблющихся написаний и объяснены мотивы, побудившие выбрать один из них пер-

 $^{^{7}}$ Изучая закономерности орфографии служебных слов в исторической перспективе, Б. И. Осипов приводит такое наблюдение: «предлоги на гласные, вроде <u>на</u> или <u>по</u>, чаще писались слитно, чем предлоги на согласные, вроде <u>вь</u> или <u>подъ</u> в тех же самых текстах» [Осипов 1992, с. 210].

воначально для школьного «Орфографического словаря» Д. Н. Ушакова и С. Е. Крючкова (7-е издание, 1951 г.), а в дальнейшем включить в большой орфографический словарь, этот тип наречных сочетаний приводится в раздельном написании без всяких комментариев и без указания на имевшиеся в узусе разнонаписания, которые, конечно, не могли не быть известны автору. В современном узусе также наблюдаются отклонения в сторону слитной формы от написаний, установленных правилами. Подавляющее количество этих отклонений встречается в текстах, составленных с демонстративным пренебрежением к правилам письма в целом. Такие тексты принимать во внимание некорректно. Одновременно с этим новейшие образования рассматриваемого типа, уже включенные в лексикографические источники и пришедшие преимущественно из сферы социолектов (молодежный сленг, профессиональные языки, городское просторечие), фиксируются в раздельном написании. Таковы, например, слова в облом, в откате, в откиде, в отпаде, в умат (от умотаться – уматываться), в умате, в уматень, с утречка, а также в азарте ('в первый момент'), в обиходе, в обществе ('на людях'), в объеме ('в трех измерениях'; 'в каком-л. количестве'), в однотон («помещения затеняются в однотон»), в ответ ('ответно'), в очередь, в очистку ('в оправдание'), с излишком. Более углубленное изучение положения дел с узуальным правописанием наречий еще предстоит осуществить.

Итак, возможность утвердить слитное написание данных двух (в открытую и в общем) и, возможно, некоторых других членов приведенного выше ряда не была реализована в своде 1956 г.; допускаем, что свою роль сыграло осознание формального единства рассмотренной выше группы единиц различной частеречной принадлежности. Слитное написание в соответствии с морфологическим критерием привело бы к тому, что в открытую и в общем все так же остались бы в ранге исключений, но исключений уже из другого ряда единиц – формально однотипных.

Можно предположить, что логика следования морфологическому критерию в построении правил правописания наречий не всегда отвечает тем признакам системности, которые свойственны самому языку в данном фрагменте его организации. Во всяком случае, процесс приведения орфографии языковых единиц в соответствие их языковому статусу (как этот статус понимают ученые — субъекты кодификации) не представляется столь однозначной процедурой, если кодификаторы не хотят игнорировать участие единиц во всех релевантных для них язы-

ковых соотношениях. Раздельное написание в открытую и в общем до сих пор поддерживается благодаря тем разнонаправленным связям, на пересечении которых они существуют внутри «наречного сообщества», а само существование группы наречных (и не только) единиц типа с иголочки и в обизор не выглядит такой уж орфографической аномалией на фоне множества устойчивых сочетаний типа вверх тормашками, во всю ивановскую, не покладая рук, чем ни попадя, бог весть, ни зги, с бухты-барахты, без зазрения совести и др., являющихся наречными фразеологизмами, зачастую содержащими уникальные лексические компоненты и пишущимися раздельно. Кроме того, наречие в общем является по сути усеченной формой выражения в общем и целом, а в открытую — частью фразеологического выражения играть в открытую, генетически восходящего к терминам карточной игры; все эти обстоятельства также нельзя не учитывать при осмыслении закрепившегося орфографического облика данных единиц.

III. Классификация существующих правил

Значимым признаком орфографических норм, действующих в сфере наречий и близких к ним наречных сочетаний, является их ориентированность на различные словообразовательные группы адвербиальной лексики. Эти группы сложились в ходе исторического формирования категории наречий, а также в процессе оформления предложно-падежных субстантивных сочетаний, устойчиво участвующих в выражении обстоятельственной семантики в высказывании. Иными словами, в силу исторической обусловленности набор орфографических правил для наречий не имеет ярко выраженной семантической или формальной доминанты, по отношению к которой определяется место каждого частного правила⁸. Каждое из них в принципе сориентировано на свою лексико-словообразовательную микросистему (яркий пример этого - правило слитного написания «слов с пространственным и временным значением, имеющих в своем составе существительные верх, низ, перед, зад, высь, даль, век, начало» («Правила» 1956 г., § 83, п. 5 в). Возможно, что не все такие микросистемы выявлены и описаны с точки зрения их орфографической манифестации. Так, по нашим наблюдениям, наречия и наречные сочетания, образованные с участием существительных в форме множественного числа (или похожие на такие формы) обычно

⁸ Такой доминантой не может считаться признак неупотребительности именной части наречия в современном языке, см. об этом ниже.

пишутся раздельно. Сюда относятся не только названные в Правилах 1956 г. слова структуры «предлоги в и на + формы на -ах, -ях» в головах, в ногах, в сердцах, на радостях, на днях (а также и в гостях, в ладах, в нетях, в дураках, на руках (на иждивении), на ногах (переносить болезнь), на сносях и др.), но и в ноги, в гости, в живых, до слез, за глаза, за грудки, из гостей, на руки, под руки, на дыбы, на дыбки, на люди, на полусогнутых, на равных, по временам, по вечерам, по утрам, по ночам, по силам, по душам, по складам, по слогам, по шеям, по рукам, по уши, с концами, с копыт, с катушек, с колес и др., а также единицы с именными частями закорки, задворки, карачки, корточки, побегушки, поруки, подмышки, четвереньки. Слитное написание удерживают лишь давно сложившиеся наречия отадъективного и отглагольного происхождения вгорячах, впопыхах, впотьмах, второпях, впросонках, напоследях, наперегонки, наперекоски, наискоски, напрямки.

К наиболее существенным недостаткам действующих правил может быть отнесено то, что многие из установленных норм не действуют на всем массиве наречных единиц, под них подпадающих. Иными словами, действующие правила неоднородны с точки зрения свойства безысключительной нормативности как основного содержания любого орфографического правила. Среди всех реально применяемых к наречиям правил выделяются, во-первых, без сомнения сильные — безысключительные — правила, во-вторых, правила, имеющие немногочисленные, легко перечисляемые исключения⁹, наконец, в-третьих, такие установления, которые вовсе не могут определяться в терминах правил.

Сильные орфографические правила характеризуются следующими признаками: они 1) не имеют исключений, 2) нетрудно опознаются пишущими с формальной стороны и 3) безусловно выполняются в текстах, прошедших редактуру и корректуру.

1. К их числу относится, как говорилось выше, раздельное написание наречий типа в отместку (1) (значение данной нумерации раскрывается ниже), а также:

дефисное написание префиксально-суффиксальных наречий (например: во-первых, по-новому, по-русски, по-собачьи) и наречий, образованных повторами основ (например: чуть-чуть, крепко-накрепко, мало-помалу) (2);

<u>слитное</u> написание наречий, образованных префиксальным способом от наречий (*навсегда*, *отныне*), от кратких форм имен прилагатель-

⁹ Объем понятия «исключение из правила» в орфографической теории до сих пор строго не определен. Интуитивно количество исключений исчисляется единицами.

ных¹⁰ (досуха, запросто, налегке, сгоряча), от местоимений (потом, совсем), от собирательных числительных (вдвое, вдвоем) (2), от существительных – структуры вида «приставка + формы имен верх, низ, перед, зад, бок, глубь, даль, ширь, век, начало» (3); единичные отклонения от этого последнего правила – бок о бок, во (на) веки веков, во (на) веки вечные, из века в век – имеют статус фразеологизмов и формально относятся к другой сильной норме раздельного написания наречных сочетаний, представляющих собой повтор корня с участием предлога (предлогов) типа рука об руку, из рук в руки, честь по чести (одно исключение крест-накрест) (4);

раздельное написание предлогов-приставок без и до со следующей именной частью, какой бы ограниченной в употреблении эта часть ни была (например: без просыпу, без разбору, без умолку, до зарезу, до неузнаваемости, до упаду, до чертиков) (3). Полагаем, что при формулировании орфографических норм для новой редакции правил правописания ряд этих предлогов-приставок может быть непротиворечиво дополнен словами для, под, при, про, которые также участвуют в образовании раздельно пишущихся наречных сочетаний (например: для блезиру, для верности, для вида, для затравки, для порядка, под дых, под ключ, под конец, под стать, под уздцы, при смерти, при деньгах, при своем, при своих, про запас, про себя (не вслух).

Как можно заметить, правил написания наречий, имеющих значительную предписывающую силу, которые в принципе не сложно соблюдать в процессе письма, не так уж и мало. Очевидно также, что они выделены на различных основаниях: условном фонемно-графическом (1), морфолого-словообразовательном (2), семантико-словообразовательном (3), синтаксико-словообразовательном (4).

2. К нормам второго типа — менее строгим, имеющим исключения, но отвечающие двум другим признакам сильных правил, принадлежат: слитное написание приставочных наречий от полных форм имен прилагательных (например: вплотную, напрямую, впервые) при наличии следующих исключений: на боковую, на мировую, на попятную, на попятный (двор), на равных, в целом; в открытую, в общем!!;

<u>раздельное</u> написание наречных сочетаний формы род. пад. существительного на -y (-a) и предлога-приставки c (например: c виду, c го-

¹⁰ Используется принятая в «Правилах» 1956 г. и ставшая традиционной классификация типов наречий.

¹¹ Здесь следует отметить, что в «Правилах» 1956 г. названы только два последних исключения, остальные приведены в новом академическом справочнике «Правила русской орфографии и пунктуации». М., 2006. С. 142.

лоду, с испугу, с кругу, с лёту, с маху, с налёту, с наскоку, с перепою, с перепугу, с разбегу, с разгону, с разлету, с размаху, со страху, с тылу, с ходу и с испуга, с круга, с лёта, с налёта, с наскока, с перепоя, с перепуга, с разбега, с разгона, с разлета, с размаха, со страха, с тыла) при наличии следующих исключений: сразу, сроду, срыву, сряду, срывка, сплеча¹²; раздельное написание наречных сочетаний формы мн. числа существительного с предлогом типа на днях, на равных, по душам, с концами при наличии ограниченного ряда исключений вгорячах, наперегонки (см. выше).

3. Статус следующего действующего правила правописания, на содержании которого хотелось бы остановиться подробнее, не представляется столь однозначным, как в предыдущих случаях. В «Правилах» 1956 г. (§ 83, п. 6 А в) дается такая формулировка: «Следует писать раздельно сочетания предлогов с существительными, если существительное в определенном (одном) значении сохранило хотя бы некоторые падежные формы в сочетании с предлогами: на корточки, на корточках; на карачки, на карачках; на четвереньки, на четвереньках; за границу, за границей, из-за границы; под спуд, под спудом; на дом, на дому; на память, по памяти; на совесть, по совести; на руку, не с руки; в насмешку, с насмешко $\tilde{u} < ... > \gg^{13}$. Примеры, приведенные в параграфе, свидетельствуют о том, что этим правилом должно определяться написание как свободных субстантивных корней (граница, дом, память, совесть, рука, насмешка), так и корней, употребление которых в языке ограничено лишь несколькими устойчивыми сочетаниями (корточки, карачки, спуд и пр.). Таким образом, с помощью данного правила регулируется написание обширного подмножества предложно-падежных сочетаний с наречным значением, имеющих в разной степени устойчивый характер и на этом основании включенных, например, в «Русский орфографический словарь» и другие словари; это такие соотносимые единицы, как: в сторону и в стороне, на сторону и на стороне, в тупик и в тупике, в насмешку и с насмешкой, в корень и в корне, в отрыв и в отрыве, в обхват и в обхвате, в привычку, по привычке, в редкость, на редкость, в радость, на радость, на волоске, на волосок, на выход, на выходе, на выселки, на выселках, на нос, на носу, на слух, на слуху, на

¹² Слитное написание слов сбоку, сверху, снизу, сначала, спервоначала (и спервоначалу), сызвека (и сызвеку) определяется сильным правилом (см. выше п. 1) о написании закрытого лексического ряда наречий с корнем абстрактного временного или пространственного значения.

¹³ Этот норматив, впрочем, как и другие, не относится к единицам *верх, низ, бок* и пр.

совести, на совесть, по совести, на память, по памяти, под гнет, под гнетом, под вопрос, под вопросом, под угрозу, под угрозой, с сердцов, в сердцах, на вид, с виду, по виду, в виду, для виду, в ходе, в ходу, на ходу, по ходу, с ходу и мн. др. Но в действующем своде это правило изначально было нацелено, как представляется, только на нормативную фиксацию тех предложно-падежных сочетаний, именная часть которых не встречается в свободном (беспредложном) употреблении - на корточки, на корточках, с корточек (а также карачки, кулачки, кулички, четвереньки, цыпочки, спуд) – и которые согласно требованию цельнооформленности слова должны были бы писаться слитно (см. выше в формулировке правила речь идет о существительных, которые «coxpaнили хотя бы некоторые падежные формы»). В этих случаях не завершился процесс грамматической модификации, ведущей к образованию наречий: ни предлоги, ни падежные формы имени не утратили своих прямых значений, как отмечал А. Б. Шапиро [Шапиро 1956, с. 25]. В словарной традиции эти единицы принято трактовать как формы реализации существительного pluralia tantum с приведением формы род. пад. мн. числа (см. словарь Даля, словарь Ушакова, СОШ 1992, БТС). Констатируя факт раздельного написания сочетаний с предлогами (сесть на корточки, сидеть на корточках и пр.), Л. Н. Булатова полагает, что «в этом случае нельзя говорить о несомненной адвербиализации данных предложно-падежных сочетаний» и что здесь можно увидеть неполную именную парадигму, встречающуюся только в сочетании с предлогами – «нечто аналогичное связанным корням в словообразовании» [Булатова 2004, с. 255]¹⁴.

Но насколько представление о неполной парадигме и связанности именного корня может помочь в объяснении раздельного способа написания наречных сочетаний типа на корточки, на корточках? Названным признакам отвечают, например, также и слова внутри — внутрь — вовнутрь — изнутри, вкось — накось — наискось, вперегонки — наперегонки, встарь — исстари, наземь — оземь, въяве — наяву, кзади — назади — поза-

¹⁴ Эта аналогия, как представляется, может быть распространена на другие случаи раздельных написаний с предлогами уникальных именных частей типа *до упаду, для блезиру, в обизор, на сносях* и под., если их синхронно рассматривать как «уни-радиксоиды» [Земская 1973, с. 61] — связанные уникальные корни, входящие лишь в один ряд соотношений — единиц с тем же предлогом-приставкой. При этом фактором, лежащим в основе раздельного написания, может быть признан и характер значения сильного предлога (*без, для, до, под*), и семантика корневой именной части, субстантивные семы которой поддерживаются грамматической формой (предлог и падеж) и парадигматическими связями данной единицы (см. ниже анализ *до упаду*).

ди – сзади, вблизи – изблизи, впереди – кпереди – спереди и др. По отношению к обсуждаемому правилу они должны были бы выступать как исключения. Но все эти наречия пишутся слитно на вполне «законных» основаниях - как «слова с различными наречными значениями, имеющие в своем составе такие существительные или такие именные формы, которые в современном литературном языке не употребляются» (см. § 83, п. 5а Правил 1956 г.). К этому ряду также можно присоединить замуж – замужем, наповал – вповал, именная часть которых хотя и характеризуется признаком «употребительности», но с существенными оговорками, а также пару вправду – заправду. С другой стороны, обнаруживаются исключения и иного рода (о которых, как об исключениях, также не упоминается ни в своде 1956 г., ни в современных пособиях по орфографии), когда один и тот же корень фиксируется действующими нормами и в слитном и в раздельном написании с предлогами-приставками: назло - со зла, наизнанку – с изнанки, наспех – не к спеху; заутра, наутро – с утра, под утро; наособицу – в особицу, вмиг – на миг, позарез – до зарезу, поодиночке - в одиночку, и при этом правописание некоторых наречий из этого ряда до зарезу, с изнанки, в одиночку, в особицу, с утра, под утро определяется другими правилами, которые выше были охарактеризованы как сильные. (Отдельные дополнительные примеры, которые можно было бы здесь привести, например, сплеча – по плечу, налицо – в лицо и к лицу, кстати - под стать не отвечают признаку тождественности значения именной основы и поэтому не могут трактоваться как исключения именно из данного правила.)

Таким образом, правило раздельного написания наречных сочетаний, определяемое по совокупности признаков «одно значение корня – различные падежные формы – различные предлоги», вообще трудно признать «правилом» в точном смысле этого слова при наличии столь значительного числа единиц, ему не подчиняющихся. Скорее здесь отражена лишь сформулированная в виде правила определенная закономерность, охватывающая как свободные (преимущественно), так и несвободные субстантивные корни, причем последние составляют уже непополняемую в современном языке группу единиц. Поэтому напрашивается вывод, что подобные фрагменты наречной системы следует ввести в структуру нормативного свода правил особым образом – не приписывая им строгого статуса правила.

На аналогичном положении «неправила» по существу находится и один из основных принципов, положенных в основу правописания наречий, а именно: требование писать слитно отсубстантивные наречия

со второй частью, не употребляющейся самостоятельно (§ 83, п. 5а; вдоволь, впроголодь, дотла, наизусть, невдомек, понаслышке, спозаранку и мн. др.). Этот принцип, сформулированный как «работающая» норма в ныне действующем орфографическом своде, не может быть применен автоматически, поскольку существуют многие активные в употреблении наречные сочетания (некоторые были рассмотрены выше), например, без умолку, во всеоружии, в нетях, в отместку, в особину, в охотку, в пандан, в тартарары, для блезиру, до упаду, за шкирку, за грудки, на дыбы, на сносях, на плаву, на шарап, под микитки, с ведома, с кондачка, с бухты-барахты, с кандибобером, с лихвой и др., которые пишутся, в соответствии с современными нормами, раздельно, с пробелом, и их значительное количество не позволяет применить к ним термин «исключение». Кроме того, раздельное написание этих наречных единиц отражает их еще живую связь с предметными, а не только признаковыми языковыми значениями. Добавим, что данное раздельное написание не представляет в письменной системе языка что-то исключительное на фоне существования массы единых словесных комплексов, признаком формы которых является знак пробела (см. об этом ниже в разделе V).

Итак, в орфографическом своде 1956 г., помимо собственно правил, хотя и построенных на основании различных признаков, но применяемых с необходимой жесткостью и последовательностью ко всей совокупности наречных единиц и вычленяющих из нее свои специфические орфографические объекты, выделяются и такие нормы, которые в применении к отдельным фрагментам лексической системы наречий лишь указывают на преимущественный тип написания, но не обладают при этом необходимой предписывающей силой, т. е. не являются правилами в прямом смысле этого слова. В нашем представлении, существенный недостаток действующего свода как раз и состоит в том, что в нем неправомерно представлены в виде орфографических правил такие положения, которые правилами по сути не являются и не снабжены указаниями на материал, реально опровергающий действенность установленных в них норм. Представление о совокупности орфографических правил для наречий оказывается в силу этого искаженным.

4. Деформации представления о применении орфографических правил в сфере наречных единиц немало способствует умолчание о традиционной природе написания многих из них и, соответственно, о роли словаря в установлении норм. Регулирование написаний с помощью разного рода нормативов, рассмотренных выше, охватывает лишь часть

словарного массива наречий и близких к ним предложно-падежных сочетаний. За пределами норм, установленных в правилах, действуют нормы написания, установленные в словаре (как говорится, «в словарном порядке»), т. е. не типовые, а индивидуальные орфографические нормы. Можно сказать, что для значительного количества слов лишь письменная традиция их написания, отраженная в словарях, является основанием их орфографической нормы. Действующие правила не акцентируют внимание на этой стороне вопроса, создавая тем самым иллюзию полного охвата рекомендациями всего лексического множества наречий; о наличии словарных норм говорит только замечание о необходимости обращаться к словарю в случае затруднений в правописании производных наречий (§ 83, п. 6).

Подавляющее большинство этих наречий и наречных сочетаний словообразовательно связаны с предложно-падежными формами существительных. С формальной точки зрения круг словарно регулируемых написаний можно определить перечнем предложно-префиксальных компонентов: в качестве начальных частей выступают предлоги-приставки в, за, к, на, от, по, с, допускающие как слитное, так и раздельное употребление с корневой частью (ср. вышеупомянутые без, до, для, под, при, про, пишущиеся только раздельно). Приведем для иллюстрации, хотя и очень условной, небольшой ряд примеров, в целях наглядности подобранных с опорой на лексическую или словообразовательную аналогию (там, где она возможна). Например, имеются в виду такие единицы, не подпадающие под действие норм, установленных в правилах 15 , как всерьез – в шутку, вдобавок – в придачу, второпях – в сердцах; запанибрата, заподлицо, зараз – за бесценок, за глаза, за грудки, за полночь; кзади, кнаружи, кпереди, кстати – к лицу, к месту, к слову; напоказ – на износ, начистоту – на редкость, нашармака – на фуфу, насмерть – на убой, напоследях – на сносях; отроду, отчасти – от души, от сердца, от пуза; поистине – по старинке, повечеру – по вечерам, поневоле – по злобе, попеременке – по очереди; слишком – с гаком, сплеча – с кондачка, срывка – с кандибобером. Следует обратить внимание на неравномерность рядов с разными начальными компонентами, например, наречия с компонентом κ практически исчерпаны в приведенном списке, а количество единиц с начальными в, на, по, с, напротив, очень обширно. В перспективе было бы интересно проанализировать весь материал, не подпадающий под действие правил, с целью возмож-

¹⁵ Имеются в виду, естественно, сильные правила и правила преимущественного охвата наречной лексики (см. выше пп. 1 и 2).

ного выявления компактных групп однотипно образованных и сходно пишущихся слов (что потребует основательной словарной работы).

Таким образом, в настоящее время, когда для правописания наречий реально существуют два вида норм — нормы правил и нормы словаря — было бы целесообразно построить адекватным образом и сами правила правописания, разделив их на те, которые можно сформулировать в виде определенных нормативов (более или менее жестких) и рекомендаций, и те, которые являются собственно словарными, пусть даже они и будут выделены «по остаточному принципу»¹⁶.

IV. К вопросу о переходных явлениях между существительным и наречием

В области бытования наречий и наречных сочетаний, по широко распространенному мнению, существует масса переходных явлений между именем существительным в обстоятельственной функции и наречием, для которого эта функция первична. Наблюдаемая в языке «размытость» границ между двумя частями речи обнаруживает себя в тех нередких случаях, когда возможна двоякая трактовка морфологической принадлежности единицы. Например, широко принятая трактовка таких словоформ, как весной, летом, вечером, в качестве наречий времени не является бесспорной, если принять во внимание, во-первых, свойство их употребляться в сочетании с определением (ранней весной, поздним вечером). «Возможность иметь при себе согласованное определение надежно оставляет адвербиальную форму в системе имени», - справедливо полагает Н. В. Чурмаева, при этом «длительность употребления адвербиальной формы в составе нормально функционирующего имени существительного не дает достаточного основания причислять ее к классу наречий, пока сама форма не нарушает парадигму имени» [Чурмаева 1989, с. 34]. Во-вторых, необходимо иметь в виду тот факт, что временное значение выражается не только тв. падежом тех существительных, у которых темпоральность составляет основу лексического значения, но и существительных личных, определяющих человека по признакам возраста, связанным с представлением о времени, например, в конструкциях Ребенком он научился плавать, Еще девочкой она ездила в Париж. Значение времени в тв. падеже не ведет обязательно к семантической модификации и к изменению частеречного ста-

¹⁶ Шаг в этом направлении сделан в разделе «Наречия» в книге «Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник». М., 2006. С. 141–148.

туса. И «пока у падежной словоформы в наречном употреблении существует семантическая связь с именительным падежом (исходной формой существительного) невозможно говорить о полной ее адвербиализации» [Камынина 1999, с. 119]. В этой связи сошлемся также на мнение О. П. Ермаковой, изучавшей специфику словообразования наречий и увидевшей ее в следующем (позволим себе достаточно пространную цитату): «Рождение обстоятельственного наречия, как правило, связано с умиранием другого слова, по крайней мере в той форме, в какой на базе его образовалось наречие. Процессом же умирания слов и их форм мы не можем управлять. Мы не можем по собственному желанию «забыть», что какое-то слово является существительным, если оно не утратило признаки существительного. Процесс умирания слова или формы – это всегда длительный процесс. Поэтому образование наречий путем адвербиализации обычно очень растягивается во времени. Ускорить этот процесс мы не в силах. В процессе онаречивания отдельных слов можно выделить разные фазы. Интересно при этом, что процесс адвербиализации, имея начало, вовсе не всегда имеет и завершение. Некоторым полунаречным формам, возможно, суждено остаться таковыми, а процессу незавершенным. Ср. такие полунаречные выражения, как на ходу, на бегу, на лету, на скаку, в обмен, в обрез, с размаху и др.» [Ермакова 1966, с. 46-47]. Анализируя формирование класса наречий в исторической перспективе, Н. В. Чурмаева отмечает историческую устойчивость как многих наречных словообразовательных моделей, так и субстантивных форм, употребляющихся в наречной функции: «На протяжении всей письменной истории остаются неизменными такие формы, как в правду, по истине, до избытка, из века, на конец (сохранена орфография источника. - О. И.). Адвербиализация форм имен существительных, обычно называемая процессом формирования отсубстантивных наречий, в действительности является состоянием (курсив мой. – О. И.), выхода из которого может не быть, так как это положение одинаково допустимо категориальными значениями обеих частей речи» [Чурмаева 1989, с. 156].

Языковым критерием слитного или раздельного написания наречий считается разграничение «того, что в языке действительно является целостным словом (наречием), и того, что является сочетанием предлога с полнозначным словом, существительным. Все, что уже срослось, лексикализовалось, должно писаться вместе» [Панов 1964, с. 113]. Однако понимание полноты лексикализации того или иного слова, достаточной для выводов о его морфологическом статусе, возможно, определяется на ос-

нове разных признаков, в неодинаковой степени существенных для различных единиц. Обратимся, например, к сочетанию до упаду, которое считается наречием не только в упомянутой работе М. В. Панова, но и в академических грамматиках с 1952 г. (в «Русской грамматике» 1980 г. оно даже вопреки действующей норме пишется слитно, см.: т. І, с. 407, 703). Оно постоянно фигурирует в списках тех единиц, для которых рекомендация слитного написания представляется в общем-то бесспорной 17, поскольку «квазиименная» часть упад обычно не выделяется в современном языке как отдельное слово-существительное (отметим, однако, что слова упад и удерж представлены в «Словообразовательном словаре» А. Н. Тихонова как самостоятельные члены словообразовательных гнезд глаголов пасть и держать). По мнению М. В. Панова, даже если бы упад и был таким словом, это нисколько не повлияло бы на законность существования наречия *доупада: «ведь наличие существительного верх отнюдь не объясняет правописания наречия сверху» [Панов 1964, с. 112].

Однако слабая членимость основы (4-я степень членимости по М. В. Панову) не является решающей для определения категориального статуса сочетания до упаду как наречного. Прочтение этого буквенного комплекса скорее как предложно-субстантивного, нежели наречного, выдвигается на первый план, если учесть какие-то другие, более существенные в данном случае признаки. Такими более существенными признаками оказываются основное лексическое значение приставки, значение корня и вхождение данной единицы в специфическую парадигму, реализующую типовую семантику. Наречия, образованные приставочным способом «до...+ корень», формируют две основные разновидности: слова типа добела, догола, домертва, дотемна, доныне, досюда восходят к несубстантивным корням, слова доверху, донизу - к субстантивным корням, имеющим абстрактное пространственное значение. Наречия этих двух разновидностей пишутся слитно. В остальных случаях образования с компонентом до имеют по действующим нормам раздельное написание (за исключением старинного дотла). Большинство таких наречных выражений реализует семантику обозначения предела действия (основное значение предлога ∂o — указание на предел чего-н. и на степень, которой достигает действие, состояние, качество). В реализации этого значения участвуют как существительные с признаковым значением основы (см. ниже зарез, износ, крайность, одурь, отказ, ужас), так и предметные (гроб, зубы, лампочка, ручка,

¹⁷ Ср., однако, мнение С. Е. Крючкова, полагавшего, что сочетания с предлогами **663** и **до** должны всегда писаться раздельно [Крючков 1954, с. 40].

фонарь): до боли, до времени, до гроба, до дна, до зарезу, до зубов, до износа, до капли, до конца, до костей, до крайности, до крови, до лампочки, до невероятности, до невозможности, до неузнаваемости, до одури, до отвала, до отказа, до полусмерти, до поры, до предела, до ручки, до смерти, до ужаса, до упаду, до фени, до фига, до фонаря, до чёрта, до чёртиков. Единица до упаду вписана, таким образом, в немалый и достаточно живой, пополняемый ряд сочетаний различной степени идиоматичности, а внутри него – в ряд отглагольных единиц типа до зарезу, до износа, до отвала, до отказа, до упаду. По мнению Е. С. Скобликовой, именно «отчетливость значений предлогов до и без при понятности «квазисуществительных» зарез 18, упад объективно способствует сохранению тенденции к раздельному написанию» этих единиц [Скобликова 2001, с. 104]19. Не решая сейчас однозначно проблему частеречной принадлежности единицы до упаду, обратим внимание на тот немаловажный факт, что ассоциативные связи с рядом структурно и семантически однотипных единиц поддерживают, по нашему ощущению, субстантивное осмысление рассматриваемой конструкции и, как следствие, раздельное написание с компонентом до. Если посчитать, что до упаду успешно «срослось и лексикализовалось», то этого нельзя сказать о многих других членах рассматриваемой общности, к которой можно отнести также идиомы типа до корней волос (покраснеть), до зеленого змия (напиться), до положения риз (наработаться, устать).

Поэтому предложение слитного или — как компромисс — вариантного способа написания до упаду/доупаду представляется далеко не бесспорным с языковой точки зрения, поскольку влечет за собой лишь появление нового словарно фиксируемого орфографического исключения из целого ряда словообразовательно сходных единиц 20 .

Признаки, существенные для языкового статуса единицы и, как следствие, ее передачи на письме, обнаруживаются не только в парадигмати-

¹⁸ Слово *зарез* традиционно включается в словари русского языка в различных значениях — предметном ('часть говяжьей туши') и глагольном (напр., в таком контексте: «Без этих денег мне зарез»). В этой связи его вряд ли можно считать «квазисуществительным».

¹⁹ Полагая, что «ряд предлогов со специальными значениями выпадает из круга свободных сочетаний предлогов с падежными формами существительного» и «происходит процесс лексикализации соответствующих форм...», В. В. Виноградов относил предлог до к тем грамматическим средствам, которые участвуют в префиксальном образовании наречий и наречных выражений со значением степени [Виноградов 1972, с. 287–288].

²⁰ Повторимся, сказав, что вне рассматриваемых соотношений опять-таки остаются корни ряда *верх, низ, перед, зад* и пр., пишущиеся всегда слитно с приставочными компонентами.

ческом, но и в синтагматическом ряду. Известным школьным приемом решения орфографической задачи – различения графически совпадающих наречий и ненаречий – является использование дифференцирующего контекста. См., например, такие контексты: вначале всем было интересно – в начале пути все оживленно шутили, говорить начистоту – обратить внимание на чистоту и порядок в доме; отчасти он прав – отказался от части прав. Обнаружение в реальном высказывании или словосочетании связей и зависимостей, характерных для имени существительного, означает, что докорневая часть является предлогом, который пишется отдельно. Для до упаду типична сочетаемость с глаголами рядов танцевать/плясать, смеяться/хохотать, работать и производных от них имен (например, пляски, танцы до упаду), что само по себе не выявляет свойств наречия или имени. Но существуют контексты, в которых конструкции одной структуры занимают одно синтаксическое место, что задает морфологическую интерпретацию, общую для всех членов ряда, например: (1) [Дьякон] смеялся от каждого пустяка до колотья в боку, до упада (А. П. Чехов); Вот и воевали до упаду, до полного изнеможения (В. Астафьев); она смеялась до упаду и до истерики (Н. С. Лесков); Иногда хохотал над моими глупостями до упаду, до слез (Н. Шмелькова) – предложения с общим для однородных членов глаголом; (2) На масленицу надо «есть до икоты, пить до перхоты, петь до надсады, плясать до упаду» (Отеч. записки, 2003); ... заставлявшее зрителей смеяться до упаду и хлопать до неистовства (Д. В. Григорович); Мы умели и трудиться до самозабвения, вне регламента, по ночам, и веселиться до упаду (М. Козаков) – предложения с разными глаголами 21.

Такие сопоставительные параллельные контексты не столь уж редки, в них попадают и другие наречные единицы, характеризующиеся остаточной выделимостью корня, например, на ощупь и без умолку: Понимаю я слово правильно, можно сказать, на ощупь, на вкус, все его качества знаю, а распоряжаться им не умею (К. Паустовский); Ей шел уже восьмой год, и множество вещей она знала на вид, на запах и на ощупь (Л. Улицкая); приятная на вид и на ощупь суперобложка; ... то верещал, то трепался о выборах, о политике, без остановки, без умолку. Таким образом, контекстные условия, вследствие которых происходит включение данных единиц в ряд других субстантивных, занимающих одну синтаксическую позицию, в целом способствуют удержанию их раздельного написания. Даже если видеть в употреблениях типа «...упиваются ме-

²¹ Часть примеров здесь и ниже заимствована из электронного Национального корпуса русского языка.

дом, вином и водкою до упаду и бесчувственности» феномен обратного словоообразования, в результате которого отсекается префиксальная морфема [Панов 1964, с. 119], то надо признать, что сама возможность подобного переосмысления и соответствующей орфографической записи слова как предложно-падежного сочетания свидетельствует о наличии в нем не окончательно «подавленных» субстантивных потенций, а отсеченный компонент остается в тексте, «превратившись в предлог или частицу» [Улуханов 1996, с. 51]. Предложный характер компонента ∂o актуализируется и в позиции сильноуправляемого род. падежа, когда словообразовательно охарактеризованный управляющий глагол содержит приставку, семантически соотносимую с предлогом, например: довести колхоз до развала/до краха/до упада...; также с определением: довести до полного развала/краха/упада (словосочетание довести до упада зафиксировано в БТС, «Словаре наречий и служебных слов русского языка»). При этом в данном синтаксическом контексте корректна, по-видимому, лишь форма на -a (как у синонимичных выражений). На фоне всей совокупности приведенных выше контекстов, в которых раздельное написание рассматриваемой единицы представляется оправданным языковыми условиями как целого текста, так и словосочетания, попытка осмыслить именную часть сочетания до упаду как отглагольное существительное в прямом значении представляется закономерным использованием семантического потенциала данного сочетания: Зато Незнайка и Пестренький смеялись до упаду, то есть под конец представления упали со стульев, а Пестренький даже ударился головой о ножку стула и набил на макушке *шишку* (Н. Носов) (подчеркнуто нами. – O.~II.).

Таким образом, уникальное слово упад, будучи неразрывно связанным в синтагматической цепочке с предлогом-приставкой до, способно проявлять в определенных синтаксических контекстах свой потенциал как субстантив. Кроме того, в качестве полноценного имени существительного упад активно функционирует на периферии русского языка: оно характерно для молодежного сленга и выражает значение «что-л. смешное, необычное; высшая степень какого-л. впечатления» (я в упаде), а также употребляется в значении междометия (ну, полный упад! просто упад!) (по данным «Словаря московского арго» В. С. Елистратова). Для обоих значений основной является сема предельности состояния, качества, свойственная также семантике наречия до упаду. Наконец, отмечаются контексты, в которых упад, видимо, занимает место более привычного существительного упадок, такие как упад рыночного хозяйства, упад экономики Украины (из публикаций Интернета).

Таким образом, сочетание до упаду продолжает свою жизнь в языке, балансируя на границе двух частей речи. Так же «живет» и, например, сочетание без устали, которое традиционно приводят в качестве пишущегося раздельно лишь по традиции. Но в текстах оно реализует два основных значения: 1) одно, более частотное, без сомнения наречное: «беспрерывно, не переставая», встречающееся, например, в таких контекстах, где субъект действия – не человек: между тем сайты сепаратистов без устали распространяют сведения об огромных потерях федеральных войск; метро без устали гремит над головой; колонка без устали щелкает, отмеряя подорожавший 95-й (бензин); без устали трещат телефоны, то же с субъектом – человеком: японцы верны себе и без устали изобретают всевозможные полезные диковинки; центристы без устали критикуют правительство, и 2) субстантивное «без усталости, не испытывая усталости»: ценятся служащие, которые ходят на работу пешком, способны и к вечеру сохранять «утренние мозги», то есть работать без устали и перерывов; ребенок без устали бегает весь день, ср. он (никакой) устали не знает (РОС: не знать устали); возможны и синкретичные по семантике случаи типа у настоящего физкультурника, вообще, кажется, только два пути: либо без устали тренироваться, либо заняться чем-то другим; незнакомец продолжал без устали колотить в дверь. Слитное написание – это форма, в которую можно было бы облечь только первое из этих значений. Вполне возможно, что для названных здесь и других подобных сочетаний промежуточное положение «на шкале наречности» является способом существования в языке: известно, что полная адвербиализация для очень многих предложно-падежных конструкций не является обязательной, а может быть, и вообще недостижима; что в зависимости от целого ряда факторов²² каждое из предложно-падежных сочетаний имеет свои границы развития признаковой или предметной семантики²³. В то же время многие из актуальных ныне единиц

²² Факторы, влияющие на степень адвербиализации предложно-падежных сочетаний, неоднократно обсуждались в лингвистической литературе, обычно к ним относят способность сочетания включать согласованное определение, пусть даже и в виде несвободной вставки на (полном) скаку, по (самое) горло, сохранение падежного управления в угоду (кому-чему), наличие различных падежных форм того же корня с аналогичным значением на сторону, на стороне, наличие соотносительных сочетаний с разными значениями в меру, без меры и др. Свои критерии разграничения наречий и существительных в обстоятельственной функции на основе категориальных признаков этих двух частей речи предлагал А. С. Дымский [Дымский 1977].

²³ О том, что степень приближения к наречию у каждого слова, вступившего на путь адвербиализации, «своя, индивидуальная», писал, размышляя о нюансах адвербиализации, А. М. Пешковский [Пешковский 1938, с. 155].

имеют длительную историю раздельного написания, сохраняя неизменным и значение. Сочетания на дом, на время известны, например, с XI в., от части частотно в современном значении встречается в текстах с XVI в., на ощупь, в шутку, в тупике, на совесть — с XVIII в. (сведения о времени фиксации почерпнуты из [Арутюнян 1968, Чурмаева 1989]). Раздельный способ написания в этом случае представляется меньшим насилием над сущностями языка, оставляя возможность отразить и предметное и адвербиальное употребления.

«Неопределенность» (переходный характер) частеречной принадлежности единицы следует отличать от проблем другого рода, встающих перед пишущим в процессе письма. Трудность применения в части случаев морфологического критерия («существительное с предлогом пиши раздельно, наречие пиши слитно») выражается в неоднозначном для пишущего решении, как написать, например, буквенную последовательность набок в таких частотных контекстах, как (1) лёг на бок/набок, (2) завалился на бок/набок, (3) склонил голову на бок/набок. Какие критерии «включаются» при выборе способа написания? Так, в (1) критерий «задать вопрос: на что? или как?» не помогает в том смысле, что у пишущего остается свобода выбора написания, поскольку оба вопроса допустимы: глагол лечь никак не обнаруживает своих предпочтений. Поэтому приходится прибегать к критерию следующей ступени: «в какой сопоставительный ряд я хочу поместить данную единицу, чтобы выразить необходимый мне смысл: в ряд на спину, на грудь, на бок или в ряд навзничь, ничком, набок?». И снова для пишущего равно допустимы обе возможности. Контекст (2) также не предлагает однозначности в выборе написания: интуитивно ощущается предпочтительность сочетания глагола завалиться с наречием набок, но ведь можно написать и завалиться на бок, если при этом подразумевать - не на спину, не на плечо. Таким образом, решение о написании в этих обоих случаях принимается исключительно по выбору пишущего на основании его понимания контекста. Как он напишет – так и следует понимать текст. И в данном случае, конечно, нет речи о вариантах написания, поскольку каждое из написаний нагружено своей семантикой. В примере же (3) описывается ситуация, для которой предпочтительным является, видимо, выбор наречия набок, так как здесь имеется в виду не бок — «боковая часть туловища», как в (1), а направление – положение головы, наклонное в сторону плеча, т. е. набок выстраивается в один ряд с локальными характеристиками вперед, назад, которые, если иметь в виду связь с объектом голова, не сочетаются с глаголом склонить, а сочетаются с глаголом наклонить. Таким образом, и данный трудный случай разграничения наречия/ненаречия подтверждает известную мысль, что сложность правописания коренится здесь в лексической стороне явления [Шапиро 1956, с. 20]. В рассмотренных выше примерах коллизия «наречие или существительное с предлогом?» существует не в языке, который так или иначе разграничивает предложно-падежную конструкцию и наречие, а в способности пишущего применить свои знания или свое языковое чутье для того, чтобы взять из языкового инвентаря подходящий компонент реальной оппозиции и выразить свою мысль.

V. О вариативности в орфографии наречий

Признание факта существования переходных явлений между наречиями и предложно-падежными сочетаниями, формирующих область языковой неопределенности, ведет исследователей к мысли, что эта неопределенность должна быть отражена и орфографией, нормы которой сегодня «до фанатизма жестки» [Кузьмина 2001, с. 406], так как пытаются вместить в определенные рамки то, что в самом языке достаточно не разграничено.

Какая же норма письма может отразить подобную языковую неопределенность, быть ей адекватной? Ответ: норма должна быть вариативной, должна допускать факультативность в написаниях. Эта мысль известна в истории орфографической кодификации с начала XX века. В последнее время она была высказана вновь в связи с обсуждением новой редакции действующих правил.

1. Допустить варианты в написании наречий предлагалось еще в Предварительном сообщении Орфографической подкомиссии 1904 г. в такой формулировке: «... ввиду того, что слитность и раздельность написания слов зависят во многих случаях от субъективного понимания говорящих, предположено допустить то и другое написание в наречиях, составленных из сложения существительных, прилагательных и числительных с предлогами, т. е. допустить написания в стороне и встороне, в течение и втечение, с верху и сверху, в двое и вдвое» (цит. по кн. [Григорьева 2004, с. 255]), откуда почти дословно этот текст воспроизведен в пункте 13 «Постановления совещания при Академии наук... 11 мая 1917 г.» и в Декрете Наркомпроса о введении нового правописания от 23 декабря 1917 г. (попутно заметим, что этот пункт отсутствует в Декрете Совнаркома о введении новой орфографии от 10 октября 1918 г.).

Однако за первое десятилетие действия декрета произошел пересмотр путей разрешения проблемы правописания наречий. В предложении

Проекта Главнауки 1930 г. однозначно декларируется уже безвариантное слитное написание наречий всех типов, в том числе и писавшихся с дефисом: «Наречия, состоящие из соединения предлогов с другими частями речи, писать в одно слово без черточки: налево, подряд, порусски, постарому, помоему, вопервых, впору, а также слова: втечение, вследствие, впродолжение...» [Там же, с. 297].

«Правила» 1956 г., как известно, построены на принципиальном отказе от орфографических вариантов во всех отделах правописания. Комментируя установленные нормы, А. Б. Шапиро оценивает «принцип факультативности» написаний как непригодный для орфографической дисциплины в такой области, где она совершенно необходима: и ученик, и корректор, да и всякий пишущий невольно будут считать, что если узаконено двоякое написание в одном случае, то почему его нельзя допускать и в других случаях». Допущение варьирования, в частности, в написании наречных единиц означало бы, по мнению Шапиро, возвращение к разнобою XIX века, когда главным мотивом выбора «как написать» являлись «индивидуальные вкусы и привычки пишущих» [Шапиро 1956, с. 27]. Помимо этого факультативность написаний наречий в качестве нормативного предложения противоречит подходу к другим частям речи, где она не допускается (см. [Обзор...1965, с. 343]). Таким образом, в начале XX в. – при первых официальных попыт-

Таким образом, в начале XX в. – при первых официальных попытках установления общей для всех нормы письма – «субъективное понимание говорящих», их оценка (вернее, затруднительность простой оценки) частеречного статуса слова (наречие или существительное и, соответственно, слитное или раздельное написание) воспринималась как существенный фактор для принятия идеи вариативности орфографической нормы. В середине XX в. этот же фактор оценивается создателями правил уже как противоречащий идеологии единственности (безальтернативности) орфографической нормы, что закреплено официально в первом государственном своде правил 1956 г. Мотив «дисциплины», «закона» в орфографии (т. е. по существу соображение внелингвистического – социального – плана) обычно звучит при обсуждении проблемы вариативности орфографических норм.

2. После выхода в свет «Правил» 1956 г. и сопутствующего им «Орфографического словаря» ситуация в сфере нормирования правописания была введена в рамки закона, регулирующего как самые общие типовые написания, так и — в идеале — орфографию каждого отдельного слова или неоднословного эквивалента. Естественно, что в таких усло-

виях поставить вопрос о допущении вариативности написаний - это значит посягнуть на уже имеющуюся кодифицированную норму, устойчивость которой поддерживается традицией, укрепляющейся по мере все более длительного применения. При этом в сфере письменного бытования наречий можно с уверенностью говорить о сложившемся навыке обращаться в первую очередь к словарю, а не к правилам. Закрепилось представление об орфографических нормах наречий как в значительной мере словарных, индивидуальных, за исключением, конечно, тех групп слов, которые имеют отчетливые и легко опознаваемые формальные и семантические признаки²⁴. На формирование такого восприятия орфографии наречий повлиял целый ряд обстоятельств. Надо принять во внимание и «историческую память» о длительном периоде орфографического разнобоя XIX - середины XX вв., во время которого происходило становление правописания многочисленных лексических и словообразовательных подсистем категории наречия, причем в процесс естественного функционирования узуса начинает активно вмешиваться «человеческий фактор» в лице авторов словарей, пособий по правописанию и грамматик, предлагавших зачастую различные решения одних и тех же вопросов²⁵. Свою роль в создании представления о правописании наречий как правописании «по словарю», без сомнения, сыграли и сами «Правила» 1956 г., в которых содержание пунктов раздела о наречиях (§ 83-84) не складывается в единую картину, поскольку требования норм построены на внутренне противоречивых основаниях из-за применения критериев, не работающих на всем материале наречий и близких к ним единиц. Таков критерий неупотребительности именной части наречия, положенный в основу слитного написания приставочных отсубстантивных наречий. По нашему мнению, правило, сформулированное на его основе в своде 1956 г., является не строгим, не абсолютным, а лишь отражающим историческую закономерность (см. III. 3). Л. В. Щерба, рассматривая проблему научности и неизбежной компромиссности нашего правописания, при анализе выбора для случаев в прок – впрок, в просак – впросак, в потьмах – впотымах, указывал на ограниченность, неуниверсальность этого критерия. Он писал: «В выражении попасть в просак мы имеем дело ско-

²⁴ См. выше о типах правил правописания наречий, в частности, о сильных правилах, которых на самом деле не так уж мало.

²⁵ Вопрос многообразия нормы в орфографических словарях прошлого частично рассмотрен в [Иванова 1994]. См. также более раннюю статью Б. 3. Букчиной о вариантах в орфографии [Букчина 1981].

рее с существительным, хотя слово просак и совершенно не известно в литературном языке; в потьмах (ср. в потемках), в просонках, с просонок следовало бы писать раздельно, так как очевидно, что неупотребительное вне данного сочетания слово потымы = существительному mьма, а также неупотребительное npoconku = существительному npoсонье. Дело в том, что неупотребительность того или иного существительного вне сочетания с предлогом вовсе еще не является доказательством того, что в сочетании с предлогом оно всегда будет наречием: правило, согласно которому подобные сочетания пишутся слитно, совершенно искусственно и существует для облегчения пишущих, чтобы заменить для них существо дела формальным анализом» [Щерба 1983, с. 113-114]. В целом в правописании наречий «действуют разнонаправленные тенденции, к тому же наталкивающиеся на традиции того или иного написания в определенных употребительных словах» [Скобликова 2001, с. 103-104]. Эта оценка положения дел является сколь общепризнанной, столь и справедливой.

Несовершенство рекомендаций свода и явная «словарность» правил написания наречий, а также неудовлетворенность лингвистов принятыми в своде конкретными орфографическими решениями²⁶ оставили вопрос о формулировании непротиворечивых норм правописания наречий открытым для дальнейшей дискуссии.

3. Вернуться к вариантным написаниям в сфере наречных образований было предложено М. В. Пановым в период подготовки реформы орфографии в начале 60-х гг. прошлого века. В работе «О слитных и

²⁶ Было бы неверным полагать, что при колебании в узусе слитного или раздельного написания какого-либо наречного слова кодификаторы, готовившие Правила 1956 года, отдавали предпочтение закреплению раздельного варианта, а не слитного, чем можно было объяснить многие «неправильные» написания современных бесспорных наречий. Сравнение данных «Толкового словаря русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова (М., 1935-1940) с «Орфографическим словарем» 1956 г. под ред. С. И. Ожегова и А. Б. Шапиро не подтверждает это положение: установление письменных норм для конкретных наречий шло в обоих направлениях. Приведем примеры частотных слов: а) от раздельного (в словаре Ушакова) к слитному (в «Орфографическом словаре» 1956 г.): в лёт > влёт, во всю > вовсю, на вынос > навынос (также: навыпуск, навырез, начистоту, понаслышке, поначалу, сплеча), б) от вариативного к слитному: вдобавок/в добавок > вдобавок, вничью/в ничью > вничью, вразрез/ в разрез > вразрез, наизнанку/на изнанку > наизнанку (также: навылет, навытяжку, насмерть, поодиночке), но и в) от слитного к раздельному: впух, впрах > в пух, в прах; врозницу > в розницу, всердцах > в сердцах, вскладчину >в складчину (также: в старину, в тиши, до зарезу, за полночь, за упокой, на весу, на плаву), г) от вариативного к раздельному: безустали/без устали > без устали, вохотку/в 0хотку > в 0хотку, впридачу/ в придачу > в придачу, вструнку/ в струнку > в струнку, втупик/в тупик > в тупик (также: на руку, на юру).

раздельных написаниях» (1964) излагается алгоритм определения частеречной принадлежности предложно-падежных единиц и зависящего от этой принадлежности способа их написания. Данный алгоритм включает последовательно: определение 1) морфологических признаков именной части, следующей за предлогом-приставкой («это самостоятельное слово или неслово вообще?»; «если это слово, то по форме это существительное или не существительное?»), и 2) вхождения единицы, похожей на существительное с предлогом, в замкнутый или незамкнутый ряд аналогичных сочетаний (если входит в замкнутый ряд – то это наречие (в головах), а если входит в незамкнутый, открытый ряд – существительное с предлогом (в полоску)). Далее среди выявленных с помощью данного алгоритма наречий сначала отделяются на основе семантического и словообразовательного признака две большие группы слов: а) наречия с обобщенным пространственным и временным значением (вверх, назад, вначале, по временам и пр.) и б) наречия, соотнесенные с отглагольными существительными с суффиксами $-\kappa(a)$ и нулевым (без оглядки, вприкуску, в насмешку и пр.; без запроса, вразлет, в упор, наповал и пр.). Слова этих двух больших групп предложено писать слитно, «избавившись при этом от ненужных исключений» и «отказавшись от анализа при письме каждого отдельного их использования» и приняв на веру, что они образуют замкнутые ряды [Там же, с. 118-119]. Все же остальные наречия (по подсчетам М. В. Панова таких наречий около 200) образуют группу единиц с вариативным написанием: «У них в некоторых контекстах (например, в поэтических) может быть подновлено метафорическое значение; некоторые из них еще не окончательно окаменели в адвербиальности, поэтому, учитывая подвижность многих наречных образований, целесообразно разрешить в их написании вариативность: рекомендуется писать их слитно, но допускается и раздельное написание...» [Там же, с. 119].

Положения рассматриваемой теоретической статьи были реализованы в проекте правил орфографии 1964 г., где раздел о правописании наречий построен в виде альтернативы: или слитное написание наречий (пункт А), или двоякое написание (слитное или раздельное) «наречных единиц, которые представляют переходный тип между наречиями и предложно-падежными конструкциями» (пункт Б), напр. до смерти и досмерти, в струнку и вструнку, в охапку и вохапку, в общем и вобщем, за глаза и заглаза [Предложения по усовершенствованию... 1964, с. 25].

Логика предложенного правила, обращенная к специалистам, может быть не столь однозначно успешной при применении в конкретных слу-

чаях, когда рядовому носителю языка надо будет решать вопрос о написании слова, например, в отместку. Проблема языковой компетенции пишущего выдвигается здесь на первый план, поскольку причисление слова отместка к разряду отглагольных имен для неспециалиста совсем не очевидно: выделив корень, он, вполне возможно, легче соотнесет его с существительным месть, нежели с глаголом отомстить. А это значит, что наречие в отместку может попасть в группу слов, для которых разрешается вариативное написание, а не строго слитное (как должно быть по предложенному правилу). Так же неочевидна для рядовых носителей языка принадлежность наречия в зачет к группе отглагольных слов с нулевым суффиксом (их надо писать слитно), а наречия вдобавок (ср. добавить) к выделяемой по остаточному принципу группе слов с разрешаемым двояким написанием. И наоборот, отнесенные к последней наречия в охапку, в охотку, вполне можно осмыслить как связанные с отглагольными именами и по семантике (от хапать и хотеть), и по наличию легко выделяемого суффикса -к-. В перечне наречий, соотносительных с отглагольными именами, можно встретить, например, наречия вслух, на слух (пишите слитно), а среди слов с двойственной рекомендацией написания - то же наречие вслух (значит, его можно написать и раздельно?).

Рекомендация вариативности написания, касающаяся множества лексических единиц, счет которых идет на сотни, при необходимости предварительного грамматического и семантического анализа едва ли имеет шансы превратиться со временем в четкое правило правописания. Столь же далекими от реальной возможности воплотиться в нормы письменной речи можно считать и современные высказывания о необходимости допустить варианты написания наречий «в тех случаях, когда нельзя найти идеальное орфографическое решение» [Кузьмина 2001, с. 408]. Допущение вариантов оправдывается заботой о пишущих – полагают, что они имеют право на проявление чутья и вкуса и им не нужно будет делать тонкий смысловой анализ. Однако отметим, что если существует возможность смыслового анализа, значит в языке данная единица имеет определенный статус (статусы) и писать ее надо в соответствии с этим статусом (статусами) (см. выше о словах набок/на бок). Полагают также, что вариантность «выгодна» кодификаторам – поскольку «отпадает необходимость внесения изменений в некоторые правила и в написания» [Там же, с. 411]. Однако нерешенным и, утверждаем, нерешаемым остается вопрос о границах того лексического множества наречий (только ли наречий?), правописание которых предполагается «облегчить» разрешением факультативных написаний. Ведь если речь идет о правилах, то следует однозначно определить типы единиц, пишущихся единственным способом – слитно или раздельно, и типы единиц, для которых при передаче на письме имеется две возможности, два способа. Если исходить, например, из единственной сформулированной к настоящему времени в орфографии концепции М. В. Панова, предлагающей вариативность нормы, то к данной области языковой неопределенности относятся минимум две сотни слов. Допущение для такого количества наречий (да и вообще любых единиц словаря) вариативности написания означает, по меньшей мере, новое серьезное изменение правил (что не является задачей сегодняшнего и, смеем утверждать, завтрашнего дня). Подобный допуск закономерно ведет к мысли применить аналогичный подход «языковая неопределенность > орфографические варианты» к другим словам – единицам словаря, также уже имеющим узаконенную форму написания. По справедливому мнению Б. И. Осипова, главным недостатком предложения допустить варианты написаний в область наречий является даже не то, что довольно частотное написание становится факультативным, а «неучет взаимодействия орфограмм», неучет сопоставленности в языке наречий и ненаречий: «Нетрудно усвоить, что можно писать, предположим, до зарезу и дозарезу, - пишет Б. И. Осипов, – но трудно понять, почему при этом нельзя писать докрайности» [Осипов 1992, с. 211]²⁷.

4. В связи с проблемой слитных/раздельных вариантов орфограммы сегодня остается недостаточно проясненной в теоретическом плане проблема трактовки знака пробела, противопоставленного контакту, как орфографического феномена. Не углубляясь в теорию этого вопроса, напомним, например, что Л. В. Щерба относил пробел и дефис к знакам пунктуационным, а не орфографическим [Щерба 1983, с. 128]. Позднее, опираясь на набор «супербуквенных» знаков – заглавных букв, пробела, дефиса, знака ударения и др., было предложено выделить и соответствующие «суперорфографические» правила в качестве особого автономного раздела в теории русского письма, не входящего в орфографию, понимаемую как учение об использовании букв [Кузьмина 1981, с. 15–16]. В словари и грамматики русского языка всегда включаются и неоднословные эквиваленты слов, что предполагает рассмотрение пробела в границах воспроизводимого знакового комплекса. Обсуждение нормативности написаний неоднословных единиц русского

²⁷ Поэтому-то и непонятно, каким образом «разрешение вариативных написаний значительно бы облегчило изучение правописания наречий» [Булатова 2004, с. 257].

языка, функционирующих как единое целое, делает поэтому актуальным вопрос о характере различительной силы пробела/контакта при восприятии письменного облика таких единиц. Речь идет о многочисленных сочетаниях, эквивалентных слову, составляющих немалую часть активного словарного запаса, инвентаризация и систематизация которых отражена в том числе и в самостоятельных лексикографических трудах²⁸. Согласно С. М. Кузьминой, при буквенной передаче, т. е. в пределах орфографии, варианты не допускаются, потому что «единый облик слова способствует запоминанию его написания», здесь орфографическая безвариантность безусловна; пренебречь же орфографическими различиями и разрешить разнонаписания больше оснований при выборе слитного или раздельного написания (а также прописной или строчной буквы), т. е. в пределах «суперорфографических» правил [Кузьмина 2001, с. 409]. Но насколько правомерно считать знак пробела, или, точнее, знак «пробел/контакт», менее значимым, чем буквенные знаки, для опознания воспроизводимых словесных комплексов, определения их смысла и, соответственно, для запоминания их написания? Ведь многокомпонентные по своей структуре служебные слова и вводные сочетания (последние, несмотря на наличие пробела, также называют и вводными словами в руководствах по правописанию) традиционно фигурируют в качестве словарных единиц – в словарях, а как объекты нормативного описания - в грамматиках, правилах и справочниках (например, предлоги во время, в качестве, союзы а именно, несмотря на то что, частицы а вот, вряд ли и вводные сочетания к счастью, по существу). Их форма передачи на письме со знаком пробела кодифицирована и не переоценивается с орфографических позиций, т. е. «легитимна». Таково же положение дел и с наречными сочетаниями. Наряду с соотносительными и союзными словами (в зависимости от того, по поводу того, независимо от того, где ни, как бы ни) они также включаются современными исследованиями в категорию эквивалентов слова: это «эквиваленты слова, выполняющие обстоятельственную функцию и являющиеся наречиями», формально состоящие из существительного или субстантивированного прилагательного с предлогом, например, такие как без конца, без оглядки, в целом, в итоге, в действи*тельности, в дальнейшем* и др. [Рогожникова 2003, с. 8]. Всё это единицы, которые воспроизводятся в процессе создания текста наряду со сло-

 $^{^{28}}$ Рогожникова Р.П. Толковый словарь сочетаний, эквивалентных слову: Около 1500 устойчивых сочетаний русского языка. М., 2003; *Ефремова Т. Ф.* Толковый словарь служебных частей речи русского языка. 2-е изд., испр. М., 2004.

вами и фразеологией 29 . По мнению Р. П. Рогожниковой, «обстоятельственная функция таких падежных сочетаний поддерживает их *неизменяемую форму* (курсив наш. – О. И.) так же, как она способствует отрыву некоторых падежных форм слова и изменению их значения...», наречные сочетания «приобретают устойчивость, *постоянную форму* (курсив наш. – О. И.), целостность значения, преимущественно одно основное ударение» [Там же]. Справедливо признать, что раздельный или слитный способ написания в одинаковой мере характерен как для служебной лексики, так и для наречной, и в той же мере значим в формальном отношении при акте опознания или воспроизведения единиц соответствующих множеств. Поэтому согласиться с идеей вариативности (факультативности) нормы написаний в отношении наречных единиц, уже имеющих кодифицированную форму, т. е. по сути вернуться к разнонаписаниям там, где уже осуществлена кодификация, представляется нецелесообразным в исторической перспективе.

В истории кодификации орфографических норм предложение допустить в сферу написаний наречий принцип вариативности обнаруживает, таким образом, два существенно различных подхода. С одной стороны, декларирование свободы выбора написания (в Предварительном сообщении Орфографической подкомиссии 1904) имело в основании отказ от выявления той области, для которой существенно проявление «вкусов» говорящих; с другой — разрешение факультативных написаний связано с попыткой обозначить те сегменты, в которых язык, по мнению сторонников концепции, не выявляет своих предпочтений, и допустить варианты только в этих пределах. Однако если границы сферы вариативности описываются недостаточно однозначно и корректно с формальной точки зрения, лишь в декларативных терминах типа «для некоторых сочетаний допустить», «в определенных случаях можно разрешить», то пользоваться предоставленной свободой выбора практически невозможно.

²⁹ Среди проблем, которые до настоящего времени не получили подробного освещения и которые так или иначе связаны с правописанием наречий, остаются непростые взаимоотношения наречных единиц и русской фразеологии: с одной стороны, в корпусе наречий есть такие, которые являются редукцией старых фразеологизмов и нередко именно в силу этого факта не подчиняются «требованию» слитного написания (ср. на попятную, на попятный — на попятный двор, на взводе — на (первом, втором) третьем взводе); с другой стороны, во фразеологические словари русского языка включаются единицы, традиционно относимые к наречным (на авось, в аккурат, на взводе, волей-неволей, копейка в копейку, до копейки, до слез, в корень, в меру и мн. др.).

VI. О корректировке описания наречий в правилах

Попыткам выработать приемлемые для общества и более или менее адекватные сущностям языка правила правописания наречий уже почти полтора века. Кодификаторская мысль ученых прошла путь от требования, сформулированного Я. К. Гротом, как можно строже следовать традиции в написаниях, привычным обликам слов (мотивация: писать надо так, как принято), до предложений, опирающихся на собственно языковой анализ и отвергающих традиционные написания, а если этот анализ сложный, то допускающих выбор способа написания (мотивация: правила не должны противоречить объективным сущностям языка).

- 1. Исходный для «Правил» 1956 г. принцип, положенный в основание распределения материала, гласит, что отдельное слово (в нашем случае - наречие) должно писаться слитно, сочетание слов (предложно-падежное сочетание) пишется раздельно. Данный принцип, специально в тексте свода не формулируемый, лежит в основе построения раздела о наречиях, состоящего лишь из двух параграфов: § 83 посвящен слитным написаниям и § 84 – дефисным. Этим же принципом определяется и морфологическая квалификация единиц: наречиями дефакто называются только цельнооформленные единицы, графически слитные слова, а единицы с пробелом трактуются как «сочетания с наречным значением». Материал, содержащий раздельные написания, помещен внутри § 83, так что два его пункта (5 и 6) противопоставлены друг другу. В результате получается, что проблема сопоставления слитного и раздельного написаний в правилах 1956 г. композиционно не выявлена. А это, как представляется, одно из необходимых условий адекватной реальному положению дел классификации языкового материала – такой классификации, которая не может опираться на представление о наречии только как о графически слитном слове. Построение правил в соответствии с тремя способами написания наречий и наречных сочетаний – одно из направлений корректировки нормативных рекомендаций, признающих равноправное (со слитным и дефисным написанием слов) положение раздельно пишущихся неоднословных наречных единиц в лексической системе адвербиалов.
- 2. В правилах правописания наречий, как они сформулированы в своде 1956 г., принят традиционный историко-словообразовательный подход к классификации материала. Перечисление словообразовательных групп слитно пишущихся наречий (§ 83) основывается на актуаль-

ных для истории языка семантических и грамматических процессах, состоявших в рекрутировании в категорию наречия слов из других грамматических разрядов. Современные исследователи проблем орфографической нормы признают эти лингвистические основания действующих правил нерелевантными для тех, кто пишет сегодня. Так, по замечанию С. Ю. Харченко, «отношения производности во многих случаях перестали быть актуальными на современном этапе развития языка, соответствующие орфографические правила лишились адекватного лингвистического обоснования и, как следствие, перестали востребоваться пишущими», поэтому «норма правописания, основывающаяся на отражении связи слов с позиции диахронии, не может быть использована пишущими» [Харченко 2001, с. 12, 13]. Все же представляется, что для правил правописания наречий предпочтительно сохранить группировку материала с точки зрения словообразовательной структуры слова. В связи с исторически объяснимой «пестротой» класса наречий такая классификация существенна для опознания, идентификации наречий. Преемственность норм письма, будучи необходимой составляющей частью письменной традиции, в отношении класса наречий всегда осознавалась как проблема прежде всего словообразовательного плана, для которой значима опора на морфемы – опознаваемые и выделимые компоненты структуры слова – префиксы, суффиксы, корни.

- 3. Основную проблему для теоретической интерпретации и для практического изложения правил представляет собой определение слитных и раздельных написаний наречий, с одной стороны, и сочетаний существительных с предлогами, употребляемых в обстоятельственной функции, с другой. Поэтому в основе предполагаемого скорректированного раздела правил, по нашему мнению, должна лежать группировка материала на основе учета морфологической противопоставленности неотсубстантивных наречий отсубстантивным, а также противопоставленности наречий, пишущихся 1) по нормам правил, как сильных, так и правил «преимущественного» охвата наречной лексики (т. е. с отдельными исключениями, см. III. 1) и 2) по нормам словаря.
- 4. Формулирование орфографических нормативов следует осуществлять с учетом современных лингвистических представлений и сопровождать корректной терминологией. Понятно, что при описании синхронной орфографической нормы недопустимы, например, формулировки типа «наречия, образованные соединением предлогов с наречиями»: в современном русском языке элементы до-, из-, на-, поза- в словах доныне, извне, насовсем, позавчера являются приставками. В

школьных учебниках специально оговаривается факт превращения предлогов в приставки (например: «многие наречия образовались от полных прилагательных с предлогами, которые превратились в приставки» [Бархударов, Крючков 1970]). Поэтому при перечислении типов наречий, образованных от разных частей речи и пишущихся слитно, правильнее применять такую, например, формулу: «наречия, образованные с помощью приставок от наречий, местоимений...». Примеры, используемые для иллюстрации различных подмножеств наречий, также нуждаются в тщательном анализе на основе данных современных исследований. Так, отметим, что слова вкось, вкривь, наперегонки, вперегонки, впросонках, спросонок, спросонья, встарь, невмоготу, отроду, а также вновь, втайне связаны словообразовательными отношениями не с существительными, как дается в Правилах-56, а с прилагательными или глаголами, наудалую - с глаголом удаться, задаром - с наречием *даром* и др. [Русская грамматика 1980, с. 403, 407-408; Чурмаева 1989, с. 149]. Один конкретный пример. Наречие въявь, производимое в Правилах-56 от сочетания существительного с предлогом (см. § 83, п. 5, б), исторически имеет прямо противоположный вектор словообразовательной мотивации: изыскания ученых показали, что существительное явь возникло гораздо позднее наречия, во всяком случае оно не отмечается в памятниках письменности ранее XVIII в., тогда как широко известно по памятникам общеславянское наречие яв t, с XIV в. - наречие яво, далее, в XVII в. встречаются наяв t, въяв t (см. об этом: [Шмелев 1960, Чурмаева 1989, с. 25-26]).

5. Приведем конкретный пример корректировки правил, касающихся орфографических норм полуслитного, или дефисного, написания наречий, о котором в разделе практически не говорилось. Все нормы, предполагающие использование дефиса, относятся к категории сильных орфографических правил (см. выше раздел III. 1). И хотя в ходе орфографической дискуссии 60-х годов дефисное написание наречий все же рассматривалось как возможный объект усовершенствования — предлагалось заменить дефисные написания как слитными, так и раздельными [Панов 1964, с. 115; Обзор...1965, с. 343—347; Проект-64, с. 24] — сегодня большинство лингвистов и преподавателей-практиков считает нецелесообразным затрагивать изменениями устойчивые, достаточно легко усваиваемые и применяемые на письме к многочисленным новообразованиям нормы дефисного написания наречий. В предлагаемых некоторыми исследователями вновь сформулированных правилах правописания наречий нормы употребления дефиса никак не пересматриваются [Друговейко 2003, с. 70; Харченко 2001,

с. 16-17]. Действительно, требования правил в этой части (см. «Правила» 1956 г., § 84) основываются на четко выделяемых формальных основаниях (префиксально-суффиксальные наречия структуры «приставка ϵ -(60-) + суффикс -ux (-bix)» и «приставка no- + суффиксы -omy (-emy), -u»). Нормативные требования в отношении дефисного написания наречий нуждаются, по нашему мнению, лишь в редактуре и фрагментарном дополнении новыми фактами письма, а также фактами известными, но по разным причинам не принятыми во внимание. В частности, например, необходимо отразить информацию, что по типу слов по-вашему, по-своему, по-твоему осуществляется написание наречий по-его, по-ее, по-их, образованных от несклоняемых местоименных прилагательных. Их написание впервые установлено «Русским орфографическим словарем» (1999); по типу слов во-первых, во-вторых, образованных от порядковых прилагательных, пишутся в-последних и в-главных. Таким образом, правила дефисного написания наречий могут быть дополнены сведениями о целом ряде весьма активных, зачастую и не новых в употреблении слов, которые формально «подстроились» под уже имеющиеся словообразовательные типы наречий, но в действительности образованы на почве иных исходных словообразовательных компонентов.

VII. Выводы

1. Корпус наречий и наречных сочетаний организован в виде микросистем – лексико-семантических или словообразовательно сходных множеств, во многих из которых обнаруживается свой доминантный признак (признаки), цементирующий данную группу слов, делающий ее опознаваемой, выделимой из всего обширного массива наречных единиц русского языка. В силу этого обстоятельства применение ко всему корпусу наречий какоголибо единого системного основания орфографической классификации представляется неадекватным положению дел. Рассматривая взаимодействие принципов русского правописания, Л. В. Щерба пришел к выводу, что «все русское правописание покоится на ряде компромиссов» и в связи с этим требование научности по отношению к нашему правописанию следует понимать ограничительно: «Научным наше правописание может быть лишь в том смысле, что самый произвол должен быть максимально сознательным. Иначе говоря, следует сознавать, что в определенных случаях нет достаточных мотивов для признания того или другого написания более правильным, чем другое» [Щерба 1983, с. 111]. Именно в этих случаях кодификаторам следует принимать компромиссные решения, утверждая в одном случае написание, соответствующее этимону, в другом - явно преобладающее в узусе, в третьем — уже имеющее традицию написания, зафиксированную в авторитетном словаре, в четвертом — основанное на действии орфографической аналогии; возможны и иные мотивы закрепления нормы.

- 2. Изучение языковых оснований конкретных норм написания наречий (в открытую, до упаду) показывает значительную роль как лексического окружения, т. е. синтагматического контекста, так и парадигматического контекста в поддержании устойчивости орфографической формы слова. Именно в силу принадлежности наречий к «своей» микросистеме изменение написания конкретных слов может привести к появлению новых исключений, только увеличивающих долю словарно кодифицированного материала.
- 3. Рассматривая действующие правила правописания наречий, активно критикуемые ныне и в прошлом за перекрестность мотиваций норм, за противоречивость языковых признаков, положенных в их основу, мы попытались показать, что одна из причин бытующего представления о хаосе, царящем в правилах, состоит в том, что в виде *правил* оформлены не безысключительно действующие требования, формальные и семантические, а, во-первых, общеязыковые исторические тенденции, не имеющие абсолютной силы на синхронном языковом срезе (например, тенденция к слитному написанию слова), во-вторых, преимущественные, преобладающие, но не абсолютные по своему применению типы написания. Поскольку при этом в правилах не фиксируются многочисленные случаи орфографического несоответствия данным тенденциям, это еще больше запутывает дело.
- 4. Полагаем, что в отношении правописания наречий справедливо не только формулировать нормы правил, но и учитывать, что в этом разделе письма значительна роль словарных норм, утвержденных лексикографической традицией. Поэтому переработка нормативных рекомендаций по правописанию наречий и наречных единиц должна соответствующим образом отразить этот факт. Одна из прагматических целей усовершенствования изложения правил: показать зону действия собственно правил и зону, «подвластную» только словарным рекомендациям.
- **5.** Звучащие в специальной литературе предложения допустить «в трудных случаях» вариативность в написаниях наречных единиц декларативны и не опираются на формальные основания. По существу предлагается пересмотр норм написания наречных единиц, уже имеющих кодифицированную словарную форму, т. е. мыслится возврат к разнонаписаниям там, где кодификация уже осуществлена.

- 6. Реально возможное в настоящее время усовершенствование правил правописания наречий и наречных сочетаний не затрагивает установленные в правилах и в словарях существующие рекомендации. Для масштабного лингвистически обоснованного изменения письменных норм наречий в современных условиях нет достаточной научной и общественной мотивации. Необходима работа по достижению более прозрачной группировки материала и улучшению формулировок нормативных рекомендаций. Усовершенствования правил могут быть направлены, во-первых, на квалификацию материала с позиций синхронного языкознания (в том числе и устранение терминологических неточностей), на выделение оппозиции «наречия неотсубстантивные наречия отсубстантивные» с дальнейшим членением, учитывающим нормы правил и нормы словаря, на выделение того обширного массива единиц, который и раньше, и в современной ситуации может быть описан только лексикографическим образом.
- 7. Для перспектив корректировки норм написаний наречий нуждается в систематическом изучении орфографический узус как узус реальных контекстов, прошедших редакторскую подготовку (но содержащих все же отклонения от действующих норм письма), так и лексикографический узус нормативные и не претендующие на нормативность словари последнего времени, нередко ориентированные на фиксацию встретившихся написаний без учета требований правил.

ЛИТЕРАТУРА

Алгазина Н. Н. Правописание наречий // Вопросы русской орфографии. М., 1964.

Арутнонян А. С. Наречия отсубстантивного образования (от имен существительных в форме винительного падежа с предлогами) в современном русском языке. Автореф. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1968.

Бархударов С. Г., Крючков С. Е. Учебник русского языка. Ч. 1. М., 1970.

Букчина Б.З. Орфографические варианты // Литературная норма и вариантность. М., 1981.

Буланин Л. Л. Трудные вопросы морфологии. М., 1976.

Булатова Л. Н. Существительное с предлогом или наречие? // Отцы и дети Московской лингвистической школы. М., 2004.

БТС – Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С. А. Кузнецова. СПб., 1998.

Валгина Н. С., Светлышева В. Н. Орфография и пунктуация. Справочник. М., 1993.

Виноградов В.В. Русский язык. Изд. 2-е. М., 1972.

Григорьева Т. Три века русской орфографии. М., 2004.

Григорьева Т. М., Науменко С. В. Орфографическая вариантность в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова // Русский язык сегодня. 3. Проблемы русской лексикографии. М., 2004.

Грот Я. К. Русское правописание. Руководство. Изд. 12-е. СПб., 1895.

Грот Я. К. Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне // *Грот Я. К.* Филологические разыскания. Т. 2. Изд. 3-е. СПб., 1885.

Демидова А. К. Образование наречий из предложно-именных сочетаний (из сочетаний имен существительных с предлогами «без» и «на») в современном русском языке. Автореф. ... канд. филол. наук. М., 1960.

Друговейко С. В. Орфографическая реформа как зеркало русской интеллигенции // Письменная коммуникация и фонетический строй языка / Памяти проф. В. Ф. Ивановой. СПб., 2003.

Дымский А. С. Основные критерии для отграничения предложно-падежных словоформ от наречий (на материале словарей и произведений XVIII—XX вв.) // Вопросы грамматического строя русского языка. Хабаровск, 1977.

Елистратов В. С. Словарь московского арго. М., 1994.

Ермакова O. П. О некоторых общих вопросах словообразования наречий // Развитие словообразования современного русского языка. М., 1966.

 $E \phi pe moв a \ T. \ \Phi.$ Толковый словарь служебных частей речи русского языка. 2-е изд., испр. М., 2004.

Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование. М., 1973.

Иванова О. Е. О перспективах развития орфографической лексикографии // Известия АН. СЛЯ. № 4, 1994.

Иванова О. Е. Правописание наречий: частеречная неоднозначность и проблема орфографической вариантности // Российский лингвистический ежегодник. Вып. 2 (9). Красноярск, 2007.

Иванова О. Е. Правописание наречий: правила и словарь // Русский язык в научном освещении. № 2 (14). М., 2007.

Кайдалова А. И., Калинина И. К. Современная русская орфография. Изд. 4-е. М., 1983.

Камынина А. А. Современный русский язык. Морфология. М., 1999.

Крючков С. Е. О спорных вопросах современной русской орфографии. М., 1954.

Кузьмина С. М. Теория русской орфографии. М., 1981.

Кузьмина С. М. Об умягчении нравов русской орфографии (к проблеме вариативности написаний) // Жизнь языка. Сб. в честь М. В. Панова. М., 2001.

Кузьмина С. М. Норма в орфоэпических и орфографических словарях // Русский язык сегодня. 3. Проблемы русской лексикографии. М., 2004.

Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии (XVIII – XX вв.). М., 1965.

Орфографический словарь русского языка. М., 1956.

Осипов Б. И. История русской орфографии и пунктуации. Новосибирск, 1992.

Панов М. В. О слитных и раздельных написаниях // Вопросы русской орфографии. М., 1964.

Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1938.

Правила русской орфографии и пунктуации. М., 1956.

Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник. М., 2006.

Правила единой орфографии и пунктуации. Проект. 2-я редакция. М., 1939.

Правила единой орфографии и пунктуации. Проект. 2-я редакция. М., 1940.

Предложения по усовершенствованию русской орфографии (для служебного пользования). М., 1964.

Проект Главнауки о новом правописании. М., 1930 (опубликовано в: Григорьева 2004).

Рогожникова Р. П. Толковый словарь сочетаний, эквивалентных слову. М., 2003.

Розенталь Д. Э. Справочник по правописанию и литературной правке / Для работников печати. 4-е изд., испр. и доп. М., 1985.

Розенталь Д. Э., Джанджакова Е. В., Кабанова Н. П. Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. М., 1994.

РОС – Русский орфографический словарь. М., 1999; 2-е изд., испр. и доп., М., 2005.

Русская грамматика. Т. 1. М., 1980.

Свод правил русского правописания. Орфография и пунктуация / Проект. М., 2005.

Скобликова Е. С. О проекте нового «Свода правил русского правописания. Орфография. Пунктуация» // Филологические науки, 2001, № 5.

Словарь наречий и служебных слов русского языка. Сост. В. В. Бурцева. М., 2005.

СОШ 1992 – *С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова.* Толковый словарь русского языка. М., 1992.

100000 слов сомнительных в правописании. Новый орфографический словарь. Под общей редакцией В. Гречанинова. М., 1911.

Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка. Т. 1–2. М., 1985.

Улуханов И. С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. М., 1996.

Федорук-Галкина Е. М. Наречие в современном русском языке. М., 1939.

Харченко С. Ю. Правописание наречий (проблема совершенствования орфографической нормы). Автореф. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2001.

Чурмаева Н. В. История наречий в русском языке. М., 1989.

Шанский Н. М. Правописание наречий // Вопросы русской орфографии. М., 1964.

Шапиро А. Б. Об образовании наречий в современном русском языке // Русский язык в школе, 1947, № 1.

Шапиро А. Б. Русское правописание. М., 1951. 2-е изд. М., 1961.

Шапиро А. Б. Упорядоченное русское правописание (к выходу в свет «Правил русской орфографии и пунктуации»). М., 1956.

Шапиро А. Б. Немаловажный вопрос (к спорам о русском правописании) // Известия АН СССР. ОЛЯ. 1962. Т. XXI, вып. 6.

Шмелев Д. Н. К вопросу о наречиях на -ь в русском языке // Материалы и исследования по истории русского языка. М., 1960.

Щерба Л. В. Теория русского письма. Л., 1983.

СЛИТНОЕ И РАЗДЕЛЬНОЕ НАПИСАНИЕ СОЧЕТАНИЙ С *не* (система, норма, кодификация, узус)

Е. В. Бешенкова

Раздел состоит из трех частей. Часть 1. В первой части описывается значение приставки *не-* и значение частицы *не.* Часть 2. В этой части рассматривается возможность реализации выявленных системных различий. Часть 3. В третьей части сравнивается реальная кодификация написания, отраженная в различных формулировках правил и в разных словарях, анализируются данные узуса, его соответствие кодификации и определяется, какие факторы — системные и нормативные — влияют на написание.

Поскольку термины система, норма, кодификация, узус иногда понимают по-разному, уточним употребление этих терминов в данном разделе. Если под с и с т е м о й понимать систему языковых единиц и отношений между ними, то н о р м а, в соответствии с пониманием Э. Косериу, — общепринятая реализация системных возможностей. В тезисах Пражского лингвистического кружка было введено различение понятий нормы и кодификации. Норма понималась как внутриязыковое явление, а к о д и ф и к а ц и я — как внешняя по отношению к языку деятельность людей, направленная на стандартизацию языковых средств. Под у з у с о м понимается результат реального функционирования языка, для орфографии — это реально встречающиеся написания. Поскольку в орфографических работах очень часто отождествляют норму (в ее широком понимании) и кодифицированную норму, то подчеркнем, что ниже эти два понятия различаются, что норма и в орфографии существует объективно, независимо от деятельности кодификаторов, она

не обязательно должна быть где-то кем-то сформулирована, но при этом остается нормой для всех пишущих. Ниже будет показано, что норма в орфографии может не совпадать или даже противоречить кодифицированной норме. Для подчеркивания этой разницы ниже иногда употребляется термин практическая норма (vs. кодифицированная норма).

Часть 1. Элементы системного значения общеотрицательной частицы *не* и приставки *не-*

В современной лингвистике выделяют либо две частицы ne: противопоставительную (или контрастивную) ne... ne и нейтральную (или общеотрицательную), либо два четко различимых значения одной частицы. Правописание противопоставительной частицы ne не вызывает сомнения: она всегда пишется раздельно, ее значение не соотносится со значением приставки ne-, поэтому ниже мы не будем рассматривать противопоставительную частицу ne.

Общеотрицательная частица не и приставка не- различаются по трем критериям. Критерий 1. Влияние на изменение семантических или сочетаемостных свойств слова: приставка может нерегулярным образом модифицировать значение основы слова, а также его сочетаемостные и синтаксические свойства, а частица не может (то есть значение меняется, но регулярно: прибавляется общеотрицательное значение, модель управления также меняется регулярным образом).

Приставка не- имеет два значения: сильного и слабого отрицания. Слабое отрицание порождает квазиантонимичное (контрадикторное) понятие (неумный, невеселый), а сильное отрицание порождает антонимичное понятие (незамысловатый, незрячий, неправда, несправедливый) [см. Апресян 1974, Бондаренко 1983, Шигуров 1993]. Ю. Д. Апресян описывает квазиантонимичное значение как «противоположное с оттенком умеренности» [Апресян 1974]. Ю. С. Мартемьянов так описывает соотношение значений слова – его негатива – его антонима: «всегда А – бывает не А – всегда не А», как, например, в триадах: высокий – невысокий – низкий, приятно – не приятно – неприятно» [Мартемьянов 1969 (2004, с. 177)].

Кроме значения сильного и слабого отрицания, иногда выделяют еще третье значение, реализуемое в контексте «А и неА», — значение дихотомического деления мира по данному признаку. Это значение близко антонимичному значению, но не совпадает с ним. У слов Европа, европейский нет антонимов, но есть слова неевропейский, не-Европа, кото-

рые имеют значение «все остальное, кроме X». В логике признано выделение, наряду с утвердительной категорией (Кит есть рыба) и отрицательной категорией (Кит не есть рыба), специальной категории – бесконечной (Кит есть не-рыба), которая соответствует этому значению приставки. Данное значение приставки было отмечено Л. А. Барановой для прилагательных: «В контексте «А и не-А» практически любое прилагательное пишется слитно. Он глупый и неглупый, цивилизации бывают европейские и неевропейские» [Баранова 1982].

Приставочное слово часто коррелирует только с одним из значений производного слова, например: слово удовольствие имеет значение «то, что доставляет удовольствие» (Это было такое удовольствие слушать Вас) и значение «факт, что кто-то доволен» (Он выказал свое удовольствие), а у слова неудовольствие значение только «факта, что кто-то недоволен» (Он выказал свое неудовольствие) и нет значения, аналогичного первому, поэтому нельзя сказать: *Это было такое неудовольствие слушать Вас.

Приставочное слово может отличаться от бесприставочного и по сочетаемостным свойствам. Так, слово непривычка имеет единственно допустимое сочетание с непривычки, его бесприставочный коррелят имеет совсем другие сочетаемостные свойства и не допускает сочетания с предлогом с *с привычки; Ср. также пары ты мне друг — *ты мне недруг, это моя обычная пища и это обычная для меня пища — *это моя необычная пища, но для меня это необычная пища; недоверчивый к людям — *доверчивый к людям; Ср. также примеры из [Богуславский 1985, с 67]: женатый на молоденькой — *неженатый на молоденькой и др.

Приставочное слово может отличаться от бесприставочного по тем синтаксическим функциям, которое слово может выполнять в предложении. Например, слово неладно может употребляться в позиции предикатива и наречия, а слово ладно может быть еще и частицей, слово недосуг тоже может быть только предикативом (мне недосуг), а слово досуг чаще является дополнением (провести досуг). Частица не меняет синтаксических функций слова.

Критерий 2. Приставка — часть слова, частица — самостоятельное слово. Из этого утверждения два следствия: 1) если слово не существует как самостоятельная лексическая единица без не, то это обязательно приставка, и 2) «область действия» частицы может охватывать словосочетание, тогда так приставка влияет на значение одного слова [см. подробнее Падучева 1969, Богуславский 1985]. Это свойство частицы И. М. Богуслав-

ский иллюстрирует на примере: Он не будет соблюдать правила приличия ради тебя, анализируемом в сравнении с фразой Он будет нарушать правила ради тебя. Предложение с отрицательной частицей допускает интерпретацию «не будет иметь места то, чтобы он ради тебя соблюдал правила приличия», а предложение без отрицательной частицы такой интерпретации не допускает.

Критерий 3. У частицы и приставки разная роль в актуальном членении фразы: частица может выражать значение ремы, а приставка, как любая часть слова, не может играть самостоятельной роли в актуальном членении (вне специальных условий).

Связь логического акцента и отрицания признавалась всегда, хотя в орфографии формулировалась и до сих пор формулируется в других терминах. Так, еще Я.К. Грот писал: «Есть разница между выражениями случай необыкновенный и случай не обыкновенный, зависящая от того, отрицается ли только положительное качество или придается качество отрицания» [Грот 1899]. В [Правила 1956] говорится, что не пишется слитно, «если это не отрицание какого-либо понятия, а выражение нового, противоположного понятия».

Рассмотрим последнее утверждение с точки зрения современной теории актуального членения (АЧ). В многочисленных работах по логике языка утверждается, что при неоднозначном прочтении фразы с отрицанием только одно из прочтений выражает собственно отрицательное суждение, в остальных же содержится утверждение. Например, В. З. Панфилов, рассматривая фразу «Он не приезжал домой вчера» в разных ее логических акцентах: «Он не приезжал домой вчера», «не он не приезжал домой вчера», «Вероятно, он не приезжал домой вчера», «Только он не приезжал домой вчера», делает следующий вывод: «Если при наличии отрицательной частицы не у глагольного сказуемого подлежащее выделяется в качестве логико-грамматического предиката посредством логического ударения, модального слова или выделительно-ограничительной частицы только, то суждение, выражаемое соответствующим предложением, несмотря на наличие в нем отрицания, на уровне субъектнопредикатной структуры будет утвердительным» [Панфилов 1982, с. 41]. На основе анализа предложений с другими выделенными членами предложения «Он не приезжал <u>домой</u> вчера», «Он не приезжал домой вчера» можно сделать аналогичные утверждения и про другие члены предложения. Также в вопросительных предложениях типа Ты не пойдешь домой? не выражается отрицания. Широко обсуждались также предложения с кванторными словами, в которых отрицание не приводит к выражению «нового противоположного значения». Например, предложения типа *Некоторые студенты группы занимаются спортом* синонимичны отрицательным типа *некоторые студенты группы не занимаются спортом* [см. об этом, напр., Падучева 1974].

Понятие отрицания является основным в работах по АЧ, где ему приписывается особая роль оператора, указателя, характеризатора ремы. Однако роль характеризатора ремы приписывается отрицанию при преобразовании утверждения в отрицание. В самом же отрицательном предложении отрицательная частица может иметь на себе фразовое ударение и самостоятельно играть роль ремы. В определенных случаях отрицательной частице приписывается верификативное значение [Адамец 1978, Янко 2001].

Таким образом, приставка как системная единица обладает следующими возможностями: она может выражать значение сильного или слабого отрицания, значение дихотомичного деления, может менять нестандартным образом значение основы, ее синтаксическую сочетаемость, синтаксические возможности, морфологическую и акцентную парадигму. Приставка не может играть самостоятельную роль в АЧ. Частица как системная единица может иметь только общеотрицательное значение, регулярным образом меняет модель управления и может играть самостоятельную роль в АЧ.

Часть 2. Реализация элементов системного значения в норме

Определенные таким образом системные единицы могут иметь ограничение на выражение своих системных возможностей в норме языка. Теоретически возможна ситуация, когда в определенной позиции данное системное противопоставление выражено быть не может. Тогда в принципе у нормы есть три возможности:

- 1- выражать одним из элементов противопоставления,
- 2 выбрать третий элемент,
- 3 допускать наличие и одного и другого вариантов.

Так, реализация того или иного значения отрицательной приставки, как и любой другой приставки, при конкретной лексеме целиком и полностью определяется нормой. Только норма определяет, есть ли у данного слова значение сильного или значение слабого отрицания, только норма определяет, как меняются синтаксические и другие свойства слова.

Реализация значения частицы «быть способным выражать рему высказывания» тоже регулируется нормой, но возможности этой реализации зависят не только от лексемы, но и от той позиции по АЧ, в которую попадает лексема.

Рассмотрим, как системное значение «быть способным играть рему предложения» может быть реализовано во фразе, как зависит это от постановки в разные по АЧ позиции: темы, сильной (главной, фокуса) ремы и остальной части ремы.

Первые тип позиции — позиция т е м ы — не допускает выражения значения ремы. Есть две логические возможности в данной ситуации: либо выражать отрицательное значение только приставкой, либо оставлять выражение немаркированным, то есть выражать либо приставкой, либо частицей без смыслового различения. Выбор одной из этих возможностей определяется нормой.

Для примера рассмотрим правописание отрицания с прилагательным в предложениях (1) (не)высокие дома строятся в центре города; (2) в центре города строятся дома (не)высокие. В первом предложении данное прилагательное может писаться только слитно с не, во втором - в зависимости от акцента: слитно, если ударение не падает на отрицание (в центре города строятся дома невысокие), и раздельно, если акцент именно на отрицании (в центре города строятся дома не высокие). В первом предложении прилагательное стоит в тематической части предложения, во втором - в рематической. Следовательно, критерием должна быть не столько частеречная характеристика (в данном случае прилагательное) и не столько синтаксическая функция сказуемого или определения, как об этом говорится в правилах, а прежде всего роль в АЧ фразы. Важность именно коммуникативной позиции при выборе слитного или раздельного написания отмечал и А.В. Гладкий. Так, он писал: «если кто-нибудь напишет монографию о кроватях, сделанных не из железа, то она будет называться «Нежелезные кровати» <...> Критерием, определяющим, может ли сочетание прилагательного с не образовать единую лексему, может считаться его способность быть темой» [Гладкий 1983, с. 130]. Действительно, для слитного написания в позиции темы есть системное основание - невозможность выразить значение частицы. Возможность написать слитно появляется, однако реализация этой возможности определяется нормой. Пишется ли реально «нежелезная кровать» и т.п., определяется нормой. Для одних лексем норма допускает и слитное, и раздельное написание, а для других закрепила только раздельное написание. Так, слова глухой, голодный, вечный, лохматый, кудрявый, ленивый, пустой и др. пишутся всегда раздельно с отрицанием, но и употребляются с отрицанием в основном в предикативной или полупредикативной позиции. Например: Молодые никак возвратиться из свадебного путешествия не спешат, а ведь Виннич не вечный. Я, поди, не глухая. Филя не глухой к лести. Она женщина неглупая, к тому же не глухая и не слепая. — Ср. сомнительные фразы с такими словами в непредикативной позиции? Не голодный голодного не поймет; Не глухой человек не поймет нас; Во времена его мэрства не кудрявые парни не пользовались успехом; Не грозных царей не должно быть, Не горячий хлеб полезен. В приведенных фразах, если они вообще допустимы, при предпочтительности раздельного написания допустимо и слитное написание прилагательных с отрицанием.

В позиции второго типа — позиции главной ремы (фокуса ремы) — частица тоже не может конкурировать с более сильными претендентами на роль ремы без интонационной, лексической или контекстной поддержки, то есть возникает ситуация, аналогичная предыдущей.

Позицию главной ремы часто занимают наречия-обстоятельства. И отрицание переносится к наречию как к вершинному предикату [см. о перемещении отрицания, напр. Манукян 1972], если это вообще возможно в таких фразах. Отрицание предикации разумно выбрать, читать громко будет выбрать (не)разумно, читать (не)громко. Наречие, стоящее в позиции фокуса ремы, может отдать роль ремы другой единице только при наличии интонационных или лексических показателей типа отнюдь не, далеко не, партиципация наречия с отрицанием и т.д. (см. подробнее ниже). В противном случае сильный претендент на роль ремы затрудняет употребление другого, менее сильного претендента на эту роль — частицы не. Таким образом, в позиции фокуса ремы частица может реализовать свое системное значение только при поддержке других языковых средств. В противном случае не теряет способность быть ремой, происходит нейтрализация противопоставления приставки и частицы, написание определяется нормой.

В позиции третьего типа – позиции «не главной ремы», «нефокуса ремы» – частица получает возможность реализовать свое значение «быть ремой». Понятие не-фокуса ремы, как оно трактуется здесь, сходно с понятием третьего члена в оппозиции у Г. Пауля и Я. Фирбаса, которые выделяют третий (связующий) член оппозиции, выражаемый глагольным сказуемым (или глагольной частью сказуемого), содержащим временные и модальные показатели. В позиции при «неглавной реме» роль ремы может быть передана отрицанию, как и любому другому претенденту.

Позиция третьего типа характерна для сказуемого. «Это обусловлено тем, что в синтетическо-флективном русском языке сказуемое как член предложения чаще всего выражает логико-грамматический предикат, является как бы его преимущественным представителем. Поэтому он не нуждается в специальных показателях этой функции — такие показатели необходимы для маркирования лишь других выступающих в ней членов предложения, для которых она не является специфичной» [Панфилов 1982, с. 40]. Именно позиция при предикате позволяет выразить системные возможности частицы без ограничений. И именно поэтому в правилах, в основе которых лежит частеречный принцип, для всех частей речи отмечаются особенности их поведения в предикативной позиции.

Часть 3. Кодификация (правила и словари), соответствие узуса и кодификации, анализ действия системы и нормы при выборе написания

Говоря о правилах написания не, мы имеем в виду самые различные формулировки в справочниках и пособиях, начиная с [Правила 1956]. Формулировки различаются по композиции, по вводимым опознавательным контекстам, по терминологии (не называется только частицей или частицей и приставкой, или частицей-приставкой). Но в целом можно сказать, что справедливо следующее утверждение М.В. Панова: «Все существующие и предлагаемые правила можно рассматривать как сочетание (и в некоторых случаях как истолкование) трех основных правил: 1) писать не слитно, если данное слово не употребляется без не; 2) писать частицу не раздельно, приставку не – слитно; 3) с данной грамматической группой слов или форм слов писать не слитно (вариант: раздельно). Различная иерархия этих правил и создает все существующие и предлагаемые нормы написаний: при этом первое правило всегда оказывается главенствующим: оно никогда не вступает в противоречие со вторым и всегда сильнее третьего» [Обзор 1965, с. 362].

Рассмотрение большинства пунктов правила далее строится по одной схеме: 1. Правила — приводятся различные формулировки пункта правила; 2. Словари¹ — приводится словарная кодификация слов, подпа-

¹ Отметим, что в словарях по-разному подается информация о возможности слитного и раздельного написания. В РОСе звездочка при слове в слитном написании означает, что слово может писаться и раздельно с не. Однако такая система подачи столь же неинформативна, как и фиксирование слов в двух написаниях, так как в словарях не разграничиваются две частицы: противопоставительная, которая всегда пишется раз-

дающих под этот пункт правила; 3.Узус² – анализируются данные узуса; 4. Комментарии к кодификации и узусу – сравнивается, насколько совпадает кодификация по разным словарям, насколько она соответствует узусу и правилу; 5. Критерии – описываются те системные критерии, которые лежат в основе данного пункта, и их реализации в норме.

Отметим еще раз, что раздельное написание противопоставительной частицы нe... a является системно обусловленным, не вызывает сомнения и далее не рассматривается.

Правило 1. «Частица *не* пишется раздельно, приставка *не*- пишется слитно» [Селезнева 1997, с. 99; Правила 2006, с.151].

Еще в 1965 г. была отмечена невозможность реализации этого правила: «Это предложение потребует большой ломки орфографических навыков: придется отказаться от очень устойчивого и простого правила о том, что глаголы с не всегда пишутся раздельно (если употребляются без не). В действительности не при глаголах может быть и частицей и (в редких случаях) приставкой. Ср. Он ведь велел тебе сегодня вернуть ему книгу? — Нет, не велел; Ненависти к нему у меня нет, но я его и не люблю. Здесь не частица. Напротив, не является приставкой в таких случаях: Я уже несколько раз не велел тебе этого делать; С детства не люблю такую музыку и под.» [Обзор 1965, с. 363]. Определение частицы в энциклопедии «Языкознание» включает в себя и пример слитного написания с частицей не: «Частица — разряд неизменяемых служебных слов, участвующих в выражении форм отдельных морфологических категорий, входя в состав слова («некто», «кто-то», «дай-ка») либо присоединяясь к нему («пошел бы», «да будет»), передающих коммуникатив-

дельно, и общеотрицательная, с которой и связана проблема слитного или раздельного написания. А так как любое слово, кроме не употребляющихся без не, может быть поставлено в противопоставительный контекст, то наличие звездочки становится малоинформативным.

² Данные, приводимые в разделе Узус, основаны на собственных наблюдениях автора, на данных Корпуса русского языка и отчасти на данных Интернета. К данным, полученным из Интернета, приходится подходить очень аккуратно, так как во многих случаях материалы не проходят корректорской правки. При описании узуса мы не оцениваем правильность или неправильность того или иного написания, для нас важен факт наличия или отсутствия колебаний в написаниях и относительная частотность встречаемости вариантов. При этом мы все-таки считаем ошибочным или случайным (и не учитываем) написание, если частота его встречаемости в 100 раз (в тестируемых контекстах) меньше частоты встречаемости второго варианта (в тех же контекстах). Далее при описании узуса мы говорим, что слово встречается «преимущественно» в том или ином написании, если встречаемость этого варианта в 3 раза больше, и говорим о вариантах при встречаемости приблизительно 50%.

ный статус высказывания (вопросительность – «разве», «ли», «неужели», отрицательность – «не», «ни»)....» [Языкознание 1998, с. 579].

Современные учебники и не претендуют на столь сильную ломку, поэтому заявленное общее правило остается только формулировкой одного из возможных идеалов.

Сложность разграничения частицы и приставки касается не только глаголов. Авторы учебников отмечают и другие случаи, где приставка пишется раздельно. Например, при многих прилагательных в кратких и полных формах: не склонный, не расположенный, не согласный, не способный.

Еще один пример отмеченного орфографистами явного нарушения этого пункта правил — раздельно пишущееся отрицание в сочетаниях с прилагательными превосходной степени в непредикативной позиции. В этом случае отрицание имеет значение слабого отрицания: ты живешь в не лучших условиях («средних»); ты посмотрели не худший («средний») фильм. Поэтому в РОСе эти слова предложено писать слитно (в нелучших условиях, в нелучшую сторону, с нелучшей стороны, в неменьшей мере, степени, с неменьшим интересом, успехом, в нехудших условиях), хотя Д. Э. Розенталь именно эти случаи рекомендует писать раздельно [Розенталь 1999, с. 71].

Правило 2. *Не* с глаголами (в личной форме, в форме инфинитива и деепричастия) пишется раздельно, если существует слово без *не*.

У з у с. Данный пункт правила соблюдается всегда.

К р и т е р и и. Еще в [Обзоре 1965] отмечалось, что данный пункт правила не соответствует системе. И при глаголе отрицание не может быть и частицей и приставкой. Так, например во фразе Все наши планы не одобрили отрицание считается приставкой, а во фразе Да нет, он не смотрел и не одобрил еще наши планы отрицание считается частицей, [см. Панов 1963 (2004, с. 535)]. Это чисто нормативное ограничение на реализацию системных возможностей³.

Правило 3. «Не пишется слитно во всех случаях, когда без отрицательной частицы не слово не употребляется» [Правила 1956, с. 49]. Исключение: не поздоровиться [Розенталь 1999]. В Правилах 2006 отмечаются не поздоровиться, не преминуть, не обессудь(те), не обинуясь [Правила 2006, с. 152]. Особо отмечаются слова с приставкой недо- со значением «недоведения до нормы», «делать что-то меньше нормы» (не-

³ Замечательным примером нарушения этого нормативного ограничения и попыткой писать по системному требованию была авторская орфография А.А. Потебни, который во многих случаях писал *не* с глаголами слитно. Как показывает исследование Л.А. Новикова, слитное написание встречается в тех случаях, когда *не* является приставкой [Новиков 2001].

доставать чего-то, недоедать без дополнения), слова с приставкой небез- и глагол не хватать (не хватает мне еще его спасать).

С л о в а р и. В словарях, особенно в словарях последних лет, приводится значительно больше слов, которые без не не употребляются, но пишутся (вопреки данному пункту правила) раздельно. К таким словам относятся слова разных категорий: глаголы: не замай(те) (Орф. 1991, РОС), не замедлить (РОС-2), не наздравствуещься (РОС-2), не нарадоваться (РОС), не оберешься (РОС-2), не обессудь(те) (Орф. 1991, РОС, Игнатченко), не поздоровиться (Орф. 1991, РОС), не преминуть (РОС), не сводить взгляда (РОС-2), не сметь! (РОС), не спорится (Игнатченко), не терпится (РОС-2), не убий (РОС); предикатив не прочь (Орф. 1991, РОС), деепричастия и отдеепричастные наречия не покладая рук (Орф. 1991, РОС, Игнатченко), не спеша (Орф. 1991, РОС, Соловьев), не мешкая (РОС), не мудрствуя лукаво (РОС), не обинуясь (Орф. 1991, РОС, Соловьев), не переставая (РОС), не торопясь (Орф. 1991, РОС), не шутя (РОС, Игнатченко). Некоторые из этих слов нельзя признать совсем не употребляющимися без не (ср. Спеша на вестовых в пыли), но некоторые из них не употребляются именно в какой-то одной функции, например функции наречия (*собирался спеша, Можем неспешно, но и не мешкая/ *мешкая, отправляться), или употребляются, но значительно реже, чем с отрицанием.

Иногда словари расходятся в своих рекомендациях: не жилеу (РОС, БАС) – нежилеу (Орф. 1991, Соловьев, БТС), не лишне (МАС) – нелишне * (РОС) – нелишне (БАС, Орф. 1991, БТС) (у Розенталя нелишне напомнить), невзирая на лица (Ожегов, Орф. 1991, РОС), хотя у Розенталя отмечается раздельное написание не взирая на лица (Розенталь 1970, с. 107).

У з у с. В узусе практически все перечисленные слова встречаются в слитном написании, но очень незначительна доля слитных вариантов для глаголов (настолько незначительна, что ею можно пренебречь) и значительно выше для деепричастий и отдеепричастных наречий. Приведем некоторые примеры⁴: И все же нелишне было бы напомнить, что этот план вырисован из чтения не одного только Пушкина. Вам нелишне будет узнать, что дамам целуют руки. Нелишне будет заметить, что такие разработки осуществлялись..... Она выглядела нежильцом; Вчера выглядел нежильцом, а сегодня почти здоров (БТС).

⁴ Приводимые примеры даются без ссылок на авторов. Это противоречит общелингвистической традиции, но соответствует особенностям такого плана выражения языка, как письмо, являющимся единым и обязательным для всех носителей языка. Указания на авторов сохраняются только в том случае, если эти авторы лингвисты.

Практически вышло из употребления слово *не лишнее* (*Было бы не лишнее познакомиться с ней* (Чехов), которое всеми словарями отмечалось в раздельном написании.

Хотя словари последних лет сильно расширили список слов, пишущихся вопреки этому пункту правила, но до сих пор не все такие слова кодифицированы. Например, глагол вздумать не допускает при себе общее отрицание (*Лиса не вздумала угостить Журавля). Исключение составляет повелительное наклонение, которое, наоборот, не употребляется без отрицания. Можно сказать Не вздумай просить его, но нельзя сказать Вздумай просить его (такая фраза возможна только при условном значении формы).

Комментарии к кодификации и узусу. Как видно из словарных рекомендаций, кодификаторы по-разному в зависимости от грамматического класса слов относятся к разным типам слов с этим нарушением, хотя нарушается один и тот же пункт правила.

Правописание глаголов, не употребляющихся без не, не вызывает сомнений у кодификаторов и закрепляется словарями именно в раздельном написании. По перечню таких слов видно, что словари постепенно расширяют их список. Словари идут по пути фиксации сложившейся в узусе нормы, хотя эта норма противоречит и системному требованию, и правилу. Примечателен сам факт, что этой фиксацией авторы словарей признают, что встречавшиеся в практике глаголы, написание которых противоречило правилу и не было зафиксировано словарями, писались грамотно, нормативно. Однако не все колебавшиеся когда-то глаголы получали такую фиксацию. Так, в словарях и Даля, и Ушакова невзлюбить имело вариант не взлюбить, но позже слово было кодифицировано в слитном написании.

Написание предикативов получает разную оценку. Предикатив (не)прочь фиксируется словарями тоже в раздельном написании, хотя в узусе часто встречается в слитном. Предикатив (не)пишне получает противоречивую фиксацию. В текстах же встречается и слитное, и раздельное написание, хотя преимущество явно отдается слитному написанию. Спорным может показаться вопрос о том, действительно ли предикатив не лишне не употребляется без не. В РОСе есть две словарные единицы нелишне* и лишне, толковые словари фиксируют употребление слова лишне только в контексте отрицания, то есть не лишне. С нашей точки зрения, вряд ли можно считать нормативными сочетания лишне сказать, лишне напоминать, вместо этого мы говорим излишне говорить. Поэтому мы включаем это слово в список слов, не употребляющихся без не.

Слова, восходящие к деепричастиям и не употребляющиеся без не, получили разную орфографическую кодификацию. Для некоторых из них уже закреплено слитное написание, как для слова нехотя, которое считается наречием и пишется слитно, для других слитное написание пока расценивается как ошибочное (как *неглядя), третьи еще не попали в сферу внимания кодификаторов и не получили нормативной оценки. В научной литературе иногда признается вполне оправданной кодификация в слитном написании деепричастий непереставая, немешкая, неколеблясь, неглядя [Шигуров 1993, с. 144].

Колеблется кодификация и существительного (*не*)жилец, которое, с одной стороны, не употребляется без *не*, а с другой, – употребляется в данном значении только в предикативной позиции, а в предикативной позиции большинство существительных пишется раздельно (см. об этом Правило 8). Орфографические словари отдавали предпочтение слитному написанию, а толковые – раздельному.

К р и т е р и и. Введение этого пункта правил системно оправдано самим понятием слова.

Для глаголов этот системный критерий вступает в противоречие с чисто нормативным требованием писать все глаголы раздельно с не. И нормативный критерий оказывается важнее системного. В этом пункте правило подтверждает общую точку зрения, что в орфографии норма «сильнее» системы.

Написания деепричастий, переходящих или перешедших в наречия, испытывают колебания. В данной группе слов пересекаются три критерия: неупотребимость без не — слитное написание; переход в класс наречий образа действия — в основном слитное написание вне очевидных контекстов (типа отнюдь не); форма деепричастия — раздельное написание. Для некоторых слов, колебания в написании которых зафиксированы еще словарями Даля и Ушакова, закрепилось слитное написание, для других — закрепляется установившееся в узусе раздельное написание. Так, например, не обинуясь у Ушакова было и в том и в другом написании: «НЕОБИНУЯСЬ, нареч. (устар.)... Сказать необинуясь что-н.;» «ОБИНУЯСЬ [дееприч. от вышедшего из употребления глагола обиноваться] только в выражении не обинуясь (книжн.) ... Мужики, не обинуясь, подтвердили показания Трифона. Достоевский».

Написание существительного-предикатива (*не*)жилец определяется двумя критериями: неупотребимость без *не* — системный критерий требует слитного написания, принадлежность классу существительных-предикативов — нормативный критерий, большинство таких слов пи-

шется раздельно. В РОСе слово изменило свою кодификацию, принятую в орфографических словарях, то есть авторы словаря отдали предпочтение нормативному критерию.

Предикативы (не)прочь и (не)лишне принадлежат весьма разнообразной по написанию группе предикативов. Если раздельное написание не лишне поддерживается хотя бы возможностью употребления слова в контексте с отнюдь не, ни, то для не прочь и эти контексты странны (*я отнюдь не прочь остаться здесь), поэтому его кодификация в раздельном написании не поддерживается ничем, кроме традиции. Возможно, традиция поддерживается аналогией со словом не против, которое тоже сохраняет не все сочетаемостные свойства лексемы-основы (ср. я не против отдохнуть – *я против отдохнуть).

Таким образом, данный пункт правил основан на системном критерии, но написание многих слов определяется чисто нормативными критериями. Это противоречит утверждению М. В. Панова, процитированному выше, что критерий неупотребимости без не не зависит от других пунктов правила. На примере этих слов можно продемонстрировать относительную самостоятельность объективно существующей орфографической нормы и кодификации. Мы видим, что в норме существуют написания, противоречащие правилу и до последнего времени не закрепленные словарями. Кроме того, последние орфографические словари, учитывая эту объективную норму в практике письма, закрепляют, кодифицируют не системно оправданное написание, а написание более частотное в практике письма.

Правило 4. «Частица не пишется раздельно:... б) если не входит в состав усилительных отрицаний далеко не, отнюдь не, вовсе не, ничуть не, нисколько не и т.п.» [Правила 1956, с. 51]. Д. Э. Розенталь отмечает контексты разве не, ли при условии логического подчеркивания [Розенталь 1999, с. 68]. В [Правила 2006] добавляются «сочетания» едва ли не, чуть ли не, разве не, не далее как, не позже чем, не раньше чем. (Ср. Разве для вас не важно и не поучительно это сравнение?)

У з у с. В узусе данный пункт правила неукоснительно соблюдается. Отметим только, что в некоторых контекстах наречие вовсе имеет, как и совсем, усилительное утвердительное значение и требует слитного написания (ср. вовсе неосвещенные улицы; Все эти страшные хищения казались вовсе незаметными в их хозяйстве. Вслед за ними приехала уж и вовсе немолодая пара).

К р и т е р и и. Данный пункт правила соответствует системному различию частицы и приставки. Слова усиленного отрицания типа

отнюдь не подчеркивают значение ремы у отрицания. В правилах следовало бы расширить круг таких контекстов, добавив контексты больше не, если бы не, если не — то, еще бы не, не так и не иначе, не только не —,— но и, не—ли?, неужели не?, разве не?, чуть ли не, это тебе (кому-то) не, (примеры: мы больше не беспомощны; Не правда ли? Не странно ли, что Хэрн так много писал о японском вкусе? Еще бы не интересно Я ищу в вас если не уважения к искусству, то хоть уважения к самому себе. Если бы не настоятельное желание матери, он оставил бы институт еще на третьем курсе. Неужели не интересно? Когда-то в молодости это было едва ли не любимым развлечением, это тебе не легкая прогулка. Но не логично ли признать ограниченность собственных познаний, вместо того, чтобы утверждать....).

Чисто рематическими словами являются только отнюдь не, далеко не, совсем не, остальные осложнены семантическими нюансами. Например, С. А. Григорьева в «Новом объяснительном словаре синонимов» дает такое толкование словам типа вовсе не, отнюдь не, далеко не: «зная или считая, что адресат считает, что P, говорящий выражает категорическое несогласие с этим мнением» [Григорьева 2000, с. 27]. Т. Е. Янко причисляет лексему отнюдь к словам верификативной модальности со значением «нет» [Янко 2001, с. 62]. С. И. Кодзасов выделяет следующие подзначения у совсем не: «2. настойчивое отрицание предшествующего утверждения или презумпции собеседника (=отнюдь не, вовсе не)» [Путеводитель 1993, с. 201]. Слово чуть (ли) не в [Путеводитель 1993] имеет следующую трактовку: «Через отрицание к утверждению. <...> В конструкции чуть ли не говорящий предпринимает попытку отождествить некоторый объект или ситуацию. В ходе отождествления говорящий незапланированно (не в соответствии с исходным предположением) приходит к выводу, что отождествляемое очень близко к Р» [Путеводитель 1993, с. 41]. Частице не..ли приписывают иллокутивное значение [Баранов, Кобозева 1983].

Далее мы будем называть контексты, приведенные в этом пункте правил, о ч е в и д н ы м и.

Правило 5. Не пишется слитно «с прилагательными, причастиями и наречиями, если к ним относятся слова: совсем, совершенно, очень, весьма, крайне, чрезвычайно и др., усиливающие степень качества» [Греков 1976, с. 161]. Авторы разных пособий расширяют список наречий, добавляя слова довольно, вопиюще, исключительно, в высшей степени, абсолютно, столь, так, слишком.

У з у с. Существует группа прилагательных, которые практически всегда пишутся раздельно, независимо от контекста и выражаемого смысла, вопреки сформулированному выше правилу. Так, раздельно пишутся: абсолютно не голодный, голосование явно не единодушное, истины явно не вечные, несмотря на свои в высшей степени не богатырские размеры.... С другой стороны, на практике для многих слов, допускающих слитное написание, это правило также не соблюдается, например: Переход его в противоположный лагерь произошёл при обстоятельствах, весьма не подходящих для добровольного принятия подобного решения. Смех у него часто такой не смешной. Что за старичок? Поди, плохонький какой-нибудь. — Очень даже не плохонький. Этот современный подход очень не похож на древнегреческую науку. Не покоробился ли бы оттого, что это уж слишком не монументально. И на вопросы мог отвечать очень не скоро и очень невнятно.

К р и т е р и и. Позиция прилагательного после наречия степени не позволяет реализоваться системному значению ремы у частицы, то есть противопоставление частицы и приставки нейтрализуется. В такой ситуации написание определяется нормой. В данном случае норма определяет разное написание для разных лексем, для большинства лексем все-таки слитное. Таким образом, практика в данном случае отражает логическую возможность давать вариативное письмо в позициях, в которых невозможна реализация системного значения. Однако кодификация — правило — в данном случае дает однозначную рекомендацию писать слитно, поэтому с точки зрения кодификации приведенные выше раздельные написания слов, допускающих слитное написание, следует считать ошибочными.

Правило 6. Пишутся слитно с *не* существительные, прилагательные, наречия, которые в сочетании с *не* приобретают противоположное значение; обычно такие слова можно заменить синонимом без *не*. Например: *небольшой* (ср. *маленький*), *неженатый* (холостой), *ненастоящий* (ложный, притворный), неправда (ложь), неприятель (враг), несчастье (беда), неплохо (хорошо), немного (мало), неудачно (безуспешно) [Розенталь 1999, с. 67, 68, 74]. «Если слово с *не* можно заменить близким по значению словом без *не*», то слово пишется слитно [Правила 2006, с. 157].

Хотя это правило общее для всех слов, для удобства анализа рассмотрим его отдельно для разных частей речи, как это обычно делается в справочниках.

6.1. Прилагательные

Для прилагательных иногда вводится уточнение: «Не всегда удается подобрать подобный синоним, но утвердительный оттенок значения, содержащийся в прилагательном, служит основанием для слитного написания» [Розенталь 1999, с. 71]. «Как правило, не пишется раздельно с относительными прилагательными, придавая отрицание выражаемому ими признаку, например: часы не золотые, мед не липовый, небо здесь не южное. Из качественных прилагательных сюда относятся прилагательные, которые обозначают цвет и которые в сочетании с НЕ не образуют слов с противоположным значением <...> При этом учитывается синтаксическая функция прилагательного: правило обычно распространяется на прилагательные в роли сказуемого, но может не распространяться на прилагательные в роли определения, так как предполагаемое противопоставление придает высказыванию характер общеотрицательного суждения, выражаемого частицей не» [Розенталь 1999, с. 68].

И.Р. Игнатченко предлагает такое уточнение: «Некоторые слова (существительные, прилагательные – обычно относительные, а также качественные со значением вкуса, цвета) не могут образовывать новые слова с приставкой не-, так как в реальном мире отсутствуют соответствующие этим словам предметы и признаки, например: *некомпьютер, *некнига, *недеревянный, *некислый, *некоричневый» [Игнатченко 2000, с. 555]. Раздельное написание слов со значением цвета и вкуса отмечается и в пособии [Кайдалова, Калинина 1983]. Однако непонятно, почему нельзя сказать, что, например, «сладкий» является признаком, противоположным признаку «кислый», кроме того, у многих существительных приставка имеет не антонимичное значение, а значение дихотомичного деления мира, как в словах типа нелингвист, неспециалист и т.д.

Л.Б. Селезнева выделяет группу прилагательных, «по значению близких к причастию» (не склонный, не расположенный, не согласный, не способный), которые пишутся только раздельно [Селезнева 1981].

О сложности применения этого пункта правила не раз говорили исследователи, объясняя это тонкостью смыслового различия. Так, В. В. Виноградов писал: «различия в написаниях не радостный и нерадостный <...> полные тонких смысловых оттенков, далеко не всеми могут осознаваться и воспроизводиться» [Виноградов 1964].

У з у с. Реально это правило выдерживается только для некоторого круга слов. Во многих же случаях замена допустима, а слово пишется с

отрицанием раздельно или написание колеблется. Масса таких примеров в словарных толкованиях: «порывистые движения – резкие, <u>не плавные</u>»; «побочный – не основной» (Ожегов, Шведова). Ср. также примеры: Это в нашей жизни не главное (=второстепенное). Одно из свойств «балканности» может состоять в том, что не уникальные (=обычные) явления складываются в уникальную мозаику. Как сытый не понимает голодного (=не?сытого), так и <u>не глухой</u> (=слышащий) не понимает глухого. Он чувствовал себя не виноватым (=правым) перед ней. В традиционных (не новаторских) школах письма в его роли обычно выступает некоторый корпус рукописей (в данном примере замена произведена самим автором). Каждая не основная (=второстепенная) ступень парадигмы не обладает одним из дифференциальных признаков. На практике проявляется и явное осознание пишущими противоречия данного правила и привычного написания, в таких случаях возникают дефисные написания, как в примерах: Стоит вспомнить и то, что как раз его отношение к «забаве» было трезвым, то есть – не-суровым, не-грозным. Нейтральный порядок следования коммуникативных компонентов сообщения – это «тема – рема» (т.е. «<u>не-конституирующий</u> – конституирующий компонент»), а вопроса с вопросительным словом – «вопросительный компонент – невопросительный компонент»).

К р и т е р и и. И в правиле, и в словарях отражаются сразу два системных критерия: выражение чисто приставочного значения слабого отрицания у ряда слов и выражение логического акцента.

Приведем еще примеры слов, слитное написание которых в словаре И. Р. Игнатченко мотивируется данным пунктом правила: неаккуратный, неактуальный, неаппетитный, неблагополучный, неблагородный, неблагосклонный, небогатый, небольшой, неброский, неважный почерк, невежливый, невеселый, невесомый, невзыскательный, невиновный, невнимательный, невнятный, невозвратный, невольный, неглубокий, негромкий, негустой, неграмотный... Многие из приведенных слов имеют чисто приставочное значение слабого отрицания, ср. «неглупый человек (= достаточно умный человек)», неглубокий (=достаточно мелкий), негромкий (=почти тихий), немного (некоторое количество). Во многих словах меняются их синтаксические или сочетаемостные свойства и даже значение: неважный почерк – *важный почерк, невольный жест – *вольный жест, невиданное богатство – *виданное богатство (хотя виданное ли дело), женатый (на ком-то) – неженатый (*на комто). В этих случаях отрицание выражается бесспорно приставкой и поэтому пишется слитно.

Однако во многих случаях синтаксические и сочетаемостные свойства слов не меняются, квазиантонимичного значения не образуется, а определить разницу между «противоположным» значением приставки и «отрицательным» значением частицы довольно сложно. Исследователи пытались определить тот круг слов, у которых значение отрицания не может быть выражено приставкой, то есть они всегда пишутся с не раздельно (см., напр., Кулагин 1955, Арутюнова 1988, Ермакова 2002). Так, Н. Д. Арутюнова пишет: «Отрицательный смысл образуется из положительных... Обратное явление гораздо реже, так невеселый, нерадостный, неприятный, непривлекательный, несчастливый — употребительны, а *неуродливый, *непечальный, *небезобразный, *неотвратительный, *немерзкий, *недрянной, *нескверный и т.п. нет» [Арутюнова 1988, с. 235]. Не используется также приставка при эмоционально окрашенных прилагательных *незамечательный, *непревосходный [там же, с. 251]. Однако, как отмечает О. П. Ермакова, «во-первых, не все названия отрицательных свойств не сочетаются с приставкой не-. Общеизвестны - незлой, нежадный, неглупый. Во-вторых, также не сочетаются с не- прилагательные, обозначающие высокую степень положительного признака *непрелестный, *непревосходный, *неочаровательный.... По этим же причинам не сочетаются с не- и метафорические прилагательные. Ср.: *небархатная, *неатласная кожа, *нешелковые волосы, *незолотой характер, *нежелезная воля» [Ермакова 2002, c. 35].

Таким образом, ни традиционные семантические законы сочетаемости (на семантическом уровне запрет на сочетание качественного прилагательного со значением «противоположность» трудно себе представить), ни методы семантического подхода, учитывающие принципы создания картины мира, не позволяют пока объяснить, почему некоторые прилагательные не могут писаться с не слитно.

Об отсутствии семантического критерия в орфографическом написании писал и М.В. Панов: «Частица не при имени прилагательном, отвергая какой-либо признак, оставляет на выбор два (по меньшей мере) возможных утверждения: или противоположную крайность, или средний случай. Контекст подсказывает выбор. Приставка же не- сама совершает этот выбор <....> Если отвержение одной крайности неизбежно означает утверждение другой (т.е. шкала проявления данного признака имеет только две отметки), то различие между частицей не и приставкой не нейтрализуется <...> В этих случаях орфографическая традиция прихотливо избирает одно из двух написаний как обычное:

неженатый, нелогичный, не мертвый, неправильный, не хромой» [Панов 1964 (2004, с. 539)].

Кроме смысловых различий, отмечалось и различие в выражении логического акцента. Так, И. Р. Игнатченко пишет: «не пишется раздельно с существительными, прилагательными и наречиями на -о при подчеркнутом отрицании. В этом случае замена синонимом невозможна: книга неинтересная (скучная) - книга не интересная (интересной ее назвать нельзя)» [Игнатченко 2000, с. 555]. Ту же мысль можно выразить через сформулированное выше отличие частицы от приставки: частица может иметь на себе логический акцент, то есть быть ремой высказывания. Эта переформулировка позволяет понять, почему автор выбрал пример с прилагательным в позиции предиката. В позиции перед прилагательным, выполняющим функцию определения, у отрицания значительно меньше шансов получить логическое выделение (без специальных интонационных и лексических усилителей типа отнюдь, далеко и т. д.). В позиции определения противопоставление частицы и приставки по этому критерию, как было показано выше, нейтрализуется и написание типа не железные кровати определяется только нормой. В позиции предиката частица способна в равной степени отдавать предикату роль ремы или принимать ее на себя, поэтому здесь системно оправданно различение частицы и приставки по этому признаку. Подчеркнем, что это касается именно предикативной позиции, то есть при наличии связки отрицание должно быть перед связкой. Позиция после связки лишает прилагательное системно оправданного различения слитного и раздельного написания. Например, отрицанием пропозиции «Нам было грустно» будет «Нам не было грустно», а не «Нам было (не)грусmho >>.

Следовательно, в данном пункте правил необходимо учесть позицию прилагательного в АЧ фразы. Так, в позиции темы (которая более характерна для синтаксической функции определения) значение частицы «быть ремой» не может реализоваться, поэтому решающую роль в определении написания играет норма, которая в настоящий момент расширяет сферу слитного написания. А в позиции не-фокуса ремы (типичной для предиката) частица может реализовать свое значение «быть ремой» и написание зависит от наличия/отсутствия акцента на отрицании. Если на отрицание падает логический акцент, то отрицание не обязательно пишется раздельно. Если же логический акцент на отрицание не падает, то написание определяется нормой для всех тех слов, где у приставки нет значения слабого отрицания, для слов с «чистой» при-

ставкой их написание определяется системным критерием, изменением семантических или синтаксических свойств.

6.2. Краткие формы прилагательных

Для кратких прилагательных правило содержит дополнительные уточнения. «В зависимости от смысла не с краткими прилагательными, как и с полными, пишется то слитно, то раздельно; ср.: <...>адрес неизвестен (утверждается «неизвестность») - адрес не известен (отрицается «известность»)» [Розенталь 1999, с. 70]. Краткие формы, не имеющие полных форм или различающиеся с ними по значению, пишутся раздельно, напр.: не готов, не должен, не намерен, не обязан, не рад, не расположен, не склонен [Розенталь], не болен, не виден, не виноват, не . властен, не волен, не горазд, не готов, не женат, не занят, не мудр, не намерен, не нужен, не обязан, не похож, не рад, не расположен, не склонен, не слышен, не согласен, не способен, не страшен [Игнатченко 2000, с. 555]. Д. Э. Розенталь отмечает наличие пар не нужен – ненужен, не прав – неправ, не согласен – несогласен, не способен – неспособен, давая такое пояснение: «Чаще встречается раздельное написание в парах: не нужен – ненужен, не прав – неправ, не согласен – несогласен, не способен – неспособен (обычно в этих случаях больше чувствуется отрицание положительного признака, чем утверждение отрицательного)» [Розенталь 1999, с. 70].

С л о в а р и. Словари приводят формы кратких прилагательных с *не* весьма нерегулярно. Причем эти формы иногда даются отдельными статьями, иногда при полных формах, иногда не даются вовсе. Учитывая эту нерегулярность фиксации, приведем лишь те формы, которые специально отмечены:

Только раздельное написание по словарям	расхождения в рекомендациях	только слитное написание
не болен ^{Орф1991} , С, РОС не велик ^{РОС} (по размеру) не виден ^{Орф 1991} , С, РОС (невидный* 'недоступный зрению') не виноват ^{Орф.1991} , С, РОС (невинова- тый*) не властен ^{Орф. 1991} , С, РОС (невласт- ный*)	не люб ^{РОС} — нелюб ^{Орф 1991} не похож $^{\rm H}$ — непохож- $^{\rm *POC}$ не прав $^{\rm C}$ — неправ $^{\rm * POC}$ не слышен $^{\rm Oph1991,C,H}$ — неслышен $^{\rm FTC}$ ($^{\rm C}$ берез неслышен, невесом слетает желтый лист) —	неохоч недурен незауряден

Только раздельное написание по	расхождения в	только слитно
словарям	рекомендациях	написание
не волен ^{Орф. 1991, С, РОС} (не имеет воз-	не слышен и	,
можности, при невольный ненаме-	неслышен РОС (бесшу-	
ренный)	мен)	
не голоден ^{РОС} (неголодный *)	не согласен Орф1991, С, РОС —	
не горазд ^{Орф. 1991, С, РОС}	несогласен БТС (Они во	
не готов Орф.1991,С,РОС (неготовый*)	всем были несогласны)	
не длинен РОС (не длиннее, чем	не способен ^С – неспо-	
нужно, при <i>недлинный*</i>)	собный*, -бен, -бна РОС	
не должен ^{Орф. 1991, С, РОС}	не чужд и нечужд* РОС	
не женат ^{Орф. 1991, С, РОС}		
не занят ^{РОС} (незанятый *)		
не короток РОС (не короче, чем		
нужно)		
не мал РОС (не меньше, чем нужно)		
не намерен ^{Орф. 1991, С, РОС,}		
не нужен Орф. 1991, С. РОС,И (ненуж-		
ный*)		
не обязан ^{С, РОС, И}		
не осведомлен POC (неосведомлен- ный*)		
не потребен РОС (не нужен) (не-		
потребный неприличный)		
не равен ^{РОС} (неравный*)		
не рад Орф. 1991, С. РОС		
не расположен ^{РОС}		
не свят РОС		
не силен ^{Орф. 1991, С, РОС,} (несильный*)		
не склонен ^{Орф. 1991, С, РОС}		
не согласен ^{и, РОС} (иного мнения)		
не страшен ^и (нестрашный* ^{РОС})		
не тесен РОС (меньшего размера,		
чем нужно) (<i>нетесный</i> * ^{POC})		
не труден ^{РОС} (нетрудный*)		
не узок РОС (по размеру)		
не широк РОС (по размеру)		

Слова с пометой $^{\rm H}$ зафиксированы в словаре И. Р. Игнатченко, с пометой $^{\rm C}$ — зафиксированы в словаре Н. В. Соловьева

У з у с. Узус показывает, что существуют три группы слов:

- 1. Краткие прилагательные, которые пишутся всегда раздельно (их круг шире, чем приводится в правилах), ср.: не вреден, не галантен, не гениален, не глух, не жаден, не наделен, не мил, не посвящен, не свойственен, ...
- 2. Краткие прилагательные, которые пишутся то слитно, то раздельно, например: невелик / не велик, не верен / неверен, не властен / невластен, неволен / не волен, не глуп / неглуп, незнаком / не знаком, не известен / неизвестен, не интересен / неинтересен, неправ / не прав, непричастен / не причастен, непрост / не прост, не способен / неспособен....
- 3. Есть несколько слов, которые пишутся только слитно, напр. *нео-хоч, недурен, незауряден*.

Примеры употребления кратких форм с отрицанием приведены в приложении в конце раздела. Здесь же приведем только несколько примеров: Этот вывод <u>глубоко не верен</u>. Мне возразят, что выдвинутая мной альтернатива — мещане или бесы — в корне не верна. И все же это положение по существу не верно, и главное — совершенно неинтересно. Портрет, не передающий главных, выразительнейших черт лица, неверен. Когда сумма неверна, мы исправим ее. Сведения о движениях французов были всегда неверны. Ох, не прост ты оказался, Самсонов, ох как не прост. Однако и в теории слова все непросто. Биография его непроста. Надеюсь, порядок следования неважен. Он знал, что она неболтлива. Коли такой умный и сам черт тебе не страшен, возьми да и выложи всю эту вражью дребедень на общем собрании.

Комментарии. Правило о выражении положительного значения при слитном написании и отрицательного – при раздельном на практике соблюдается далеко не для всех прилагательных. Действительно, у одних слов (неглуп, нездоров) ясно ощущается приставочное значение слабого отрицания, их правописание подчиняется правилу о слитном написании слов с приставкой, выражающей слабое отрицание. Вариативное написание других слов ((не)знаком, (не)интересен, (не)похож, (не)способен) встречается в контекстах, которые не дают уверенности в том, что пишущие выбирали тот или иной вариант написания в зависимости от утверждения или отрицания. Думается, что объяснения орфографистов, "большее чувствование" отрицания, а не утверждения, диктуется установившимся написанием, а не наоборот.

Краткие формы прилагательных могут употребляться практически только в позиции предиката (исключения очень редки). К ним приме-

нимы все выводы, сделанные для полных форм предикативных прилагательных: в позиции предиката частица может реализовать свое значение, ее написание зависит от наличия или отсутствия акцента на отрицании. Если на отрицание падает логический акцент, то отрицание не обязательно пишется раздельно. Если же логический акцент на отрицание не падает, то написание определяется нормой для всех тех слов, где у приставки нет значения слабого отрицания, для слов с «чистой» приставкой их написание определяется системным критерием 1 и/или 2.

6.3. Наречия

Наши наблюдения позволяют утверждать, что правила написания наречий-обстоятельств на -o, -e принципиально отличаются от правил правописания наречий-предикативов на -o, -e. Так, только слитно вне очевидных контекстов, например, пишутся наречия-обстоятельства необидно, нестрашно (Он необидно рассмеялся, нестрашно усмехнулся), а наречия-предикативы не обидно, не страшно пишутся только раздельно (А тебе все равно не обидно. При таких запасах тебе не страшно). Только слитно вне очевидных контекстов пишутся наречия-обстоятельства неинтересно (Он и рассказывает неинтересно), неплохо (Он неплохо играет в футбол), а соответствующие наречия-предикативы пишутся либо слитно, либо раздельно в зависимости от акцента (Мне неинтересно / не интересно, придет он или нет. Неплохо / не плохо, что мы это сделали). Поэтому мы рассматриваем отдельно написание наречий-обстоятельств и наречий-предикативов.

6.3.1 Наречия – предикативы

П р а в и л а. Хотя обычно правило написания наречий ничем не отличается от правила написания прилагательных, но некоторые орфографисты все-таки отмечают особенности написания наречий-предикативов. Так, в [Розенталь 1999] в отдельный пункт выделяется правило написания предикативных наречий: «Слитно или раздельно пишутся с не так называемые предикативные наречия на -о (слова категории состояния) типа нетрудно видеть – не трудно видеть: при утверждении они пишутся слитно, при отрицании – раздельно» [Розенталь 1999, с. 75]. Первоначальная формулировка Д.Э. Розенталя была менее категорична: «Не упорядочено написание отрицания не с так называемыми предикативными наречиями на -о типа нетрудно видеть – не трудно видеть. Многие из них одни или в сочетании с неопределенной формой глагола образуют главное предложение в составе сложноподчиненного

предложения, и критерием их написания с не служит не всегда объективно устанавливаемый утвердительный или отрицательный смысл» [Розенталь 1962, с. 91]. Есть и более радикальные формулировки: «Не пишется раздельно с наречиями на -о, если они являются главным членом безличного предложения (слова состояния), например: Ему не стыдно. Ему не жарко» [Игнатченко 1998, с. 555]. В справочнике [Соболева 1999] предлагается использовать некоторый «фокус» для определения написания: ставить предложение в прошедшее или будущее время и определять написания по постановке отрицания: если отрицание стоит перед связкой — пиши раздельно (мне не было грустно — мне не грустно), если отрицание попадает после связки — пиши слитно (мне было невесело — мне невесело).

Словари.

список раздельно	примеры наречий-	список предика-
пишущихся наречий-	предикативов со	тивов с пристав-
предикативов	звездочкой в РОСе	кой в РОСе
не безразлично ^{РОС} –	неблагополучно*	неведомо
<u>небезразлично</u> ^{п*, и*}	неблагоразумно*	невместно
не больно ^{РОС} (небольно * нареч.)	неболезненно*	невозбранно
не велено ^{РОС}	неважно*	невыносимо
не видано ^{С, И}	невежливо*	негоже
не видно ^{РОС} (невидный*РОС)	неверно*	негусто
не горько ^{РОС} (и нареч.)	невесело*	недосужно
не горячо РОС (и нареч.)	невредно*	недурно
не грустно ^{РОС}	невыгодно*	нежирно
не довольно РОС (недостаточно)	неграмотно*	незаметно, чтобы
не должно С, И, РОС	негуманно*	неизвестно кто
не жалко п, и, с, рос	неестественно*	неловко
<u>не жарко</u> ^{и*, РОС}	неизвестно*	немало
не зазорно и, с, рос (незазорно	неинтересно*	немерено
нареч.)	неконституционно*	необходимо
не исключено, что ^{РОС}	некорректно*	непонятно кто
не любо ^{и, РОС} (нелюбый*)	некрасиво*	неповадно
<u>не мудрено и – немудрено С, РОС</u>	некультурно*	нечисто (связано
не надо и, с, рос	неладно*(неблагополучно)	со злым духом)
не надобно ^{И, С, РОС}	нелегко*	
не напрасно п, с, и, рос	нелишне*	
<u>не нужно</u> И*. РОС	нелогично*	
<u>не обидно ^{РОС} – необидно * П</u>	немного*	

список раздельно	примеры наречий-	список предика-
пишущихся наречий-	предикативов со	тивов с пристав-
предикативов	звездочкой в РОСе	кой в РОСе
не плохо бы и (РОС: неплохо	ненормально*	
нареч.)	необязательно*	
не поздно ^{РОС}	неоригинально*	
не полезно ^{РОС} (неполезный*)	неочевидно*	
не положено ^{РОС}	непедагогично*	
не принято ^{РОС}	непонятно*	
не разрешено ^{РОС} (неразрешен-	непорядочно*	
ный*)	непостыдно*	
не рано ^{РОС}	непохоже*	
не скользко ^{РОС} (нескользкий*)	неправильно*	
<u>не скучно ^{РОС} — нескучно</u> * ^П	непривычно*	
не слабо РОС	неприлично*	
не слыхано С, И, РОС	непросто*	
не слышно РОС	неразумно*	
не смешно П. РОС (несмешно*	нереально*	
нареч.)	несладко*	
не совестно РОС	несолидно*	
не странно РОС (и нареч.)	несподручно*	
не страшно П. И. РОС (нестраш-	нетрудно*	
но* нареч.) – <u>нестрашно</u> * ^С	неугодно*	
не стыдно Π, H, POC — нестыдно $*C$	неудивительно*	
не срочно РОС	неудобно*	
не суждено ^{РОС}	нечисто* (грязно)	
не сыро ^{РОС} (несырой*)	неясно*	
не тесно ^{РОС} (нетесный*)		
не топлено ^{POC}		
не угодно ли ^{Ож, Уш}		
не холодно ^{п, РОС} (нехолодный*)		
не худо П, С, РОС		

Слова с пометой $^{\Pi}$ зафиксированы в словаре З. Н. Потапурченко, с пометой $^{\Pi}$ — зафиксированы в словаре И. Р. Игнатченко, с пометой $^{\Pi}$ — зафиксированы в словаре Н. В. Соловьева

Слова в скобках приводятся для сравнения с написанием наречийобстоятельств, а если их нет, то в скобках дается прилагательное, так как иногда авторы подразумевают, что наречия пишутся так же, как прилагательные. Почти все слова, отмеченные в РОСе как пишущиеся только слитно, являются чисто приставочными словами, так как либо не употребляются без не, либо употребляются в другом значении или с другой моделью управления. Например: невместно — *вместно, невозбранно — *возбранно, недурно было бы отдохнуть — *дурно было бы отдохнуть; мне неловко — *мне ловко, неповадно — *повадно.

Для наречия (не) известно словари вводят особый контекст для слитного написания: неизвестно кто (что, куда, откуда, почему, сколько и т.д.). Ходит неизвестно кто. Притащил неизвестно что. Болтается неизвестно где. Обиделся неизвестно почему. Слитное написание обосновывается фразеологичным значением слова «выражение незнания и осудительного отношения к тому, на кого (что) указывает местоименное слово».

Для наречия (не)мудрено словари также вводят дополнительные критерии. Так, словарь Ушакова отмечает слитное написание при дополнении в инфинитиве (немудрено что-то сделать), словарь Ожегова и Шведовой дает только раздельное написание в роли сказуемого (не мудрено, что», РОС-1 же, напротив, рекомендует только слитное написание, а РОС-2 вводит дифференциацию: немудрено* (легко) и немудрено (неудивительно). О. Л. Соболева не мудрено приводит как пример только раздельного написания [Соболева 1999].

Совершенно особый критерий вводится словарями для наречия-предикатива (не) заметно. Только слитное написание РОС рекомендует перед союзом чтобы. БТС дает слово в слитном написании и в других контекстах: В городе незаметно никаких улучшений.

У з у с. Анализ современной практики письма показывает, что реально встречающиеся написания наречий-предикативов значительно отличаются от предписанных правилами и не всегда соответствуют рекомендациям словарей. Из тех наречий, которые зафиксированы словарями только в раздельном написании, чаще слитно пишется неплохо бы и немудрено, часто встречаются нехолодно, нежарко, нескучно, особенно после связки: мне было нехолодно, нежарко, было нескучно. К словарному списку пишущихся только раздельно наречий можно добавить еще некоторые наречия, например: не голодно, не дико, не пусто, не смертельно.

Приведем примеры контекстов. Мне <u>не больно</u> садиться на корточки. И кто же это им сказал, что рожать <u>не больно</u>? Надо надеяться, что нам будет <u>не больно</u>. Мне <u>не больно</u>, бабушка. – Это-то и плохо,

что не больно. Тебе не грустно расставаться с другом? Уступить норвежцам, итальянцам или австрийцам <u>не зазорно</u> – даже поименным перечислением их эстафетные составы впечатляют. Но тогда это воспринималось как воля божья, перед которой не зазорно было и смириться. Такому и поклониться не зазорно, такому везде почет. Не здорово, что так все получилось. Не исключено, что его рукой водили российские настроения той поры. И <u>не обидно</u> тебе все жизнь в шестерках бегать? На книжке у меня тоже <u>не пусто.</u> При каких условиях было бы тебе не скучно? Все это до жути не смешно. Она была в тех летах, когда волочиться за ней было <u>не совестно</u>, а влюбиться в нее стало трудно. Мне не стыдно было бы выступить с этим номером в столице. Тогда мы просто потеряем четыре дня, тяжело, но <u>не смертельно</u>. Плохо, конечно, но не смертельно. В нем есть неприспособленность внутренняя и, легко может быть, хотя и <u>не необходимо</u>, – внешняя. Но для этого опять же не необходимо было признать значительность современных исканий. Не дико, а на дармовщинку выдрючиваться – неужели не совестно?

Приведем несколько примеров, противоречащих словарным рекомендациям писать только раздельно.

Вы правы, уже нежарко, - сказала Ксения, подставляя мне свою спину. ...мы бы летом, уже ближе к вечеру, когда нежарко, прошли его круг. Хотя и было нежарко, она в очередной раз вытерла лоб. Здесь было нежарко. (БТС) Было нехолодно. Полдня простиралось над Москвой низкое мутное небо, и было нехолодно. В юрте было сравнительно нехолодно. Вследствие облачности и частых потуг с юго-запада было нехолодно. И было так тепло, что быть нищим городу становилось <u>нестрашно</u>. Нина рядышком грызла сухарь, и от этого ему было <u>не-</u> страшно. И даже если второй случай был приурочен ко «Дню дурака», получилось несмешно. Завтра посмотрите, будет несмешно – снимите. Его ироническое замечание о том, что небесам было неугодно, чтобы он в эту ночь выспался, подчеркивает его скептицизм еще больше. Ей неугодно было пригласить меня, впрочем, я бы и не поехала. Конечно, это был сущий ад, зато было нескучно. Сам Христос мытаря жаловал, а нашему брату грешному совсем незазорно, среди них всякие бывают.

Значительно больше, чем отмечено в словарях, наречий, которые вне очевидных контекстов (то есть типа *отнюдь не, далеко не, нисколько*) пишутся только слитно, что объясняется неразличением в словарях написания в очевидных контекстах и вне очевидных контекстов. Правило

вообще не учитывает существования таких слов. Но как бы ни хотел пишущий «отрицать к.-л. характеристику», он не пишет данные слова с отрицанием раздельно. Приведем некоторые примеры: неверно, невозможно, неладно, немило, необычно, неосмотрительно, неосторожно, непозволительно, неправильно, непривычно, неприлично, непорядочно, непристойно, неприятно, неудобно, неуместно.

Примеры контекстов: И представить такое невозможно. Ослушаться было невозможно. Неосторожно было упоминать его имя. Отвечать так на это самобичевание было неуместно. Ему неудобно и неловко: как же оставить товарища одного? Мне вдруг стало так неловко и так совестно, что я закрыл лицо руками. Мне неловко, что он не пришел. Психологически неверно было бы ее наказать. Неосмотрительно было ругать женщин. Врачу непозволительно так говорить, непозволительно так держать себя в обществе. Непривычно видеть вас столь возбужденным. Неприлично светскому человеку ходить туда. Я нахожу, что говорить красиво неприлично. Оставаться в крепости было неприлично офицеру. Неприлично так вести себя. Мне всегда неприятно, когда переходит мою дорогу погребальная процессия.

Однако остается и большая группа наречий, которые пишутся и слитно и раздельно вне очевидных контекстов, например: неважно/ не важно, неизвестно / не известно, невесело / не весело, неественно / не естественно, неинтересно / не интересно, немудрено / не мудрено, необязательно / не обязательно, неплохо / не плохо, непонятно / не понятно, непросто / не просто, нереально / не реально, нестрашно / не трудно, неудивительно / не удивительно, неясно / не ясно, незаметно / не заметно.

Приведем в таблице результаты наблюдения над узусом.

список наречий-	примеры наречий-	список предикативов
предикативов, пишу-	предикативов пишу-	с приставкой
щихся раздельно	щихся двояко	
не безразлично	(не)важно	неблагополучно
не больно	(не)весело	неблагоразумно
не голодно	(не)вредно	невежливо
не горько	(не)гуманно	<i>неверно (</i> преимущ.)
не горячо	(не)естественно	невозможно
не грустно	(не)известно	невыгодно (преимущ.)
не должно	(не)интересно	неграмотно (преимущ.)
не жалко	(не)легко	некрасиво (преимущ.)
не жарко (преимущ.)	(не)логично	неладно(неблагополучно)

список наречий-	примеры наречий-	список предикативов с
предикативов, пишу-	предикативов пишу-	приставкой
щихся раздельно	щихся двояко	
не зазорно	(не)важно	нелишне (преимущ.)
не исключено, что	(не)весело	нелюбезно
не любо	(не)вредно	непедагогично
не любопытно	(не)гуманно	непорядочно
не надо	(не)естественно	неправильно
не надобно	(не)известно	непривычно
не напрасно	(не)интересно	неприлично
не нужно	(не)легко	неразумно
не обидно	(не)логично	несладко
не поздно	(не)мудрено	несолидно
не полезно (преимущ.)	(не)обязательно	несподручно
не положено	(не)очевидно	неудобно
не принято	(не)плохо	неведомо
не разрешено	(не)понятно	невместно
не рано	(не)похоже	невозбранно
не скользко	(не)просто	невыносимо
не скучно	(не)реально	негоже
не слабо	(не)трудно	негусто
не слыхано	(не)угодно	недосужно
не слышно	(не)удивительно	недурно
не смешно	(не)ясно	нежирно
не совестно		незаметно, чтобы
не странно		неизвестно кто
не страшно (преимущ.)		неловко
не стыдно		немало
не срочно		немерено
не суждено		необходимо
не сыро		непонятно кто
не тесно		неповадно
не топлено		нечисто (связано со злым
не угодно ли		духом)
не холодно		
не худо		
не чуждо		

Комментарии. Сравнение правила, данных словарей и нормы, сложившейся в узусе, показывает, что, во-первых, правило в целом не соответствует ни словарному материалу, ни узусу. Так, правилу противоречит наличие трех групп наречий-предикативов, что нашло частич-

но отражение в словарях. С точки зрения соотношения нормы и кодификации важен сам факт существования наречий-предикативов, которые встречаются только в одном написании, причем это написание противоречит правилам. Во-вторых, наличие наречий, которые пишутся то слитно, то раздельно, на первый взгляд, подтверждает правило, но анализ реальных текстов показал, что для абсолютного большинства наречий-предикативов пишущий не различает «утверждения отрицательного признака» и «отрицания положительного признака». В-третьих, словари отражают и закрепляют норму, сложившуюся в узусе, для слов, пишущихся только раздельно. Однако существование слов, которые вне очевидных контекстов пишутся только слитно, не поддерживается словарями и противоречит правилу. Все это опять-таки подтверждает утверждение об относительной независимости объективно существующей нормы и кодификации в орфографии.

Критерии. Предикативные наречия – класс очень разнообразных по свойствам единиц.

1. Выделим прежде всего группу наречий, употребляющихся без подчиненной предикации: холодно, жарко, душно, тошно... Среди них есть чисто приставочные наречия типа нечисто (Здесь дело нечисто), небогато, негусто, которые и отмечены в словарях, есть и такие, которые могут писаться слитно и не иметь явных особенностей приставочного слова (Мне было неуютно в их обществе. У вас неуютно, некрасиво, здесь неопасно БТС. На улице непразднично БТС. Непривычно ему на новом месте БТС. В доме нерадостно: все разъехались БТС), но большинство из них чаще пишется раздельно: не холодно, не душно, не сыро, не тесно и т.п. Если написание наречий с «чистыми» приставками легко выделить, то различить наречия в слитном написании типа неуютно и наречия только в раздельном написании типа не душно можно лишь по тому критерию-«фокусу», который был предложен в справочнике [Соболева 1999]. Если поставить предикат в будущее или прошедшее время, то при раздельно пишущихся словах отрицание более естественно перед связкой: Тут не было душно – тут было не душно, а для слитно пишущихся слов связка будет естественно стоять перед наречием с отрицанием у них было неуютно, некрасиво, отрицание же перед связкой поменяет логический акцент: У них не было уютно (при ожидании, что должно было быть уютно). Это соответствует логическим понятиям разных типов отрицания «Это не есть Р» и «это есть не-Р», первое значение присуще частице, а второе – приставке. Есть и случаи с колеблющимся написанием, это слова (не)жарко, (не)холодно: На улице было <u>нежарко.</u> Она молодая, тощая, ей не жарко. Мне не жарко. В переулочке было нежарко, тенисто. Характерно, что слитное написание чаще встречается после лексикализованной связки. Но отрицание может стоять и перед связкой: Ей не было жарко, что свидетельствует о переходном этапе формирования приставочного значения.

Таким образом, написание наречий этой группы соответствует системному критерию, основанному на разных значениях отрицания.

2. Другая группа наречий – наречия с подчиненной пред и к а ц и е й. Предикативные наречия с подчиненной предикацией являются синтаксически главными предикатами, но с точки зрения АЧ они могут выполнять разные функции. Некоторые предикативы могут быть и вершиной АЧ, как, например, во фразе Ему не жалко, что он стал лингвистом [см. Труб 1978]. Другие предикативы вводят более рематичную часть высказывания [см. об этом, напр., Филипенко 2003]. При этих предикатах странно звучит лексическое акцентирование отрицания, ср. дотнюдь не интересно мне, придет он или нет; дмне отнюдь не важно, что ты играешь в шахматы, а в контекстах с совсем именно в этих случаях часто встречается слитное написание (Мне совсем неинтересно, как она будет одета). Противопоставительное отрицание при таких наречиях ведет себя так же, как при глаголах со сложной внутренней членимостью по АЧ. Так, по меньшей мере странно звучит отрицание-противопоставление фразы Мне не важно, кто придет, а что нового расскажет. Во второй, утвердительной части должна быть замена ремы придаточного предложения, то есть возможна фраза: а важно, что нового расскажет. Собственно же главный предикат отрицаться не может *Мне не важно, кто придет, а безразлично. Мне не интересно знать это, а необходимо. *Не удивительно, что он так поставил вопрос, а закономерно. Если же подчиненная предикация отсутствует (или вынесена в начало и заменена на местоимение это), то отрицание-противопоставление при таком наречии вполне возможно, как и при наречиях типа холодно. Он так поставил вопрос, и это не удивительно, а вполне естественно. В работах, посвященных предикативным наречиям, наречия с отрицанием часто рассматривается как самостоятельная лексема, поскольку часто их значения и синтаксические свойства сильно различаются [см., напр. Арутюнова 1999, с. 411-441]. Например, меняется модель управления у слов незаметно спешки - *заметно спешка, нескромно так говорить – *скромно так говорить, невредно что-то сделать – *вредно что-то сделать (хотя вредно чтото делать). Часто в словарях выделяются отдельные подзначения слов, характерные только для одного написания, как у слова *недолго и* 'легко, нетрудно' (*недолго и утонуть*), а сочетания *неплохо бы, недурно бы* в БТС получают статус частиц. Однако такие особенности, позволяющие говорить о приставке, есть далеко не у всех обсуждаемых предикативов.

Таким образом, одной из особенностей этой подгруппы наречий-предикативов с подчиненной предикацией является то, что при них отрицание не может играть роль ремы, то есть частица не может выразить свое системное значение. В таком случае, как уже было сказано, правописание определяется нормой. Наречия-предикативы, употребленные самостоятельно, напротив, как и прилагательные в полной и краткой форме, позволяют частице выразить свое системное значение ремы. Следовательно, написание зависит от наличия/отсутствия акцента на отрицании. Если на отрицание падает логический акцент, то отрицание не обязательно пишется раздельно. Если же логический акцент на отрицание не падает, то написание определяется нормой для всех тех слов, где у приставки нет значения слабого отрицания, для слов с «чистой» приставкой их написание определяется системным критерием 1 и/или 2.

6.3.2. Наречия – обстоятельства

 Π р а в и л о. «Пишутся слитно с *не* наречия на -o, которые в сочетании с *не*- приобретают противоположное значение <...> В некоторых случаях возможно двоякое толкование и, как следствие, двоякое написание» [Розенталь 1999, с. 74].

А.И. Кайдалова и И.К.Калинина кроме того отмечают разное поведение наречий в разных его значениях: «слитное написание нескоро возможно только в случае, если это наречие имеет значение "медленно": По белорусской земле мимо пустынных полей нескоро катил из Германии эшелон с демобилизованными солдатами... ср.: В Крым, вероятно, попаду не скоро» [Кайдалова, Калинина 1998, с. 156].

Иногда в учебниках особо отмечается раздельное написаний наречий степени (не особенно, не исключительно, не замечательно, хотя наречие степени недостаточно пишется слитно), а также раздельное написание слов не случайно, не обязательно.

Словар и. Наречия на -o, -e в функции обстоятельства редко отмечаются словарями, так как подразумевается, что они мало чем отличаются от прилагательных. Так, в словаре Потапурченко отмечены всего три наречия на -o: не окончательно, необычно, не скоро, в словаре Игнатченко только не нарочно. В словаре Соловьева отмечено наречие не нарочно в раздельном написании и около десятка наречий в слитном

написании, причем большинство чисто приставочных: невольно, недавно, недешево, недурно, незадолго, незнамо, немало, немного, немножко, неожиданно, неохотно, непрерывно, несолоно. Данные словарей приведены в таблице. В таблице подчеркнуты расхождения словарей в рекомендациях.

список наречий в раз-	примеры наречий со	список наречий в
дельном написании	звездочкой	слитном написании
не бесплатно РОС	неблагополучно* ^{РОС}	невиданно ^{РОС}
не вечно ^{РОС}	неблестяще* ^{РОС}	невозбранно ^{РОС}
не горько ^{РОС}	небольно* ^{РОС} (ударить)	невозможно ^{РОС}
не горячо ^{РОС}	невежливо* ^{РОС}	невольно ^{С, РОС}
не единогласно ^{РОС}	неверно* ^{РОС}	невыносимо РОС
не единодушно ^{РОС}	невнимательно * ^{POC}	недавно ^{РОС, С}
не ежегодно ^{РОС}	невоздержанно * ^{РОС}	<u>недешево ^С</u>
не ежедневно ^{РОС}	невысоко* ^{РОС}	недурно ^{С, РОС}
не навечно ^{РОС}	неглубоко* ^{РОС}	недурственно РОС
не напрасно ^{РОС, И}	неграмотно* ^{РОС}	нежданно РОС
не нарочно ^{РОС, С, И}	негромко* ^{РОС}	независимо ^{POC}
не настолько ^{РОС}	недемократично * ^{POC}	незазорно ^{РОС}
<u>не окончательно</u> п	<u>недешево</u> * ^{РОС}	<u>незадолго ^С</u>
не прямо ^{РОС}	недобро* ^{РОС}	незамедлительно ^{РОС}
не рано ^{РОС}	недобросовестно* ^{РОС}	незамеченно ^{POC}
не скоро ^{п, рос, и}	недовольно * ^{РОС}	незнамо ^{С, РОС}
<u>не случайно И, Ожегов</u>	незадолго* ^{РОС}	неисчетно ^{POC}
	незаметно* ^{РОС}	немало ^{С, РОС}
не срочно ^{РОС}	неинтересно * ^{POC}	<u>немного</u> ^С
не странно ^{РОС}	некрасиво* ^{РОС}	немножечко ^{POC}
не тесно	неладно* ^{РОС}	немножко ^{С,РОС}
	нелегко* ^{РОС}	<u>ненамного^ц</u>
	нелестно* ^{РОС}	необыкновенно ^{РОС}
	нелогично * ^{POC}	неожиданно ^{С, РОС}
	ненадолго * ^{POC}	<u>неохотно ^С</u>
	<u>ненамного</u> *РОС	неплохо РОС
	ненаучно *РОС	непрерывно ^С
	ненормально * ^{POC}	непроизвольно ^{РОС}
	<u>неокончательно</u> *РОС	несказанно РОС
	<u>неохотно</u> *POC (отвечать)	нескладно ^{РОС}
	неприятно *РОС	неслабо ^{РОС}
	непрошено * ^и	неслыханно ^{РОС}
	нередко * ^{POC}	неслышно ^{РОС}
	несерьезно * ^{РОС}	несолоно ^{С, РОС}

список наречий в раз-	примеры наречий со	список наречий в
дельном написании	звездочкой	слитном написании
	нескромно *POC несложно *POC неслучайно *POC, * С несмешно *POC нестрашно *POC нестрашно *POC неудовлетворительно*— POC неумно *POC все на -енно*, -анно*	неспешно ^{рос} неуклонно ^{рос} неустанно ^{рос}

У з у с. Наблюдения над практикой письма показывают, что по правописанию с нейтральным отрицанием наречия-обстоятельства действительно могут быть разделены на три группы: 1) наречия, которые встречаются только в раздельном написании, 2) наречия с чисто приставочным отрицанием, допускающие только слитное написание, и 3) наречия, допускающие двоякое написание. Но распределение лексем по группам не совпадает с тем, что предлагают словари. Так, группа, которая приводится в РОСе со звездочкой, оказалась неоднородной: если исключить из рассмотрения очевидные контексты, большинство наречий пишется только слитно, и лишь небольшая группа наречий встречается и в слитном и в раздельном написании.

Приведем примеры наречий, встречающихся только в раздельном написании: Он судит разумно, не наивно, как и полагается сыну вождя. Они воевали очень не храбро. Нужно полно и не избыточно описать условия выбора. Действительность отражается не прямо, не непосредственно. С этим он справиться не мог, во всяком случае, не мгновенно. Красивее ее не скоро сыщешь. Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. И на вопросы мог отвечать очень не скоро и очень невнятно (эти примеры противоречат рекомендациям Кайдаловой, Калининой). Горе, навязанное смертью, кончится не скоро. Он не скоро понял, но, поняв, улыбнулся. Хоть не напрасно трудился столько времени: узнал причину болезни. Мы закрыли проем, но не наглухо, чтобы в любой момент снова открыть. Неплотный – закрытый <u>не наглухо</u>, с оставленными промежутками (БАС). Адские муки у нас не навечно придуманы. Только норма не застывший стандарт, не исключительно вкусовая и эстетическая категория, не привязываемая намертво к опорному говору-реконструкту. Я готов рассмотреть версию, что вселенная <u>не исключительно</u> материальна. Он старался не материться в людном месте, поэтому говорил как-то <u>не бегло</u>. Правописание внешне расходится с произношением, но <u>не резко</u> и лишь в определенных морфологических звеньях речи. А теперь знаю ее ... <u>не отлично, но</u> на твердую четверку.

Примеры контекстов с наречиями, пишущимися только с л и т н о вне очевидных контекстов (то есть не в контекстах типа «отнюдь не...»): Он меня встретил так же нелюбезно. Понятие контекста неоправданно расширялось. Смежники вели себя крайне необязательно. Это страшно увлекательно, – возразила Мисси, особенно ненатурально произнося слово «страшно». Всем охотникам известно, что двуствольные ружья, при одинаковых условиях в отделке и доброте стволин, почти всегда бьют неодинаково. На судебном следствии подсудимого стараются представить человеком, действовавшим ненормально. Он вел себя как-то ненормально. Температура была ненормально высока Ничего, все нормально. — Нет, я думаю, что ненормально.

Примеры с наречиями, допускающими д в о я к о е, то есть и слитное, и раздельное написание. Среди наречий этой группы можно выделить две подгруппы:

За. Наречия, разное написание которых подразумевает разное значение (квазиантонимичное у приставочных наречий и собственно отрицательное у раздельно написанных), например: не глубоко / неглубоко (К моему счастью, провалился он не глубоко — Неглубоко уходящие в почву корни не дают елке достаточной опоры); не громко / негромко (Он говорил не громко. — Негромко напевая, он вошел в аудиторию);

3б. Единичные наречия, разное написание которых не выражает разницу в значениях, например: Это решено не окончательно, но некоторые приготовления ведутся. Оно не окончательно подпало под власть дехристианизации. Отказать неокончательно (БАС). Случайно или не случайно — это еще доказать требуется. Я, юный студент, выбрал для своей поездки — случайно или неслучайно — древнюю обитель. Возможно, неслучайно Гоголь дал городничему такое имя. Благодать не случайно вынесена в название труда. Не случайно в том же году он создает еще один шедевр. Ужасно весело было его дурачить, даже когда это выходило не нарочно. Пусть их предок ненарочно уронил скульптуру, пусть из-за собственной неловкости, все равно не согласна. Она делала это не нарочно и никогда не боялась смерти. Прошу прощения, я не нарочно. Я ненарочно, я даже не сообразила, что подглядывала.

Комментарии. Изучение практики письма показало, что правило работает только для части написаний. Для основной части слов в неочевидных контекстах нет возможности двоякого написания: как бы мы ни хотели отрицать положительную оценку в предложении Ты невнимательно читал задание, Ты читал задание невнимательно, раздельно это наречие, как и многие другие, пишется только в очевидных контекстах типа «отнюдь не», «далеко не» и в некоторых других сильно маркированных контекстах. Здесь требуется одно уточнение. Говоря «пишется», мы имеем в виду общелитературные, не специальные лингвистические тексты. В специальных лингвистических работах, посвященных отрицанию, раздельное написание встречается, но не в самих текстах, а в примерах авторов. Ситуация возникает вполне сходная с той, которая знакома всем лингвистам, работавшим с информантами. На вопрос «Можно ли так сказать?» информант отвечает «Можно, но так не говорят». Лингвисты, рассуждая об отрицании, говорят, что «можно так написать», но анализ реальных текстов показывает, что «так не пишут».

Расхождение словарей показывает недостаточную кодифицированность этой области орфографии: нельзя предполагать по умолчанию, что наречие пишется так же, как прилагательное. Именно в области наречий требуется переоценка поведения каждой лексемы в отрицательном контексте.

Слова (*не*)*окончательно* и (*не*)*случайно*, отмечаемые в правилах в раздельном написании, реально в практике, как мы видим, встречаются и в том и в другом написании без явного различия в значении.

К р и т е р и и. Из всех наречий-обстоятельств рассмотрим сначала наречия образа действия, так как они отличаются по своим свойствам от других наречий-обстоятельств (наречий цели, времени, причины и др.).

Наречия-обстоятельства могут играть в АЧ предложения разные роли. Рассматривая предложения типа *Он резко затормозил; Они громко смеялись* и *Он затормозил резко. Они смеялись громко*, исследователи говорят о двух функциях наречий в АЧ фразы [Мартемьянов 1969, Падучева 1969, 2004, 2005]. В постпозиции наречия являются ремой, а вот в препозиции они во внутренней структуре (в семантической структуре) являются самостоятельным юнктом (*Он резко затормозил* – юнкция двух высказываний «Он затормозил и сделал это резко»). Е.В. Падучева называет эту функцию наречия функцией атрибута ремы. Отрицанием юнкции может быть только дизъюнкция: Либо он не тормозил, либо

тормозил, но не резко (Падучева учитывает и третий компонент дизъюнкции «либо не тормозил и не резко», но исключает его как «лишенный смысла»). На поверхностном уровне это отрицание выражается двумя конструкциями: Резко он не тормозил и Если он и тормозил, то не резко. По замечанию Е.В. Падучевой, отрицание при глаголе допустимо в контекстах «со снятой утвердительностью», например, при глаголе в будущем времени: самостоятельно не выучит, дорого не продаст [Падучева 2005, с. 22].

Далеко не все наречия могут употребляться в обеих функциях. Так, например, исследователи отмечают, что наречия мало и редко могут быть только ремой [Янко 1997], а их приставочные корреляты немало и нередко не могут быть ремой. То же самое можно сказать и про многие другие наречия, например, наречие надежно независимо от препозиции или постпозиции по отношению к глаголу при нейтральной интонации может быть только ремой (ср. В прошлом веке надежно строили дома — В прошлом веке дома строили надежно). Наречие ненадежно тоже может быть только в реме (ср. Вы повесили эту полку ненадежно — ² Ненадежно прибитая полка свалится в любой момент).

Что же все эти прихоти наречий означают для орфографии?

Отрицание с наречием в препозиции дает одну фразу с отрицанием при глаголе и одну фразу с отрицанием при наречии. Во фразе типа *Если он и затормозил, то не резко*, в которых отрицание стоит при наречии, ударение падает на отрицание и оно пишется раздельно. Фразы этого типа действительно соответствуют правилу, но они никогда не приводятся в иллюстративном материале. Раздельному написанию способствует также парцелляция наречия, но это не столь очевидный контекст, и поэтому в этом контексте встречаются и слитное и раздельное написание:, ср.: Я был немного пьян, но не сильно. Хлеб дорожать будет, но не резко (хотя ср. он иногда уходит в запой, но нечасто).

Отрицание фразы с наречием в постпозиции, то есть наречий — модификаторов глагола, ставится перед наречием, и не может быть отрицания при глаголе, ср. *Ты не сделал аккуратно — Ты сделал неаккуратно. При этом обычным, не требующим акцентного выделения является слитное написание. Требуется особый акцент, особая структура фразы, чтобы при обстоятельстве образа действия главный акцент перевести на отрицание и тем самым оправдать раздельное написание. Примерами особой структуры фразы является опять-таки парцелляция, ср. Он пел, но не громко (вы думаете, что он пел громко, а это не так), или сильно интонационно маркированная структура типа: Нет, ты сделал

это /не аккуратно. Абсолютно нормально отрицание звучит в контексте с «мягко говоря» или в расширенном контексте, из которого ясно, что отрицается ожидаемая реакция (Он просил, но не настойчиво, и поэтому ему никто не позволил поехать). Это может быть без явного противопоставления утверждение другого способа действия (Он смотрел не нагло, но пристально. Она была одета не нарядно, но вполне изысканно. Склеить хорошо, но не намертво. Самолет летел не низко, но хотелось бы еще выше. Для таких случаев раздельное написание системно оправданно (так как собственно отрицание и является утверждаемым, то есть ремой).

Таким образом, в позиции сильной ремы, как и в позиции темы, системное различие частицы и приставки не может быть выражено без особых лексических или интонационных средств и только норма определяет написание слов в этой немаркированной позиции. В данном случае норма предпочитает для большинства слов системно оправданное слитное написание и для очень небольшого числа наречий — раздельное или вариативное.

Раздельно пишутся в основном те наречия, для которых минимальный отрицательный контекст, по крайней мере, не типичен: ср. ^{??}собака смотрела (не)преданно, ^{??}он сидел (не)прямо, ^{??}она улыбалась не грустно. Однако окказионально такое употребление встречается и в минимальном контексте (как не храбро в приведенных примерах).

6.5. Существительные

Словари. В словарях приводится масса существительных, которые подпадают под правило 6. Например, ссылкой на этот пункт правила в словаре Н.В. Соловьева снабжены слова невручение, невыдача, невыполнение, нелюбовь, неправдоподобие, неприбытие, непринятие, неприсоединение, непроводимость, неравенство.

Узус. В узусе встречается значительно больше существительных с приставкой не. Приведем некоторые примеры: Объяснение через следование за точностью звучания при орфографическом оформлении морфемного шва в слове черепитчатый (не черепичатый) сменяется неследованием звучанию в написании переплетчик (ср. асфальтцик). Пругим отличием бытового пространства от волшебного является характер их заполнения. Первое заполнено вещами с резко выделенным признаком материальности (особенную роль играет еда), второе непредметами: природными и астральными явлениями. Необразованности народа, недифференцированности философии соответству-

ет <u>неделовитость</u> интеллигенции. Плач выражает <u>несвободу</u>, смех – свободу. Вся эта конструкция строится на <u>непрочтении</u> первого тома сказки.

Иногда авторы чувствуют неправомерность слитных написаний и пишут слово через дефис, например: Оппозиция язык/речь может быть представлена как оппозиция не-текст / текст. Это отрицание (нетекст) кладет как бы непреодолимый рубеж между оппозитами. Разница между наречиями и не-наречиями трудноуловима. Хотя есть примеры и на слитное написание: Главное, что было в данном случае не учтено, — это взаимодействие наречий с ненаречиями.

К р и т е р и и. Написание существительных вполне соответствует системному критерию различения приставки и частицы, или тому, как было сформулировано изначально правило: при логическом акценте на отрицании отрицание пишется раздельно, при отсутствии такого акцента написание определяется нормой, которая в данном случае позволяет для все более широкого круга слов слитное написание.

Правило 7. «Пишутся слитно с *не* существительные, обозначающие лиц и выражающие качественный оттенок; в сочетании с *не* образуются слова со значением противопоставления, например *недемократ*, *нерусский*, *неспециалист*, ... *нелитератор*, *неязыковед*, *неэтимолог* ... <u>Примечание</u>. У существительных с другим значением противопоставление выражается раздельно пишущейся частицей, а не приставкой *не*, например: *Он готов писать все: стихи и не стихи*, *пьесы и не пьесы*. Слитное написание встречается только в словах-терминах, например: *неметаллы*, *неорганика*» [Розенталь 1999, с. 67].

Противоположное правило дают А.И. Кайдалова и И.К.Калинина: «В орфографической практике широко представлены слитные написания типа немедики, неохотники, неромантики <...> Но прибавление НЕ к существительному не создает нового слова, т.е. с написаниями типа не медики и немедики не связывается разный смысл — в обоих случаях НЕ отрицает принадлежность к категории лиц и предметов, выраженных существительным. Нет поэтому никакой необходимости в подобных слитных написаниях» [Кайдалова 1998, с. 138].

Словарях приводится совсем немного слов, подпадающих под это правило, даже меньше, чем в учебниках (непоэт, негерой, недемократ, незвезда, неинвалид, литератор, не-лицо, немусульманин, непрограммист, нерезидент, неспециалист, нехристианин).

Узус. Круг таких слов ширится. Но написание их «окказионально», неустойчиво, и мы продолжаем писать раздельно не с большей ча-

стью таких существительных, например: не повара не знают таких деталей.

Критерии. А. И. Кайдалова и И. К. Калинина говорят об отсутствии особого приставочного значения, но они учитывают только значение слабого отрицания и не учитывают еще два значения приставки. Правило Розенталя опирается на выражение приставочного значения «дихотомического деления мира». А реализация того или иного значения приставки при той или иной лексеме всегда определяется нормой. Слова с данным значением приставки никогда не употребляются в предикативной позиции. Это касается также прилагательных и других существительных со значением дихотомического деления мира.

Правило 8. В правилах никак не отражено правописание существительных-предикативов.

С л о в а р и. В словаре-справочнике Н.В. Соловьева [Соловьев 1997] написание существительных, употребляющихся преимущественно в позиции сказуемого, типа неохота, непорядок, подводится под основное правило: утверждение — слитно, отрицание — раздельно. В РОСе же у этих слов в основном нет звездочек: некоторые из них пишутся только раздельно, другие — только слитно: не беда, не место, неохота, не подарок, непорядок*, не проблема, не промах, не расчёт, неровня*, не сахар, не секрет, не судьба, не тайна, не указ, не дурак, не храбрец, не охотник, не любитель, не знаток (ср. неохотник в БАС: Я большой до них неохотник). Это опять-таки противоречит правилу.

У з у с. Только раздельно пишутся и многие другие слова этого типа: не сторонник (Я не сторонник миссионерничать), не пустяк, не враг, не редкость...

В узусе нам не встретилось раздельного написания не порядок (<u>Непорядок</u> это, я вам скажу, <u>непорядок</u>. Почему такой <u>непорядок</u> в делах?).

Встречаются и слитные и раздельные варианты написания слова неровня (Эх, Алексеич, не хочешь ты со мною говорить, не ровня я тебе. Он ей неровня. Не ровня Кларе был тот, кто сотворил каменный клинок. Да вы нам неровня! Будто так выходит, что сыну вашему неровня моя дочка.)

Комментарий. Написание этих слов не подчиняется ни одному из приведенных пунктов правила.

Критерии. Многие из приведенных существительных в предикативном употреблении не соотносятся со словами без отрицания: *meбе тут место, *meoй братец подарок (хотя еще тот подарочек), *моя

жизнь сахар. Поэтому для этих слов системно оправданным было бы слитное написание. Остальные существительные ничем не отличаются от других слов, употребленных в предикативных позициях: системно оправданным можно считать раздельное написание при акценте на отрицании, норма определяет написание при отсутствии такого акцента. В данном случае норма требует раздельного написания для большинства слов.

Правило 9. Слитно пишутся прилагательные, образованные от глаголов с помощью приставки *не* и суффиксов *-ем(ый)*, *-им(ый)* и выражающие значение невозможности действия, напр.: *незабываемый*, *неисправимый*, *непредсказуемый*, *неприемлемый*, *необитаемый*, *неопровержимый*.

В [Розенталь 1999] говорится о слитном написании всех прилагательных на -мый, при этом проводится дифференциация различных групп прилагательных на -мый, чтобы отличить их от причастий. К прилагательным на -мый относятся все слова, образованные от непереходных глаголов или от глаголов совершенного вида. От глаголов переходных несовершенного вида могут образовываться причастия и прилагательные. Причастия могут иметь при себе агентивное дополнение в творительном падеже, а прилагательные, как отмечают А. И. Кайдалова и И. К. Калинина, таких зависимых форм иметь не могут: «нельзя сказать обитаемый людьми остров, забываемые нами событие, виданное нами чудо» [Кайдалова, Калинина 1998, с. 145]. Однако это не всегда так: В больнице чаще всего давали нелюбимую мной манную кашу. Неуловимое, неосязаемое, невыразимое словами — оно все-таки есть и не дает покоя.

Узус. В реальных текстах данный пункт правила очень часто нарушается.

Его сознание не было сейчас таким уж четким. Это позволило выиграть те самые <u>не заменимые</u> в любой схватке доли мгновения. Они начнут совершать поступки, <u>не совместимые</u> с нормальной логикой. Это попытка объяснить текст, который иначе <u>не объясним</u>. Это расстояние <u>не измеримо</u> мерами длины.

К р и т е р и и. Критерий системный, семантический: приставка вместе с суффиксом меняют значение глагольной основы. Однако при определении написания этих слов требуется учитывать и другой критерий — наличие дополнений с частицей ни (см. правило 11). Присутствие зависимых слов с ни часто приводит к раздельному написанию, хотя и не всегда, напр.: Совсем иное, ни с чем в старой трагедии не сравнимое, не соизмеримое происходит в Раскольникове; Она оставила яркий,

ничем не заменимый след в русской культуре. Судя по твоим глупым и отчасти гнусным поступкам (ничем не объяснимым)... И какой жаркой, ничем ненасытимой жаждой жизни ..звучал древний напев Иоанна Дамаскина. Бушевания Мити Карамазова могут дать нам понять, что им приходилось выносить, какие муки претерпевать от их ничем не утолимого и не могущего быть ничем удовлетворенным Диониса. Никем не победимая. Такие написания считаются ошибочными, если слово не употребляется без не.

Правило 10. Раздельное написание возможно «иногда при постановке прилагательного с зависимыми словами после определяемого слова (в условиях обособления конструкция с прилагательным приближается по значению к причастному обороту); ср. *шахматист играл в несвойственном ему стиле – черты, не свойственные нашей молодежи»* [Розенталь 1999, с. 69].

У з у с. Практика письма явно противоречит данному правилу. Приведем примеры. Убедившись, что свобода — благо, неугодное тиранам, суженное просвещением, он жаждет стихийной свободы — ее идеал всегда живет в сердие человека. Человек, неверный своему слову, не может стать мне другом. Люди, невоздержанные в своих суждениях, редко бывают любимы обществом.

К р и т е р и й. Введение данного пункта правила интуитивно понятно и теоретически объяснимо. Позиция обособленного определения — позиция полупредикативная, то есть в ней написание должно быть таким же, как и в предикативной позиции. Но с точки зрения АЧ все-таки полупредикативная позиция недостаточно самостоятельна, чтобы частица могла реализовать свое системное значение.

Правило 11. Частица *не* пишется раздельно «при наличии в качестве пояснительных слов отрицательных местоимений и наречий, начинающихся с *ни* ..» [Розенталь 1999, с. 69, Правила 1956, с. 51 § 89].

Этот критерий был отмечен еще Я. К. Гротом: «Присоединение к отрицательному прилагательному дополнительного отрицания требует отделения частицы НЕ (недовольный – не довольный ничем). Отрицание, вошедши в состав слова, не может требовать в дополнение другого отрицания» [Грот 1889, с. 370]. Но вплоть до Правила 1956 это правило не было общепринятым, а потом оно принималось с различными уточнениями, опирающимися на критерий: являются ли слова с НИ зависящими или главными.

У з у с. Узус показывает, что, несмотря на четкость этого пункта правила, легкость для применения, оно часто нарушается. Например: Πpu -

еду в мае независимо ни от чего. Можно опустить эти никому ненужные детали. И какой жаркой, ничем ненасытимой жаждой жизни звучал древний напев Иоанна Дамаскина. В бесчестии, на меня возводимом, невиновен, нисколько неповинен, в плутовстве и грабеже неповинен. Почерк на конверте напомнил ему, как он года два назад был несправедлив и жесток, как он вымещал на ни в чем неповинных людях свою душевную пустоту. Во сто раз лучше смерть, чем эти адские муки ни в чем неповинного человека (ср. Ни в чем не повинен (Ожегов, Шведова). Такое сочетание авантюрности с идеей, с исповедью воспринимается как грубое, ничем неоправданное нарушение жанровой эстетики. Все тянет меня куда-то еще, я делаюсь ничем недовольна. Как это ни неприятно, ей все-таки следует спуститься вниз. Такое сочетание авантюрности с идеей, с исповедью воспринимается как грубое, ничем неоправданное нарушение жанровой эстетики.

К р и т е р и й. Орфографисты отмечают лингвистическую неоправданность данного правила. Так, Н. А. Еськова пишет: «Правило о пояснительных словах с ни, столь ревниво оберегаемое практиками-орфографистами, плохо выдерживает лингвистическую проверку. Обязательное раздельное написание с не в таких случаях представляется оправданным на том основании, что зависимые слова, включающие ни, как бы «состоят при отрицании»: они невозможны при слове без отрицания (невозможно нужный никому). Однако орфографическое противопоставление ненужный мне – не нужный ни мне, ни другим вряд ли оправдано» [Еськова 1964, с. 83].

Для русского языка, как и для других славянских языков, характерно двойное отрицание, то есть «отрицание в любом из членов предложения (кроме сказуемого) требует повторного отрицания и в составе сказуемого» [Успенский 2002, с. 319]. Это правило верно для отрицательных местоимений и наречий никто, никуда... Сама отрицательная конструкция таким образом формировалась в ДРЯ и сохраняется в СРЯ, что наличие слов с ни- возможно только при отрицании не перед сказуемым. Вопрос о слитном или раздельном написании в ДРЯ, естественно, не стоял. В СРЯ в качестве единственного аргумента в пользу раздельного написания приводится тот факт, что ни не употребляется при предикатах с включенным отрицанием, так нельзя сказать *никого ненавижу, хотя возможно почти синонимичное никого не люблю. Однако при предикате нет, который произошел из насть (не есть), такое употребление не вызывает возражений. В вышеприведенных примерах есть и такие, в которых встречаются слова, не употребляющиеся без не- (по-

винный, победимый). Для данных слов два вышеразобранных пункта правила находятся в противоречии, что приводит к возникновению вариантов и говорит о необходимости соподчинения этих пунктов. Розенталь рекомендует слитное написание: ничем непобедимое солнце, никому непостижимый характер, ни при каких обстоятельствах неповторимый опыт [Розенталь 1962, с. 86], что вполне оправданно с точки зрения системы.

Правило 12. Как показывает практика письма, существует еще одна конструкция, где написание *не* с прилагательными и наречиями определяется однозначно: конструкция «не A и не (неA)». Например: Роста незнакомец был не высокого и не низкого, в плечах широк. Именно эта его не живая, но ведь и не мертвая неподвижность становится волнующе грозной. Оттого-то и получалось то особое — и не радостное и не угрюмое — одиночество, в которое ни мать моя, ни все остальные энтомологи не были вхожи. Само по себе оно не безобразно и не красиво.

По правилу [Розенталь 1999, с. 77] в данных контекстах должна писаться частица *ни*, но практика современного письма этому правилу противоречит, и пишется частица *не*. Это нашло отражение и в словарях. Так, РОС вводит статьи *ни больше ни меньше*, но *не больше и не меньше*; ни то ни другое но не то и не другое.

Выводы

- 1. В орфографии, как и в других областях языка, практическая норма не совпадает с кодифицированной нормой. На примере правописания слов с отрицанием мы продемонстрировали, что в орфографии, как и в других областях языка, нет тождества между таким языковым явлением, как норма (нормой в широком смысле), и результатом действия нормализаторов (нормой в узком смысле) кодификацией (правилами и словарями). В современном языке объективно существует некодифицированная норма в орфографии, то есть норма, объективно существующая в письменной речи, но не отраженная ни словарями, ни правилами, а иногда и противоречащая и правилам, и словарям.
- 2. Приведенные наблюдения показывают, что в области правописания слов с не кодификация охватывает только часть материала. Правила касаются в основном только тех слов, которые могут писаться либо только слитно, либо то слитно, то раздельно, и практически не учитываются слова, написание которых закреплено в раздельном виде. Словари отчасти восполняют этот пробел, но далеко не в полной мере. Правила не учитывают ряд контекстов, в которых написание однозначно и не подчиняется приведенным правилам. Так, не учитываются некоторые из очевидных контекстов, контексты «А и неА», «не А и не В». Правило не рассматривает написание предикативных существительных.

- 3. Существующее противоречие между словарной кодификацией и кодификацией в правилах определяется тем, что словари фиксируют объективную норму практики письма, а не рекомендуемую правилами. Слова, пишущиеся только раздельно, существование которых не учитывается правилом, в последнее время все шире фиксируются словарями. Эти слова кодифицируются словарями в том виде, в котором они установились в узусе, хотя это написание и противоречит правилу.
- 4. Приставка и частица в системе различаются по трем критериям: 1) приставка может иметь значение сильного отрицания, слабого отрицания и "дихотомичного разделения мира" частица может иметь значение только сильного отрицания; 2) приставка может нерегулярным образом менять синтаксические, морфологические, акцентные свойства основы частица нет; 3) на частицу может падать логическое ударение на приставку нет.
- 5. Реализация системного противопоставления частицы и приставки зависит от позиции в АЧ. Анализ системного значения приставки позволил выделить позиции, в которых это значение не может быть выражено (в позиции темы), позиции, в которых это значение может быть выражено без особых условий (позиция предиката) и позиции, в которых для выражения системного значения частицы требуются особые условия (позиция фокуса ремы).
- 6. В позиции нейтрализации системного противопоставления частица приставка написание определяется нормой. В позиции темы, где системное значение частицы не может быть реализовано, определяющую роль играет норма: она, и только она, определяет слитное или раздельное написание данной конкретной лексемы с отрицанием.
- 7. Роль нормы велика и в тех позициях, где значение частицы может быть реализовано. Так, только норма определяет раздельное написание отрицания с глаголами и его формами. Значение частицы может быть реализовано в позиции предиката и для кратких форм прилагательных и предикативных наречий. Наличие акцента на отрицании, то есть выражение системного элемента значения частицы, обусловливает раздельное написание, а при его отсутствии написание определяется нормой, и норма допускает три способа для разных лексем: слитное, раздельное или вариативное. В позиции фокуса ремы системное значение частицы может быть реализовано только в сильно маркированных контекстах. Вне этих контекстов написание определяется опять-таки нормой. В основном норма требует слитного написания.

Основные положения работы изложены в статьях:

Бешенкова Е. В. Роль системы и нормы в правописании НЕ // Словарь и культура русской речи. К 100-летию со дня рождения С. И. Ожегова М., 2001 Бешенкова Е. В. Система, норма и узус в орфографии // Язык и мы. Мы и

язык. М., 2006

ЛИТЕРАТУРА

Адамец П. Образование предложений из пропозиций в русском языке // Acta Universitatis Carolinae Philologica. Monographia LXIX. Praha, 1978.

Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.

Арутнонова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М., 1988.

Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека М., 1999.

Баранов А. Н., Кобозева И. М. Семантика общих вопросов в русском языке (категория установки) // Изв. АН СССР, сер. лит. и яз. Т.42, № 7.

Баранова Л. А. Лексико-семантические и синтаксические основы слитного и раздельного написания НЕ (прилагательные и наречия). Автореф. ... канд. филол. наук. Л., 1982.

Богуславский И. М. Отрицание и противопоставление. // Проблемы структурной лингвистики 1980. М., 1982.

Богуславский И. М. Исследования по синтаксической семантике: Сферы действия логических слов. М., 1985.

Богуславский И. М. Сфера действия лексических единиц. М., 1996.

Бондаренко 1983 – Отрицание как логико-грамматическая категория.

Виноградов 1964 – Культура речи и орфография // Литературная газета, 13 июня 1964 г.

Гладкий 1983 — Гладкий А. В., Дрейзин Ф. А. К семантике русского отрицания // Wiener Slawistisher Almanach. 1983, № 11.

Греков 1976 — Греков В. Ф., Крючков С. Е., Чешко Л. А. Пособие для занятий по русскому языку в старших классах средней школы. М., 1976.

Григорьева 2000. Вовсе не // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Второй выпуск. М., 2000.

Грот Я. К. Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне // Грот Я. К. Филологические разыскания. СПб., 1899.

Ермакова О. П. Ирония и проблемы лексической семантики // Известия АН. Серия литературы и языка. 2002. Т. 61. № 4.

Еськова H. A. О слитном и раздельном написании «не» // Вопросы русской орфографии. М., 1964.

Иванова В. Ф. Трудные случаи употребления и правописания частиц не и ни. СПб., 1997.

Иванова В. Ф. Теоретические основы действующих правил о слитном и раздельном написании НЕ и возможные пути совершенствования и облегчения этих правил // Вопросы русской орфографии. М., 1964.

Игнатиченко И. Р. НЕ и НИ. Правописание частиц // Большой словарь русского языка. М., 2000.

Кайдалова А. И., Калинина И. К. Современная русская орфография. 4-е изд. М., 1983.

Коссек Н. В, Костюк В. Н. Сильное и слабое отрицание в русском языке // Проблемы структурной лингвистики. М., 1980.

Кулагин А. Ф. Префиксальное не в именах прилагательных в современном русском литературном языке. Автореф. ... канд. филол. наук. М., 1955.

Манукян. АЧ и отрицание // Научно-техническая информация. Сер. 2. 1972. № 9.

Мартемьянов 1969, 2004 — *Мартемьянов Ю. С.* Логика ситуаций. Строение текста. Терминологичность слов. М., 2004.

Мелиг 2002 — *Ханс Роберт Мелиг*. Коммуникативная функция общего и частного отрицания // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста. М., 2002.

 $Hoвиков \ Л. \ A.$ Что стоит за слитным написанием Hosures Hosures

Обзор 1965 – Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии (XVIII–XX вв.). М., 1965.

 Π адучева E. B. Семантический анализ отрицательных предложений в русском языке // Машинный перевод и прикладная лингвистика, 1969. Вып. 12.

Падучева Е. В. О семантике синтаксиса. М., 1974.

Падучева Е. В. Давно и долго // Логический анализ языка: Язык и время. М., 1997.

Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.

 Π адучева Е. В. Эффекты снятой утвердительности: глобальное отрицание. // Русский язык в научном освещении. № 2 (10), 2005.

Панов М. В. Об усовершенствовании русской орфографии // Вопросы языкознания. № 2, 1963. (Перепечатано в М. В. Панов. Труды по общему языкознанию и русскому языку. т. 1. М., 2004).

Панов М. В. О слитных и раздельных написаниях // Вопросы русской орфографии. М., 1964. (Перепечатано в М. В. Панов. Труды по общему языкознанию и русскому языку. т. 1. М., 2004).

Панфилов В. 3. Гносеологические аспекты философских проблем языка. М., 1982.

Розенталь Д. Э., Джанджакова Е. В., Кабанова Н. П. Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. М., 1999.

Правила 1956 – Правила русской орфографии и пунктуации. М., 1956.

Правила 2006 – Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник. М., 2006.

Путеводитель 1993 — Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М., 1993.

Селезнева Л. Б. Современное русское письмо (системный анализ). Томск, 1981. Селезнева Л. Б. Русская орфография и пунктуация. Волгоград, 1994.

Селезнева Л. Б. Категории и единицы современного русского письма. Волгоград, 1997.

Соболева 1999 — Полный справочник по орфографии и пунктуации / Под ред. О. Л. Соболевой. М., 1999.

Соловьев Н. В. Русское правописание. Орфографический справочник. СПб., 1997.

Труб В. М. О коммуникативных аспектах отрицания как негативной оценки истинности. Вопросы языкознания. 1994, № 1.

Успенский Б. А. История русского литературного языка (XI–XVII вв.). М., 2002.

Филипенко М. В. Семантика наречий и адвербиальных выражений. М., 2003. Шигуров В. В. Типология употребления атрибутивных форм русского глагола в условиях отрицания. Саранск, 1993.

Языкознание 1998 — Языкознание. Большой энциклопедический словарь. М., 1998.

Янко Т. Е. Коммуникативные стратегии русской речи. М., 2001.

Иллюстративный материал

не властен / невластен Он не властен изменить положение. Я принял ее как часть положения вещей, изменить которое мы не властны. Не властны мы в самих себе. Врата ада не властны над вами. Нет сил сказать, нет сил услышать, невластно зло, и мертв язык. Ольга поняла, что у него слово вырвалось, что он не властен в нем и что оно — истина. Это люди корпорации, но здесь они не властны.

неволен / **не волен** Я <u>не волен</u> в своих передвижениях. Больно, да дело-то <u>невольно</u>. Я <u>неволен</u>, как на привязи собака.

не вреден в знач. "не приносящий вред здоровью" Горный воздух для тебя <u>не вреден</u>, но будь аккуратен с солнцем. В малых дозах они <u>не вредны</u> для здоровья.

не всемогущ Что-то она могла просмотреть, она ведь <u>не всемогуща</u>, значит и <u>не всеведуща</u>. Игемон — бессильное воплощение этой абстракции, он так же <u>не всемогущ</u>, как и Бог. И сам я, критик, <u>не всемогущ</u> и сам пока не знаю, как определить это направление. Главное — он <u>не всемогущ и не всеведущ</u>, иначе давно бы нас вычислил и уничтожил.

не глуп / неглуп: <u>Не глуп, но</u> прост, хоть и артачишься. Во всяком случае, он <u>неглуп</u>, и его слова заслуживают внимания. <u>Он неглуп, но</u> очень груб и неотесан.

не глух: Отец же газетчиков не боялся, он был уверен в себе, но и <u>не глух</u> оказался к замечаниям критическим. Да, русский патриот, но я <u>не слеп и не глух</u>. Но сам Лаврентий ко всему, что говорят о евреях, <u>не глух</u>.

незнаком / **не знаком** Я был <u>знаком и незнаком</u> с ним. Мы даже <u>не знакомы</u> с ней. Он с ней попросту <u>почти не знаком</u>. <u>Не знаком</u> я с этим, но думаю, что он много перевирал из этих легенд. Для тех, кто <u>не знаком</u> с французским языком, даны переводы. Вы <u>не знакомы</u>? Знаете, они еще <u>не знакомы</u> и боятся друг дружку. Вы женщина, вы неопытны, <u>незнакомы</u> с жизнью. Я тоже <u>совсем</u> незнаком с местностью.

не интересен / неинтересен А вдруг он им просто не интересен? Для меня это просто не интересно. Мнение самой обезьяны ученым не интересно. Одежда в XII в. скучна и не интересна. Думе культура не интересна. Дальнейшая судьба их нам не интересна. Неинтересны для публики странные споры о дне и годе рождения Гоголя. Ты моя жена, а я тебе неинтересен, ты все про меня знаешь. И похвала Наполеона, вчерашнего кумира, уже неинтересна ему. Мне безразличны все люди, мне неинтересна их жизнь.

не конечен Группа традиционных написаний многочисленна, <u>не конечна</u> и очень затрудняет обучение правописанию.

не мотивирован / **немотивирован** Для него важен тот факт, что подобные написания в современном письме <u>не мотивированы</u>. С одной стороны, выбор букв <u>немотивирован.</u>

не похож / непохож: Он был совсем на себя <u>не похож</u>. <u>Как</u> они <u>непохожи</u> на мою статную мечту. Он больше <u>не похож</u> на меня. Бывает, что в течение долгого времени тебе обещается большая удача, в которую с самого начала не веришь, <u>так</u> она <u>не похожа</u> на прочие подношения судьбы. Все это <u>так не похоже</u> было на него. Его дочь страшно похожа на мать, почему на него она <u>не похожа</u>? Сам герой <u>не похож</u> на такую молодежь. Все было так странно, <u>так непохоже</u> на то, чего он надеялся.

не прост / **непрост** Ох, <u>не прост</u> ты оказался, Самсонов, ох как <u>не прост</u>. Однако и в теории слова все <u>непросто</u>. Биография его <u>непроста</u>.

не равен / **неравен** слово как носитель смысла <u>не равно</u> себе. Эти силы были абсолютно <u>не равны</u> по знаку. Мы <u>не равны</u>: вы выше нас. Я готов утопиться, что настолько <u>неравен</u> с ней. Ведь и скелет <u>неравен</u> скелету, не только души!

не свободен / несвободен он не свободен сам распоряжаться своей судьбой. Человек не свободен от жизненных сложностей. Мой дух еще не свободен. Когда я болен и не могу говорить, — я несвободен. Как же можно о всеобщей свободе разглагольствовать, когда сам еще несвободен? Никогда еще не был человек так несвободен и обезличен, как в двадцатом веке, в особенности в наши дни, на исходе века. В первом случае он несвободен, во втором — свободен. С первого же дня человек несвободен. Раньше я был добровольно несвободен, был привинчен к будням и праздникам родного Театра на Таганке. Ведь это он сам, царственный патриарх русской словесности, несвободен в собственном яснополянском доме, это его порабощают условности света, не давая жить по правде. Свобода выбора человека ограничена, но не исключена вовсе: он свободен в выборе тех путей, которых от корня до вершины ветвится великое множество, — и несвободен, ограниченный конечным множеством этих путей.

не пьян Так трезвый человек, которому надоела его трезвость, жалеет, глядя на пьяных, что он сам <u>не пьян.</u>

не связан Этот образ пока еще не связан с внутренним, не прозрачен.

не свят Ни собственность, ни коллектив сами по себе <u>не святы, не ценны.</u> не склонен Он <u>не склонен</u> идеализировать театр. Я как-то <u>не склонен</u> был считать свое детство сокровищем.

не свойственен Поэтому Елене <u>не свойственна</u> теоретическая деятельность ума, как <u>не свойственно</u> и незаинтересованное размышление. Это все <u>не свойственно</u> им. И одной вере <u>не свойственно</u> притеснять другую. Женщине такое лицедейство <u>не свойственно</u>. Ельмслевской концепции <u>не свойственна</u> постановка проблемы исторической и функциональной динамики языковой коммуникации.

не условен Это не значит, конечно, что наше письмо в целом <u>не условно</u>. **несогласен** На меньшее он был <u>несогласен</u>. Мысли умного человека, с которым <u>несогласен</u>, не раздражают. Что-то я с тобой все спорю, спорю, цепляюсь за то, с чем <u>несогласен</u>. Потрясенный неожиданной атакой, автомат задрожал, завибрировал, проскрежетал недовольным голосом Мемозова: «<u>Несогласен</u>, не по правилам».

не способен / неспособен она <u>не способна</u> обманывать нарочно. Она была неспособна хоть в чем-нибудь его разочаровать. Я не способен подделываться под тон их беседы. Мои пальцы не способны играть с той же быстротой. Джентльмены не способны проводить время в четырех стенах. Он уже совершил то, на что не способен ни один человек. На такие угрызения совести он оказался не способен. Такие люди по самой своей природе не способны к природной щедрости. Они не способны любить кого-либо. Калибан из этого опыта ничего извлечь не способен. Вы не способны даже осмотреться. Они на такое не способны. Он органически не способен был проникнуться их духом. Обидчивые люди – мстительны, они неизобретательны и ненаходчивы, нежизнерадостны и неспособны к игре и задору. Вексель сам по себе не способен сократить размер реальной задолженности. Он не способен обеспечить себя сам. На другое-то ты не способен. Впоследствии, на каторге, он оказался не только неспособен к какому-либо специальному каторжному труду, но и вообще прославился неумением что-либо делать своими руками. Дружба соединила этих людей вензельной вязью, которые сто веков неспособны распутать. О нем говорили, что он <u>неспособен</u> к оттепели приятельских прений. В своей слабости они <u>не способны</u> осуществить свое едо. Надо было отказаться от вина, а я на это не способен. Но он был неспособен заручиться той отвагой, которая, закрыв глаза, скакнет через бездну и бросится на стену на авось.

неважно / не важно Мне неважно, что ты об этом думаешь. Обратимся к рассмотрению иных объектов, неважно, вместе с их качествами или в отвлечении от них. Неважно, кто достал ключ. «Это как раз неважно, — возразил журналист. — Важно, что ты здесь». Они дети, и неважно, что они плохо разбираются в литературе. Неважно, что они думают, важно, что они делают. Мне не важно, придет он или нет. Ну, ладно, это не важно, ты только

не плачь. «Это важно? — спросил Виктор. — Предположим, что не важно». Не знаю, да это и не важно. «Вы не позволите отложить ваш визит — О, это не важно». Сейчас это не важно. К завтраку он опоздал, но это было не важно, есть он не мог. Они потому и не жили, что свое абсолютное измеряли относительной мерой, и не важно, что мера их была неосознанной. Бог знает тайны вашего сердца, и для него не важно, что вы идете по неправильному пути. Но как бы ты ни взялся за дело, самое главное — привести его в такое состояние, когда неудовлетворенная тяга, не важно — к шампанскому или к сигаре, — выводит из себя.

невесело / **не весело** <u>Не весело</u> думать, что другого выхода нет. Я сообщал своей сестрице, что мне <u>невесело</u> в Багрове. До вас добираться <u>невесело</u>, кочки, ухабины, ели бессменные. Мне было <u>невесело</u> увезти с собой мысль, что вы остаетесь. <u>Невесело</u> было на биваке. Оттого нам <u>невесело</u> и смотрим мы на жизнь так мрачно, что не знаем мы труда.

невыгодно / **не выгодно** Им <u>не выгодно</u> считать, что белое — это черное. Хоть они и в большой цене, а держать в них капитал <u>невыгодно</u>. На базаре торговать <u>невыгодно</u>. <u>Невыгодно</u> уезжать немедленно.

неизвестно / не известно И кому это нужно неизвестно. Не воображайте, будто мне неизвестно, какого они сословия. И мне неизвестно, где он живет. Неизвестно, куда все это девается, зато известно, что жизнь движется именно в таком направлении. И неизвестно, сколько бы еще продолжалась его карьера пастуха, если бы не трагический случай. Нельзя сказать, сколько товара потребуется, потому что неизвестно, сколько уже сбыто. Неизвестно, что он мог показать на суде, какие еще аферы раскрыть. Сие чувство неизвестно мне. Не известно, сколько чеченских бандитов прибавилось к московским за последний год. Сколько просидит московский цирк в норвежской глубинке – не известно. Что произошло затем с подводным кораблем не известно. Какую часть прибыли удалось скрыть, не известно. Где именно держит он эти деньги, не известно. До чего договорились – не известно. Еще не известно, какой колер получится в результате. Еще не известно, чем дело закончится в судейском присутствии. Однако до сих пор не известно, понравилось ли женщинам такое изобретение. Как иметь дело с банком, если не известно, будет ли он существовать через год. Пожалуй, неизвестно, что можно знать докторше, а что нельзя.

неинтересно / **не интересно**: <u>Не интересно</u> лететь, когда ты не можешь управлять самолетом. <u>Не интересно</u> играть, зная исход. <u>Неинтересно</u> слушать, как попусту спорят. Нет, так <u>неинтересно</u>. Нам <u>неинтересно</u> видеть, как разбивается актер, упав с трапеции. <u>Неинтересно</u> знать, что случится дальше.

нелегко / **не легко** (преимущественно в слитном написании) <u>Не легко</u> на душе, когда чувствуешь себя виновным. Понятно, как <u>не легко</u> было заметить, что льющаяся в таком разнообразии речь может быть разложена на несколько элементов. Второго такого <u>не легко</u> сыскать.

Тебе <u>нелегко</u> будет сообщить им это известие. Этот вопрос часто задают, но ответить на него <u>нелегко</u>. Этот закон <u>нелегко</u> понять. Быть добросовестным, как это просто и как <u>нелегко</u>.

Есть вещи, которые простить нелегко. Бить бекасов, поднимающихся в кустах, очень нелегко. Нам нелегко приходилось. Ему здесь так нелегко живется. Пробраться к нему оказалось нелегко. Приходят ко мне читатели, есть и такие, что живут нелегко. Бурю чувств, которую она подняла, было нелегко успокоить. Нелегко его было уговорить. Определить сущность русского пейзажа русскому глазу нелегко. Легко ли устоять одинокому человеку? — да, нелегко. Это был человек крупный, с обветренным лицом и как бы застывшими чертами, нелегко выдававшими душевные движения. Какова реальная обстановка, сказать нелегко. Отговорить их от такого намерения нелегко. Преодолевать поваленные стволы сосен оказалось нелегко. В Японии богатый жестовый словарь, но иностранцу в нем разобраться нелегко.

немудрено / не мудрено <u>Немудрено</u> заметить подобные ошибки. Так, воспитаньем, слава Богу, у нас <u>немудрено</u> блеснуть. И <u>немудрено</u>, что он остался. <u>Не мудрено</u>, что они не слышали стука раньше. <u>Немудрено</u>, что он отказался от этого предложения. <u>Не мудрено</u>, что после такой поверки она выходила в мир отмеченною клеймом гневной любви. Пушкина нет в списке книг, доставленных Чернышевскому в крепость, да и <u>немудрено</u>. Вы сами знаете давно, что Вас любить <u>немудрено</u>. <u>Не мудрено</u>, что мы назвали наш остров Островом Усилий. И не мудрено, что он не выдержал такого удара. <u>Не мудрено</u>, что уже к полудню весь Заволжск прознал о событии. Я не знаю этого знака. — <u>Немудрено</u>. Эти слова Гордона я вспомнил с трудом, и <u>не мудрено</u>.

необязательно / не обязательно К тому же покупать еще одну лошадь необязательно. Они на все лады убеждали Федю, что жить ему в каком-то там санатории совсем необязательно — пусть приезжает скорее в Стожары. Прослушиванием занимаются необязательно майоры. Он возразил, что студент необязательно человек интеллигентный. И не обязательно начинать с Деревни. А это совсем не обязательно связано с успехом. Совсем не обязательно, что я привезу гран-при. Это стихотворение вызывает множество ассоциаций, в том числе — современных и политических, но не только и не обязательно политических. Не обязательно, чтобы решение было принято немедленно. Технику не обязательно понимать. Могу беседовать о чем угодно. И даже не обязательно о пресловутой выемке документов». Впрочем, вам это знать не обязательно.

неочевидно / не очевидно <u>Неочевидно</u>, вообще говоря, что понятия, используемые во всех перечисленных случаях, являются тождественными. Совершенно <u>не очевидно</u>, что так же он оставит меня и в следующей беде.

неплохо / **не плохо** Для начала <u>неплохо</u>. <u>Неплохо</u> бы контролировать свои эмоции. Может быть и <u>не плохо</u>, что он туда не поехал. А <u>неплохо</u> бы погу-

лять под дождем. Ну и <u>неплохо</u> быть уверенным, что мы не теряем времени даром. Если мужчина маклерством занимается, то он маклер, а если женщина, то <u>неплохо</u> бы назвать ее маклюрой. <u>Не плохо</u>, что мы уже сейчас добились таких результатов. Это было бы совсем <u>неплохо</u>. Мне совсем <u>неплохо</u> от того, что я сильный. Это будет <u>неплохо</u>.

В роли обстоятельства только неплохо (Он неплохо играет в футбол).

непонятно / не понятно Мне было непонятно, откуда могли взяться такие фантазии. Мне это непонятно. Непонятно и нечисто. Так почему же они встретились опять? — Непонятно. Неужели тебе непонятно? Совершенно не понятно, с какого потолка Минтруд взял эти цифры. Непонятно, что ими руководило в данном вопросе. Однако не понятно, почему капитан эсминца не сделал ничего, чтобы предотвратить катастрофу. Многое у нас непонятно. Неужели непонятно, что «Нет ответов» — это не ответ?

В роли обстоятельства только непонятно (Он непонятно объясняет).

непохоже / **не похоже** <u>Непохоже</u>, чтобы он был болен. <u>Не похоже</u>, чтобы был дождь. На драку <u>не похоже</u>: никто никого не бьет. <u>Не похоже</u>, чтобы эту жизнь и через сто лет назвали стариной.

непросто / не просто Однако и в теории слова все непросто. Не просто найти начало рассказа, еще сложнее найти подходящие слова для конца. Преодолеть прежние привычки было не просто. Мы встречались в таких местах, о которых непросто забыть. В таком возрасте это еще не просто осознать. У него все непросто, все надуманно. Для него это очень непросто — не рассудочно знать, но чувствовать. Человеку со здоровым аппетитом не просто прожить двадцать четыре дня на пятьдесят шиллингов. Непросто было превратить центр любви и заботы в секретное заведение.

нестрашно / **не страшно** Выскажусь, выложу все до конца, а тогда и помирать не страшно. Мне уже не страшно Мар уговаривал себя, что ему не страшно. Не страшно, что у него поднялась температура. Я с трудом сдержал улыбку — это не страшно. Он в ярости, но мне не страшно. Печень немного увеличена, желтушка новорожденных, нестрашно.

нетрудно/ не трудно Из этого не трудно сделать вывод. Не трудно догадаться, кого он имел в виду. Нетрудно видеть, что явление пошлости относится к сфере эстетической оценки. Уже нетрудно будет поверить и всему остальному. Художественные принципы их определить нетрудно. Убедиться в этом нетрудно. Нетрудно понять, что эта теория основывается на несложных наблюдениях. Не трудно показать, что превращение реальности в фантасмагорию является основным принципом его творчества. Одному спорить с многими нетрудно. Тем не менее нетрудно было заметить, что это не повод. Нетрудно соотнести слова масок, что мы обратимся к услугам других. Поэты односторонние имеют свою тему, которую нетрудно уловить. Не трудно воспроизвести миросозерцание таких поэтов. Эту пессимистическую философию нетрудно извлечь из Пушкина. Нетрудно показать, что

поэзия и мысли составляли для него единство. Умереть в пыточной камере совсем не трудно, и смотреть на мир мертвыми глазами тоже нетрудно. Мне совсем не трудно об этом говорить. А от служанки нетрудно избавиться. Если не трудно, расскажите сами, что произошло. Вам не трудно будет позвонить мне сегодня? Не трудно догадаться, что это совсем не личное мнение отдельно взятого члена правительства. Человека столь горячего и неосмотрительного не трудно будет поставить в невыгодное положение. Как ты думаешь, тебе не трудно будет в разговоре сказать ему, что у меня есть дворец в Люксембурге. На это не трудно ответить. Название и номер крейсера не трудно было установить. В конце концов, лабиринт пройти нетрудно. Не стану утверждать, что это несправедливо, хотя и не трудно было бы доказать, что в этой комедии гораздо более действия и движения, чем в большей части комедий. Храмовая завеса расписана фигурами совершенно иного стиля, в котором не трудно увидеть струю «реалистического экспрессионизма».

неудивительно / не удивительно <u>Неудивительно</u>, что он поставил такой вопрос. <u>Не удивительно</u>, что западный мир чувствует себя неспокойно. И неудивительно, что ее строки пересекаются с памятными строками Пушкина. <u>Неудивительно</u>, что страна ослабела. <u>Неудивительно</u> поэтому, что уже с конца 18 века начинается разложение морали. И неудивительно, что в средневековье крестьян считали полуживотными; ...но что он в этом преуспел, неудивительно. И не удивительно, потому что такого прекрасного звучания я нигде больше не слышала. <u>Неудивительно</u>, что победил сильнейший. И это неудивительно: у Добролюбова и Островского была одна идея. Сие неудивительно, если учесть то, что поведал президенту ясновидец. Отметим, что словарь Соловьева фиксирует это слово вне очевидных контекстах в слитном написании.

неудобно/ **не удобно** Даже и заикаться о ней <u>не удобно</u>. Мне тебя <u>не удобно</u> приглашать к себе. Мне <u>неудобно</u> делать ему замечания;

неясно / не ясно <u>Неясно</u>, сказала она это всерьез или в шутку. Сегодня <u>неясно</u>, кто может проводить линию президента. А многим просто <u>не ясно</u>, много это или мало. Сейчас вообще <u>неясно</u>, кто может следить за порядком в домах. Чем он руководствовался — так и <u>не ясно</u>. По-прежнему <u>не ясна</u> судьба корреспондента. По-прежнему <u>неясно</u>, как ему удалось дойти до финала. Однако и Францу было совершенно <u>неясно</u>, о чем этот взгляд вопрошает. Что они делают на этой трибуне, совершено <u>не ясно</u>. Одного похоронили с плачем и причитаниями, другого — неизвестно где и <u>неясно</u> каким образом.

О КОРРЕКТИРУЮЩИХ ПРАВИЛАХ*

Н. А. Еськова

В орфографическом своде 1956 г. есть несколько правил, которые вносят изменения в написания, определяемые другими правилами. Перечислим их.

- § 76 п. 2, рекомендующий слитное написание слов с приставками, содержит оговорку о дефисном написании, «если приставка присоединяется к имени собственному» (пример *Анти-Дюринг*). В п. 12 § 79 так же обосновывается написание *пол-Москвы*.
- § 79 п. 14, примечание 2 рекомендует писать вместо *социал-демо-краты-меньшевики* (как следует из общего правила дефисного присоединения приложения) *социал-демократы меньшевики* (без второго дефиса).
- § 81, примечание 2 рекомендует написания приамударьинский, заиссыккульский, хотя прилагательные от Аму-Дарья (тогда было принято такое написание), Иссык-Куль по общему правилу должны были быть написаны через дефис; правило, таким образом, «исправляет» написания «приаму-дарьинский», «заиссык-кульский».
- § 84 содержит рекомендацию писать *по-социалдемократически* (вместо *по-социал-демократически*).
- § 89 п. 7 предписывает писать не раздельно со всеми словами, пишущимися через дефис (не торгово-промышленный, не по-русски, не по-старому).

Этими правилами охватываются далеко не все случаи, когда требуется внести корректировку в написание, определяемое тем или иным правилом. Кроме того, их особый характер не объясняется, они даны в общем ряду правил. В новом академическом справочнике 2006 г. такие — «корректирующие» — правила выделяются в особый раздел. В основу их положены определенные принципы. Эти правила должны исчерпывать все случаи, когда требуется внести изменение в то или иное «основное» правило.

Первое корректирующее правило, включаемое в новый свод, дает обобщенную формулировку (под которую, в частности, подводятся упомянутые выше написания *Анти-Дюринг* и *пол-Москвы*). Исходным моментом является запрет на слитно написанные буквенные цепочки состава «строчная + прописная + строчная». Из этого запрета следует

^{*} См. сноску на стр. 17.

правило замены слитного написания дефисным перед прописной буквой, начинающей второй компонент сложения, после любого начального компонента.

Несмотря на отсутствие в действующих правилах запрета на буквенные цепочки указанного строения, в практике печати они встречаются редко. Вот несколько примеров.

«СверхВостоку» «СверхЗапад» снится. (А. Вознесенский, «Литературная Россия», 1967). Я, преступно робок и неловок, Вроде неоГамлета, изрек. (С. Смирнов, Свидетельствую сам, 1969). "Лезем в самозванцы — лит Чапаи, При которых — Фурманова нет (Там же). Что «наворотил» здесь Городецкий — это читатель пусть сам смотрит в клавире «лжеСусанина»... («Советская музыка», 1989).

Так писалось во многих газетах название движения ДемРоссия, так передавалась в печати фамилия врача ДеБейки.

В то же время написания с дефисом перед прописной буквой не только в приставочных словах, но и в образованиях с иными начальными компонентами, представлены довольно широко. Приведем ряд примеров.

С начальным компонентом – приставкой.

..и хоть будь ты *раз-Брюллов*, а я все-таки твой начальник.. (Достоевский, Записки из Мертвого дома). Это еще не совсем настоящий Чаренц — если так можно выразиться, *пред-Чаренц* («Литературная учеба», 1980). Я убежден, что у вас не только есть Капицы, но есть и *сверх-Капицы*.. («Известия», 1994). И он явился в своей поэзии *анти-Пушкиным*.. («Литературная газета», 1993). Нужен контр-Дугин, контр-Проханов, Контр-Кургинян («Литературная газета», 1993). ..поскольку пост-Россия — уже не коммунистическая сверхдержава.. («Известия», 1994).

С иными начальными компонентами.

Популярность Максима Горького уже в начале века была столь велика, что появились лже-Горькие.. («Литературная газета», 1968). Этот скучающий и вульгарный демон места соединил на своем поле несовместимое: псевдо-Климта и псевдо-Айвазовского, псевдо-Ренуара и псевдо-Дали.. («Известия», 1994). ..изображает Глюка предшественником Вагнера, полу-Вагнером.. (Г. Чичерин, Моцарт, Л., 1973). ..видят прямую связь между арестом нео-Пеньковского и разоблачением сотрудника ЦРУ.. («Известия», 1994). ..а я тут было переполошился, ощутив себя микро-Карамзиным.. («Литературная газета», 1992). О кино-Мюллере мне приходится слышать довольно часто («Литературная газета», 1975). Прежде всего теле-Лужков — персонаж русской народной культуры, час-

тушек, сказок, былин, вообще смеховой культуры и карнавала («Семь дней», 1995).

..Вселенной правит, возлежит Антибукашкин, академик.. (А. Вознесенский, «Знамя», 1962). ..стал не Кассандрой, а скорее Антикассандрой («Звезда», 1964). Гоголь его [Розанова] вообще бесил, и наверное потому, что Гоголь это Антирозанов («Континент», 1994). ..Из-под самого того Разберлина «Новый мир», 1961).

Таким образом, написания, наиболее обычные для современной печати, фактически реализуют сформулированное выше корректирующее правило.

Следует уточнить, что запрет не распространяется на слитно написанные цепочки состава «строчная + две и более прописных», поэтому написания *авиаЧП, антиНАТО, микроЭВМ, спецПТУ, телеКВН* и т. п. не нуждаются в корректировке.

Три вида написаний — раздельное, дефисное, слитное — могут рассматриваться как включающие три соотносительных знака: пробел — дефис — контакт. Сущность рассматриваемых далее корректирующих правил заключается в координации этих трех знаков.

В необходимости создания системы таких координирующих правил убеждает анализ современной орфографической практики, содержащей известное количество написаний, которые трудно не назвать «неприемлемыми», хотя они не нарушают действущих правил. Эти написания соответствуют правилам, основанным на общих принципах противопоставления слитных, дефисных и раздельных написаний. Но общие правила не могут предусмотреть случаев несогласованности между знаками пробела, дефиса и контакта в определенных сочетаниях слов и частей слов.

Единицы, к которым приходится применять координирующие правила, в большинстве случаев не подлежат фиксации в словарях, поскольку это свободные соединения, возникающие в текстах. Тем важнее создание правил, которыми регулировалось бы письменное отражение таких единиц.

Рассмотрим встретившиеся в печати написания, которые нуждаются в «корректировке», сформулировав предлагаемые правила.

1. Случаи контактного присоединения к компоненту, содержащему дефис.

Шарокон-тики («Неделя», 1963; название плавсредства «на шарах», приведенное в ряду других слов: шаровесло, шароплот, шарокатамаран и др.). .. сравните с этим «буруны, сединой гремящие певучей» из «доюго-западного» «Сказания о море...».. («Новый мир», 1965; речь идет о произведении Багрицкого, написанном до сборника «Юго-Запад»). ..девица в архимини-юбке.. («Новый мир», 1970). ..а на какой-нибудь мимезон есть обязательно антими-мезон? («Литературная газета», 1970). Однако на наш экран еше выходит немало картин, элементарных, схематичных, ... «псевдоисторико-революционных» и «псевдосовременных» («Советская культура», 1970). Против лжесоциал-демократов он обращает преобразованный рылеевский стих.. («Литературная газета», 1972). Не ультраура-патриотизма, а настоящего, полного, реального. («Известия», 1992). ..были приглашены в штат радиокомитета, затевавшего радиомюзик-холл.. («Литературная газета», 1992). Одновременно в двух городах началась первая в истории России видеопресс-конференция... («Известия», 1994). ..отвергая тех, кто «использовал социал-демократическую фразеологию и несоциал-демократические методы..» («Известия», 1995). Однако самым неприятным событием киноуик-энда оказался «Дух» Евгения Иванова.. («Новые Известия», 1998). Баталии вокруг состава правительства означают лишь борьбу за финансовые потоки для поддержки наших полугоре-олигархов.. («Литературная газета», 1999). .. предложив в рамках форума .. и видеомастер-классы из Парижской национальной оперы. («Литературная газета», 2003). .. новички приходят и выкидывают из насиженных траншей окопавшихся там псевдорок-героев вчерашнего дня. (МК, 2004). .. немного популистское и эпатирующее телеток-шоу «Стресс». («Культура», 2005). ..бывшая жена Крылова, супербизнес-леди. ("Литературная газета", 2006). телемастер-класс ("Литературной газета", 2006).

Во всех этих случаях первые компоненты (приставки или первые части сложных слов) переданы на письме в строгом соответствии с действующими правилами. Соответствует действующим правилам (или сложившейся практике) и написание вторых частей этих приставочных или сложных образований. Но соединение этих двух «правильных» написаний дает нечто неприемлемое (в некоторых случаях даже трудно читаемое и понимаемое). Поэтому настоятельно необходимо ввести для подобных случаев корректирующее правило. Наиболее простой способ «исправления» таких написаний — замена контакта дефисом, дающая

написание с двумя дефисами: *шаро-кон-тики* (в таком написании становится понятно это название!), *до-юго-западного*, *архи-мини-юбка*, *анти-ми-мезон*, *лже-социал-демократ*, *псевдо-историко-революционный теле-ток-шоу* и т. д.

Формулировка правила может быть такой: «Недопустимо контактное присоединение начального компонента слова, если второй компонент содержит дефис. В этом случае слитное написание должно заменяться дефисным».

Это правило вряд ли целесообразно распространять на образования с приставкой *не*-, т. е. предлагать в качестве «исправленного» написания типа *не-социал-демократический*. Основываясь на том, что *не* может писаться и слитно, и раздельно, можно принять для этого случая особое правило — о замене перед компонентом, включающим дефис, слитного написания раздельным: *не социал-демократический*. Это означает, собственно, сохранение правила п. 7 § 89 действующего свода (см. выше). На фоне проводимого общего принципа — разграничения на письме приставки *не*- и частицы *не* это частное правило (как и некоторые другие) носит условный характер (т. е. оно не основывается на «замене» приставки частицей).

2. Случаи контактного присоединения к компоненту, содержащему пробел.

И все же кинополе деятельности казалось мне шире и перспективнее.. («Московский комсомолец», 1973). ..взглянет на него глаз лжекандидата наук.. («Новый мир, 1980). ..появляются псевдотворцы, псевдостили, псевдопроизведения искусства («Литературная газета», 1982). ..вступил в фазу консолидации, которая охватывает и коммунистов, и нацистов, и монархистов, и псевдокадетов, и псевдохристианских демократов («Литературная газета» 1993).

С компонентом пол: ..вызвал Гарибальди и его войско, полсвободной Италии.. (Герцен, Былое и думы). ..мы запросто бронируем полреактивного самолета.. («Правда», 1973). ..они работали у нас примерно две недели по полрабочего дня.. («Известия», 1988). Он привел слова одной читательницы, крановщицы: «На занудные брошюры у нас уже спилили полсибирской тайги» («Известия», 1989). По самому краю сопки вьется траншея в полчеловеческого роста.. («Известия», 1991). Потом на такой основе создать Аграрную партию и получить полкоммунистического парламента («Литературная газета», 1994). По капельке, по полчайной ложечки можно что-то менять.. («Общая газета», 1998).

С компонентом полу (повторяющимся и одиночным): ..и он весь свой век останется полуученым, полусветским человеком.. (Тургенев, Рудин). ..он выпустил в свет удивительное сочинение — полуроман, полуфилософский трактат (Л. Успенский. Загадки топонимики, 1969). Прежде я как-то не ощущал, что позади нас Крюковки, Сафоновки и прочие Козловки, полудеревни, полудачные поселки, а затем уже Москва-матушка («Новый мир», 1971). ..Сталин сделал нам приветственный жест.. — полуотдание чести, полупомахивание («Знамя», 1988). И ряд членов Верховного Совета — как бы полудепутаты, полудолжностные лица» («Известия», 1990). Дальше — все то же... Полу-Ася, полублатная девочка из средней московской или свердловской школы, смешение языков и эпох.. («Литературная газета», 1993). ..нельзя же забыть биографию Кима, долго ходившего в полуврагах народа.. («Литературная газета», 1992). А главное — исконно русско-народная: полупетушок-Золотой Гребешок, полукурочка-Ряба («Литературная газета», 1998).

Пункт 2 объединяет разнообразные случаи, когда начальный компонент, для которого в общих правилах предусмотрено контактое присоединение ко второй части слова, относится к сочетанию слов. Имеется в виду не «кинополе», а кино + поле деятельности, не «псевдопроизведения», а псевдо + произведения искусства, не «полудачные поселки», а полу + дачные поселки, не «полувраги», а полу + враги народа, не «полукурочка», а полу + курочка-Ряба и т. д. Для адекватного отражения на письме выражаемых в подобных случаях смысловых соотношений необходимо узаконить в специальном правиле раздельное написание с компонентами, по общим правилам присоединяемыми контактно, когда эти компоненты относятся к сочетаниям слов (в терминах письма – к компонентам, содержащим пробел или дефис). Разумеется, применение этого правила должно опираться на правильное понимание текста.

Итак, фигурирующие в п. 2 написания должны быть исправлены так: кино поле деятельности, лже кандидата наук, псевдо произведения искусства, псевдо христианских демократов; пол свободной Италии, пол реактивного самолета; полу светским человеком; полу философский трактат; полу дачные поселки; в полу врагах народа, полу курочка Ряба.

3. Случаи дефисного присоединения к компоненту, содержащему пробел.

С начальным мини-.

Мини-летучая мышка обитает в Таиланде на берегах реки Квай.. («Известия», 1983). ..это своего рода мини-чековая книжка.. («Московская

правда», 1988). ..эдакий «мини-план Маршалла» взамен продления соглашения о базах.. («Литературная газета», 1989). Мини-прибалтийская ситуация, с той лишь разницей, что это не национальные, а творческие чаяния и амбиции («Литературная газета», 1990). .. за 8 тысяч долларов можно приобрести мини-детектор лжи («Известия», 1994). Начатый Указом № 1400 и мини-гражданской войной в Москве, .. этот год .. заканчивается декларацией президента. («Известия», 1994). .. внутри нее [программы] много мини-документального кино («Известия-ТВ», 1994). .. нести перед мини-нюрнбергским судом ответственность за последствия перестройки.. («Литературная газета», 1995). .. создать мини-дом престарелых.. («Литературная газета», 1995). Это поэма о страшных событиях октября 93-го года, когда у нас была мини-гражданская война... («Известия», 1997). .. провел мини-социологическое исследование.. («Литературная газета», 1998). ..я целый вечер потратил на мини-социологическое исследование («Общая газета», 1999). Он убежден, что иллюзорный «мини-промышленный бум в России» зиждется исключительно на высоких ценах на нефть.. («Общая газета», 2000).

С начальным экс-.

Теперь экс-Советский Союз пожинает плоды («Известия», 1992). В Краснопресненском суде состоялось слушание дела по иску экс-генерального консула Российской Федерации в Марселе.. («Известия», 1994). Как и ее протеже, экс-президент экс-Советского Союза, Тэтчер в наскоках на своих бывших товарищей .. находит нечто вроде сладкой мести.. («Известия», 1995). Не так большой, но стоящий чинок имел экс-главный мытарь Починок.. (П. Хмара, «Литературная газета», 1998). ..ко дню голосования становится совершенно понятно, что в Белом доме экс-городской голова не прижился («Новая газета», 2005).

С разными начальными компонентами.

Здесь начинала формироваться своего рода «фабрика» по производству лжеученых, эрзац-кандидатов наук («Литературная газета», 1974). Всюду время от времени появлялись самозванцы-обманщики (от Лженерона до Лже-Жанны д'Арк).. («Знамя», 1992). В Гонконге — круговерть, как перед свадьбой. Все мероприятия идут с приставкой «гранд» — гранд-чаепитие, гранд-коктейль, гранд-банкет, гранд-концерт. И даже гранд-тараканы бега («Известия», 1997).

Случаи эти отличаются от рассмотренных в п. 2 лишь тем, что к компонентам, содержащим пробел (т. е. к сочетаниям слов), относятся начальные компоненты, по общим правилам (или в соответствии со сложившейся практикой) присоединяемые посредством дефиса. Для

сложений с этими компонентами тоже следует предусмотреть возможность раздельного написания, т. е. правило должно заключаться в замене дефиса пробелом. Фигурирующие в п. 3 написания должны быть исправлены так: эрзац кандидатов наук, мини летучая мышка, мини чековая книжка, Лже Жанны Д'Арк, экс Советский Союз, экс генерального консула и др.

Общие правила употребления дефиса, относящиеся ко всем частям речи, предусматривают его использование в сочетаниях, представляющих собой повторы — «чистые» (синий-синий, просит-просит, кто-кто, чему-чему), или «осложненные» (красавица-раскрасавица, волей-неволей, ждет-пождет). В таких повторах могут участвовать и сочетания слов. В действующих правилах эти случаи не предусмотрены, а в практике печати нет единообразия в их передаче. Рассмотрим относящийся сюда материал.

Один из типовых случаев — конструкция с повторяющейся формой любого падежа местоименных слов *кто* и *что* с последущим союзом *а* или *но*: *кого-кого*, *а...*; *чем-чем*, *но...* и т. п. В таких конструкциях участвуют и предложные сочетания этих местоименных слов, которые передаются на письме по-разному. См. следующие примеры.

Без всякого знака между конструкциями.

Уж с кем с кем, но с котами он [дрессировщик] договорится всегда («Известия», 1997). ..уж на что на что, а на анекдоты у меня всегда была хорошая память («Книжное обозрение», 1995). В чем в чем, а в определенности суждений ему не откажешь («Известия», 1991). ..однако в чем в чем, а в расплывчатости понятий и предлагаемых мер автора упрекнуть трудно.. («Литературная газета», 1996).

С запятой.

Казалось бы, у кого, у кого, а у офицера «Альфы» на «гражданке» не может быть проблем («Литературная газета», 1994). С чем, с чем, а с людьми у нас в стране дефицита нет («Известия», 1991). В чем, в чем, а в разнообразии прозе первого номера «Дружбы» никак не откажешь («Литературная газета», 1996).

Со знаком тире.

Уж в чем — в чем, а в изворотливости и многовариантности позиций «Известия» упрекнуть трудно («Известия», 1993). В чем — в чем, а в неприемлемых для парламентариев кандидатурах дефицита нет («Известия», 1998).

С дефисом.

В чем-в чем, а в дворцовой мудрости им отказать было нельзя. (Н. Рыжков, Перестройка: история предательств, 1992). То же с место-

именным словом *все*: В этой книге поселена атмосфера истины – «чувства истины» *на все-на все* («Известия», 1993).

С дефисом при опущении второго предлога.

Хотя, надо признать, у кого-кого, а у Юлия оснований не любить Страну Советов достаточно («Известия», 1991). Уж на что-что, а на свой стол восточные немцы жаловаться не могли («Литературная газета», 1994). В чем-чем, а в спорности работе этой не откажешь («Литературная газета», 1984). В чем-чем, а в мысли Россия недостатка тогда не испытывала («Известия», 1989). От чего-чего, а от страдания современный человек бежит как чёрт от ладана («Литературная газета», 2005).

«Неприемлемыми» следует признать последние два варианта письменной передачи таких конструкций: дефис не пригоден для соединения компонентов, содержащих пробелы, а опущение второго предлога не соответствует норме. Среди прочих вариантов следует предпочесть отсутствие знака между конструкциями, т. е. замену дефиса пробелом.

Довольно широкое распространение имеют конструкции такого строения: «слово + не + то же слово» (обычно с последующим союзом а или но): генерал не генерал, а...; ложь не ложь, но...; нужный не нужный, но...; надо не надо, а...; хочешь не хочешь, а...; возмущайся не возмущайся, а...; опоздал не опоздал, но... и т. п. Во второй части может стоять то или иное образование от первого слова: ждет не дождется, глядит не наглядится, едет не приедет и т. п. В практике преобладают написания таких конструкций без знака после первого компонента. Но встречаются и иные написания.

С тире между частями конструкции.

..сценарий – не сценарий, и прозой не назовешь.. («Известия», 1986). Какие бы они: власовцы – не власовцы, но свои, родные.. («Культура», 1996). Учи – не учи, а практического востребования нет («Известия», 1994).

С дефисом.

..и все молодые писатели были в нее влюблены, надо-не надо бегали в редакцию. (М. Белкина, Скрещение судеб, 1988). И пишет пост-не пост, но такую модерново-своевольную прозу, что и в Москве ахнут («Литературая газета», 1993). Хочешь-не хочешь, а берешь две бутылки («Известия», 1996). ..ждут-не дождутся мгновения, чтобы свести с ним счеты. («Известия» 1991). ..и никто не догадается, что он в библиотеке спит-не проснется в дальнем углу. («Новый мир», 1988).

Случаи с дефисом между двумя раздельно написанными компонентами.

..мол, не знаем-не ведаем, может, кто другой и платит.. («Известия-ТВ», 1994). Так неужели Достоевский этого не видел-не ведал? (Д. Данин, Бремя стыда, 1996). Великие актеры, снимаясь в фильмах «Вчера, сегодня и завтра», «Брак по-итальянски», «Прет-а-порте», не думали-не гадали, что станут опять «парой».. («Известия», 1997).

В новом справочнике 2006 г. сформулирован строгий запрет на употребление дефиса для соединения компонентов, из которых хотя бы один содержит пробел. Из прочих вариантов (среди которых — возможное использование запятой, здесь не представленное) следует, очевидно, предпочесть отсутствие знака.

В рассмотренных последних группах написаний обнаруживаются «точки соприкосновения» между орфографическими и пунктуационными правилами. Это связано с многофункциональностью дефиса — знака и «разделяющего», и «соединяющего». В последней функции он вступает во взаимоотношения с тире — знаком пунктуационным, но при «корректировке» написаний с дефисом (см. ниже примеры этого) выступащим фактически в роли орфографического.

Есть случаи, для которых необходимо сформулировать в качестве узаконенной нормы координацию знаков дефиса и тире. Это в первую очередь относится к соединениям с приложениями.

В основной корпус правил слитного, дефисного и раздельного написания существительных включены правила для соединений с однословными приложениями, которые могут писаться (в зависимости от смысловых соотношений) через дефис или раздельно. Правило, относящееся к неоднословным компонентам соединений с приложениями, должно рассматриваться как координирующее. Имеющиеся в действующем своде пунктуационные правила выделения приложений (в том числе распространенных) с помощью запятой или тире (§§ 152, 168 и 174 п. 2) имеют в виду определенные условия (смысловые или интонационные), не выделяя как существенный признак неоднословность. И совсем ничего нет в своде о способах соединения приложений с неодословными определяемыми.

Координирующее правило для соединений с приложениями имеет очень простую формулировку: «Если в соединении с приложением участвует неоднословный компонент, дефис должен быть заменен знаком тире».

Несмотря на отсутствие такого правила в действующем своде, в практике печати встречаются написания, как бы его «реализующие». Особенно показательно, когда при одном и том же определяемом фигури-

руют рядом однословное приложение, присоединенное дефисом, и неоднословное, перед которым употреблено тире. Вот три примера.

И сколько ни приглядывайтесь, вы не сумеете по виду отличить токаря-квартиросъемщика от токаря — владельца индивидуального домостроения («Известия», 1971). Итак, Женева-город простилась с Женевой — встречей в верхах («Известия», 1985). Чего ожидает от этого визита Нетаньяху-политик, Нетаньяху — государственный лидер? («Литературная газета», 1997).

Но можно проиллюстрировать множеством примеров и употребление дефиса перед неоднословными приложениями. Ограничимся следующими.

Нансена-ученого в последние годы затмил Нансен-политический деятель европейского масштаба (Л. Нансен-Хейер, Книга об отце [пер.], 1972). Отсутствие «общих мест» характерно для Фейнберга-исполнителя и композитора так же, как и для Фейнберга-музыкального писателя и человека (С. Е. Фейнберг, 1984). Заметно возросла доля писем-анализов, писем-размышлений, писем-постановок проблем, вопросов для обсуждения («Московская правда», 1987). ..не приватизируются кооперативные и служебные квартиры, а также жилье в домах-памятниках архитектуры.. («Известия», 1991). Город-грёза, город-колыбельная духа.. («Известия», 1995). Рейган, как известно, планировал свои важнейшие встречи, включая с Горби-коммунистом с человеческим лицом, согласно графику.. («Известия», 1995).

Четко сформулированное правило координации должно способствовать «изживанию» таких написаний.

Как уже отмечалось, о соединениях с неоднословными определяемыми в действующих правилах нет даже упоминаний. Тем не менее и здесь встречаются написания, соответствующие сформулированному выше правилу о замене дефиса знаком тире.

..он и там оставался бюргером, которому ближе простой люд и *свой брат — музыкант*, нежели аристократическая знать (М. С. Друскин, Иоганн Себастьян Бах, 1982). Для бельгийцев *песные красавцы — поси* практически неизвестны. («Известия, 1984). Но чтобы *стреляный воробей — читатель* не насторожился., приведу примечательное начало первого же очерка. («Известия», 1985). Но еще больше пришло горестных писем от *пассажиров Аэрофлота — соотечественников*. («Литературная газета», 1987).

Но гораздо чаще встречаются написания, нуждающиеся в корректировке по предложенному правилу. Приводится лишь часть зафиксированных случаев.

Ныне количество летучих мышей-«малюток» быстро сокращается («Известия», 1983). Еще в Центральной музыкальной школе при Московской консерватории брат и сестра-близнецы начали играть вместе («Известия», 1985). Можно было бы стать на точку зрения руководителей хозяйств-оптимистов.. («Известия», 1987). Вспомним и репрессии 37—38-х годов, когда почти все старые большевики-евреи были расстреляны Сталиным («Литературная газета», 1989). Он уверен, что российский гадкий утенок-поэт превратился на сказочном Западе в прекрасного лебедя («Известия», 1992).

Правило о неоднословных компонентах соединений с приложениями следует распространить и на компоненты, содержащие дефис, т. е. писать: социал-демократы — меньшевики и депутаты — социал-демократы. См. реальный пример такого написания: В то время еврей — унтер-офицер была большая редкость («Октябрь», 1978).

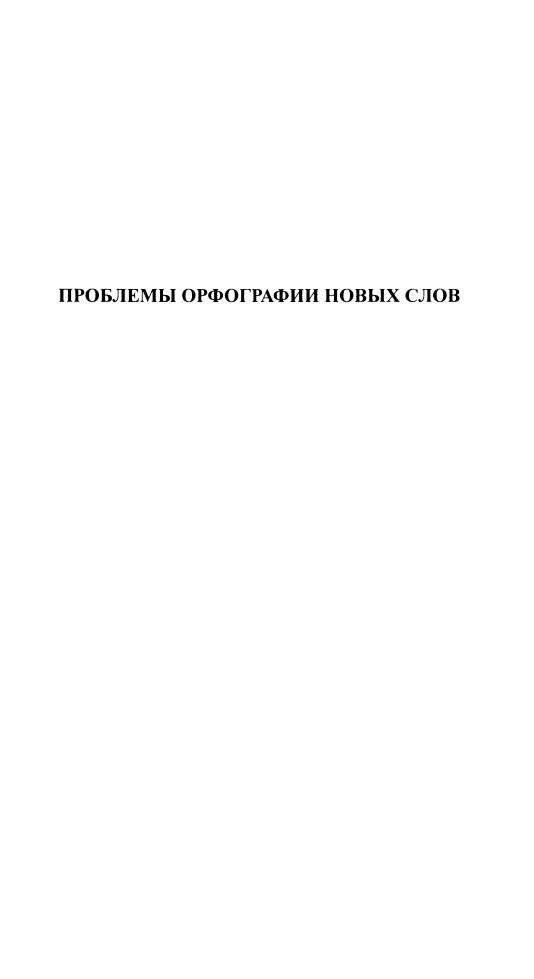
Следует распространить правило о замене дефиса знаком тире и на случаи с цифровыми индексами, относящимися к неоднословным названиям, т. е. писать: «План Маршалла – 2», «Место встречи изменить нельзя – 2» (сценарий фильма), «Зловещие мертвецы – 3» (фильм), «Янтарный соловей – 94» (международный конкурс) и т. п.

ЛИТЕРАТУРА

Еськова H. A. О некоторых «каверзах» дефиса // Нерешенные вопросы русского правописания. М., 1974.

Правила русской орфографии и пунктуации. М., 1956.

Реформатский А. А. Дефис и его употребление // О современной русской орфографии. М., 1964.

ПРОБЛЕМЫ ОРФОГРАФИЧЕСКОЙ КОДИФИКАЦИИ ИНОЯЗЫЧНЫХ ЗАИМСТВОВАНИЙ

И.В. Нечаева

1. Введение. Многочисленные иноязычные заимствования, пополнившие (и продолжающие пополнять) русский язык в конце XX — начале XXI века, все настойчивее заставляют обратить внимание на проблему их правописания. Эта проблема напоминает пишущему о своем существовании почти всякий раз, когда он сталкивается с необходимостью передать по-русски неологизм иноязычного происхождения. Так происходит несмотря на наличие в русском языке кодифицирующей базы — правил орфографии и нормативных словарей. Поэтому данная ситуация требует специального изучения.

Письменное употребление иноязычных неологизмов отличает максимальная вариативность. В настоящее время распространяются словари и другие печатные издания, в которых одни и те же новые заимствования даны в различных написаниях. То же самое можно наблюдать и в Интернете. Тем самым средствами печати вольно или невольно поддерживается вариативность написаний иноязычных слов.

Упорядочить их призваны академические кодифицирующие источники, главными из которых являются правила орфографии. Параллельно написания заимствований фиксируются в нормативных словарях. Основным, базовым словарем, выполняющим кодифицирующие функции, является академический орфографический словарь. От того, как правила и словари справляются со своей задачей, в определенной степени зависит состояние языкового письменного узуса. Основные требования для решения задач кодификации в этой области — это а) полнота охвата материала и б) научная обоснованность содержащихся нормативных рекомендаций.

На основе правил подготавливаются различные справочные пособия и учебники по русскому языку. Источники, не освященные авторитетом академических изданий, вполне могут быть полезны в практике преподавания, а также в издательской и иной деятельности, связанной с подго-

товкой письменных текстов, однако, сколь бы удачно они ни были составлены, они лишены необходимой предписывающей силы. Апелляция к единому источнику закономерна постольку, поскольку она обеспечивает единство письменной речи, что связано с выполнением коммуникативных функций языка. В случае с иноязычными словами, с таким трудом достигающими орфографической стабильности, это особенно важно.

На сегодняшний день действующими правилами остаются «Правила русской орфографии и пунктуации» 1956 года издания. По понятным причинам данный источник не вполне удовлетворяет современные потребности общества, поэтому в Институте русского языка РАН подготовлена новая редакция правил (см. [Справочник... 2006]), в которой сделана попытка учесть изменения, произошедшие в языке за полвека. К этим двум (старой и новой) редакциям «Правил...» мы будем обращаться как к основным кодифицирующим орфографическим источникам.

Вопросы орфографии, связанные с иноязычными словами, и в «старых», и в «новых» «Правилах...» не рассматриваются эксплицитно, как относящиеся к особой подсистеме языка. Принятый общий ход рассуждения «от употребления буквы - к правописанию слова» приводит к тому, что связанные с иноязычными словами разделы рассеяны по всему тексту «Правил...». Вероятно, проявившаяся при этом недостаточная информативность в отношении заимствований и недостаточная компактность в организации материала побудила авторов некоторых справочных пособий включить в свое издание специальный раздел (впрочем, довольно краткий), посвященный правописанию иностранных слов [см. Розенталь, Джанджакова, Кабанова 2001: 78-79]. Но несмотря на это, а также на выход двумя изданиями академического «Русского орфографического словаря» (1999 и 2005 гг.), довольно полно отражающего состояние лексической системы языка в целом и иноязычной неологии в частности, признаков преодоления в узусе вариативности орфограмм, продвижения к единообразию написаний не наблюдается. Непреодолимость орфографических колебаний иноязычных слов свидетельствует о том, что правописание заимствований в современной практике письма существует как особая проблема.

2. Узус и норма. В качестве примеров неустойчивости написаний иноязычных слов можно привести большое количество их письменных вариантов. Среди них:

апгрейд и апгрэйд 'модернизация компьютера'

ароматерания и *аромотерания* 'лечение с использованием ароматов'

ассесмент, ассэсмент, асесмент и асэсмент 'оценка (в различных специальных областях)'

баннер и банер 'рекламный плакат'

бебиситер, бэбиситер, бебиситтер, бэбиситтер, беби-ситер, бэбиситер, беби-ситтер и бэби-ситтер 'лицо, ухаживающее за ребенком' бедж, бэдж, бейдж и бэйдж 'идентификационная карточка сотрудника'

бек-вокал и бэк-вокал 'вокальное сопровождение сольного пения' бигмак, биг-мак, бикмак и бик-мак 'многослойный бутерброд' блокбастер и блок-бастер 'высокобюджетный кинофильм' бойфренд и бой-френд 'близкий друг (по отношению к девушке)' борсетка и барсетка 'мужская сумочка-визитка'

брейк и *брэйк* 'современный молодежный танец с элементами акробатики'

бренд и брэнд 'торговая марка'

видео-стриптиз-клуб, видеостриптиз-клуб, видео стриптиз-клуб и видеостриптизклуб 'клуб, в котором показываются видеофильмы и демонстрируется стриптиз'

дефолт и дэфолт 'невыполнение денежных обязательств' джекпот и джек-пот 'самый крупный выигрыш'

дженерик и *женерик* 'аналог оригинального лекарственного препарата'

диджей, ди-джей, диджэй и ди-джэй 'ведущий музыкальной радиопередачи, дискотеки'

дистрибьютор, дистрибьютер и дистрибьютэр 'лицо или фирма, занимающиеся реализацией товаров и услуг'

имейл, имэйл, е-мейл и е-мэйл 'электронное сообщение'

имиджмейкер, имидж-мейкер, имиджмэйкер и *имидж-мэйкер* 'специалист по созданию имиджа'

интернет и Интернет 'всемирная компьютерная сеть'

калланетика, каланетика и колонетика 'вид женской гимнастики' капучино и капуччино 'кофе со сливками специального приготовления' каркаде и каркадэ 'чай из цветков гибискуса'

киднепинг, киднэпинг, киднеппинг и киднэппинг 'похищение детей' киндер-сюрприз, киндерсюрприз, киндэр-сюрприз и киндэрсюрприз 'шоколадное яйцо с сюрпризом внутри'

контент и контэнт 'информационное наполнение сайта' кумите и кумитэ 'показательный бой карате' лейбл и лэйбл 'этикетка'

макраме и макрамэ 'вид узелкового плетения'

массмедиа, масс-медиа и масс медиа 'средства массовой информации'

мерчандайзинг и мерчендайзинг 'продвижение товаров в розничной торговле'

онлайн и он-лайн 'интерактивно'

от-кутюр и от кутюр 'высокая мода'

офлайн, оф-лайн, оффлайн и офф-лайн 'автономно по отношению к электронной системе'

офшор и *оффшор* 'финансовый центр вне зоны контроля какого-л. государства'

парео и парэо 'большой платок, используемый как элемент одежды' перформанс и перфоманс 'жанр театральной импровизации' петиворк и пэтиворк 'лоскутное шитье'

пиксел и пиксель 'единица плотности изображения'

пин-код и *ПИН-код* 'персональный идентификационный номер владельца банковской карты, пользователя мобильного телефона и др.'

попкорн и поп-корн 'воздушная кукуруза'

постер и постэр 'плакат'

промоутер и *промоутер* 'специалист по продвижению товаров на рынке'

регтайм и рэгтайм 'вид американской танцевальной музыки' ремейк и римейк 'новая версия фильма, музыкального произведения и др.'

риелтор, риэлтор, риелтер, риэлтер, риелтэр и *риэлтэр* 'посредник при продаже и покупке недвижимости'

саундтрек, саундтрэк, саунд-трек и саунд-трэк 'фонограмма к кинофильму'

сейл и сэйл 'распродажа'

секонд-хенд, сэконд-хэнд, секонд-хэнд и сэконд-хенд 'подержанные вещи'

симфорок и симфо-рок 'течение в рок-музыке'

скейтборд и скейт-борд 'катание на роликовой доске'

спрей и спрэй 'распылитель'

стретч, стрэтч, стреч и стрэч 'эластичный, плотно облегающий' таунхаус, таунхауз, таун-хаус и таун-хауз 'городской коттедж' тинейджер и тинэйджер 'подросток'

тренд и трэнд 'тенденция'

тренчкот и трэнчкот 'короткий плащ'

треш и трэш 'культурный мусор' уикенд и уик-энд 'выходные дни в конце недели' уокмен и вокмен 'портативный магнитофон' фан-клуб и фэн-клуб 'клуб музыкальных фанатов' фаст-фуд и фастфуд 'система быстрого питания' фитнес, фитнес, фитнэс и фитнэсс 'система физической подготовки'

флаер(с), флаэр(с) и флайер(с) 'рекламный листок' франчайзинг и френчайзинг 'форма предпринимательства' фэн-шуй, фэншуй, фен-шуй и феншуй 'китайское искусство жить в

фэн-шуи, фэншуи, фен-шуи и феншуи 'китайское искусство жить в гармонии с природой'

хайвей и хайвэй 'скоростная автострада'

хеллоуин, хеллуин, хелуин, хэллоуин, хэллуин и *хэлуин* 'праздник в канун дня Всех Святых'

хеппенинг, хэппенинг, хепенинг и *хэпенинг* 'театрализованное импровизационное представление'

экшен, экшэн и экшн 'жанр киноискусства'.

Из приведенных примеров видно, что варьируются чаще всего написания, содержащие: а) э/е после твердого согласного и б) после гласных, в) удвоенные согласные, а также г) слитные / дефисные написания. Иные буквенные колебания отражают вариативность на фонемном уровне. Бытует мнение, что последние не относятся к области, изучаемой орфографией, и потому не должны регулироваться правилами правописания. Вопрос об этом будет рассмотрен немного ниже.

В чем же состоит орфографическая норма и какие из встречающихся в узусе практических употреблений иноязычных слов ей соответствуют? Вопрос этот подчас трудноразрешим. Причина состоит в том, что соответствующие разделы «Правил...» построены таким образом, что не дают однозначного ответа на эти вопросы. Норма указывается для конкретного слова, а не для всей категории связанных орфографической оппозицией слов в целом. Пользуясь действующими «Правилами...», можно получить конкретные рекомендации по написанию только тех иноязычных слов, которые в них упомянуты в качестве примеров. «Правила...» не дают сведений, например, о том, что слово хайвей следует писать с буквой е, а не э, слово фитнес — с одним с, а ассесмент — с двумя, слово саундтрек — слитно, а секонд-хенд — через дефис. Рекомендации в соответствующих параграфах носят частный и не вполне определенный характер, общих и безысключительно императивных среди них нет. В такой неоднозначности формулировок заключается особенность норми-

рования заимствованной лексики по сравнению с лексикой исконной. Данный подход проявился еще в редакции 1956 года и сохранился в новой, переработанной, редакции [см. «Справочник...» 2006]. Частные рекомендации «Правил...» в отношении иноязычных слов принято дополнять словарной информацией. Написание каждого конкретного иноязычного слова окончательно устанавливается по словарю.

В этих условиях изучение факторов, влияющих на орфографическое оформление слова – одна из ближайших задач теории нормирования. Известно, что чаще всего пишущий склонен объяснить свой выбор конкретной орфограммы прецедентом: «так пишут», «так встретилось» (в каком-либо тексте). Поэтому выбор орфограммы во многих случаях может быть случайным и лингвистически немотивированным. Другая часть носителей языка, по роду своей деятельности оперирующая иноязычной терминологией или связанная с переводом, все чаще выражает потребность в общих правилах передачи иноязычных слов по вышеупомянутым типичным проблемам: передача фонемы <э>, удвоение согласных и др. Их обращения по этому поводу в сектор орфографии ИРЯ РАН и в электронные справочные интернет-службы русского языка имели место неоднократно. Эти требования понятны: гораздо удобнее иметь общий метод нахождения нормативной орфограммы и применять его в конкретных случаях по мере надобности, нежели обращаться за написанием каждого конкретного слова к словарю или к специалисту-кодификатору. Однако на сегодняшний день такого единого метода не существует.

3. Причины неустойчивости написаний. Эти причины разнообразны; часть из них имеет объективный характер, другие связаны с сознательными процессами в орфографии. Первая группа трудностей преодоления вариативности в сфере заимствования обусловлена спецификой подсистемы иноязычной лексики, особой природой иноязычного слова.

При заимствовании осуществляется переход слова из одного языка в другой, т.е. меняется план выражения языкового знака. В этом состоит основная особенность орфографического освоения иноязычных слов, отличающая его от освоения слов исконных. У исконно русских слов вероятные орфографические трудности обусловлены действием внутриязыковых факторов; орфографическая нестабильность заимствований часто связана с колебаниями на фонемном уровне, что обусловлено их иноязычной природой.

3.1. Фонетика заимствования и орфография. При переходе слова из одного языка в другой происходит, по выражению А. В. Суперанской, его «перекодирование» на фонемно-графемном уров-

- не. Этот процесс состоит из нескольких этапов (при письменном характере заимствования):
- «1) анализ написания иноязычного слова в языке-источнике (написание 1);
 - 2) чтение иноязычного написания;
- 3) определение фонемного состава иноязычного слова и перевод иноязычных фонем в фонемы заимствующего языка;
- 4) запись иноязычного слова в принимающем языке (написание 2)» [Суперанская 1978: 103].

Понятно, что при разнице фонетических систем взаимодействующих языков однозначные соответствия между коррелирующими единицами будут найдены далеко не всегда. Иноязычная графема может соответствовать не одной иноязычной фонеме, иноязычная фонема — не одной русской фонеме и т.д. Любые замены в значительной степени условны и относительны. Поэтому часто процесс перехода из одной языковой системы в другую осложняется различными допущениями и неточностями, которые в итоге ведут к разнонаписаниям.

Колебания первого и второго этапов связаны с определением фонемного состава в языке-источнике; в результате возникают такие варианты, как сэндвич / сандвич, ланч / ленч. Колебания третьего этапа дают фонетические варианты полученного заимствования типа килт / кильт. Трудности в прохождении четвертого этапа приводят к собственно орфографическим колебаниям (например, апгрейд / апгрэйд, карате / каратэ, шопинг / шоппинг, он-лайн / онлайн, фастфуд / фастфуд).

В качестве примеров неединообразных соответствий на фонетических этапах заимствования можно привести колебания английского [æ] (русский фонетический эквивалент [э] или [а], напр. сэндвич / сандвич), английского [л] (русский фонетический эквивалент также [а] или [э], напр. ланч / ленч), английского [w] (русский эквивалент [у] или [в], напр. уокмен / вокмен), европейского полумягкого [l] (по-русски [л] или [л']: аблатив / аблятив, пиксел / пиксель), греческого дифтонга [еи] (в русском [эу] или [эв], напр. эукариоты / эвкариоты) и др. Точного соответствия в русской фонетической системе каждый из этих звуков не имеет, а приблизительных — имеет больше одного. В таких колебаниях при определении фонемного состава заключается одна из причин письменной нестабильности иноязычных слов.

Для преодоления нестабильности и установления единообразия в нахождении всех соответствий на всех этапах процесса заимствования требуется сознательное вмешательство кодификаторов, решениям ко-

торых, однако, должно предшествовать тщательное изучение узуса. Разрешение связанных с этим проблем следовало бы, по всей видимости, считать насущной задачей кодификации.

3.2. Ор фография и практическая транскрипция. Вопрос об отношении фонетических проблем заимствования к предмету орфографии как науки дискуссионен. Бытует представление о том, что упомянутые проблемы находятся за пределами орфографии, поскольку возникающие в результате этого варианты — не орфографические. Орфографисты отказываются от рассмотрения этих вопросов, считая их не имеющими отношения к предмету своего изучения. С этой точки зрения, орфография имеет дело с результатом, а не процессом транскрибирования, и ее дело — закреплять в написании те слова, фонемный состав которых уже установлен.

Однако, судя по практике последних лет, при письменном способе заимствования фонемный состав иноязычных неологизмов окончательно устанавливается одновременно с орфограммой, т.е. эти процессы могут быть разделены лишь условно. Поэтому подобное жесткое размежевание сфер практической транскрипции и орфографии для решения вопросов орфографического нормирования неплодотворно. Не только фонетический облик слова определяет написание, но и последнее влияет на окончательное установление фонемного состава лексемы. Слово кодифицируется в письменном виде, письменная кодификация закрепляет фонемные процессы. Способов устной кодификации не существует. Поэтому без рассмотрения смежных фонетических вопросов орфографические проблемы заимствования не решить.

- 3.3. Орфография и транслитерация. Наиболее распространенным способом письменного оформления заимствований является практическая транскрипция. Однако среди новых заимствований иногда попадаются случаи передачи при заимствовании не звука, а буквы случаи транслитерации. Иногда наблюдается смешение транскрипционного и транслитерационного способов передачи в пределах одной лексемы. Транслитерация играет скорее вспомогательную роль и обычно приходит на помощь транскрипции в неясных случаях. Вот некоторые относительно распространенные случаи транслитерации, касающиеся слов, написание которых в настоящее время не вполне устоялось:
- 1) графемы, не имеющие однозначных фонетических соответствий в языке-источнике; примеры:

 $a\kappa\kappa ay + m$ (англ. account) 'учетная запись; счет'; гласный первого слога этимона читается как звук, близкий к [э]; но поскольку в английском

языке в определенных позициях буква *а* может читаться также как [а] (и это подкреплено написанием), при заимствовании возникают варианты; по данным поисковых интернет-систем, на момент написания данной работы вариант *аккаунт* встречается 32 956 577 раз, а *эккаунт* — намного меньше: 579 114 раз; при этом диграф второго слога *ои* прочитан при заимствовании верно, в соответствии с правилами английского языка, как [ау]; так транскрипционный и транслитерационный принципы передачи взаимодействуют в одном слове;

франчайзинг (англ. franchising) 'форма предпринимательства'; гласный первого слога читается как звук, близкий к [э], а передается буквой a; при заимствовании слово дает варианты франчайзинг (в Интернете 2 185 419 употреблений) и френчайзинг (всего 1 003 употребления);

имейл (англ. e-mail) 'электронное сообщение'; первая гласная буква читается как [и]; в Интернете употребления распределились следующим образом: имейл 140 444, и-мейл 33 217 (передается звук), емейл 532 562, е-мейл 1 090 834 (передается буква);

2) удвоенные согласные; согласный, обозначаемый сдвоенной графемой, может и не иметь долгого произношения в языке-источнике, но на письме в принимающем языке часто имеет двойное обозначение, аналогичное этимону; примеры (написание дается по «Русскому орфографическому словарю»):

шопинг (англ. shopping) 'совершение покупок'; в Интернете написаний с удвоением 1 674 229, без удвоения 636 391;

граффити (ит. graffiti) 'надписи, рисунки на стенах'; в Интернете написаний с удвоением 1 512 134, без удвоения 485 312;

триллер (англ. thriller) 'остросюжетный фильм'; в Интернете написаний с удвоением 7 321 302, без удвоения 34 288;

баннер (англ. banner) 'рекламный планшет'; в Интернете написаний с удвоением 15 080 495, без удвоения 2 303 478; ср. слово сканер (англ. scanner) 'считывающее компьютерное устройство': в Интернете написаний с удвоением 13 435 100, без удвоения 13 233 529, т. е. почти поровну (такая ситуация возникла, по всей видимости, благодаря фиксациям этого слова в словарях без удвоения согласной; обратим внимание на то, что при одинаковости фонетической позиции и относительной новизне слов баннер и сканер кодификаторские решения различны);

3) графемы, обозначающие немые и труднопроизносимые для русского человека звуки:

aндe(p)граунд (англ. undergraund) '«подпольное» искусство'; вариант с буквой p дает 198 933 употреблений в Интернете, без p-566 881;

 $nep\phio(p)$ манс (англ. performance) 'театральная импровизация'; вариант с буквой p дает 190 999 употреблений в Интернете, без p-294 979; pec(m)линг (англ. wrestling) 'спортивная борьба'; вариант с буквой m дает 198 884 употребления, без нее -80 675;

4) диграфы и другие составные письменные знаки:

6орсетка (фр. boursette) 'мужская сумочка-визитка'; в соответствии с правилами чтения во французском языке гласный первого слога произносится как [у]; в русском языке гласный первого слога обозначается по первой букве диграфа ou-o; в Интернете таких написаний (с буквой o)-12 129, с буквой a-840 854, а с буквой y- всего 45;

китч (нем. Kitsch) 'внешне броская низкопробная продукция'; вариант *кич* имеет 244 790 употреблений в Интернете, а соответствующий написанию вариант *китч* – тоже немало: 58 782;

5) дифтонги:

6paysep/6poysep (англ. browser) 'программа просмотра в компьютерных сетях'; в соответствии с английской транскрипцией в первом слоге слогообразующим является звук [а], а не [о]; «Русский орфографический словарь» и фиксирует вариант с буквой a, однако в узусе много употреблений с соответствующей написанию буквой o: 1 339 004 (против 9 923 129);

ноутбук (англ. notebook) 'портативный компьютер' чаще передается в соответствии с произношением как ноутбук (29 552 715 употреблений), однако соответствующий написанию вариант нотбук поддержан 73 007 употреблениями;

6) выделяемый этимологически суффикс -op (-ep): в английском языке в безударном положении эти аллографы читаются с редуцированным нейтральным гласным, русский эквивалент которому — редуцированный [ъ] в заударном слоге; на письме он может реализоваться гласной буквой, соответствующей написанию в языке-источнике:

риелтор (англ. realtor) 282 618 + *риэлтор* 2 607 954, ср. *риелтер* 22 081 + *риэлтер* 665 437 'агент по продаже недвижимости';

дистрибьютор (англ. distributor) 5 509 234, ср. дистрибьютер 5 521 037 'агент или фирма по распределению товаров между потребителями';

тьютор (англ. tutor) 68 179, ср. *тьютер* 2 498 'преподаватель, наставник'.

Таким образом, транслитерация как способ письменной передачи иноязычного слова в отдельных случаях конкурирует с транскрипцией, и это может быть одной из причин письменной нестабильности заимствований. **3.4.** Влияние внутрисистемных языковых факторов на написание слова. Есть случаи, когда орфографические колебания заимствований вызываются их парадигматическими связями в системе русского языка. Они неоднотипны. Это может быть возникновение нежелательной омонимии, и тогда действует тенденция к графическому расподоблению лексем (ср. метр 'единица измерения; стихотворный размер' и мэтр 'учитель').

Другие случаи внутрисистемного влияния на письменное оформление имеют место у слов, которые, являясь заимствованиями, одновременно допускают возможность рассмотрения их как производных (или просто однокоренных) по отношению к более ранним заимствованиям. В этих случаях морфологический принцип предполагает единообразную передачу на письме общей для этих слов морфемы, а мотивация этимоном требует транскрибирования по общим для всех принципам. Если наблюдается расхождение этих двух мотивирующих по фонемному составу, это является еще одной причиной возникновения вариантов. Так фактор двойственной мотивации усиливает письменную нестабильность неологизмов. Этим вызваны, к примеру, колебания в написании слова хэви-метал / хэви-металл (с вариантами хеви-метал / хеви-металл) 'направление в рок-музыке – «тяжелый металл»', англ. heavy metal, этимологическая природа которого не допускает написания с удвоенным «л», а корреляция со словом металл провоцирует такое написание. Подробнее об этом см. [Нечаева 2005].

3.5. Действующие правила правописания иноязычных слов. В спорных случаях правописания принято обращаться к правилам орфографии и пунктуации. Обобщение словарного материала, выявление закономерностей, изучение языковых тенденций приводит в итоге к возможности сформулировать алгоритм принятия нормативного решения. Указание на фонетико-орфографическую позицию для данной орфограммы и на лексическую область распространения ограничивает применение данного алгоритма. Так возникает правило правописания.

Как уже говорилось, правил правописания иноязычных слов, как таковых, не существует. Информацию об этих проблемах мы находим в разделах, посвященных употреблению отдельных букв и небуквенных знаков. Только вооружившись знанием того, каковы эти проблемы у иноязычных слов, пользователь сможет получить искомую информацию. Но размежевание русской и иноязычной лексики все же происходит — внутри соответствующего параграфа, поскольку кодификаторские подходы к этим двум группам лексики различны.

Бывают ли случаи, когда правила не работают или работают не в полной мере? Да, и причинами этого могут быть: а) несоблюдение правилом языковых тенденций, в результате чего может возникать противоречие между правилом и письменным узусом; б) неполный охват правилом языковых явлений, отсутствие необходимой и достаточной информации для применения данного правила.

Об одном из случаев противоречия между правилами и узусом — см. п. 4 данной работы. Сначала рассмотрим вопрос о полноте регламентирующего описания иноязычной по происхождению лексики в действующих правилах.

Поскольку язык — развивающаяся система, стопроцентного отражения всех связанных с правописанием явлений в орфографических правилах быть не может. Всегда найдется что-то новое, что еще не описано, не регламентировано. Но когда подобных явлений существует достаточно заметное количество, — это можно расценивать как показатель относительного неблагополучия в данной области.

В сфере иноязычной лексики существует довольно большое количество слов, написание которых не подпадает ни под одно правило правописания. При современной активности процессов заимствования количество так называемых «словарных» слов в русском языке неуклонно увеличивается. Среди заимствований существуют целые многочленные лексические ряды, объединенные каким-либо фонетико-орфографическим признаком, написание которых не регулируется общими основаниями и подчиняется традиции. В тех же случаях, когда традиция еще не сформировалась (т.е. когда речь идет о неологизмах), имеет место длительный период орфографической нестабильности.

- Б.З. Букчина, анализируя состояние правил русской орфографии 1956 г., пишет: «Несовершенство правил, как показал анализ, связано или с неудачной редакцией формулировок правил или с неверной интерпретацией языковых явлений, лежащих в основе правил. Исходя из этого, можно условно выделить три группы правил, нуждающихся в уточнениях, новых редакциях и, возможно, иных основаниях, регламентирующих написания конкретных орфографических разрядов слов. 1. "Правила" не полностью охватили части слов или слова, подлежа-
- 1. "Правила" не полностью охватили части слов или слова, подлежащие регламентации с точки зрения конкретного правила.
- 2. В "Правилах" отсутствуют целые категории слов, подлежащие орфографической регламентации.
- 3. В некоторых случаях вызывают возражение лингвистические обоснования орфографических рекомендаций правил» [Букчина 1974: 45].

Очевидно, что к правилам, регламентирующим написание заимствований, имеют отношение недостатки первый и второй. Наличие лексических рядов с соотносимыми орфограммами, кодифицируемых словарно, следует отнести к недостатку номер 2. Однако стремление его преодолеть привело бы к необходимости отразить в правилах те проблемы передачи иноязычных слов, которые связаны с транскрипционной (транслитерационной) передачей иноязычных фонем в русском языке. (Примеры таких рядов: китч/кич, скотч/скоч, стрети/стреч; пентзаус/пентхауз, таунзаус/таунхауз; экшен/экшн, промоушен/промоушн, се(й)шен/се(й)шн). Эти проблемы в правилах не регламентируются (о соотношении предметов изучения орфографии и теории транскрибирования здесь уже говорились, см. раздел 3.2).

Первый из названных Б.З. Букчиной недостатков (неполный охват слов, подлежащих регламентации с точки зрения конкретного правила) связан с одним характерным свойством действующих и редактируемых правил, касающихся иноязычных слов, которое состоит в том, что в правилах обычно регламентируется заданный *список* слов. Так построены правила об употреблении буквы э, букв о, ë, e после шипящих, о написании двойных согласных, о слитном/дефисном написании этимологически сложных слов. Вот две параллельные выдержки из «Правил...» 1956 года и «Справочника...» 2006 года.

«Правила...» 1956 года:

§ 68. Написание двойных согласных в иноязычных словах определяется в словарном порядке, например: *ирригация*, коррозия, кассация, эксцесс, эссенция, но: афиша, литера, официальный, офорт, рапорт.

«Справочник...» 2006 года:

§ 107. Написание двойных согласных в корнях заимствованных (иноязычных) слов определяется в словарном порядке, напр.: аббревиатура, акклиматизация, аккомпанемент, аккредитация, аккуратный, аллея, антенна, апелляция, аппарат, ассоциация, аттракцион, бацилла, брутто, буддизм, ванна, ватт, грамм, грамматика, грипп, группа, иллюзия, иллюстрация, иммиграция, ирригация, касса, кассета, киллер, класс, коллекция, колонна, комментировать, коммуна, компромисс, корреспондент, коррида, коррозия, коррупция, масса, металл, миссия, новелла, оппозиция, пицца, пресс, пресса, программа, профессор, раввин, спиннинг, стеллаж, суббота, терраса, террор, тонна, триллер, труппа, хлорофилл, хоккей, эксцесс, эссенция.

Ср. иноязычные слова с одиночными согласными: алюминий, галерея, десерт, дилер, дилетант, импресарио, коридор, офис, официальный, офшор, рапорт, раса, софит, тореро, тротуар, штекер, эмиграция и многие другие.

Как видим, в новом «Справочнике...» правило значительно обогащено словарным материалом, однако и оно состоит в простом перечислении нормативных орфограмм. Такое построение правила отражает не прихоть кодификаторов, а объективные трудности. Сказывается первоначальная неупорядоченность написаний двойных согласных, вошедшая в традицию. Этим правила, касающиеся заимствований, отличаются от большинства правил правописания русских слов, которые обычно содержат обобщенные рекомендации. Связано это отчасти с отсутствием единого формального критерия классификации заимствований в соответствии с различиями в их написании. С другой стороны, действует «привычка» в отношении иноязычных слов — по традиции кодифицировать их подобным образом, которая сложилась тогда, когда количество широко распространенных заимствований было невелико и их запоминание «списком» не составляло такой проблемы, как сейчас.

Правилом, включающим формальный критерий классификации заимствований при определении их написания, является отчасти правило об употреблении букв е/э после гласной, по которому выбор зависит от предшествующей буквы (диета, гигиена, феерия, реквием, веер, иероглиф, но дуэль, маэстро, менуэт, поэма, алоэ, коэффициент). Правда, оно небезысключительно (ср. проект, траектория, фраер и др.); кроме того, основания такой регламентации довольно условны, так как она построена на прецеденте, а не на лингвистических мотивациях.

Таким образом, действие правила, касающегося иноязычных слов, обычно ограничивается приведенным списком и не распространяется на более широкий лексический материал, тем более — на новые слова. Получается, что правила описывают, а не предписывают. Как пишет В.Ф. Иванова, «современное состояние русского языка таково, что уже давно созданные орфографические правила (1956) и даже вполне современные орфографические словари не могут достаточно полно "обслужить" наш язык при письменном его функционировании. Процесс естественного развития русского языка, обогащение его словарного состава, в частности также и за счет неологизмов, терминотворчества и заимствований, создают новые орфографические ситуации, поднимают новые орфографические проблемы, настоятельно взывая к вдумчивой, разносторонней, обстоятельной и в то же время неторопливой работе по совершенствованию русской орфографии» [Иванова 1991: 77].

4. Языковые критерии орфографического нормирования иноязычных заимствований. Специфика иноязычной лексики как особой подсистемы в составе русского языка, ее иноязычное происхождение

подсказывают два критерия успешности орфографической кодификации: 1) максимально возможное соответствие русского эквивалента этимологическому источнику и 2) соответствие полученной графической записи слова системе русского письма. Соблюдение баланса между этими двумя критериями составило бы идеал кодификации. Но этот идеал труднодостижим, и на практике принимающему решения кодификатору часто приходится выбирать между ними, баланс не выдерживается, и чаша весов склоняется то в одну, то в другую сторону. Приоритет того или иного критерия для спорных случаев в теории кодификации пока не обозначен, несмотря на активное обсуждение этой проблемы в прошлом. «...В России одной из тем орфографических дискуссий XIX-ХХ вв. была следующая: что предпочесть, показ необычности написания и произношения иноязычного имени в ущерб общепринятым нормам своего языка или точное следование традиционным для принимающего языка написаниям и отказ от передачи своеобразия иноязычного слова», – пишет А. В. Суперанская [Суперанская 1978: 158]. По мнению А. А. Реформатского, «...то, что не перечит норме и возможностям своего языка, пусть сохранится в транскрипции и пусть это выглядит не вполне как свое» [Реформатский 1965: 10].

В связи со сказанным спорным является вопрос о передаче в иноязычных словах фонемы <э> после твердого согласного.

По правилам в данной позиции в нарицательных словах фонема <э> передается буквой е с ограничением в виде нескольких слов-исключений, в которых пишется э (мэр, мэтр, пленэр, пэр, рэкет, рэп, сэр и их производные [см. Справочник... 2006: 22]). В то же время узус обнаруживает настойчивое стремление при записи новых слов передавать твердость предшествующего согласного с помощью буквы э. Эта тенденция была отмечена и в «Обзоре предложений по усовершенствованию русской орфографии» [1965]. При этом там же отмечается, что по мере освоения заимствований «выбор между э и е после согласных решился в пользу е: в парах бэмоль – бемоль, бэкон – бекон, адэкватный – адекватный и др. победили вторые написания» [Обзор... 1965: 409—410]. Ср. примеры современных неологизмов, включающих данную орфограмму, отражающие довольно упорное неподчинение действующим правилам (по данным поисковых интернет-систем на момент написания этой работы):

anrpeйd - 1544119, anrpeid - 32590 'модернизация компьютера'; bek-bokan - 10608, bek-bokan - 139029 'вокальное сопровождение сольного пения';

```
бедж - 47 229, бэдж - 95 796 'идентификационная карточка сотруд-
ника';
  бренд - 10 686 019, брэнд - 4 056 327 'торговая марка';
  uмейл -158004, uмэйл -103851 'электронное сообщение';
  карате – 453 359, карат – 670 142 'спортивная борьба';
  каркаде – 137 489, каркадэ – 29 251 'напиток типа чая из гибискуса';
  лейбл -2242442, лэйбл -554810 'этикетка';
  регтайм - 49 871, рэгтайм - 14 771 'вид американской танцеваль-
ной музыки';
  nетиворк - 56, nэтиворк - 1 589 'лоскутное шитье';
  сейл – 56 594, сэйл – 26 940 'распродажа';
  cnpe\ddot{u} - 1\,586\,569, cnp<math>\ni \ddot{u} - 29\,561 'распылитель';
  mpeн\partial - 1\ 363\ 258, mpэн\partial - 73\ 643 'тенденция';
  mpeu - 65 128 649, mpэu - 535 904 'культурный мусор';
   \phiен-шуй – 698 437, \phiэн-шуй – 2 156 190 'китайское искусство жить
в гармонии с природой'.
```

Сравнивая количественные показатели употребления букв э и е, мы можем предположительно заключить, что количество употреблений с э убывает по мере семантического освоения слова. В более освоенных словах чаще употребляется буква е (ср. бренд, регтайм, лейбл, спрей в противоположность словам бэк-вокал, бэдж, пэтчворк при близком к равновесию соотношении чисел у слова карате). Орфограммы с буквой э подчеркивают произносительные особенности слова в языке-источнике (подчеркивается твердость предшествующего согласного); написания с е отражают традиции русской системы письма, в соответствии с которой буква э изначально писалась в начале слова и после гласных, но не после согласных. Разумеется, кроме семантической освоенности могут иметь значение и другие факторы, например влияние словарных фиксаций или фактор экзотичности обозначаемого понятия, как у слова фэн-шуй.

Мнения лингвистов по этому вопросу полярны. Еще Л. В. Щерба писал: «Во всяком случае в современном русском литературном языке во многих заимствованных словах утвердилось твердое произношение согласных перед гласным "э" (...). И едва ли правильно маскировать литературное произношение многих слов, которые узнаются лишь из книг или газет, а не устным путем (...). Во всяком случае как ни решать вопросы правописания заимствованных слов, нет никаких оснований обеднять средства русского алфавита и мешать его возможности в случае надобности выразить твердость согласного перед гласным "э"» [Щерба 1983: 70].

Его поддерживает В.Ф. Иванова: «Употребление буквы э в новых заимствованиях следует как-то узаконить: ее употребление отвечает общему духу транскрипционной передачи заимствованных слов в русском письме» [Иванова 1991: 73]. Г.Г. Тимофеева высказывает предложение «о введении форм заимствований с Э в словник Орфографического словаря и нормализации сложившегося положения с вариантностью английских заимствований» [Тимофеева 1992: 21].

Противоположное мнение выражают Н. А. Еськова, Я. И. Шубов и В. В. Лопатин: «Очевидно, в настоящее время не может всерьез стоять вопрос о том, чтобы значительно расширить применение орфограмм "согласная + э" внутри морфемы, хотя, казалось бы, это прекрасный способ отразить на письме реальные произносительные различия (...). Однако фонетическая система современного русского литературного языка не дает достаточных оснований для такого решения, так как в ней нет отчетливого противопоставления фонемных сочетаний "твердая согласная + <>>" и "мягкая согласная + <>>". Введение написаний "согласная + э" в соответствии с произношением было бы сопряжено и с большими практическими затруднениями. Речь может идти только о некотором расширении списка исключений» [Еськова 1964: 45-46]; «Но как раз потому, что палатализация согласных в заимствованных словах – явление живое, попытка регламентировать различное произношение согласных с помощью букв э или е была бы просто утопией. Наоборот, одинаковое написание е после согласных дает нам простое орфографическое правило и оставляет полную свободу для изменения или сохранения существующей орфографической нормы» [Шубов 1965: 23]; «При решении вопроса о каноническом написании его [слова тинейджер. – И. Н.] принимается во внимание нецелесообразность увеличения количества слов с буквой э в середине» [Лопатин 1998: 3].

Практическое разрешение вопроса о правописании слов с графической оппозицией 3/e невозможно без решения вопроса об общих основах орфографического нормирования иноязычных слов. Впрочем, попытка предложить универсальное правило для таких заимствований была сделана А. В. Суперанской (предлагалось после согласных везде писать e, а после гласных -3) (см. [Суперанская 1964: 76]), но предложение это не было поддержано.

Но для одной группы слов – с *конечной* фонемой < лосле согласного – все же была найдена закономерность общего порядка: «Для неизменяемых заимствованных слов произношение твердых согласных перед конечным e является закономерным. И именно поэтому нет смысла

писать их с э. Написание *карат* создает нежелательное отличие письменного облика этого слова от слов *варьете*, *декольте*, *фуэте* и др.» [Еськова 1991: 67]. Правда, здесь же говорится об ограничении этой закономерности твердого произношения согласного, касающемся задненебных и [л] (например, *коммюнике*, *филе*), а также слова *кофе*. В [Справочнике... 2006] отмечается описанная произносительная особенность согласного + э в позиции конца слова, но это не используется в качестве дифференцирующего критерия для правила орфографии.

5. О природе вариативности иноязычных слов. «Вариантность является органическим свойством языковых средств, вытекающим из характера языковой системы (системы языковых возможности передачи в языке одного и того же (или близкого) лингвистического значения двумя или несколькими формальными способами; таким образом, вариантность рассматривается как существование языковых средств по крайней мере в двух различных модификациях», — со ссылкой на Э. Косериу пишет Б. З. Букчина [Букчина 1981: 215]. В отношении иноязычных слов такая возможность различной формальной передачи порой достигает предела (см. примеры из раздела 2 «Узус и норма»). Поскольку одновременно существуют различные мотивации написания слова, то зачастую нет достаточных оснований, по которым следовало бы признать один из графических вариантов заимствования более предпочтительным, нежели иные.

Общеизвестно, что в области иноязычной лексики вариативность отражает различные явления. Варианты заимствований неоднотипны. Существуют варианты собственно орфографические (колебания происходят на уровне графических обозначений) и фонетико-орфографические, или фонематические (нестабильность графических средств отражает колебания в установлении фонемного состава слов). Как считает Г. Г. Тимофеева, «фонетико-орфографические» – это «удачное название характерной особенности: многослойности произносительной и письменной формы иноязычного слова в русском языке» [Тимофеева 1995: 33].

Разграничение двух типов вариантов заимствований не особенно четкое и не во всех случаях может быть проведено, но оно существует. Естественно, что степень условности нормы в этих двух случаях будет различной. Опыт русской лексикографии свидетельствует о том, что до недавнего времени в случае фонетико-орфографической вариативности в нормативные словари принимались обычно оба варианта (см., например., фиорд и фьорд, автотрофный и аутотрофный, аблатив и

аблятив, ланч и ленч), и такие варианты бытовали параллельно на протяжении многих десятилетий. Собственно орфографические варианты сосуществовали как бы «по недосмотру»: обычно это редкие слова, выпавшие на какое-то время из поля зрения лингвистов (например, галеон и галион, каббалистика и кабалистика). В «Русском орфографическом словаре» такая вариативность была устранена. Собственно орфографические варианты не обоснованы фактами языка и легче поддаются унификации, нежели варианты фонематические. По мнению Б. 3. Букчиной, «понятие орфографического варианта связано с "орфографическим обликом" слова, а не со структурой языка и со структурой слова, и отказ от одного из вариантов только унифицирует письмо, никак не затрагивая сам язык, систему языковых средств» [Букчина 1981: 218]. Что касается фонетико-орфографических (фонематических) вариантов, то их обоснованность языковыми причинами обусловливает их более длительное сосуществование в практике употребления.

Берясь за унификацию орфографических вариантов новых заимствований, традиция письменного употребления которых еще не сформировалась, лингвистам предстоит решить, какие из них следует признать нормативными, а какие должны пасть жертвой унификации. Для этого необходим четкий критерий нормирования, при отсутствии которого выбор не избегнет субъективизма, в результате неизбежно будет оспорен, и, следовательно, к единообразию написаний это не приведет. Такой критерий обычно дается в правилах правописания.

При рассмотрении «Правил...» 1956 года и «Справочника... 2006» говорилось о том, что способ кодификации заимствований, в отличие от русских слов, как раз характеризуется отсутствием обобщенных предписаний и часто сводится к перечислению орфограмм. Это приводит к тому, что при отсутствии четких рекомендаций по написанию слова действующие правила объективно поддерживают вариативность (см. об этом также [Тимофеева 1995: 37]).

Нельзя сказать, что в лингвистике не предпринималось попыток найти общие критерии кодификации по всем животрепещущим проблемам письменной адаптации иноязычных слов. Полный и подробный анализ предложений по нормированию заимствований был осуществлен в [Обзоре...1965]. В работах А. В. Суперанской, В. Ф. Ивановой, Н. А. Еськовой, Б. З. Букчиной, Я. И. Шубова, М. Я. Гловинской, Л. К. Чельцовой, Г. Г. Тимофеевой и других также предлагались различные способы орфографической унификации. Обобщая, можно назвать некоторые критерии нормирования.

- 1) По правописанию одиночной/удвоенной согласной (при наличия удвоения в этимоне):
 - а) соответствие написанию в языке-источнике;
- б) определение сильной/слабой позиции для произношения долгого звука на месте удвоенной согласной в системе русского языка;
- в) опора на орфографический прецедент ранее заимствованные слова, имеющие в своем составе ту же морфему;
- 2) по слитному/дефисному написанию этимологически сложных слов:
- а) делимость слова на две или более части, представляющие собой самостоятельно употребляющиеся существительные;
- б) характер синтаксических отношений между компонентами слова;
- в) звуковой состав стыка морфем (вокально-консонантный либо консонантно-консонантный, реже вокально-вокальный).

Но в процессе исследования выяснилось, что ни один из предложенных критериев не способен решить проблему правописания в своей области в целом. Каждый из них в определенном отношении неудобен и неуниверсален. Необходимо искать пути их сочетания или соподчинения (см. об этом [Нечаева 2004]).

6. Этапы нормирования. Традиционно языковая норма понимается как «совокупность устойчивых реализаций языковой системы в результате социально-исторического отбора языковых элементов из числа сосуществующих» [Энциклопедия... 1997: 270]. Устойчивость употребления — органическое свойство нормы, без которого она теряет свой статус. Как уже говорились, в сфере заимствования установлению нормы предшествует длительный период колебаний. В создавшейся ситуации лингвист-кодификатор и составитель словаря оказываются перед дилеммой сохранения вариантов нового слова или выбора и закрепления еще не устоявшегося написания.

Этот вопрос лексикографы решают двояко: 1) фиксируют иноязычные неологизмы в том написании или в тех написаниях, которые встречаются им в узусе (в чем сказывается преобладание объективной – по А. М. Пешковскому – точки зрения на язык); 2) отвергают орфографическую вариативность и фиксируют слово в том написании, которое, по их мнению, является по тем или иным причинам наиболее правильным (точка зрения нормативная). В первом случае (при сохранении всех вариантов) читатель лишается ориентира относительно предпочтительности графического оформления слова (поскольку в узусе порой встречаются написания,

неприемлемые ни с какой точки зрения, например масс медиа, супер шоу, видеостриптиз-клуб, колонетика при англ. этимоне callanetics, дистрибьютэр). Во втором случае выбор единственного варианта довольно часто представляется необъяснимым; условность выбора приводит к тому, что кодифицированное написание неохотно поддерживается узусом.

Между тем ранняя фиксация нового слова в авторитетном источнике (а таковым для большинства носителей языка является словарь) могла бы быть полезным подспорьем для пишущего при употреблении иноязычного слова на ранних этапах заимствования. Вопрос состоит в том, как слово с неустоявшимся написанием должно быть зафиксировано в словаре. Наиболее оптимальным нам представляется путь установления границ вариативности. Это означало бы определенный отбор вариантов, отделение допустимых с точки зрения русской орфографии от заведомо неправильных, не идя на поводу у узуса, но и не ограничивая себя единственным, не вполне мотивированным написанием, претендующим на каноничность.

В ходе такого *предварительного нормирования* следовало бы устранить как заведомо ненормативные варианты, нарушающие нормы транскрипции и традиции русского письма (примеры см. выше), так и непоследовательные написания (например, *стрэтч*, но *стретчинг*, форсмажор, но форс-мажорный).

Таким образом, поскольку во многих случаях не существует общепринятых критериев императивной унификации орфографических вариантов, следует, по-видимому, допустить временную вариативность иноязычных неологизмов на этапе их освоения как на фонематическом, так и на орфографическом уровне. В орфографии, как и на других уровнях языка, необходимо разграничивать «нормализацию как спонтанный языковой процесс и собственно кодификацию» [Семенюк 1996: 23]. Изменившаяся в последние десятилетия языковая ситуация требует изменения и кодификаторских подходов, подталкивает от положения «орфографического режима» [см. Григорьева 2000] к большей толерантности. Того же мнения в целом придерживается и С. М. Кузьмина, название статьи которой – «Об умягчении нравов русской орфографии» – говорит само за себя: «По нашему мнению, целесообразно пересмотреть статус орфографических правил и сделать их более гибкими, узаконив в определенных случаях правописные варианты» [Кузьмина 2001: 406].

Применительно к иноязычным словам поддержка вариативности целесообразна тогда, когда написание слова определяют равно существенные, но противоречивые мотивации. Например:

слово $umpux(-)\kappa o \partial$ можно рассматривать как сложносокращенное слово (с усеченной первой частью: $umpuxoso i \kappa o \partial$), и тогда его следует писать слитно, либо как сложное слово, которое членится на два самостоятельно употребляющихся существительных ($umpux + \kappa o \partial$), и тогда его следует писать через дефис; в узусе написание этого слова колеблется (397 525 слитно, 1 197 553 через дефис);

слово капуч(ч)ино имеет в этимоне удвоенную согласную (ит. capuccino), в узусе же количество слитных и дефисных употреблений примерно одинаково: 131 921 с удвоением и 136 319 — без удвоения (вероятно, под влиянием некоторых словарных фиксаций); слово пэтиворк/петиворк 'лоскутное шитье' появилось недавно и

слово $n ext{э} m ext{чворк}/n em ext{чворк}$ 'лоскутное шитье' появилось недавно и еще как бы «хрустит новизной»; несмотря на нежелательность употребления в русском языке буквы $ext{9}$ после согласного, подобные написания в узусе преобладают: 1589 / 56 в пользу буквы $ext{9}$; игнорировать такое соотношение на данном $ext{9}$ тапе вряд ли оправданно, по $ext{9}$ тому вариант с $ext{9}$ следует оставить, а вариант с $ext{e}$ самим своим присутствием подскажет внимательному читателю предпочтительное написание.

В этих и некоторых других случаях вариативность написания слова следует, видимо, отразить в нормативных источниках. По миновании этапа освоения заимствований сформируется орфографическая норма, которая и будет окончательно кодифицирована.

7. Правила «старые» и «новые». В «Справочнике... 2006» в значительной степени преодолены расхождения между содержанием правил и современной письменной практикой, накопившиеся с 1956 года. Во многом это имеет отношение к регламентации заимствованных слов. В новой редакции учтены изменения, произошедшие в языке за эти годы, обновлен и дополнен иллюстративный материал; ряды примеров пополнили новые заимствования, на их основе уточнены и конкретизированы некоторые формулировки, подверглись регламентации новые языковые явления из этой области.

При этом в «Справочнике...» не изменен традиционный подход к подаче материала. Заимствованные слова в целом по-прежнему композиционно не выявлены; к ним применяется тот же подход, что и к исконным словам. В этом есть свои плюсы и свои минусы. К плюсам относится вытекающий из такой композиции единый способ нахождения конкретного правила для русских и иноязычных слов: пользователю не нужно определять «иноязычность» происхождения слова, для того чтобы найти информацию о его правописании. К минусам относится исключение мотиваций написания, связанных с иноязычным происхож-

дением слова, из кодификационного инструментария, что создает впечатление немотивированности многих орфографических решений. В этом одна из причин того, что большая часть заимствований кодифицируется списочно, простым перечислением языковых фактов, или словарно, не будучи упомянутыми в «Правилах...» вообще.

Некоторые замечания, высказанные при обсуждении научной общественностью новой редакции «Правил...», касались также вопроса о допущении в кодифицирующих источниках вариативности заимствований — до тех пор, пока не устоится одно написание. Тем самым был бы преодолен разрыв между рекомендациями «Правил...» и реальным положением дел в словарной практике.

Таким образом, предстоит дальнейшая работа в области кодификации заимствованных слов с опорой на теоретическое изучение актуальных для этой области проблем. Возможно, вслед за А. В. Суперанской [1964] и Г. Г. Тимофеевой [1995] следовало бы подумать о композиционной реорганизации правил, касающихся иноязычных слов.

- **8. Выводы.** 1. Объективно сложившееся состояние нашей кодифицирующей базы не позволяет на практике решить проблему орфографического единообразия иноязычных слов, что связано с недостаточной разработанностью принципов нормализаторской деятельности в этой области. Задача преодоления широкой вариативности заимствований требует специального изучения.
- 2. Вопрос определения орфографической нормы для иноязычного слова часто не имеет однозначного решения. Норма здесь спектр реализаций, а не одна реализация. Унификация письменных вариантов может быть достигнута двумя путями: а) установлением критериев кодификации; б) проверкой временем в узусе. Отсутствие четких критериев нормирования приводит к тому, что для освоения русским языком иноязычному слову необходимо пройти этап колебаний. Поэтому запрет кодификаторов на орфографические варианты на ранних этапах бытования слова в русском языке представляется не вполне обоснованным.
- 3. Запрос общества выражается в большей степени в потребности общих рекомендаций по письменной передаче заимствованных слов (в рамках каждой конкретной орфографической проблемы), чем в частных словарных рекомендациях. По отношению к последним в некоторых случаях выражается скепсис из-за невыявленности лингвистических мотивировок кодификаторского решения.
- 4. Причины письменной нестабильности неологизмов состоят, с одной стороны, в этимологической специфике заимствованной лекси-

- ки, с другой в неготовности теории нормирования. В основе лежит перекрестность мотиваций написания. Выбор осуществляется между: а) двумя фонемами; б) двумя способами обозначения одной фонемы; в) между передачей фонемы или буквы этимона; г) между мотивацией этимоном или ранее освоенным однокоренным заимствованием в его русской графической передаче; д) между близостью к языку-источнику или следованием традициям русского языка. Часто для разрешения этих оппозиций требуется сознательное вмешательство кодификаторов. В этом отражается нерешенная в настоящее время проблема субъективного и объективного в орфографии, т.е. вопрос об определении границ допустимого вмешательства лингвистов в процессы нормирования.
- 5. Многообразие причин колебаний влечет за собой трудность нахождения единых критериев нормирования. Создание непротиворечивых норм употребления представляет нелегкую задачу. Отсюда «списочный» характер правил и «штучный» подход к кодификации. Предстоит теоретическая работа над выявлением критериев нормирования для различных типов заимствований.
- 6. Вопросы транскрипционной передачи иноязычных слов игнорируются при регламентации письменных употреблений. На наш взгляд, жесткое разграничение «сфер влияния» орфографии и практической транскрипции, принятое сейчас, малопродуктивно. Завершение процесса заимствования слова выражается в орфографической норме, фонемный облик иноязычного слова окончательно закрепляется в орфограмме. Поэтому кодифицирующим источникам не следует сторониться вопросов, связанных с фонетическими процессами. Нужно также учесть, что правила правописания единственный для пользователя-нелингвиста источник регламентации вопросов освоения иноязычных слов. Ведомственные инструкции по транскрибированию иноязычных фонем недоступны широкому читателю. Отсутствие доступной информации по графическому оформлению неологизмов ведет к распространению в узусе неправильных вариантов.
- 7. Суть орфографического нормирования состоит в написании новых слов на основе старых. Для иноязычных слов это не всегда возможно. Открытость списков в правилах провоцирует вариативность неологизмов. Можно ли решать частные вопросы, не решив проблему в целом? По убедительному мнению Р. И. Аванесова, «любая попытка кодификации орфографии должна иметь свой стратегический план, на почве которого только и могут решаться частные тактические задачи. Стратеги-

ческий план предполагает предварительную глубокую разработку теории русской орфографии на исчерпывающем лексическом материале, учет направлений развития устной речи и стихийных изменений, колебаний, наблюдающихся в орфографической практике (...)» [Аванесов 1978: 223]. Такой «стратегический план» нормирования в отношении иноязычных слов в настоящее время отсутствует. Но решение частных вопросов нормы — настоятельная потребность времени. Язык развивается непрерывно. Мы не можем «объявить мораторий» на введение новых слов до тех пор, пока не будет достигнут результат теоретических исследований. Поэтому оптимальным представляется решение отразить в кодифицирующих источниках вариативность заимствований — как показатель незавершенности процесса их освоения. Изменение языковой ситуации требует изменения кодификаторских подходов. Императивность кодификации должна эволюционировать в сторону большей толерантности.

8. При этом вариативность понимается не как хаос, а как упорядоченное многообразие. Необходимо установить границы вариативности с позиции принципов русской орфографии, различать варианты допустимые и однозначно ошибочные. Такое предварительное нормирование могло бы, возможно, привести к постепенному «оздоровлению» узуса, избавлению от заведомо неправильных и непоследовательных написаний.

ЛИТЕРАТУРА

Аванесов Р. И. Заметки по теории русской орфографии // Восточнославянское и общее языкознание. М., 1978.

Букчина Б. 3. «Правила русской орфографии и пунктуации» (1956 г.) и орфографическая практика. // Изв. АН, серия литературы и языка. Т. 33. № 1, 1974.

Букчина Б. 3. Орфографические варианты // Литературная норма и вариантность. М., 1981.

 Γ ак В. Γ . Орфография в свете структурного анализа // Проблемы структурной лингвистики. М., 1962.

Гловинская М. Я. Написание двойных согласных в заимствованных словах // Проблемы современного русского правописания. М., 1964.

Григорьева Т. М. Русская орфография в посттоталитарный период // Русский язык сегодня. Вып. 1. М., 2000.

Eськова H. A. Можно ли совсем избежать употребления э после согласных в именах нарицательных // О современной русской орфографии. M., 1964.

Еськова Н. А. Надо ли писать каратэ? // Русская речь, № 3, 1991.

3ахаренко E. H., Комарова Л. H., Нечаева И. В. Новый словарь иностранных слов. М., 2003.

Иванова В. Ф. Актуальные проблемы русской орфографии // «Русский язык в школе», № 1, 1991.

Ицкович В. А. Норма и ее кодификация // Актуальные проблемы культуры речи. М., 1970.

 $\mathit{Крысин\, }\Pi.$ П. Некоторые теоретические вопросы заимствования // $\mathit{Л.\Pi}.$ Крысин. Русское слово, свое и чужое. М., 2004.

Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. М., 2005.

Кузьмина С. М. Норма в орфоэпических и орфографических словарях // Русский язык сегодня. Вып. 3. М., 2004.

Кузьмина С. М. Об умягчении нравов русской орфографии (к проблеме вариативности написаний) // Жизнь языка. Сборник статей к 80-летию Михаила Викторовича Панова. М., 2001.

Кузьмина С. М., Лопатин В. В. К лингвистическому обоснованию «Свода правил русского правописания» (новая редакция) // Русистика сегодня, № 1, 1996.

Лопатин В. В. Заметки об орфографии новых слов // «Русский язык», № 17 (137), май 1998.

Лопатин В. В. Проблемы нормирования и опыт орфографической работы. www.gramota.ru.

Нечаева И. В. Мотивированность иноязычных заимствований: орфографический аспект проблемы. // Русский язык в научном освещении, № 1 (9), 2005.

Нечаева И. В. Правописание иноязычных слов в свете действующих правил орфографии // «Русский язык в школе», № 5, 2004.

Новое в русской лексике. Словарные материалы 1990. СПб., 2004.

Новое в русской лексике. Словарные материалы 1992. СПб., 2004.

Новый большой англо-русский словарь. В 3-х тт. Под общ. рук. Ю. Д. Апресяна. М., 1993—1994.

Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии (XVIII – XX вв.). М., 1965.

Пешковский А. М. Объективная и нормативная точка зрения на язык // А. М. Пешковский. Сборник статей. Методика родного языка, лингвистика, стилистика, поэтика. Л. – М., 1925.

Правила русской орфографии и пунктуации. Учпедгиз, 1956.

Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник. Под ред. В. В. Лопатина. М., 2006.

Реформатский А. А. Орфография собственных имен // Орфография собственных имен. М., 1965.

Розенталь Д. Э., Джанджакова Е. В., Кабанова Н. П. Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. Изд. 4-е, испр. М., 2001.

Русский орфографический словарь. Под ред. В. В. Лопатина. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2005.

Семенюк Н. Н. Формирование литературных норм и типы кодификационных процессов // Языковая норма. Типология нормализационных процессов М., 1996.

Суперанская А. В. Написание заимствованных слов в современном русском языке // Проблемы современного русского правописания. М., «Наука», 1964.

Cуперанская A. B. Теоретические основы практической транскрипции. M., «Наука», 1978.

Тимофеева Г. Г. Английские заимствования в русском языке (фонетико-орфографический аспект). Автореф. докт. дисс. СПб, 1992.

 $Tимофеева \ \Gamma$. Γ . Вариантность как закономерность процесса фонетико-орфографического освоения английских заимствований // Фонетика и письмо на разных этапах их исторического развития. Межвузовский сборник научных трудов. Омск, 1995.

Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия. Под ред. Г. Н. Скляревской. М., 2001.

Шубов Я. И. Некоторые особенности русской орфографии и транскрипция иностранных личных имен // Орфография собственных имен. М., 1965.

Шубов Я. И. Употребление букв э, е после согласных в заимствованных словах // О современной русской орфографии. М., «Наука», 1964.

Щерба Л. В. Теория русского письма. М., 1983.

Энциклопедия «Русский язык». Изд. 2-е, перераб. и доп. М., 1997.

ПРАВОПИСАНИЕ И ВАРИАТИВНОСТЬ

В. В. Лопатин

В переживаемое нами время проблемы вариативности правописания интересуют многих, особенно редакционно-издательских работников и журналистов. Связано это прежде всего с большим количеством новых слов и необходимостью их адаптации к русскому письму.

В принципе орфография – как письменная форма языка – наиболее устойчива к вариативности. Орфографические нормы единообразны и не допускают вариантов (факты двоякого написания слова – такие, как формениано и форменьяно, – уникальны). Правила правописания фиксируются в виде общеобязательного и официально утвержденного документа – свода правил, а единое каноническое написание слов – в нормативных орфографических словарях. Разумеется, эти документы должны периодически обновляться, пополняться, упорядочиваться с учетом новых фактов языка и практики письма.

С точки зрения подвижности орфографических норм наиболее устойчивый характер носят нормы, определяющие употребление букв в составе слов. Нормы слитных, раздельных и дефисных написаний более подвижны и чаще изменяются, различаясь в разных словарях и в разных изданиях одного и того же словаря. Это относится и к некоторым правилам написания слов с прописной или строчной буквы, которые к тому же подвержены влиянию экстралингвистических факторов — прежде всего политико-идеологических (написание официальных названий государственных учреждений, названий, связанных с религией, и др.).

Вместе с тем, и такая жесткая сфера применения языка, как орфография, не чужда вариативности, хотя и вариативности особого рода.

Во-первых, есть варианты, которые нельзя назвать чисто орфографическими: они обусловлены различиями в произношении слов. Такие варианты новых слов, как, например, кити и кич, андерграунд и андеграунд, различаются не только написанием, но и произношением. Нередко подобные варианты различаются и стилистически: ср., например, такие (далеко не новые) слова, как миллион и мильон, миллиард и мильярд (вторые члены этих пар, отражающие разговорное произношение слов, наиболее употребительны в поэзии).

Вторая группа вариантов — варианты историко-стилистические: таковы, например, написания уменьшительно-ласкательных суффиксов -иньк-, -ичк- вместо -еньк-, -ечк- (Фединька, Ваничка и т.п.) или форм предложного падежа слов на -ье, обычно с предлогом в, типа в молчаньи (с окончанием -и вместо -е). Такие написания тоже характерны для поэтических текстов. Преобладавшие в XIX в., они сохраняются в современных изданиях писателей того времени, однако встречаются и у поэтов XX века и современных, как индивидуальная особенность авторского стиля. См., например: «И снег соперничал в усердьи / С сумерничающею смертью» (Б. Пастернак); «Птицы кричат в поднебесьи, / Сердце стучит в подреберьи» (В. Долина).

Есть и третий тип орфографических вариантов, которые можно назвать интерпретационными, — когда пишущий имеет возможность написать двояко, так или иначе, в зависимости от того, как он понимает данное языковое явление, отдавая себе отчет в этом. Например, это касается слитного или раздельного написания отрицания не в таких случаях, как она невиновна; человек он неглупый; живут они небогато; Это неудивительно; Неважно, что...; Несущественно, что... и т.п., когда выбор написания зависит от того, что хочет (или предпочитает) выра-

зить пишущий – отрицание признака (при раздельном написании) или утверждение признака (при слитном написании).

При наличии в практике письма колебаний, вариантов написания тех или иных слов либо типов слов (особенно это касается неологизмов) задача орфографистов — обоснованно выбрать один из вариантов в качестве кодифицированного и зафиксировать его в нормативном словаре, а при необходимости — и в правилах. При этом нельзя не учитывать действующие орфографические правила. Так, слова со сравнительно недавно закрепившимися в русском языке приставками пост и супер должны писаться с буквой в перед йотированными гласными: постьядерный, постьельцинский, суперъяхта и т.п. Сложные слова с новыми первыми частями на гласную о или а — аудио, видео, медиа (медиахолдинг, медиамагнат, медиаподдержка и т.п.) следует писать слитно — так же, как пишутся ряды сложных слов с первыми частями авиа, авто, гидро, метео, радио, стерео, теле, фото, электро и многими другими.

То же относится к отдельным конкретным новым словам: унификация их написания опирается на орфографический прецедент. Тому можно привести немало примеров. Так, слово телик должно писаться с буквой и в суффиксе, а не с е (ср. не только домик, столик, но и мультик, велик, шизик); слово очочки — с буквой о после шипящей на месте беглого гласного (ср. квашонка, кишочки и т.п.); слово речовка — тоже с буквой о после шипящей (в суффиксе буква ё пишется только в отглагольных существительных типа ночёвка, а здесь образование отыменное); слово гадючник — с буквой ч на месте звука ш (ср. хотя бы подсвечник, горчичник, полуночник, двоечник); слово риелтор — с буквой е после и (ср. диета, диез, клиент, абитуриент и т.п.); слова офшор и офлайн — с одной ф (ср. офис, офсет, офсайд); слово фитнес — с одной с, как, например, бизнес; слово карате — с конечной е (ср. кашне, тюре, шоссе, резюме, варьете и т.п.).

Существует точка зрения, что орфографические варианты новых слов допустимы достаточно долгое время, пока они «улягутся» в языке, пока «утрясется» их написание. Правда, совершенно неясно, сколь длительным должен быть период, в течение которого надо ждать такой «утряски» написания слова. А с другой стороны, используя метод, продемонстрированный здесь на нескольких примерах, метод опоры на орфографический прецедент, на тип написания аналогичных с той или иной точки зрения слов, можно, не дожидаясь какого бы то ни было срока, рекомендовать единственный вариант написания нового слова в качестве общеобязательного, канонического.

Естественно, что сейчас достаточно много таких новых слов, особенно иноязычных заимствований, которые испытывают колебания в написании. Но в принципе вопросы их нормативного написания вполне разрешимы. Ясно, например, что значительное расширение списка слов с буквой э в корне после твердых согласных не соответствовало бы закономерностям русской орфографии, где в этой позиции очевидно преобладает буква е, – отсюда и необходимость таких написаний, как бренд, дефолт, лейбл, пейджер, секонд-хенд, хеппенинг, тренд, тинейджер, хай-тек, хеви-метал и др. А такие написания, как рэп, бэк-вокал, фэнтези, только пополняют немногочисленный список словарных исключений при данном правиле.

Обратившись попутно к пунктуации, нельзя не заметить, что, в отличие от орфографии, эта сфера правописания гораздо более «терпима» к вариантам. Для пунктуации особенно характерны интерпретационные варианты: выбор тех или иных знаков препинания (употребление запятой и точки с запятой, а также многоточия, тире, вопросительного и восклицательного знаков) здесь во многих случаях тесно связан с авторской интонацией, с выделением, обособлением тех или иных структурных отрезков предложения. Но пунктуация не чужда и чистой вариативности знаков препинания; наиболее характерна в этом отношении «экспансия» знака тире вместо двоеточия, прежде всего в позиции перед перечислением. В правилах 1956 г. эта широко распространенная в современной практике письма функция знака тире вовсе не отмечена.

Но вернемся к орфографии. Естественно, что предлагаемый подход к орфографическим вариантам, основанный на системно-языковых закономерностях и на традициях письма, находит отражение в нормативных словарях (не только орфографических), предлагающих единообразное написание слов. Именно такие словари преобладают в современной русской лексикографии. Но — «правил нет без исключений»!

Недавно опубликован чрезвычайно объемный (но, тем не менее, содержащий всего лишь 8,5 тысяч слов) «Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика» под редакцией Г. Н. Скляревской (М., 2006). Словарь изобилует орфографическими вариантами. Можно понять стремление авторов отразить активизирующуюся за последние годы, в том числе и новую, лексику русского языка во всем многообразии ее проявлений, включая сюда и письменный облик слов. Но не до такой же степени, не безоглядно!

Как же можно в угоду зафиксированным малограмотным написаниям приводить их в качестве вариантных или даже единственных, если

они противоречат устоявшимся правилам русского письма? Всем хорошо известно, что первая часть сложных слов *теле* пишется с последующей частью слова слитно, так допустимо ли в качестве варианта написания слова *телешоу* дефисное *телешоу*? (Тем более что конкретными примерами — цитатами из современной печати — это написание в тексте словарной статьи не подтверждается). Противоположный случай — вариантное слитное написание *миникомпьютер* при дефисном написании всех других слов с первой частью *мини*-.

И можно ли приводить написания, которые нарушают общеизвестные действующие правила? Уже полвека назад, в действующем своде правил 1956 года, было сформулировано правило о том, что в прилагательных, образованных от дефисно пишущихся существительных, дефис должен сохраняться. Тем не менее, в рассматриваемом словаре рядом со словами секонд-хенд, хард-рок, форс-мажор производные от них прилагательные приведены в слитном написании:секондхендовский, хардроковский, форсмажорный (последнее правда, при варианте форс-мажорный).

А как долго можно отмечать вариативность первой буквы (строчной или «реже, прописной») в многочисленных сложных словах с первой частью *интернет*-? Практика печати последних лет показывает, что строчная буква здесь общеупотребительна. И допустимы ли вариантные написания слов, производных от буквенных аббревиатур, типа ГКЧПист или КГБшный? Смотрятся они по меньшей мере странно.

Подобные примеры из нового словаря можно было бы значительно увеличить. Создается впечатление, что авторам словаря очень хочется представить новые, но уже достаточно употребительные слова в их орфографически не устоявшемся виде, как можно больше продлить их орфографическую вариантность. Они охотно приводят (и даже предпочитают), например, два орфографических варианта слова бойфренд — бой-фрэнд и бой-френд, не учитывая, что в целом ряде существующих нормативных словарей написание бойфренд закреплено как единственное и общеупотребительное (кстати, и соответствующее слитному написанию английского источника слова). Проблема исторически необходимого закрепления нормативного написания нового слова здесь попросту игнорируется.

Рассмотренный словарь – не более чем черновик для лингвистически осмысленного словаря русского языка начала XXI века. Материал его, несомненно, любопытен для специалистов, но вряд ли полезен сколько-нибудь широкому кругу пользователей.

Задача лингвистов, и прежде всего лексикографов, — своевременно реагировать на распространение новых слов и давать рекомендации по их правописанию в согласии с правилами и с разумным учетом практики письма. Активная позиция лингвистов в данном вопросе значительно облегчила бы жизнь преподавателям, редакционно-издательским работникам, составителям компьютерных программ, способствовала бы повышению грамотности общества.

ОРФОГРАФИЯ И БУКВЕННЫЙ РЕГИСТР

О ПРАВИЛАХ УПОТРЕБЛЕНИЯ ПРОПИСНОЙ БУКВЫ

Л. К. Чельцова

В практике многих народов, пользующихся буквенным письмом, сложилась традиция употребления прописной буквы в двух различных функциях: для выделения начала определенных отрезков текста (начала текста; первого слова после точки, восклицательного и вопросительного знака; начала стихотворной строки); для выделения отдельных слов независимо от строения текста.

Выделение начальной буквы первого слова текста относится к числу древнейших приемов письма, применявшихся еще до изобретения книгопечатания. Правила употребления прописной буквы в этой функции целесообразно отнести к пунктуации.

Первые рекомендации по употреблению прописной буквы в отдельных словах появились в XVII в. Так, в книге М. Смотрицкого «Грамматика славенскія правильная синтагма...» (1619) была сделана попытка определить круг слов, пишущихся с большой буквы. Выделяются: 1. «Имена собственныя» (Богь, Адамь и т.п.); 2. «Достоинства» (Царь, Патриархь, Воевода и т.д.); 3. «Художества» (Грамматіка, Логіка, Философія и т.д.). Однако до 2-й половины XIX в. употребление прописной буквы не было упорядочено; напр. в XVIII — начале XIX в. с прописной буквы писали все заимствованные существительные. Н. М. Карамзин писал: Автор, Литтература. Так же писались имена учреждений, званий, должностей, титулы и многие другие независимо от происхождения слов, напр.: Генерал, Профессор, Председатель, Департамент, Землеописание, Арифметика, Зодчество, Швед и др. С середины XIX в. многие «излишества» были устранены и наметилось заметное упорядочение в их употреблении.

В 1885 г. Я. К. Гротом было издано руководство «Русское правописание», в котором не только были выделены разряды слов, пишущиеся с прописной буквы, но и даны основания выбора прописной или строчной буквы. При этом Я. К. Грот опирался на принятые в обществе написания: «... принято было за правило по возможности держаться утвердившего-

ся обычая, отступая от него только тогда, когда общеупотребительные начертания оказывались положительно неверными и слишком непоследовательными» (Предисловие к 1-му изд. 1885 г.).

С прописной буквы рекомендовалось писать: 1. Собственные личные имена, географические названия и прилагательные от личных собственных имен. 2. Названия высших государственных и ученых учреждений России, также различных русских обществ. 3. Некоторые названия праздников. 4. Заглавия книг, периодических изданий, статей, стихотворений. 5. Имена трех лиц Божества и высших существ, составляющих предмет религиозного почитания христиан. 6. Титлы царствующего в России дома: Государь Император, Наследник Цесаревич, Их Императорские Величества. 7. Прилагательные относительные на -ский и -кий, образованные как от личных имен, так и от имен народов и местностей, в тех случаях, когда входят в состав названий и могут считаться собственными именами. С другой стороны, указываются группы названий, пишущиеся со строчной буквы, напр. наименования званий, должностей, чинов, имена месяцев и дней недели, народные названия праздников (святки, масленица).

Гротовские правила легли в основу тех правил, которые разрабатывались в 30-50-е годы XX в. и закреплены в Своде 1956 г. Действующие правила гораздо полнее и детализированнее гротовских, но в принципе почти не идут вразрез с общими рекомендациями Грота (кроме пп. 5 и 6).

Очевидно, что правила употребления прописных букв отличаются от других орфографических правил и представляют собой совершенно специфический, построенный на особых, не применяемых в других случаях принципах, раздел орфографии.

І. В основе правил лежит выделение собственных имен, разграничение имен собственных и нарицательных имен. Собственные имена имеют значительные отличия от нарицательных имен (в семантике, словообразовании, функционировании). «... многие факты языка свидетельствуют о том, что собственные имена имеют лишь им свойственные структурные (нефонетические) закономерности развития, которые можно было бы в определенном смысле назвать ономастическими законами» [Роспонд 1962: 12]. Свойства собственных имен являются предметом многих научных исследований [см., например, А. А. Реформатский 1964; А. В. Суперанская 1965, В. Д. Бондалетов 1983]. Однако о разграничении собственных и нарицательных имен нет единого мнения. «Спорным в отношении принадлежности к нарицательным или же к собственным является тот раздел лексики, который охватывает этнонимы, т. е. названия народов и их представителей, названия жителей по

месту жительства или происхождения, названия лиц по принадлежности к какой-нибудь корпорации, к какому-либо общественному течению или направлению и т.п. Это — случаи переходные от собственных к нарицательным...» [Реформатский 1964: 21].

«Общий принцип написания имен собственных состоит в обязательности выделения их в тексте при помощи прописной буквы. Этот принцип осуществляется наиболее последовательно в современной русской орфографии» [Шапиро 1951: 151]. Существуют различные определения этого принципа: семасиологический, идеографический, иероглифический, семантический, лексический. «Говорят еще о символическом – или, в других терминах, идеографическом, дифференцирующем – принципе орфографии, т.е. таком, при котором те или иные значения передаются на письме без какой-либо опоры на звучание, чисто графическими средствами. Таково, например, различие прописных и строчных начертаний букв: те и другие имеют всегда одинаковое звуковое значение, но независимо от этого символизируют различие нарицательных и собственных имен» [Осипов 1992: 17]. Орфографически это различие выражено следующим образом: нарицательные имена пишутся со строчной буквы, собственные – с прописной. Ср., напр.: лев – Лев, невские берега – Александр Невский, красная шапочка – Красная Шапочка.

Трудность применения этого принципа заключается в том, что нет бесспорного определения имени собственного. Основные свойства собственных имен – отсутствие связи с понятием, отсутствие соотнесенности с классом объектов, тесная связь с единичным конкретным объектом. «...имя собственное – категория лексическая, а не грамматическая, и грамматических критериев выделения из категории имени вообще слишком мало, чтобы основываться на них» [Суперанская 1969]. Лингвистический энциклопедический словарь относит к собственным именам: антропонимы (С. и. людей), топонимы (С. и. географ. объектов), теонимы (С. и. божеств), зоонимы (С. и. (или клички) животных), астронимы (С. и. небесных тел), космонимы (С. и. зон космич. пространства и созвездий), фитонимы (С. и. растений), хрононимы (С. и. отрезков времени, связанных с ист. событиями), идеонимы (С. и. объектов духовной культуры), хрематонимы (С. и. объектов материальной культуры) и др. «Однако, если мы обратимся к различным разрядам слов, объединенных под общим названием имен собственных... то легко заметим, что эти разряды существенно отличаются друг от друга и далеко не все из них в равной степени отвечают данной именам собственным общей характеристике» [Янко-Триницкая 1957: 238].

АГ-80 среди собственных имен различает: 1) имена собственные в узком смысле этого слова и 2) наименования. К именам собственным в узком смысле относятся имена и прозвища людей и клички животных, географические и астрономические названия. К наименованиям относятся названия учреждений, организаций, объединений, исторических эпох и событий, праздников, массовых мероприятий, орденов, архитектурных памятников, а также выделяемые кавычками названия газет, журналов, наград, произведений искусства, обществ, предприятий, промышленных изделий и т.п.

Кроме семантического многообразия, собственные имена различны по своему составу. «Они различны и по количеству входящих в их состав слов, и по характеру синтаксической связи между словами, объединяющимися в одно целое имя... Имена собственные могут быть простыми, т.е. состоящими из одного слова, и составными, т.е. состоящими из двух или нескольких синтаксически связанных между собой слов» [Шапиро 1951: 151]. В состав собственных имен могут входить нарицательные имена. А. А. Реформатский отмечает: «Это случаи разные. 1. Нарицательные могут входить в состав собственных как служебные слова – предлоги, союзы, частицы, артикли. ... 2. Нарицательные в составе собственного могут быть так называемые «номенклатурные термины», т.е. родовые обозначения объектов наименования (озеро, река, море, гора, хребет, равнина, ущелье, город, село, деревня, урочище и т.п.).... 3. Нарицательные в составе собственного могут быть некоторые слова, сопровождающие основное название: в ономастике это титулы: граф, князь, герцог, барон, курфюрст, фельдмаршал (или маршал), генерал, полковник и пр., что сохраняется и в топонимах «имени»: мост лейтенанта Шмидта, острова принца Эдуарда, острова королевы Шарлотты, архипелаг эругерцога Карла и т.п. 4. Слова имени, памяти, частые в русской современной топонимике и «полуономастике» применительно к колхозам, совхозам, предприятиям, пароходам и т.д. 5. Особый вопрос представляют те названия объектов, в которых действительно «рассказывается», что такое нарицательно значащие слова без всякой условности и обязательной для собственных имен конвенциональности (Российское общество пароходства...)» [Реформатский 1964: 20-21].

Эти семантические и структурные различия диктуют и различные приемы орфографического оформления собственных имен. В общем виде это можно представить следующми образом: все слова в составе собственных имен в узком смысле (кроме служебных слов и родовых терминов), пишутся с прописной буквы, напр.: Николай Васильевич Гоголь, Владимир Крас-

ное Солнышко, Нижний Новгород, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, Полярная звезда, Восточно-Европейская равнина, Дворцовая площадь. Если имя собственное — наименование состоит из нескольких слов, то с прописной буквы пишется только первое слово (за исключением случаев, когда в состав наименования входят другие собственные имена), напр.: Всемирная федерация профсоюзов, Музей истории и реконструкции Москвы, Петровская эпоха, Куликовская битва, газета «Московские новости», роман «Война и мир», медаль «Ветеран труда».

По своей соотнесенности с обозначаемыми собственные имена могут быть реальными и символическими [Суперанская 1965: 31]. Символические имена заключаются в кавычки; первое слово таких названий пишется с прописной буквы, напр.: газета «Московские новости», медаль «Ветеран труда».

Отдельного подхода требуют имена, считающиеся предметом религиозного или светского почитания, а также слова, выбор прописной или строчной буквы в которых определяется контекстными ситуациями.

Для написания собственных имен имеет значение не только лексический, но и синтаксический подход.

Рассматривая орфографию собственных имен, А. А. Реформатский писал: «В области собственных имен возможны некоторые "вольности", которых не допускают имена нарицательные, строго организованные в модели, типы и парадигмы. И это касается и языковых источников, и морфологии, и фонетики, и орфографии. Поэтому той обязательной унификации, которая необходима в отношении орфографии имен нарицательных, применительно к именам собственным добиваться и проводить нельзя» [1965: 7].

Таким образом, и теоретически, и практически использование основного принципа написания прописной буквы вызывает множество сложностей и для практики письма, и для выработки рекомендаций. Трудности, с которыми сталкивается пишущий, представлены, например, в статье Т. И. Суриковой [Сурикова 2006]. Теоретические проблемы рассматриваются во многих работах, касающихся собственных имен и разграничения собственных и нарицательных имен. «Для теории имени собственного характерна кажущаяся простота задач, при решении которых возникают нередко весьма сложные методологические проблемы» [Старостин 1974: 34].

1. Граница между собственными и нарицательными именами не представляет собой четкой линии. Так, например, нарицательные существительные *мост*, ворота, вал, ряд и т. п. в названиях улиц, площадей ут-

ратили свое значение, десемантизировались и, следовательно, должны писаться с прописной буквы. О десемантизирующей функции прописной буквы писал еще Н. А. Добролюбов: «Мне кажется, что основанием для прописных букв в собственных именах именно служит незнание и непонимание слова» [см. об этом Обзор 1965: 380]. Написание Кузнецкий Мост было рекомендовано А. Б. Шапиро [Шапиро 1951]. Но такое написание необщепризнанно. В справочнике по правописанию Д. Э. Розенталя [Розенталь 1994: 18] второе слово в таких названиях, как Кузнецкий мост, Никитские ворота, Коровий брод, Каретный ряд и т.п. рекомендуется писать со строчной буквы как написание названий, отражающих прошлое Москвы (Кузнецкий мост – улица в Москве, часть которой когда-то занимал мост через реку Неглинку, Никитские ворота – когда-то здесь были ворота в стене, окружавшей Москву). Написание со строчной буквы нередко можно встретить в печати (см., напр.: «...и через несколько минут я был дома, дом стоял на пересечении rue de Turenne и улочки Капустного моста. (Конечно, никакого моста и никакой капусты)» (Э. Лимонов 2001), но: «С тех пор тот закоулок называется улица Толстой Лодыжки» (Б. Акунин. Нефритовые четки, 2006). Однако следует отметить, что подобное написание не учитывает десемантизирующую функцию прописной буквы, устойчиво применяющуюся в практике картографирования, напр.: Золотой Рог (бухта), Минеральные Воды (город), Голодная Губа (озеро). Очевидно, что для всех топонимов обоснованно и целесообразно написание с прописной буквы существительных, утративших свой прямой смысл и условно называющих предмет, напр.: улицы Базарная Гора, Берег Реки, Березовая Роща (Воронеж), улицы Кузнецкий Мост, Охотный Ряд, Ленинская Слобода, Чугунные Ворота, Тюфелева Роща, Хорошевская Горка, Рогожский Вал, Коровий Брод, Верхние Поля, проезд Марьиной Рощи, площадь Никитские Ворота (Москва), проспект Александровской Фермы, площадь Московские Ворота (Петербург). Разнонаписание касается также таких названий, как улица Бакинских Комиссаров (комиссаров), Юных Пионеров (пионеров), Народного Ополчения (ополчения) и т.п., в которых второе слово является нарицательным существительным. Возможны два пути: последовательно подчинить их общему правилу, т.е. писать улица Бакинских Комиссаров, Юных Пионеров, Народного Ополчения и т.п. Такое написание рекомендовано в словаре «Прописная или строчная?» [2007], хотя при обсуждении правил в Орфографической комиссии высказывалась мысль о желательности иного написания: в таких названиях улиц с прописной буквы писать только первое слово.

Та же проблема возникает, когда в составные названия входят названия профессий, титулов, званий и т.п. А. В. Суперанская предлагает писать их со строчной буквы: Земля королевы Мод, улица маршала Шапошникова, «хотя в этом есть и некоторая непоследовательность, так как титулы в ряде случаев выступают в качестве первого слова собственно названия, а в таких случаях их следовало бы писать с прописной буквы» [Суперанская 1965: 39]. В настоящее время в справочниках используется написание подобных названий с прописной буквы в соответствии с общими правилами оформления географических названий.

2. Граница между собственными и нарицательными именами представляет собой полосу незаметных переходов от одного качества к другому. Промежуточное положение занимают, например, сортовые и фирменные названия. «Становясь фирменным или сортовым обозначением, имя покидает разряд собственных имен, так как дается теперь не какому-нибудь одному индивидуальному предмету, а каждому из предметов, входящих в большую серию, и всей серии в целом» [Суперанская 1965: 27]. Однако А. В. Суперанская, считая их именами нарицательными, предлагает писать их с большой буквы и заключать в кавычки (напр.: «Китайская красная», «Антоновка шестисотграммовая»), объясняя такое написание следованием традиции. «Несмотря на то, что специалисты относятся к таксономическим обозначениям как к именам собственным, в лексической системе языка они воспринимаются однозначно как имена нарицательные, что обеспечивается понятийностью родовых определяемых, положенных в основу таксономов. Следовательно, прописная буква в начале таксономического названия у биологов - такая же дань традиции, как прописная буква в начале символов, обозначающих химические элементы. Она не обозначает того, что это имя собственное, а лишь характеризует научное таксономическое употребление в отличие от бытового» [Суперанская 1978: 14].

Таким образом, выделяется группа нарицательных существительных, которые рекомендуется писать с прописной буквы подобно собственным именам. Сложность кодификации этой группы приводит к различным рекомендациям. Так, в «Справочнике по правописанию, произношению, литературному редактированию» [Розенталь и др.1999: 161] названия сортов растений рекомендуется писать со строчной буквы: пшеница «крымка», клубника «виктория», помидор «иосиф прекрасный», гладиолус «элегия». Однако указывается, что в специальной литературе подобные названия пишутся с прописной буквы: малина Мальборо, земляника Победитель, морковь Нантская, тольпан Черный принц и др.

Написание со строчной буквы рекомендуется «в текстах, не перегруженных названиями сортов растений, овощей, фруктов и т.д.». Итак, для написания данной группы используются либо кавычки, либо прописная буква, выполняющие одну и ту же функцию – выделение названия. Оба написания можно встретить в печати, напр.: «Среди последних достижений сорта груши Академическая, Потаповская, Бергамот Московский, проходящие сейчас государственное сортоиспытание» (Наука и жизнь 2005). Словарь «Прописная или строчная?» рекомендует употребление кавычек, так как они позволяют передать переносное употребление имени нарицательного и выделить сортовое название. Вероятно, в данном случае можно было бы прийти к единому решению, учитывая промежуточное положение данных названий.

3. Самостоятельных лингвистических описаний требуют многие группы названий. «Оказывается, что провести четкую грань между сочетанием личного имени с нарицательным приложением (типа Маша-резвушка, Иванушка-дурачок), сохранившим семантику апеллятива, и таким сочетанием имени с прозвищем, в котором прозвище более или менее приближается к выполнению функции фамилии, чрезвычайно трудно» [Сталтмане 1965: 64]. Ср., напр.: Иван Царевич и Иван-царевич, Царевна Лягушка и Царевна-лягушка, Плиний Младший и Кеннеди-младший и т.п.).

Не имеет четкого решения и правило об употреблении прописной буквы в названиях персонажей в сказках, пьесах, баснях и некоторых других произведениях художественной литературы, фольклора. Рекомендация о написании имен литературных персонажей с прописной буквы не вызывает возражений, однако и на практике, и в словарях используются разные написания: Барон Мюнхаузен и барон Мюнхаузен, Старуха Шапокляк и старуха Шапокляк, Крокодил Гена и крокодил Гена, Кот Леопольд и др. По-видимому, решающее значение имеет авторское написание и привычное употребление в изданиях произведений.

4. Как нарицательные имена переходят в разряд собственных, так и собственные имена могут перейти в разряд нарицательных, напр.: ловелас, донжуан, вольт, бостон и т.д. «В литературе таким методом штампуют из героев типы. Делая из Обломова — обломова, мы переходим от живой конкретности арифметики к мертвой абстракции алгебры — от бесконечного разнообразия цифр к ограниченности алфавита, каждая буква которого обладает условным, а не абсолютным значением» (А. Генис. Довлатов и окрестности).

Бесспорность написания очевидна лишь тогда, когда процесс перехода считается завершенным. В других случаях выбор написания не

прост. Так, собственные имена исторических, литературных или мифологических персонажей, употребляясь обобщенно (переносно) как названия людей с определенными чертами характера и поведения, пишутся неединообразно – одни со строчной, другие с прописной буквы: слова робинзон, донкихот, иуда, цербер, употребляясь в нарицательном смысле, пишутся со строчной буквы, а Гамлет, Обломов, Манилов, Плюшкин, Хлестаков, Митрофанушка, Аполлон, Наполеон и многие другие сохраняют при этом прописную букву. В ряде случаев прописная или строчная буквы используются для положительной или отрицательной оценки какого-либо лица или географического объекта. Этот орфографический прием подробно рассмотрен в статье Н. А. Еськовой [Еськова 1965]. Чаще всего прописная буква используется при употреблении имени во множественном числе. В. Ф. Иванова считает, что «... форму мн. ч. (если в ней употреблено имя собственное) можно считать морфологическим показателем того, что в каком-то данном контексте имя собственное, использованное для обобщенного обозначения однородных предметов, выступает как имя нарицательное (т.е. в данном контексте становится нарицательным): оно обозначает понятие... На этом основании можно рекомендовать написание таких слов со строчной буквы. Строчную букву можно было бы рассматривать как определенный дифференциатор собственных имен, употребленных как нарицательные, в отличие от собственных имен, употребленных во мн. ч. для обозначения "суммы" родственников, однофамильцев и т.п.» [Иванова 1982: 116]. Однако практика письма показывает, что этот морфологический показатель не дает достаточных оснований для употребления строчной буквы. Употребление в нарицательном смысле подобных имен в форме множественного числа не требует замены прописной буквы на строчную. Ср., напр.: «У нас в Одессе, - сказал он (Бабель), насмешливо поблескивая глазами, – не будет своих Киплингов. Мы мирные жизнелюбы. Но зато у нас будут свои Мопассаны. Потому что у нас много моря, солнца, красивых женщин и много пищи для размышлений (Паустовский); Мне снится сонм родных уродцев, И мне не надо снов других, Чтоб никаких Андреев Штольцев, Андреев Штольцев никаких» (А. Климов-Южин); «Если учесть, что Швейцарию упомянутые паломники видели разве что в «Клубе путешественников», то логичным было бы слово «швейцария» перевести в разряд нарицательных – так, чтобы им, этим словом, как пояснил бы в данном случае словарь, могла именоваться «всякая не загаженная отходами быта и производства местность, представляющая собой вдобавок живописную комбинацию всхолмий, ручьев, озер, хвойных лесов, оврагов, долин» (М. Палей. – Нов. мир 2004, 9). В ряде подобных случаев написание устанавливается в словарном порядке.

II. 1. Написание собственных имен больше, нежели имен нарицательных, зависит от экстралингвистических факторов.В ряде случаев употребление прописной буквы опирается не на языковые закономерности, а диктуется политическими или идеологическими установками. Так, правила 1956 г. (§§ 105, 106) предлагают различать, с одной стороны, написание высших учреждений и организаций Советского Союза, в названиях которых с прописной буквы пишется каждое слово, кроме служебных слов и слова партия (напр.: Совет Министров СССР, Центральный Комитет КПСС, Верховный Совет, Советская Армия и Военно-Морской Флот), а с другой стороны – всех других названий, в которых с прописной буквы пишется лишь первое слово (напр.: Министерство иностранных дел, Академия наук СССР). Такое написание названий на основе политического и иерархического подхода неоднократно подвергалось критике. А. Б. Шапиро отмечал, что трудность иерархического разграничения учреждений и организаций приводит к необходимости в орфографических справочниках прилагать перечень категорий названий. «В этот перечень вводятся в качестве примеров официальные полные названия учреждений, организаций, предприятий и т.п. центрального, областного, городского масштаба, а также отдельные названия, не подходящие под те или иные категории» [Шапиро 1951: 157]. Данная в правилах формулировка приводит к тому, что в практике печати наблюдаются колебания и разнобой, находящие свое выражение в различном написании аналогичных по структуре и составу наименований. Так, нелегко объяснить, «почему в названии Военно-Морской Флот с прописной буквы пишутся все слова, а в названии Гражданский воздушный флот - только первое слово» [Кайдалова, Калинина 1983: 142]. В условиях одинакового контекста встречаются написания Российская академия наук – Российская Академия Наук, Центральный дом ученых – Центральный Дом ученых. В газетах последнего времени нередко пишут Белорусский Народный Фронт, Московская Патриархия, Русская Зарубежная Церковь, Румянцевское Общество друзей библиотеки, Международный Банк Реконструкции и Развития и т.п. См. также: «В сентябре в Минске прошло заседание Совета Министров Союзного государства» (Лит. газ. 2005); «...ведь наша страна впервые стала государственным гостем Парижского Книжного Салона» (Лит. газ. 2005); «Церемония высокого статуса – награждение победителей российского конкурса «За труды и Отечество» за 2004 год – состоялась

5 ноября в Зале Церковных Соборов Храма Христа Спасителя» (Моск. правда 2004); «Это, в свою очередь, означает автоматическую регистрацию в Европейском Нефтегазовом Регистре» (Изв. 2005).

Проблемы с написанием названий учреждений и организаций обострились в ситуации, когда в 90-е годы возникли новые органы власти, новые учреждения и организации. Так, в «Справочнике по оформлению нормативных правовых актов в администрации Президента Российской Федерации» (по состоянию на 1 августа 2006 г.), «подготовленном в целях обеспечения единообразного написания отдельных наименований, слов и словосочетаний при подготовке проектов федеральных конституционных законов, актов Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации, распоряжений Администрации Президента Российской Федерации, а также проектов других документов, разрабатываемых в самостоятельных подразделениях Администрации Президента Российской Федерации», рекомендуется писать Совет Безопасности РФ, Государственная Дума РФ, Федеральное Собрание РФ, Конституционный Суд РФ, Народное Собрание Республики Дагестан, Государственный Совет Республики Коми, Государственная Дума Ставропольского края и мн. др. Орфографические справочники дают различные рекомендации по написанию новых названий. «Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию» (Розенталь и др.), поддерживая формулировку правил 1956 г. и рекомендуя писать Верховный Суд России, Объединенные Вооруженные Силы СНГ, однако отмечает: «Но в написании некоторых новых названий наблюдаются колебания, например: Федеральное собрание (Федеральное Собрание), Государственная дума (Государственная Дума), Конституционный суд (Конституционный Суд)» (с. 24, примечание 2). В частности, рекомендуется писать Международный Валютный Фонд. Остается неясным, следует ли относить к названиям высших государственных учреждений Государственную думу Ставропольского края, Верховный суд Республики Башкортостан и мн. др.

В словаре «Прописная или строчная?» [Лопатин, Чельцова, Нечаева 2007], в словаре тех же авторов «Как правильно? С большой буквы или с маленькой?» рекомендуется писать с прописной буквы только первое слово в любых названиях органов власти, учреждений, организаций, учебных и зрелищных заведений и т.п., напр.: Государственная дума, Конституционный суд, Федеральное собрание, Народное собрание Реслублики Дагестан, Российская академия наук, Министерство финан-

сов РФ, Международный валютный фонд и т.п. Но в настоящее время во всех справочниках рекомендуется в некоторых составных названиях международных организаций все слова писать с прописной буквы, причем эта рекомендация опирается на длительную многолетнюю традицию: Международное общество Красного Креста и Красного Полумесяца, Организация Объединенных Наций, Лига Наций, Совет Безопасности ООН (ср., напр., Всемирный совет мира, Международный валютный фонд). Последовательное использование правила требует изменения написания и этих названий: и в них возможно написание с прописной буквы только первого слова, напр.: Организация объединенных наций, Лига наций и т.п.

Трудности, связанные с написанием названий органов власти, организаций, учреждений, существуют и с написанием названий должностей, званий и т.п. По правилам 1956 г. следовало писать Председатель Президиума Верховного Совета, Председатель Совета Министров СССР, Маршал Советского Союза (как наименования высших должностей и почетных званий в СССР), но: министр, президент, маршал, сенатор (как наименования званий, титулов и должностей). «Узаконение этих исключений связано с очень прочно утвердившейся и трудно поддающейся искоренению иллюзией, что употребление прописной буквы способствует выражению большего уважения тому или иному лицу, учреждению, явлению» [Обзор 1965: 385]. С написанием таких наименований и сейчас нет ясности. Так, в словаре «Как правильно? С прописной буквы или с маленькой?» рекомендуется писать: Генеральный консул, Генеральный секретарь ООН, Председатель Совета министров (в ряде стран), Председатель Совета безопасности РФ, но: генеральный секретарь НАТО, председатель Государственного совета, председатель Комиссии по правам человека, главный военный прокурор РФ и др. В «Справочнике по оформлению нормативных правовых актов...» даются следующие рекомендации: с прописной буквы пишутся Председатель Совета Безопасности РФ, Секретарь Совета Безопасности РФ, Руководитель Администрации Президента РФ, Уполномоченный РФ при Европейском Суде по правам человека, Премьер-министр Республики Адыгея, Государственный секретарь Союзного государства (всего более 50 наименований), но: председатель Государственного совета РФ, секретарь Государственного совета РФ, руководитель Секретариата Руководителя Администрации Президента РФ, командующий Северным флотом, президент Российской академии наук и др. Неясно, на чем основано противопоставление в написании Генеральный секретарь ООН — генеральный секретарь НАТО, Председатель Совета министров — председатель Государственного совета и т.д. Нет четкости и в том, какие официальные документы требуют употребления прописной буквы. В этом случае возможны два пути решения проблемы: либо в правилах давать исчерпывающий список всех наименований должностей, пишущихся с прописной буквы, либо последовательно писать все наименования должностей со строчной буквы.

Немало в правилах 1956 г. рекомендаций, обусловленных запретами того времени. Так, в практике печати давно уже не соблюдается рекомендация правила (§ 100) писать слово *Республика* с прописной буквы только в названиях республик СССР и так называемых «стран народной демократии» – появились такие названия, как Федеративная Республика Германия или Южно-Африканская Республика.

Интересен факт, до сих пор многими не замечаемый, хотя тоже, безусловно, имеющий старую идеологическую подоплеку: мы по-прежнему, как в советские времена, пишем (и читаем в газетах) названия четырех ведущих партий капиталистического мира - республиканской и демократической партий США, консервативной и лейбористской партий Великобритании - со строчной буквы. А ведь даже по правилам 1956 г. (§ 107) требовалось писать названия политических партий с прописной буквы, правда, иллюстрировалось это правило только названиями компартий (предлагалось писать: Коммунистическая партия Австрии, Польская объединенная рабочая партия, но лейбористская партия). Позднее, в словаре-справочнике Д. Э. Розенталя «Прописная или строчная?», изданном в 1984 г., предлагалось писать мало кому известные Демократические партии Таиланда, Индонезии, Люксембурга и других стран (общим числом 11) с прописной буквы и только одну демократическую партию США – со строчной. Там же читаем: Республиканская партия (Франция), но республиканская партия (США). И эта нелепая традиция живет до сих пор. Более того, в недавних изданиях справочника Розенталя, Джанджаковой и Кабановой (1994, 1999) предпринята попытка обосновать строчную букву в названиях обеих партий США и обеих партий Великобритании тем, что это «названия, не носящие характера официального наименования» (с. 25), – аргумент неубедительный. Каковы же тогда официальные названия этих партий? Читаем первые строки соответствующей статьи в БСЭ (т. 8, М.,1972): «Демократическая партия США ... одна из двух (наряду с Республиканской партией) главных партий монополистического капитала в США)». Только в словаре «Как правильно? С большой буквы или с маленькой?», а теперь и в академическом Русском орфографическом словаре дается написание: *Демократическая партия* (в США и др. странах).

2. Политизированный характер носят рекомендации по написанию названий, связанных с религией. Во-первых, многие названия вообще не затрагивались правилами, во-вторых, написание ряда названий связывалось со сложившимся в советское время отношением к религии. Недостатки правил стали особенно заметны после 80-х годов ХХ в., когда в обществе стало меняться отношение к религии; лексика, связанная с религией, в настоящее время широко употребляется не только в философско-религиозных текстах, но и в светской печати.

До революции правила употребления прописных и строчных букв регламентировались Я. К. Гротом. По Гроту, с большой буквы пишутся: Имена трех Лиц Божества и высших существ, составляющих предмет религиозного почитания христиан: Бог, Господь, Творец, Всевышний, Спаситель, Богородица, Святый Дух, Св. Троица; также слова: Провидение, Промысл, Небо, Церковь в духовном смысле... Некоторые названия праздников, недель и дней, имеющих особенное церковное значение: Рождество Христово, Пасха, Благовещение, Великий пост, Светлая неделя, Великий Четверг, Преполовение. Но имена месяцев и дней недели, а также народные названия праздников и разных эпох года, пишутся с малой буквы: святки, масленица, мясоед, семик (Филологические разыскания, т. 11, 1885, с. 406).

В послереволюционные годы отрицательное отношение к религии проявилось, в частности, в том, что при написании названий, связанных с религией, стали употреблять только строчную букву: бог, богоматерь, богородица, пасха, аллах, духов день, великий пост и т.п.

В правилах 1956 г. рекомендовалось писать с прописной буквы индивидуальные названия, относящиеся к области религии и мифологии, напр.: Христос, Будда, Зевс, Венера, Вотан, Перун, Молох (§ 96). Написание других названий не рассматривается, кроме названий религиозных праздников и постов, которые рекомендуется писать со строчной буквы: рождество, троицын день, святки, масленица, великий пост, курбан-байрам (§ 103. Примечание). Орфографический словарь (до 2000 г.) рекомендовал написания бог, богоматерь, богочеловек, пасха, вседержитель. Рекомендациям орфографического словаря следовали и толковые словари русского языка.

Правила написания церковно-религиозных названий, учитывающие практику письма, были предложены «Справочником по правописанию, произношению, литературному редактированию» (1994), позднее сло-

варем «Прописная или строчная?» (1-е изд. 1999). В этих пособиях регламентированы написания слов Бог, Богородица, прилагательных, образованных от этих слов, названий религиозных праздников, высших органов церковной власти и т.п. Следует обратить внимание и на тот факт, что написание некоторых из них зависит от значения слова или определяется контекстом. Так, в устойчивых сочетаниях, употребляющихся в разговорной речи вне прямой связи с религией, рекомендуется писать бог, господь со строчной буквы. К ним относятся: (не) бог весть или (не) бог знает (кто, что, какой) – 'о ком-, чем-н. не очень важном, незначительном', бог (господь) его знает – 'не известно, не знаю', бог с ним (ней, тобой, вами) – 'пусть будет так, ладно, согласен (хотя мне это и не нравится), бог с тобой (вами) – выражение несогласия, бог знает что – выражение возмущения; не дай бог, ради бога, убей (меня) бог, как бог на душу положит и др. Не следует писать с прописной буквой междометия ей-богу, боже, боже мой, господи, господи боже мой, бог ты мой, боже сохрани, боже упаси в отличие от тех случаев, когда формы Боже, Господи выражают обращение к Богу. Напр., может быть написано слава Богу, дай Бог (если контекст указывает, что говорящий действительно благодарит Господа Бога, обращается к нему) и слава богу, дай бог (если по контексту ясно, что употреблен разговорный оборот вне прямой связи с религией): «Слава Богу, что нас в свое время крестили» (Б.Раушенбах. Поскриптум, М., 2002), «Дай Бог ему быть услышанным вовремя. И конечно дай Бог здоровья» (Нов.газ. 2003), но: «Слава богу, телевизионный рынок принимает сейчас цивилизационные формы» (Нов. газ. 2003), «Слава богу, мы не верим политикам, не смотрим совковые отечественные сериалы...» (Лит. газ. 2003), «Не дай бог, если ребенок выучился да подался на учебу в город» (Нов. газ. 2003). Слово бог в формах множественного числа, а также в значении одного из множества богов или в переносном значении пишется со строчной буквы: боги Олимпа, бог Аполлон, бог войны. В переносном смысле такие слова, как библия (главная книга для кого-н.), евангелие (правила, служащие руководством для чьих-н. действий, поведения; книга, содержащая такие правила), талмуд, пишутся со строчной буквы.

При обсуждении новой редакции правил орфографии высказывалась мысль, что при написании названий, связанных с религией, возможно опираться на свои взгляды и разрешить атеистам следовать правилам 1956 г. Однако очевидно, что правила 1956 г. не опирались на лингвистические основания и носили чисто идеологический характер. «Эти

слова потому и начинаются с заглавной буквы, что за ними, по православному пониманию, стоят не только самые высокие понятия, но эти понятия представляют абсолютную единственность, а их имена являются именами собственными» [Подольская 1994: 51].

Современная орфографическая регламентация таких названий не только вводит их написание в общую систему, но и позволяет восстановить историческую справедливость, в частности, при издании дореволюционных авторов. Ср., напр.: «Пусть не смущает читателя неодинаковое написание в документах некоторых слов и выражений (таких, например, как «бог», «государь» и т.п.), строчная или прописная буква отнюдь не является следствием наших идейных симпатий и антипатий, а лишь бережно воспроизводит орфографию публикаций, которая, как известно, зависела не только от грамматических факторов» (И. Волгин. Родиться в России. Достоевский и современники: жизнь в документах. – Октябрь 1989: 3); «Что же касается собственно текстологической работы, то здесь можно отметить несколько главных пунктов. Восстановление прописных букв в словах Бог, Создатель, Творец, Провидение, Богородица, Церковь, помимо воссоздания авторского написания текста, существенно и потому, что во многих произведениях Достоевского происходит чередование большой и маленькой букв в словах Бог и бог, в словах и местоимениях, замещающих именование Христа, - согласно тому пониманию, которое вкладывается в эти слова различными персонажами, требованиям внутреннего сюжета и т.д., - что является важнейшим средством выявления позиции писателя» (Знамя 2005; речь идет о Собрании сочинений Ф. М. Достоевского в 9-ти томах).

III. Употребление прописной буквы в ряде случаев опирается на традицию. Так, по традиции пишутся с прописной или строчной буквы собственные имена исторических лиц, литературных или мифологических персонажей при переносном употреблении. Традиционные написания установились в некоторых личных именах: Ван Гог, Шарль Де Костер, Ибн Сина. В некоторых названиях праздников и исторических событий с прописной буквы по традиции пишется не только первое слово: День Победы, Великая Отечественная война. Учитываются традиционные способы представления отдельных групп названий, сложившихся в церковно-религиозных текстах, напр., употребление прописной буквы в местоимениях, заменяющих слова Бог, Божий (Да святится имя Твое), Ты, Тебе. Традиционно не выделяются кавычками общепринятые названия растений и их сортов: анютины глазки, иван-чай, белый налив и др.

Очевидно, что понятие традиционного написания при употреблении прописной буквы не определяется этимологией или временем существования названия. Традиционным считается установившееся, закрепившееся написание. Основания для его возникновения могут быть различными: в одних случаях употребление прописной буквы передает написание языка-источника, в других связано с отношением к самому предмету, в третьих именно в таком виде закрепилось на письме. Однако в некоторых случаях традиционное написание прописной буквы является исключением из общего правила и вызывает желание отказаться от следования традиции. Например, в справочнике Розенталя и др. (1999) сказано, что с прописной буквы в соответствии с традицией пишется слово *Пленум* в названиях пленумов КПСС, например *апрельский Пле*нум 1985 года. Естественно, что от такого «традиционного» написания можно и нужно отказаться. Следует ли по традиции сохранять написание Великое герцогство Люксембург, если согласно правилу в официальных названиях государств все слова пишутся с прописной буквы? В некоторых случаях непросто установить, какое написание считать закрепившимся: царь-колокол, царь-пушка или Царь-колокол, Царь-пушка; война Алой и Белой розы или Война Алой и Белой розы? По-видимому, традиционное написание прописной буквы в ряде случаев может быть изменено, и это не несет никакой ломки для читающих и пишуших.

IV. Отметим еще одно свойство существительных, пищущихся с прописной буквы. Если изменения написаний в других разделах орфографии происходят крайне редко, то изменения в употреблении прописной буквы вполне возможны. Общая тенденция изменений — уменьшение числа прописных букв в тексте. В истории орфографии высказывались различные предложения по изменению правил употребления прописной буквы: вообще отказаться от прописной буквы, в составных названиях органов власти, учреждений, организаций писать все слова, кроме служебных, с прописной буквы и т.д. (см. Обзор..., где анализируются эти и другие предложения). В настоящее время основанием для изменений служит стремление унифицировать написание некоторых групп названий. Так, в правилах 1956 г. рекомендовалось писать Смутное время, Семилетняя война, Великая Отечественная война, но средние века, вторая мировая война. Со строчной буквы было принято писать первая мировая война, гражданская война, февральская революция. Однако в последние годы изменились и рекомендации, и написание. Словарь «Прописная или строчная?» предлагает писать: Первая мировая война,

Вторая мировая война, Гражданская война (в России 1918–1920 гг.), Русско-шведская война (1700–1721), Русско-японская война (1904–1905), Средние века (ист. эпоха), Средневековье (ист. эпоха). Конечно, унификация всех подобных названий невозможна, так как они чрезвычайно разнообразны по своему составу: для индивидуализации одних из них необходимо указание на время или место события, первое слово в названии других никогда не пишется с прописной буквы, напр., восстание, битва, сражение, революция.

Предложения по унификации отдельных категорий слов (названий органов власти, учреждений, названий орденов, наименований должностей, званий, титулов) были сформулированы также И. Ф. Протченко, А. В. Суперанской в 1964 году [Протченко, Суперанская 1964], некоторые из них были учтены только в последнее десятилетие.

V. 1.Прописная буква употребляется в определенных типах текстов.

С прописной буквы пишутся местоимения Вы, Ваш как форма выражения вежливости при обращении к одному конкретному лицу в письмах, официальных документах. Однако и при использовании этого правила возникают свои трудности. «В рекламных текстах или на корпоративных сайтах очень часто можно увидеть местоимения Вы и Ваш, написанные с прописной буквы. Они обращены к читателю и, по-видимому, по замыслу авторов, подчеркивают то самое исключительное отношение и одновременно уникальность адресата. В действительности же здесь демонстрируется только неграмотность, поскольку грубо нарушаются сразу два правила написания вежливого Вы. Оно используется как форма вежливости, во-первых, только при обращении к одному конкретному лицу, а во-вторых, только в личных письмах или официальных документах. Очевидно, что рекламные тексты и сайты не относятся к этим жанрам и адресованы большому количеству людей (чем больше, тем лучше). И Вы, обращенное ко мне с рекламного щита или с компьютерного монитора, кажется больше лицемерием, чем вежливостью» (Кронгауз 2008).

С прописной буквы пишутся в официальных документах (в актах международного значения, в дипломатических документах, договорах) такие названия, как Президент, Председатель Государственной думы, Ее Величество Королева Англии, Премьер-министр, Император Японии, Патриарх Московский и всея Руси, Вселенский Константинопольский Патриарх, Папа Римский; Автор, Издательство — в авторском договоре и др.

Эти рекомендации оказываются довольно сложными при применении пишущими. Во-первых, слова патриарх, папа римский, президент

и т.п. нередко встречаются в печати с прописной буквы не только в текстах официальных документов, но и в текстах неофициального характера. Напр.: «Следует заметить, что паломничество на Кубу давно стало сокровенной мечтой Папы Войтылы» (Нез. газ. 1998); «На днях Папа Римский Бенедикт XVI, выступая с еженедельным благословением перед многотысячной толпой на площади Святого Петра в Ватикане, призвал «истинных христиан» в Рождество воздержаться от спиртных напитков» (Нов. изв. 2005). Во-вторых, это правило существует на фоне другого правила: названия должностей, званий, титулов пишутся со строчной буквы, напр.: президент, канцлер, председатель, мэр, император, генеральный секретарь, директор и т.п.

И то, и другое правило не имеют достаточной четкости.

В практике печати выделяется также написание некоторых названий в бытовом (обиходном) употреблении: они пишутся со строчной буквы и без кавычек. Так пишутся названия средств передвижения (приехал на стареньком москвиче, на роскошном кадиллаке, на любимом жигуленке), названия продуктовых и других товаров (купили пошехонский сыр, любительскую колбасу и фанту).

2. С прописной буквы могут писаться некоторые нарицательные существительные в контекстах, где им приписывается особый высокий смысл: Родина, Отечество, Отчизна, Свобода, Добро, Честь, Человек, Учитель, Мастер и т.п. Такое использование прописной буквы широко используется в поэзии и публицистике (см. также День защитника Отечества, орден «За заслуги перед Отечеством», Праздник Весны и Труда и т.п.).

VI. Правила употребления прописной буквы в ряде случаев могут носить некатегоричный характер. Выше говорилось о различных возможностях написания устойчивых выражений, связанных со словом Бог (слава Богу – слава богу, дай Бог – дай бог и т.п.). Имена прилагательные, образованные от личных имен и фамилий при помощи суффиксов -ск-, -овск- (-евск-), -инск-, пишутся со строчной буквы, напр.: далевский словарь, дарвиновское учение, бетховенская соната, шекспировские трагедии. Однако в новом академическом справочнике «Правила русской орфографии и пунктуации» допускается написание с прописной буквы прилагательных на -ский в тех случаях, когда они имеют значение индивидуальной принадлежности, напр.: В Варыкино влетели мы засветло и стали у старого Живаговского дома, так как по дороге он был первым, ближе Микулицынского (Б. Пастернак). Ср. в печати: «А время такое, что еще бог весть что может быть последствием всех усилий по

журналу, в частности, — в связи с *Солженицынской* историей» (А. Твардовский); «... съемки ее выступлений... подтверждают удивительную нестаромодность *Улановского* танца» (Незав. газ. 2005); «В 20–30-х годах XX в. *Бодуэновская* идея фонемы исчезла из лингвистики» (М. В. Панов); «Тут нужно сделать отступление об *Ахматовской* памяти» (Л. К. Чуковская).

Такие написания поддерживают рассматриваемую в наше время идею о допустимости в некоторых случаях вариативных написаний.

VII.1. Правила употребления прописной буквы стремятся регламентировать написание многих семантико-тематических групп. Однако структурное разнообразие названий требует от кодификаторов всё новых и новых уточнений. Так, в правилах 1956 г. нет рекомендации употребления прописных или строчных букв в дефисно пишущихся прилагательных, стоящих в начале других составных наименований – названий учреждений, организаций, а также конференций, конкурсов и т.п. В своде содержатся рекомендации, устанавливающие употребление прописных и строчных букв в дефисно пишущихся географических и административных названиях, напр.: Индо-Гангская равнина, Волго-Донской канал. Однако не указано, как писать: Орехово-Зуевский педагогический институт или Орехово-зуевский педагогический институт. На это обстоятельство обратила внимание Н. А. Еськова: отметив, что, наряду с преобладающими написаниями с двумя прописными буквами, встречаются написания со строчной буквой во второй части (Нью-Йоркский оркестр и Нью-йоркский оркестр), автор считает, что «в своде нужна формулировка, уточняющая написание прописной буквы в таких случаях» [Еськова 1965: 156]. В орфографических пособиях и справочниках такие рекомендации даются, но они носят противоречивый характер. Так, в справочнике Д. Э. Розенталя говорится: «Если название имеет значение собственного имени, не являясь, однако, географическим или административным наименованием, то сохраняется дефисное написание, но с прописной буквы пишется только первая часть сложного прилагательного, например: Алма-атинская киностудия» (Розенталь 1985: 46). Такая рекомендация делает более слабой связь собственного имени и образованного от него прилагательного, употребляемого как часть составного имени собственного, а также появляется необходимость в разграничении написания таких определений в названиях регионов, мэрий, институтов, железных дорог и.т.п. В словаре «Прописная или строчная?» рекомендуются написания Индо-Гангская равнина, Волго-Донской канал, Алма-Атинский заповедник, Нью-Йоркский симфонический оркестр и т.п. Эта рекомендация подтверждена новым академическим справочником. При таком написании отпадает необходимость разграничивать на письме различные типы собственных имен с географическим определением, а также поддерживается единство в употреблении дефиса и прописной буквы в собственных именах. Принятая рекомендация в значительной мере соответствует практике печати.

- 2. В правилах 1956 г. указывается, что с прописной буквы пишется первое слово в названиях революционных праздников и знаменательных дат, напр.: Первое мая (1 Мая), Восьмое марта (8 Марта), однако не регламентировано написание названий обозначаемых порядковым номером съездов, конкурсов и т.п. (1 Международный конкурс им. Чайковского, но Первый М(м)еждународный конкурс им. Чайковского). Возникла необходимость, опираясь на практику письма, сформулировать правило: в таких названиях слова Международный, Всемирный, Всероссийский и т.п. пишутся с прописной буквы независимо от того, обозначается ли стоящий в начале названия порядковый номер цифрой или словом (см. Правила русской орфографии 2006, § 179, прим. 3).
- 3. В правилах 1956 г. не было указаний о написании в названии учреждений не первой прописной буквы, выступающей как собственное имя этого учреждения, напр.: Государственная Третьяковская галерея, Государственный академический Большой театр. В настоящее время правило сформулировано и в Справочнике по правописанию Д. Э. Розенталя и др., и в Правилах русской орфографии 2006, однако круг слов, подчиняющихся ему, различен. В Справочнике по правописанию даются Государственная Третьяковская галерея, Государственный академический Большой театр, Московский Художественный академический театр, Государственный Русский музей, Государственный академический Малый театр, Государственный Исторический музей, Государственный Литературный музей, Государственная Публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, Центральный Дом журналиста. Рекомендация справочника основывается на том, что с прописной буквы пишется «начальное слово той части, которая сама по себе употребляется в функции того же названия», напр.: Исторический музей, Третьяковская галерея, Публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, Дом журналиста. В Правилах русской орфографии 2006 даются два различных правила. Одно из них касается написания только уникальных названий: Государственная Третьяковская галерея, Государственный академический Большой театр, Московский Художественный театр, Государственный академический Малый театр, Госу-

дарственный Русский музей, Ленинградский Большой драматический театр. Другое правило касается усеченных, неполных названий, употребляющихся как собственное имя вместо полного официального названия, напр.: Государственная дума – Дума, Государственный литературный музей – Литературный музей, Центральный дом художника – Дом художника, Большой зал Московской консерватории – Большой зал Консерватории, Московская патриархия – Патриархия. На такое употребление еще в 60-е годы было обращено внимание А. А. Реформатским: «В плане десемасиологизации наблюдается и обратное явление: нарицательные имена могут быть субституцией собственных. Это происходит в порядке эллипсиса, когда вся индивидуализирующая «дифференциа специфика» данного наименования эллиптируется, а «недоэллиптированный» остаток, т.е. определяемое нарицательное, становится заместителем собственного. Мы имеем в виду такие случаи, как Московский городской педагогический институт и «Я сегодня зашел в Институт» или Костромской областной совнархоз и «Я сегодня зашел в Совнархоз». Здесь такие «номенклатурные определяемые», как Институт, Совнархоз, становятся заместителями длинного и не очень ономастически звучащего названия и коротко «именуют» объекты, претендуя быть в этих случаях именами собственными» [Реформатский 1964: 21].

К этому правилу, по-видимому, должны относиться и названия театров, напр.: Театр им. Евг. Вахтангова (Государственный академический театр им. Евг. Вахтангова), Театр на Таганке (Московский театр драмы и комедии на Таганке), Театр им. А.С. Пушкина (Московский драматический театр им. А.С. Пушкина), но: театр «Современник», театр «Школа современной пьесы» (при названии в кавычках).

4. Не удовлетворяют пишущих существующие рекомендации по написанию марок машин. В академических «Правилах» названия марок машин следует заключать в кавычки и писать с прописной буквы, напр.: «Москвич-412», «Волга», «Тойота» и т.п. Однако названия самих этих изделий (кроме названий с собственными именами — личными и географическими) пишутся в кавычках со строчной буквы, напр.: «москвич», «тойота», «вольво»... исключения: «жигули, «мерседес» (§ 200). Трудности, связанные с употреблением правила, очевидны. Во-первых, в ряде контекстов сложно различить, что имеется в виду — машина или марка машины. Кроме того, новые марки машин нельзя считать хорошо известными широкому кругу носителей языка. Во-вторых, как исключение дается написание двух названий — «жигули» и «мерседес». Представляется, что правила могут быть более последовательными: и марки

машин, и сами изделия следует писать в кавычках с прописной буквы, как они обычно и даются в печати, напр.: «Скорее всего, заметив несущийся «Мерседес», водитель «Форда» решил прижаться вправо, чтобы уступить ему дорогу» («Шофер» 2007, 16); «Так, на «Ламборджини» и «Альфа-Ромео» последних моделей разъезжали герои фильмов...» (Моск. комс. 2005). Употребляющиеся как имена нарицательные широко распространенные названия машин в бытовом употреблении могут употребляться без кавычек: москвич, вольво, тойота и т.п. Разговорные названия машин (чаще с уменьшительно-ласкательными суффиксами) следует писать без кавычек: москвичок, жигуленок, жигуль, фордик и т.п.

Современная печать диктует необходимость и других уточнений – в справочники, по-видимому, должна быть внесена рекомендация о написании марок машин латинскими буквами.

VIII. Несмотря на то, что правила употребления прописной буквы детальны, они не могут дать ответ о написании всех (или многих) конкретных названий. Поэтому большую роль в определении правильного написания играют словари, специализированные на употреблении прописной или строчной буквы. Первый словарь-справочник «Прописная или строчная?» был создан Д. Э. Розенталем в 1984 году и издавался до 1989 года. Словарь быстро состарился, т.к. стремительно менялись или исчезали многие названия, практика письма всё смелее стала отступать от правил 1956 г. В 1999 г. был выпущен новый словарь «Прописная или строчная?» (авторы: Лопатин В. В., Чельцова Л. К., Нечаева И. В.), второе издание которого вышло под другим названием «Как правильно? С большой буквы или с маленькой?» [2002, 2005], 3-е изд. с названием «Прописная или строчная?» [2007], включающий около 20 000 слов и словосочетаний, в которых употребление прописной или строчной буквы может вызвать затруднение пишущих. Словарь не претендует на полноту отражения современных названий учреждений, организаций и т.п., однако с помощью так называемых опорных слов или на примерах показывает принципы написания однотипных названий. В словаре разработана система помет и пояснений, помогающих различать собственные и нарицательные имена, официальные и неофициальные названия, в необходимых случаях даются пояснения хронологического или иного свойства (напр., пометы мифол., церк., богосл.), существенные для кодификации данного существительного. Такой специализированный словарь не только помогает пишущему, но и является необходимым материалом для кодификатора. Значительная группа слов, пишущихся с

прописной буквы, включена в Русский орфографический словарь (Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 1999, 2005).

Количественное и структурное многообразие названий делает неиссякаемым возникновение все новых и новых вопросов по употреблению прописной буквы [см., напр.: Сурикова 2006].

Итак, анализ правил показывает, что за время, прошедшее после принятия правил 1956 г., кодификаторская работа была направлена на унификацию отдельных групп названий, последовательное использование десемантизирующей функции прописной буквы, устранение многих политизированных и научно не обоснованных написаний, уточнение существующих и создание новых рекомендаций. Значительную роль в решении ряда проблем сыграли научные статьи, анализирующие употребление прописной буквы, «Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии» [1965], орфографические справочники и специализированные словари, новая редакция «Правил русской орфографии и пунктуации» [Полный академический справочник 2006]. Конечно, в настоящее время не удалось решить всех вопросов, что объясняется многофункциональностью прописной буквы, а также теми трудностями, которые возникают при анализе обширного конкретного и все пополняющегося материала, относящегося к сфере употребления прописных букв. Остается справедливым мнение Я. К. Грота, что относительно употребления больших букв установить совершенно точные правила невозможно и за правилами еще многое останется решать такту и здравому смыслу [Грот 1873: 580].

ЛИТЕРАТУРА

Бондалетов В. Д. Русская ономастика. М., 1983.

Грот Я. К. Русское правописание. СПб., 1903.

Еськова Н. А. Об одном наивном орфографическом приеме (Прописные и строчные буквы в собственных именах, употребленных переносно) – Вопросы культуры речи, вып. 6, 1965, с. 147–152.

Иванова В. Ф. Трудные вопросы орфографии. М., 1982.

Имя нарицательное и собственное. М., 1978.

Кайдалова А. И., Калинина И. К. Современная русская орфография. Изд. 4-е, испр. и доп. М., 1983.

Кронгауз М. Русский язык на грани нервного срыва. М., 2008.

Лопатин В. В., Нечаева И. В., Чельнова Л. К. Прописная или строчная? Орфографический словарь. — М., 2007.

Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии (XVIII—XX вв.). М., 1965.

Осипов Б. И. История русской орфографии и пунктуации. Новосибирский университет, 1992.

Подольская Н. В. Словарь ономастической терминологии. М., 1978.

Подольская Н. В. Заглавная и строчная буквы в культовых словах. – Русская речь, 1994, 1, с. 49–57.

Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник. Под. ред. В. В.Лопатина. М., 2006.

Протиченко И. Ф., Суперанская А. В. Прописные буквы (Проект правил для орфографического свода). // Проблемы современного русского правописания. М., 1964.

Реформатский А. А. Топономастика как лингвистический факт. – Топономастика и транскрипция. М., Наука, 1964, с. 9–34.

Розенталь Д. Э., Джанджакова Е. В., Кабанова Н. П. Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. М., 1999.

Роспонд С. Перспективы развития славянской ономастики. – Вопросы языкознания. 1962, 4.

Русский орфографический словарь. М., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (авторы: О. Е. Иванова, В. В. Лопатин (отв. ред.), И. В. Нечаева, Л. К. Чельцова). Изд. 2-е, М., 2005.

Старостин Б. А. Некоторые тенденции и перспективы в передаче заимствуемых собственных имен. — Нерешенные вопросы русского правописания, М., 1974, с. 56.

Суперанская А. В. Прописная и строчная буква в собственных именах разных категорий. – Орфография собственных имен. М., 1965, с. 25–43.

Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М., 1973.

Суперанская А. В. Апеллятив – онома. – Имя нарицательное и собственное. М., 1978, с. 5–33.

Сурикова Т.И. О кавычках, строчных и прописных. – Журналистика и культура русской речи. 2006, № 3, с. 43–50.

Шапиро А. Б. Русское правописание. М., 1951.

Янко-Триницкая Н. А. О некоторых особенностях имен собственных – Ученые записки МГПИ им. В. П. Потемкина, т. XLII, вып. 4, 1957.

К ПРАВОПИСАНИЮ АББРЕВИАТУР

В. В. Лопатин

С проблемами употребления прописных букв непосредственно связаны правила написания такого специфического словообразовательного разряда, как аббревиатуры, а также их формы и производные от них слова. В «Правилах...» 1956 г. мы не найдем сколько-нибудь полного

освещения этой проблемы, а некоторые рекомендации соответствующего их раздела давно устарели. Устарела уже рекомендация не употреблять аббревиатуры (кроме немногих «общепонятных») «в печати общего назначения», ограничивая их употребление «преимущественно специальными изданиями (например, ведомственными инструкциями, справочниками)» («Правила...» 1956 г., с. 162).

Особенно показательна рекомендация «Правил...» 1956 г. писать строчными буквами звуковые аббревиатуры, «обозначающие имена нарицательные», например, вуз, роно, дзот. Правило это фактически никогда не соблюдалось: строчными буквами пишутся как исключения только очень немногие из звуковых аббревиатур – вуз, втуз, дот, дзот, роно, из новых слов - бомж (изначально склонное к деэтимологизации), а в очень редких случаях наблюдается вариативность: НЭП и нэп, ЗАГС и загс. Имеются и отдельные инициальные аббревиатуры другого типа – буквенного, которые тоже пишутся строчными буквами (по названиям букв), например, эсер или цеу (ценное указание), либо вариативно – прописными буквами и строчными: ЧП и чепэ, НЗ и энзэ (неприкосновенный запас), ЧК и Чека. Однако правило, давно уже реализованное на практике, заключается как раз в обратном - в том, чтобы писать любые инициальные аббревиатуры (как буквенные, так и звуковые) прописными буквами. Из нарицательных звуковых аббревиатур так пишутся, например, ГЭС, ГРЭС, ТЭЦ, ВТЭК, РОЭ, из старых аббревиатур «раннесоветского» периода – ТОЗ, ЧОН, из более поздних, новых – НОТ, СПИД, ЖЭК, ОМОН, ДЭЗ, ЛЭП, ТЭК, ВИА, СМИ, АОН, ΠPO , $P \ni Y$, $Y \ni U$ и многие другие.

Обратившись теперь к возможным формам склонения и к словам, производным от инициальных аббревиатур — как звуковых, так и буквенных, — мы увидим, что из всего этого комплекса вопросов в «Правилах...» 1956 г. отражен только один — оговорено, что в падежных формах звуковых аббревиатур окончания пишутся строчными буквами: *ТАССа, МИДом*; о производных от обоих разрядов инициальных аббревиатур не сказано ни слова. В справочнике 2006 г. впервые сформулированы следующие правила.

- 1. Суффиксальные производные от звуковых аббревиатур пишутся только строчными буквами: ооновский, тассовский, мидовский, антиспидовый, мхатовец, омоновец, гашиник.
- 2. В формах склонения буквенных аббревиатур (если они склоняются) и в суффиксальных производных от буквенных аббревиатур используется только один способ передачи аббревиатурной основы по назва-

- 3. В приставочных, сложных словах и составных наименованиях, характеризующихся слитным или дефисным написанием, буквенные и звуковые аббревиатуры сохраняют прописные буквы: супер ЭВМ, мини-ЭВМ, микроГЭС, УВЧ-терапия, МГД-генератор, УКВ-передатчик, СВЧ-лучи, ТВ-вещание, ДНК-содержащий, ВИЧ-инфекция, МВ-печь.
- 4. Заимствованные (без перевода на русский) звуковые аббревиатуры иностранных языков пишутся прописными буквами: HATO, IOHECKO, IOHM (информационное агентство), IIEH-IEM
- 5. В сложносокращенных словах смешанного типа, образованных из инициальных аббревиатур и усеченных основ, инициальная часть обычно пишется прописными буквами, а усеченная строчными, например: НИИхиммаш, ЦНИИчермет, ГлавАПУ, КамАЗ, БелАЗ. Однако есть и отступления от этого принципа, напр.: ГУЛАГ, СИЗО, ГОСТ, Днепрогэс.
- 6. Составные названия, в которых за инициальной частью следует несокращенное слово (слова) в косвенном падеже, пишутся раздельно: НИИ газа, НИИ постоянного тока. Раздельно пишутся также аббревиатуры, состоящие из двух самостоятельно употребляющихся инициальных аббревиатур названий различных организаций: ИРЯ РАН (Институт русского языка Российской академии наук).

В этой связи обратим внимание и на новейшие, вошедшие в употребление в самое последнее время, официальные составные наименования учреждений, начинающиеся с обозначения типа учреждения, напр.: ОАО «Издательство "Детская литература"»; НОУ СОШ «Радонеж» (НОУ – негосударственное образовательное учреждение; СОШ – средняя общеобразовательная школа).

О ПРАВИЛАХ ПЕРЕНОСА

Н. А. Еськова

Назначение правил переноса — уменьшить неудобства при чтении, возникающие из-за несовпадения конца строки со знаком пробела, в результате чего разрывается буквенная цепочка, соответствующая слову.

Слоговым принципом русской графики определяется основное правило переноса — перенос «по слогам» (разумеется, слог при этом понимается не фонетически, а условно-графически). Это основное требование может быть осложнено рядом дополнительных, в частности ориентацией пишущего на учет морфологического членения слова. В правилах 1956 г. многие ранее предлагавшиеся ограничения свободы переноса сняты, но все же эти правила достаточно сложны. Современная практика переноса их почти полностью игнорирует. С введением компьютерного набора приходится встречаться (и не только на газетных полосах) с такими переносами: безобр-азный, нар-одную, говорит, стор-онников, избир-ателя, интер-есах, револ-юционерами (примеры взяты из № 2 «Знамени» за 1995 г.).

При создании правил, которые входят в новую редакцию орфографического свода, ставилась задача свести количество «запретов» к минимуму. При минимальных требованиях легче добиваться их последовательного выполнения.

Из слогового принципа переноса непосредственно следуют два запрета: 1) не разрешается переносить часть слова, не содержащую гласной буквы, 2) не разрешается отделять гласную букву от предшествующей согласной. С этим принципом связан и запрет на отделение от предшествующей согласной букв ъ и ь.

Второй запрет, однако, не носит абсолютного характера. Более того, действующими правилами в определенных случаях отделение гласной буквы от предшествующей согласной не только разрешается, но даже признается предпочтительным (без-умный, pas-oчapoвaнный, без-aва-puйный) или единственно возможным (cneu-odexcda). Это связано с ограничением действия слогового принципа русской графики на стыке

приставки или первой части сложносокращенного слова, кончающимися согласными, с корнем, начинающимся гласной буквой.

Заметим попутно, что этим ограничением объясняется ряд противоречий русского письма (в частности, непоследовательность в применении правила мены и на ы в начале корня после русских приставок, требущего написаний типа *безыллюзорный*, и неотражение на письме твердости последних согласных всех прочих начальных компонентов слова перед корнями с начальным и: постимпрессионизм, госинспекция).

Следует, однако, обратить внимание на то, что в положении после конечной согласной буквы приставки никогда не оказываются начинающие корень «йотированные» гласные буквы **e**, **ë**, **ю**, **я**, поскольку им предшествует разделительный **ь** (подъехать, съёмный, предъюбилейный, безъядерный). Если распространить написания с **ь** и на сложносокращенные слова (детъясли, инъяз, минъюст), появляется возможность более четко сформулировать в правилах переноса одно из требований «слогового» принципа, отделив гласные **e**, **ë**, **ю**, **я** от остальных. В то же время есть основания объединить эти четыре гласных буквы с **ъ** и **ь**.

С учетом сделанного уточнения пункты правил переноса, реализующие слоговой принцип, приобретают следующий вид.

- 1. Нельзя отделять буквенную цепочку, не содержащую гласной буквы; нельзя переносить: *ствол*, *вс-лед*, *цен-тр*, *тре-ст*.
- 2. Не разрешается отделять от предшествующей согласной буквы следующие буквы:
- а) буквы **e, ë, ю, я**; не допускаются переносы: *плет-ень, пол-ёт, хом-*-як, бир-юк; правильные переносы: *пле-тень, по-лёт, хо-мяк, би-рюк*;
- б) буквы **ъ** и **ь**; не допускаются переносы; *от-ъезд*, *дет-ъясли*, *кол--ьцо*, *пер-ьями*, *бул-ьон*; правильные переносы; *оть-езд*, *деть-ясли*, *коль--цо*, *перь-ями*, *буль-он*.
- 3. а) Гласные буквы **а, и, о, у, ы,** э не разрешается отделять от предшествующей согласной буквы, если это не последняя буква приставки или первой части сложного слова. Не разрешаются переносы: чуд-ак, кам-ин, дом-ой, шал-ун, бал-ык, плен-эром; правильные переносы: чу-дак, ка-мин, до-мой, ша-лун, ба-лык, пле-нэром.
- б) Если буквы, перечисленные в п. а), следуют после конечной согласной приставки или первой части сложного или сложносокращенного слова, предпочтительнее перенос, отражающий морфологическое членение слова.

Предпочтительные переносы: *без-аварийный*

раз-оружить под-учить двух-атомный спец-одежда сан-узел гос-имущество меж-этажный. Допустимые переносы: бе-заварийный, беза-варийный ра-зоружить, разо-ружить по-дучить, поду-чить дву-хатомный, двуха-томный спе-цодежда, спецо-дежда са-нузел, сану-зел го-симущество, госи-мущество ме-жэтажный, межэ-тажный.

Еще один пункт правил переноса, содержащий строгий запрет, не связан со слоговым принципом.

4. Не разрешается переносить одну букву; нельзя переносить: *ака-*-*ии-я*.

Действующими правилами запрещается также оставлять одну букву на предыдущей строке: *а-кация*. Давно обращалось внимание на неравноценность этих двух случаев. Перенос одной буквы неудобен для читающего, кроме того в нем нет смысла, поскольку эта буква занимает то же место, что и знак переноса (впрочем, на современных газетных полосах встречается такой перенос, в особенности – «широкой» буквы ю, которая занимает больше места чем переносный дефис). Что же касается первой буквы, то она вместе со знаком переноса не создает трудностей для читающего; кроме того, если не оставить ее на предыдущей строке, оказывается не использованным место для трех знаков (пробел, буква, черточка). Правомерно поэтому сохранить запрет только для переноса в следующую строку одной буквы, разрешив оставлять на предыдущей строке первую букву слова.

Впрочем, есть основания и для переноса одной буквы допускать отступления от правила, если за этой буквой следуют небуквенные знаки, т. е. допустить переносы: *акаци-я.*, *акаци-я.*, *акаци-я.*); и т. п.

Остановимся еще на запрете, сформулированном в п. 1. На первый взгляд, представляется, что он не может быть нарушен ни при каких обстоятельствах. Следует, однако, обратить внимание на то, что этот

пункт правила делает «неразбиваемыми» переносом односложные слова, состоящие из шести или семи букв (вскачь, встреч, братств, графств), и даже восьмибуквенное слово вскользь. В таком же положении оказываются многобуквенные вторые части ряда неодносложных слов, например, изда-тельств, ре-гентств. Видимо, в правилах может быть предусмотрено «послабление» для таких случаев (по крайней мере, для некоторых видов набора).

Все другие запреты, фигурирующие в правилах 1956 г., могут быть отменены или переведены в разряд желательных, а не строго обязательных предписаний.

К ним относится запрет отделять от предшествующей гласной букву **й**: *во-йна*, *ма-йор*. Эти случаи неравноценны: второй перенос едва ли не предпочтительнее, чем *май-ор*, первый же можно признать менее желательным, чем *вой-на*, но не запрещаемым.

Правила 1956 г. допускают свободу переноса только для групп согласных (среди которых нет одинаковых) на стыке корня и суффикса: дерз-кий, дер-зкий и де-рзкий, род-ство, родство и родс-тво и др. Для других сочетаний на стыках частей слова предписываются строгие правила. В новой редакции правил предлагается свобода переноса для всех сочетаний согласных на морфологических стыках с выделением предпочтительных переносов для части случаев. Так, допустимыми признаются переносы: отс-транить, отст-ранить (хотя лучше от-странить), трехг-раммовый (хотя лучше трех-граммовый), автос-трада, автост-рада (хотя лучше авто-страда), ма-сса, ко-нный (хотя предпочтительны переносы мас-са, кон-ный).

Предлагаемые правила при их гораздо меньшей «строгости» не выглядят все же элементарно простыми. Но к детально сформулированным правилам можно приложить некоторый обязательный минимум, который сводится к четырем строгим запретам; здесь они проиллюстрированы минимумом примеров недопустимых переносов.

Правило-минимум

```
Нельзя переносить: 
ст-вол, тре-ст (см. п. 1) 
хом-як; от-ъезд, кол-ьцо (см п. 2) 
чуд-ак (см п. 3 а) 
акаци-я (см. п. 4).
```

Пишущему предоставляется возможность руководствоваться только этим минимумом запретов, выбирая во всех прочих случаях любой вариант переноса.

Факультативное правило

При переносе может происходить потеря графической информации; ср. преносы

военно-обязанный (пишется военнообязанный) военно-морской (пишется военно-морской).

Для сохранения различий между этими написаниями следует во втором случае повторить дефис в начале перенесенной части: *военно--морской*.

Это правило может применяться пишущим (и «печатающим») по желанию (а учителя могут требовать от учащихся его применения в контрольных работах). Но это правило необходимо применять в лингвистических статьях, посвященных слитному и дефисному написаниям.

ЛИТЕРАТУРА

Правила русской орфографии и пунктуации. М., 1956.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ КОДИФИКАЦИИ РУССКОЙ ОРФОГРАФИИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Компьютерная верстка и подготовка оризинал-макета: Котунова П.Н.

Издательский центр «Азбуковино» 119180, Москва, ул. Б. Полянка, д. 50/1, стр. 2

Формат 60х90/16. Усл. п. л. 17,44. Гарнитура «Таймс». Тираж 800. Заказ № 691

Отпечатано в ОАО «Москонская типография №2», 129085, Москва, пр. Мира, 105. Тел.: 682-24-91.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ КОДИФИКАЦИИ РУССКОЙ ОРФОГРАФИИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Компьютерная верстка и подготовка оригинал-макета: Колкунова П.Н.

Издательский центр «Азбуковник» 119180, Москва, ул. Б. Полянка, д. 50/1, стр. 2

Формат 60х90/16. Усл. п. л. 17,44. Гарнитура «Таймс». Тираж 800. Заказ № 691

Отпечатано в ОАО «Московская типография №2», 129085, Москва, пр. Мира, 105. Тел.: 682-24-91.

